Тобольский педагогический институт имени Д.И. Менделеева ТюмГУ

Виноградовские чтения

Киров
2020

Тобольский педагогический институт имени Д. И. Менделеева
ТюмГУ

Виноградовские чтения

Сборник материалов
IV Международной научно-практической конференции,
посвященной 125-летию
со дня рождения академика В. В. Виноградова
(г. Тобольск, 12–13 декабря 2019 года)

Киров
2020

© ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», 2020
© АНО ДПО «Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании», 2020
© Коллектив авторов, 2020

УДК 80
ББК 80/84
В49

Редакционная коллегия:
М. С. Выхрыстюк, доктор филологических наук, профессор;
Е. Н. Ермакова доктор филологических наук, профессор;
Т. Ю. Никитина, кандидат филологических наук, доцент

В49 Виноградовские чтения [Электронный ресурс]: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова (г. Тобольск, 12–13 декабря 2019 года) / Электрон. текст. дан. (3,8 Мб). – Киров: Изд-во МЦИТО, 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования: PC, Intel 1 ГГц, 512 Мб RAM, 3,8 Мб свобод. диск. пространства; CD-привод; ОС Windows XP и выше, ПО для чтения pdf-файлов. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-907293-72-4

Научное электронное издание

В сборнике представлены материалы Всероссийской научно-практической с международным участием конференции «Виноградовские чтения – 2019». Авторы работ, представленных в данном сборнике, ведут свои исследования, опираясь на лингвистическую теорию академика В. В. Виноградова. Фундаментальность и многогранность лингвистического таланта ученого послужили основой для развития многих научных направлений в русистике. Именно поэтому в сборник включены работы, посвященные описанию системы языка, лингвистической и литературной интерпретации текста, истории русского литературного языка, проблемам отечественного источниковедения, лингвистической и литературной интерпретации текста, методике преподавания филологических дисциплин.

ISBN 978-5-907293-72-4

УДК 80
ББК 80/84

© ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», 2020
© АНО ДПО «Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании», 2020
© Коллектив авторов, 2020

Содержание

А. А. Амбарцумян, Е. А. Перова

Жанр стихотворений в прозе как синтез поэтического и прозаического (на примере творчества И. С. Тургенева) *7*

О. К. Андрющенко

Учебник русского языка в контексте обновления содержания образования в Казахстане *10*

И. В. Артамонова

«Как же выразится мой Тулон?» (к вопросу о наполеоновском комплексе князя Андрея) *16*

О. А. Башкирцева, Н. Е. Кривчиков

Иноязычные единицы в текстах вывесок г. Иркутска: о «тонкостях» языковой игры *19*

А. В. Богатырев

Перевод «записи» Анджея Тшебицкого и Яна Гембицкого «с товарыщи» – источник по истории русского языка XVII в. *22*

А. Б. Бушев

Чего не исследовал академик В. В. Виноградов *27*

О. Ю. Васильева

Этнолингвистическая специфика отношений мужчины и женщины в сибирских этносах как отражение народного менталитета (на материале «Записок Западно-Сибирскаго отдѢла Императорскаго Русскаго географическаго общества») *31*

Р. А. Вафеев, К. Х. Текжанов

Языковая и этническая ситуация в Республике Казахстан *36*

Р. А. Вафеев

Основы социолингвистики как учебной дисциплины *40*

Н. А. Ведерникова

Звукопись как один из художественных приемов лирики С. Есенина *44*

Е. В. Высторопец

Символичность числа «сорок» во фразеологизмах разносистемных языков *46*

М. С. Выхрыстюк, Д. Ю. Федотова

Место объявлений и реклам в региональных газетах рубежа XIX–XX веков *49*

А. Д. Гайнуллина

Жанр эпитафии в аспекте изучения *54*

Н. Р. Гейко

Изучение общественно-политической лексики на занятиях по переводу *56*

Н. В. Глухих

Лингвокраеведение в образовательном процессе школы и вуза *61*

Е. А. Демидкина

Фразеологизмы как средство отражения комического в произведениях Э. Кестнера *65*

Т. В. Дмитриева

Функционирование окказиональных дериватов, образованных от прецедентных имён, в текстах Е. А. Евтушенко и А. А. Вознесенского (сравнительный анализ) *69*

Н. В. Довгаленко
Язык как горизонт: философское обозрение проблемы *74*
А. Н. Дячок, Д. А. Нагорная
Семиотика киноплаката *78*
Ю. А. Жгулева
Семантизация образов исторического пути России в поэзии С. С. Бехтеева *81*
Т. Н. Жужгина-Аллахвердян
Символика в стихотворениях А. И. Полежаева: к вопросу о романтической литературности (постановка проблемы) *85*
В. А. Заварзина
«Модная» лексика образовательной сферы в русском языке начала XXI века *89*
И. В. Зензеря
Экспрессивные идиомы с именами собственными в современном русском языке *93*
А. П. Каргина
Проблемы семантизации глагольной лексики диалекта в областном словаре (на материале говоров камчадалов) *95*
Е. В. Кемпель
Роль ударения в современном формообразовании *99*
Д. А. Клещина
Особенности кёнигсбергского текста русской литературы на примере произведений Ю. Буйды («Кёнигсберг», «Прусская невеста») *101*
К. А. Мамедова
Роль Книгихамда бин Мухаммеда бин Ибрагима аль-Хаттаби «Исследование стилистики Корана» в становлении арабской литературной критики *105*
А. А. Миронова
Формирование фасцинативной функции рекламного текста *109*
С. В. Онина
Особенности превентивных конструкций, построенных по модели бессоюзного сложноподчиненного предложения, в хантыйском языке *112*
С. В. Орлова
Антонимы в лирике М. Цветаевой *115*
Р. И. Первозванский
Обращения к группам в современном русском языке (на материале обращений молодежной среды) *118*
Т. А. Петрова
Памятник сибирской письменности «Краткое описание о народе остяцком» Григория Новицкого: структура, содержание и информативность *121*
А. В. Петрухина
Адаптированный учебный текст на занятиях по русскому языку как иностранному *124*
В. Ю. Прокофьева
Пространственно-временной континуум современной рекламы: лексический аспект *128*
П. П. Пудовкина, А. М. Тенекова
Полипредикативные предложения в СМИ (на примере газет «Известия» и «Российская газета») *131*

Д. П. Рыбкина
Речевые стратегии и тактики в цирковом дискурсе *133*
В. А. Сергеева
Фразеологизмы с компонентом-наименованием обуви как лингвокультурологический источник *138*
Т. В. Симашко
Тексты географических путешествий как источник знаний о социально-культурном пространстве народов Севера *140*
А. С. Смаков
Иностранные заимствования в нефтегазодобывающей сфере *146*
Н. Н. Соколянская
Грамматические и речевые ошибки в итоговом контроле по русскому языку *149*
Г. С. Суюнова
Составные слова как средство стилизации в «Тобольских сказаниях» В. Софронова *153*
А. С. Ткаченко
Усадебный топос в контексте современной литературы (на примере новеллы В. Сорокина «Настя») *158*
О. В. Трофимова, Ю. А. Хамидуллина
Глагол ИСКАТЬ и его производные в тюменской деловой письменности 2-й пол. XVIII века *162*
О. И. Уланович
Вторичная семантика цветолексем в моделировании когнитипа личности в русском и английском языках *168*
Л. А. Ульяницкая
Языковая интерференция в фольклорном тексте *172*
И. А. Шушарина, И. С. Снигирёва
Виды наименования лиц в «Уложении» (1649) царя Алексея Михайловича Романова *174*
И. А. Шушарина
Языковые средства выражения императивности в документах курганского городового старосты за 1799 год *177*
В. И. Юзбашев
Выражение понятия пространства через определения в персидском языке *182*
Т. А. Яркова
Сетература в современном пространстве литературы: психолого-педагогический аспект *185*
Сведения об авторах *189*

«...Идеи В. В. Виноградова реализуются

в современных исследованиях, убеждая

в плодотворности его научной позиции,

в динамичности и открытости его

системы взглядов на язык».

Г. А. Золотова

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)

А. А. Амбарцумян, Е. А. Перова
Alina A. Ambartsumyan, Elena A. Perova
(г. Краснодар)

Жанр стихотворений в прозе как синтез поэтического и прозаического (на примере творчества И. С. Тургенева)
The genre of poems in prose as a synthesis of poetic and prosaic (by the material of I. S. Turgenev's creative work)

Аннотация. В статье прослеживается история становления жанра стихотворений в прозе. Определяется соотношение поэзии и прозы, эпоса и лирики в его границах. Авторрассматриваетособенности «Стихотворений в прозе» И. С. Тургенева как синтеза поэтического и прозаического.

Ключевые слова: стихотворения в прозе, поэзия, проза, И. С. Тургенев.

Abstract. The article traces the history of the formation of the genreof poems in prose. The correlation of poetry and prose, epic and lyrics within its borders is determined. The auther considers the features of «Poems in Prose» by I.S. Turgenev as a synthesis of poetic and prosaic.

Keywords: poems in prose, poetry, prose, I. S. Turgenev.

Уникальность стихотворений в прозе как самостоятельного жанра заключается в возможности соединения прозаического и поэтического начала в одном произведении. Обратимся к существующим дефинициям исследуемого феномена. В «Словаре литературоведческих терминов» С. П. Белокуровойстихотворение в прозе определяется как «прозаическое произведение, напоминающее по своему характеру лирическое стихотворение, но лишенное стихотворной организации речи, то есть поэтическое по содержанию и прозаическое по форме» [1]. В словаре Л. И. Тимофеева и С. И. Тураева содержание понятия раскрывается следующим образом: в стихотворениях в прозе в большинстве случаевсубъективная оценка преобладает над повествовательным началом, большая роль отведена эмоциональной окраске и ритмико-интонационной структуре речи. От собственно стихотворения исследуемый жанр отличается прежде всего тем, что его звуковая организация не выдерживается как система, а текст графически представлен как проза. Отдельные части произведений, представляющих собой стихотворения в прозе, как правило, обнаруживают различные признаки фонетической упорядоченности [2].

Приведенные определения позволяют установить, что в стихотворениях в прозе прозаическое и поэтическое начала крайне условны: их взаимосвязь находит выражение, скорее, в смешении литературных родов эпоса и лирики, нежели в организации речи непосредственно.

Этот жанр позволяет выйти за границы формы и сосредоточиться на содержании, однако неверным будетутверждать, что первое полностью игнорируется в пользу второго.

Стоит сделать несколько замечаний относительно истории развития жанра.

Своему появлению жанр стихотворений в прозе обязан попыткам авторов-романтиков найти новые способы выражения переживаний лирического героя. Кроме того, значительное влияние оказала традиция французских литераторов осуществлять переводыпоэтических текстов зарубежных авторов в прозаической форме.

Следует отметить, что принцип структурной организации стихотворений в прозе был заимствован из музыки периодаразвития романтизма, где предпочтение отдавалось не объемным произведениям, а миниатюрам, которые часто объединялись в циклы. В основе лежала идея восприятия жизни как последовательности статичных элементов, выхваченных из общего процесса существования. Их непрерывная смена и представляет собой бытие, создает его динамику. Композиторы стремились запечатлеть моменты жизни в своих музыкальных миниатюрах, и впоследствии авторы художественных тестов переняли их приемы. Поэтому стихотворения в прозе, как правило, составляют сборники лирических миниатюр, совокупность которых отражает субъективное авторское восприятие окружающей действительности.

Но идейное содержание нового жанра расходится с принципами сформировавшего его романтизма. Мистическое видение мира начинает преобладать над рационалистическим, на первый план выходит иррациональное и подсознательное. Поэзия становится инструментом постижения тайн бытия через раскрытие субъективных представлений о мире, чтообусловило потребность освоения новых способов организации лирики. Старыми классицистическими методами, основанными на рационализме, невозможно было выразить мимолетные откровения души, едва уловимые оттенки впечатлений, запечатлеть фантазии. Перед поэтами встала задача «выразить невыразимое». Ш. Бодлер писал об этом во «Вступлении» к своим «Стихотворениямвпрозе»: «Кто из нас в минуты честолюбия не мечтал о чуде поэтической прозы, музыкальной без размера и рифмы, достаточно гибкой и послушной, чтобы примениться к лирическим порывам души, к извивам мечты, к содроганиям совести?» [3, с. 184–185].

Размер и рифма – устаревшие классицистические атрибуты поэзии, представлявшиеся слишком неуклюжими и неподатливыми, чтобы выразить неуловимое иррациональное, посколькупоэзия должна восприниматься подсознанием напрямую, минуя этап анализа разумом, воздействовать на читателя как заклинание или заговор. Поэтому в стихотворениях в прозе большое внимание уделяется музыкальности и ритмическому построению без задействования рифм. Используются отстраненные, размытые образы, которые вызывают индивидуальные ассоциации у каждого читателя.

Однако полностью отказаться от рифмы не представлялось возможным: признававшаяся поэтами того времени неэффективным элементом стиха она продолжала оставаться неизменной основой его музыкальности. Формировалась новая, скрытая структура текста. Ритм и рифма сохранялись, но получали инуюреализацию. Авторы экспериментировали с ритмической организацией произведений, рассредоточивая рифму по всему стихотворению и сохраняя при этом структурную целостность.

Многие принципы лирической прозы затем легли в основу модернистских методов художественного освоения действительности. Например, на идее фрагментарности восприятия жизни и стремлении запечатлеть мир в его изменчивости строятся экспрессионизм, импрессионизм и пуантилизм. Подобная организация образной системы характерна для символизма. Можно сказать, что стихотворения в прозе предвосхитили появление модернизма.

Первое произведение, ознаменовавшее появление нового жанра, – книга миниатюр французского поэта-романтика Алоизиюса Бертрана «Гаспар из Тьмы» (1842). Затем эксперименты с формой подхватывают и другие романтики: Морис де Герен пишет свои прозаические поэмы «Кентавр» и «Вакханка», Жюль Лефевр-Демье – сборник стихотворений «Книга прогуливающегося». В Германии в 1883 году выходит сборник стихов в прозе «Поездки адъютанта и другие стихотворения» поэта Детлева фон Лилиенкора. В этом жанре в 1860–1880 гг. пробуют себя выдающиеся французские символисты и «проклятые поэты»: Стефан Малларме, Артюр

Рембо («Озарения»), Лотреамон («Песни Мальдорора»), Шарль Кро («Сандаловый дворец»). Самым ярким представителем жанра становится Шарль Бодлер: его «Парижский сплин» (1855–1864 гг.) – своего рода эталон стихотворений в прозе.

Первым, кто приобщил русскую литературу к новому жанру, был И. С. Тургенев. Он создает свои стихотворения в прозе, опираясь на традиции французской литературы, приняв в качестве образца популярные в то время на Западе лирические миниатюры, названные «Les petites poemes en prose». Несомненно, И.С. Тургенев был хорошо знаком с этим жанром: к моменту написания своих «Стихотворений в прозе» он уже более десяти лет прожил за границей и успел стать значительной фигурой в литературном мире зарубежья.

Длявыявления прозаического и поэтического в границах рассматриваемого жанра следует иметь в виду, что различие между двумя этими эстетическими категориями до сих пор не имеет четкого обоснования. Не выявлены еще общепризнанные критерии их разграничения, и неизвестно, существуют ли они вообще. Принято выделять две тенденции, которые могут быть обозначены как фонетический подход, основыванный на звучании текста, и графический подход, предполагающий сосредоточенность не на упорядоченности звучания, а на характере написания. По М.Л. Гаспарову, в поэтической системе есть дополнительная мера, которая и отличает ее от прозы, − это ритм, рифма и размер стиха [4, с. 12–13].

С этой точки зрения, стихотворения в прозе как жанр занимают уникальное положение в литературе. Графически они не имеют ничего общего со стихом, их отличает прозаическая организация текста. Они не осложнены рифмой и стихотворным размером. Но при этом зачастую имеют свой ритм. Все это делает их промежуточным звеном между поэзией и прозой.

Актуальным представляется рассмотреть «Стихотворения в прозе» И. С. Тургенева, которые соответствуют приведенным характеристикам жанра.В них мы не найдем ни рифмы, ни разделения на строфы, не сможем определить стихотворный размер. Исследования специалистов по стиховедению доказывают наличие ритма в обеих частях цикла. Но ритмический рисунок в них не совпадает. В первой части складывается единая тенденция ритма, не соответствующая прозаической, но и не вполне поэтическая. Этому способствуют абзацы определенной протяженности и устойчивая длина слов в них. Многочисленные и разнообразные звуковые повторы составляют ритмическое единство стихотворений. Исследователи подчеркивают, например, что в большинстве случаев на выбор вариативных окончаний (-ой/-ою, ей/-ею) в словах разных частей речи влияет ритмическая установка текста. Существует определенная зависимость между ударением и выбором формы, причем влияние оказывает и положение ударения в последующем слове. Во второй части цикла подобная особенность не выявлена, ритм здесьтяготеет к прозаическому [5, с. 6].

Но, как отмечалось ранее, понятия прозаического и поэтического в этом жанре актуализируются не только как способы организации художественной речи, но и как формы развертывания образов: характеризуются нетипичной для прозы краткостью и лирическим пафосом. Повествование не занимает приоритетных позиций, на первый план выступают внутренний мир героя, его чувства и переживания.

В «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева присутствуют все обозначенные черты. Кроме того, для них характерна исповедальность, свойственная лирике, что сближает этот жанр с дневниковыми записями. По словам М. М. Стасюлевича, редактора «Вестника Европы», который первым напечатал «Стихотворения в прозе», для И. С. Тургенева они были тем же, что для художников – эскизы и этюды, по которым затем создаются большие картины. Сильная эмоциональная вовлеченность автора объясняется непосредственным его отношением к описанным в тексте событиям. «Тургенев, при всяком выдающемся случае, под живыми впечатлением факта или блеснувшей мысли, писал на первом попавшемся клочке бумаги и складывал все в портфель», − отмечал М. М. Стасюлевич [7, с. 103].

У И. С. Тургенева автор биографический, автор-творец и лирический герой настолько тесно связаны, что фактически между ними можно поставить знак равенства. Поэтому при анализе важно учитывать, что происходило в жизни писателя на момент работы над циклом:

для И.С. Тургенева это были последние годы жизни, омраченные болезнью и тоской по родине. Во многом это и определило тематику стихотворений. Большинство из них – философские размышления о скорой и неизбежной смерти («Старуха», «Конец света», «Насекомое», «Собака»), ностальгические воспоминания о безвозвратно ушедшей юности («Лазурное царство»), раздумья о любви («Путь к любви», «Воробей», «Голуби») и родине («Русский язык», «Деревня»). Для писателя это был способ проанализировать подходящую к концу жизнь, упорядочить нажитый опыт, подвести итоги. «Когда Тургеневым все более и более овладевала старческая тоска, − вспоминал впоследствии писатель Людвиг Пич, − он написал много поэтических видений, воспоминаний и аллегорий глубоко пессимистического содержания, замечательных то грандиозной смелостью, то увлекательной грацией рисунка» [6, с. 257].

Удивительная художественная образность – еще одна характерная черта стихотворений в прозе – делает цикл уникальным явлением в литературе своего времени. То, что не смогло найти воплощение в реалистической прозе конца XIX в., было воссоздано в форме притч, диалогов, видений, воспоминаний со своей особенной системой образов и символов.

Библиографический список

1. Словарь литературоведческих терминов[Электронный ресурс]. URL: http://gramma.ru/LIT/?id=3.0 (дата обращения – 30.05.2018).

2. Словарь литературоведческих терминов / под ред. Л. И. Тимофеева и С.. Тураева. [Электронный ресурс]. URL: http://litena.ru/literaturovedenie/ (дата обращения – 30.05.2018).

3. *Бодлер Ш.* Стихотворения в прозе /Пер. с фр. Т.А. Источниковой [Электронный ресурс]. URL: http://www.netslova.ru/baudelaire/prose.html (дата обращения – 30.05.2018).

4. *Гаспаров М. Л.* Русский стих начала XX века в комментариях. Издание второе (дополненное). М., 2001.

5. *Горелова О.А.*Ритмическая организация «Стихотворений в прозе» И. С. Тургенева: лингвостилистический аспект: автореф. дис. … канд. филол. наук. Владивосток, 2004.

6. И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М., 1983.

7. *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Том 10. Повести и рассказы 1881−1883. Стихотворения в прозе 1878−1883. Произведения разных годов. Издание второе, исправленное и дополненное. М., 1982.

УДК 81'272
ББК 81/1

О. К. Андрющенко
О
(г. Павлодар)
Andryuchshenko

Учебник русского языка в контексте обновления содержания образования в Казахстане
Russian Language Textbook in the Context of Updating the Content of Education in Kazakhstan

Аннотация. Статья посвящена анализу содержания учебника русского языка для 8 класса общеобразовательных школ Республики Казахстан с точки зрения концепции обновленного содержания образования. Описаны коммуникативно-ориентированные и текстоцентрированные задания учебника, направленные на формирование функциональной грамотности учащихся.

Ключевые слова: учебник, русский язык, функциональная грамотность, грамотность чтения.

Abstract. The article provides an overview of the contents of the Russian language textbook for 8th grade of secondary schools of the Republic of Kazakhstan in the framework of the concept of the

updated content of education. Communication-oriented and text-oriented textbook assignments are described aimed at forming functional literacy of students.

Keywords: textbook, the Russian language, functional literacy, reading literacy.

В Республике Казахстан, представляющей собой многонациональное государство, остается актуальной проблема формирования поликультурной личности, способной успешно осуществлять межэтническое взаимодействие. В функциональной системе языков в Казахстане особое место занимает русский язык, который является важнейшим средством получения информации в современном казахстанском обществе. В «Законе о языках Республики Казахстан» определен статус русского языка как официального, поэтому он является обязательным учебным предметом в перечне дисциплин общеобразовательной школы, равно как и в учебных организациях среднего и высшего уровня.

В течение последних лет в Казахстане идет обновление содержания образования. Применительно к предмету «русский язык» обновление заключается в переходе с традиционного структурно-семантического подхода в изучении языка к функционально-коммуникативному. Необходимость развития функциональной грамотности, в том числе и грамотности чтения, обозначена в основных нормативных документах: Государственной программе развития образования Республики Казахстан на 2011–2020 годы [1], Государственных общеобязательных стандартах образования соответствующих уровней и др.

В современной трактовке термин «функциональная грамотность» понимается как навык решения жизненно важных задач в разных сферах деятельности человека на основе использования имеющихся знаний и умений. Грамотность чтения подразумевает развитие способности к вдумчивому прочтению и осмыслению текстов, их интерпретации, а также использование представленной в них информации в целях решения социально-коммуникативных задач. Как отмечает А.А. Леонтьев, ученик, у которого сформированы навыки функционального чтения, может свободно использовать их для получения информации из текста, используя мыслительные операции понимания, сжатия, преобразования и т. д. [2, с. 5].

Описанные выше тренды в казахстанском образовании получили методическое описание в учебниках русского языка нового поколения. Одним из первых подобных учебников стал учебник для 8 класса под редакцией З.К. Сабитовой [3], содержание которого мы проанализируем с точки зрения отражения в нем новых приоритетов, принципов и требований республиканской программы обновленного содержания.

Согласно коммуникативной концепции изучения языка в обновленном содержании основной упор делается на развитие у учащихся четырех видов речевой деятельности: слушание, говорение, чтение, письмо. Эти виды деятельности определяют содержание и формы работы педагога и учащихся при преподавании и освоении русского языка.

Раздел «слушание и говорение» включает следующие подразделы: понимание содержания текста, прогнозирование событий, построение монологического высказывания, оценивание прослушанного материала.

Раздел «чтение» включает понимание информации, выявление структурных частей текста, определение типов и стилей текста, извлечение информации из различных источников и др.

Раздел «письмо» содержит такие виды деятельности, как составление различных видов плана, создание текстов различных типов и стилей, написание эссе, творческое письмо, редактирование и др.

Раздел «соблюдение речевых норм» описывает орфографические, орфоэпические, лексические, грамматические, пунктуационные нормы, соблюдение которых должны демонстрировать учащиеся.

В Программе четко обозначены цели и задачи изучения русского языка в школе.

Согласно типовой учебной программе (Астана, 2017) цель изучения русского языка в 5–9 классах состоит в следующем: «развитие творческой активной языковой личности путем формирования коммуникативных навыков по всем видам речевой деятельности на основе

освоения знаний о языке, норм употребления средств разных уровней и их активизации в продуктивной речевой деятельности, а также обогащения словарного запаса» [4].

Достижение цели изучения предмета «Русский язык» осуществляется в ходе решения следующих задач:

Формирование знаний о русском языке, его функционировании, стилистических ресурсах и правилах речевого этикета.

1) Обогащение словарного запаса.

2) Формирование умений оценивать и выбирать языковые средства с точки зрения нормативности, соответствия ситуации общения.

3) Развитие и совершенствование умений создавать устные и письменные монологические высказывания в различных жанрах.

4) Совершенствование умений диалогического общения.

5) Совершенствование орфоэпической, орфографической, пунктуационной и стилистической грамотности.

6) Формирование представлений о национально-культурной специфике русского языка, культуре русского, казахского и других народов.

7) Воспитание сознательного отношения к языку как средству общения, источнику знаний, духовно-нравственной ценности, как к языковому капиталу, способствующему успешной социализации в обществе [4].

Как можно видеть, в перечне учебных задач главенствует задача формирования умений успешной коммуникации на русском языке. При этом совершенствование языковой компетенции школьников является сопутствующим, но не доминирующим. Это прослеживается при ближайшем рассмотрении учебника, когда становится очевидным принцип выстраивания тем: грамматический материал изучается в контексте речевых тем.

Рассматриваемый нами учебник русского языка содержит 9 разделов, в каждом из которых учебный материал выстраивается вокруг одной лексической темы:

1. Семья: права и обязанности.
2. Развлечения и спорт.
3. Мир профессий.
4. Космос.
5. Разнообразие форм жизни.
6. Вода в жизни человека.
7. Еда: необходимость или роскошь.
8. Музыка в современном обществе.
9. Научные открытия и технологии.

Наименование лексических тем демонстрирует еще один тренд в образовательном процессе – интеграцию наук, дисциплин и предметов. Следовательно, язык уже не изучается изолированно от повседневных, окружающих нас событий, а становится их частью.

Нужно отметить, что авторы учебника все же отразили в содержании грамматические темы, связанные в основном с изучением синтаксиса и пунктуации. Кроме того, в 5, 8 и 9 разделах представлены некоторые вопросы морфологии (омонимичные самостоятельные и служебные части речи), а в итоговые контрольные работы после изучения разделов вводятся задания на трудные вопросы орфографии:

«Спишите предложения, вставьте пропущенные буквы, расставьте недостающие знаки препинания, раскройте скобки».

Например: *(Не) смотря на огромную длину шея жирафа слишком коротка для того, что (бы) он мог дотянуться до земли* [3, с. 152].

«Не покл…нясь до земли гриба не подым…шь» [3, с. 66].

«Пергамент был дорогим, за (то) очень прочным. Быть несправедливым к себе так (же) трудно, как быть справедливым к другим» [3, с. 244].

Нужно отметить, что задания на проверку орфографических навыков не отличаются разнообразием, довольно типичны и в основном направлены на закрепление правописания производных предлогов, частиц.

Согласно типовой учебной программе изучение синтаксиса в 8 классе занимает доминирующее положение среди всех грамматических тем. В обновленном учебнике представлен не классический принцип освоения синтаксиса (в частности, формирование навыка синтаксического и пунктуационного анализа предложения), а коммуникативный, ориентированный на формирование функциональной грамотности школьников. Авторами учебника делается упор на демонстрацию пунктуационных характеристик предложения: «Знаки препинания при обособленных несогласованных определениях», «Знаки препинания при уточняющих дополнениях», «Знаки препинания в неполных предложениях», «Знаки препинания при обособленных приложениях», «Знаки препинания при обособленных определениях и обстоятельствах» и др.

При некой мозаичности тем (к примеру, параллельное изучение трудных вопросов морфологи наряду с синтаксисом) наблюдается спиральный принцип подачи материала в учебнике. Так, в 5 и 6 разделе авторы предлагают изучить односоставные предложения и практически закрепить пунктуационные навыки по теме «Знаки препинания в неполных предложениях»:

«Спишите неполные предложения, подчеркните все члены предложения. Какие члены предложения пропущены? Восстановите их. Расставьте недостающие знаки препинания».

«Почему опускаются члены неполного предложения?» [3, с. 179].

Традиционно в учебнике наличествует наглядный материал: правила в рамках, иллюстрации, схемы и диаграммы.

Конечно же, специфику учебного предмета «Русский язык» составляет работа по развитию речи, которая предполагает пополнение словарного запаса учащихся, обогащение речи синтаксическими конструкциями, продуцирование текста, а также развитие логики и мышления. При этом немаловажным фактором развития речи является культура работы со справочными изданиями, справочной информацией. В целях системного обогащения словарного запаса учащихся в конце учебника в кратком виде представлены несколько словарей: орфографический, орфоэпический, терминологический, толковый, фразеологический.

Обогащение словарного запаса школьников достигается еще и за счет изучения терминологической лексики, профессиональных слов, неологизмов, изобразительно-выразительных средств (инверсия, градация, эмоционально-окрашенные слова). Например:

«Прочитайте слова и формы слов. Какое значение их объединяет? Являются ли синонимами слова обязанность и долг, обязан и должен: обязан, обязанность, обязательный, обязательство, обязаться, обязывать» [3, с. 29].

«Объясните значения выделенных слов. Составьте «словесный портрет» существительного за здоровьем» [3, с. 32].

«Как вы понимаете метафору «надежный причал» в предложении «Ты (родительский дом) в жизни моей надежный причал»? Объясните значение фразеологизмов «в долгу перед кем-то», «начало начал». Составьте устно визитную карточку одного фразеологизма» [3, с. 38].

Весьма существенной является заложенная в учебнике систематическая и последовательная работа над лексическими значениями слов и фразеологизмов, осуществляемая при обучении как устной, так письменной речи. Она позволяет выработать необходимые навыки семантического анализа:

«Объясните значения выделенных слов. С какой целью в этой статье употребляются эмоционально окрашенные слова (рожки, калачик), метафоры (рисунок животного, украшена голова, венчают голову жирафа)?» [3, с. 124].

Большим блоком в учебнике представлены задания на осмысление стилей и жанров речи, их стилевых особенностей:

Например: *«Укажите стилевые черты очерка как жанра публицистического стиля. Приведите языковые средства, подтверждающие эти черты»* [3, с. 15].

«Найдите выражения, характерные для официально-делового стиля» [3, с. 26].

«Озаглавьте фельетон. Проанализируйте языковые особенности фельетона как текста публицистического стиля. Основное внимание при анализе текста обратите на средства создания юмора. Какой эффект достигается намеренным соединением слов разговорного и официально-делового стилей во втором абзаце?» [3, с. 39].

Учащиеся должны не только распознавать стилевые и морфологические особенности того или иного стиля и жанра, но и сами создавать тексты:

«Напишите автобиографию. Какую информацию о себе вы сообщите в ней? Как вы думаете, можно ли написать автобиографию в публицистическом или разговорном стиле? Обоснуйте свой ответ. Используйте языковые средства официально-делового стиля» [3, с. 84].

«Напишите эссе о здоровом питании. Составьте свою «тарелку здорового питания». В заключительной части эссе напишите советы, как правильно питаться. Используйте односоставные предложения» [3, с. 195].

Положительным качеством учебника считаем активное внедрение технологии критического мышления, чему служит наличие разнообразных по содержанию и структуре заданий с применением различных форм активизации познавательной деятельност. В большинстве случаев упражнения нетрадиционны, интересны ученикам, так как направлены на формирование творческих умений, развития мыслительных процессов:

«Поработайте с Дубом предсказаний. Напишите на стволе дуба тему «Почему и зачем появляются новые технологии?». На его ветвях напишите свои предположения (используйте вводные слова), на листьях – аргументы в пользу своего предположения» [3, с. 236].

«Задате друг другу «толстые» вопросы по тексту. Задумывались ли вы над вопросами, которые заданы в тесте? Выскажите свои идеи о том, чем является для вас еда» [3, с. 184].

«Поработайте в группах, используя схему «Фишбоун». Приведите аргументы и примеры в пользу приведенных мнений. Сделайте вывод» [3, с. 185].

«Возьмите «блиц-интервью» у технологий. Поработайте в парах. Один ученик исполняет роль технологий, а другой – журналиста. «Журналист» задает вопросы «технологиям»: в чем их суть, почему они появляются, их роль в науке, жизни человека, их «мнение» о современном обществе. Затем пары выступают перед классом с инсценированным интервью» [3, с. 241].

«Прочитайте текст. При работе с ним используйте прием «Зигзаг».

Ученикам предлагается работа в группах, анализ частей текста, обмен мнениями, формирование представления о содержании всего текста. Обязательно наличие в задании грамматической темы: «*Используйте обобщенно-личные предложения».*

Для формирования функциональной грамотности чтения в учебнике предлагается работа с различными видами текста: сплошными (непосредственно текст) и несплошными (текст с графическими элементами – рисунками, диаграммами, графиками и др.). В учебнике задания по работе с текстом дифференцируются на предтекстовые, текстовые и послетекстовые.

Предтекствые задания преследуют цель подготовить учеников к восприятию текста:

1) Прочитайте толкования слова «открытие» в словаре Д.Н. Ушакова и в «Экономическом словаре». Обратите внимание на признаки открытия.

2) Прочитайте ассоциации к слову «открытие». Почему на первом месте стоят слова «наука», «ученый», «прорыв», «космос», «озарение», «исследование»? Почему в ассоциативное поле этого слова включены слова «радость», «удивление», «чудо»? Кто произнес «Эврика!», когда сделал открытие? Какие открытия связаны с именами Колумба, Ньютона? [3, с. 223].

Текстовые задания решают коммуникативные задачи, в целом направленные на понимание текста и его воспроизведение, анализ содержания:

1) Какова цель статьи? Назовите ее ключевые слова. Как вы думаете, почему эта статья включена в «Юридический словарь»? Каким будет продолжение статьи, началом которой является этот текст?

2) Как вы считаете, является ли «ненужным делом» изобретение велосипеда? Потерял ли оттенок иронии фразеологизм «изобретать велосипед»? Почему изобретенные велосипеды назвали веломобилем, электрическим велосипедом?

3) Какие признаки велосипеда описаны в тексте? Докажите, что этот текст является описанием. Выражается ли в нем отношение автора к описываемому предмету? Обоснуйте ответ. Есть ли, по вашему мнению, у изобретенного велосипеда достоинства и преимущества перед обычным велосипедом? Отражает ли рисунок все достоинства велосипеда?

4) Что обозначает глагол «запатентовать»? Объясните написание приставки ис- в слове использование. Составьте визитную карточку вводного слова «таким образом» [3, с. 224–226].

После прочтения текста прочитанное анализируется, ведется применение информации на практике, ее поиск, в том числе интерпретация текста и создание собственного:

1) Назовите научные открытия 20 века, которыми мы пользуемся в своей повседневной жизни.

2) В научно-популярном блоге опубликовали топ-25 великих научных открытий 20 века. Прочитайте фрагмент публикации в блоге. Допишите в пустые клетки открытия, которые, по вашему мнению, являются величайшими открытиями 20 века. [3, с. 226].

3) Сделайте обзор литературы (книг, статей, публикаций в Интернете) по теме «Самые главные научные открытия прошлого года в Казахстане». Какой поисковый образ текстов вы используете при поиске нужной литературы? [3, с. 231].

Работа с несплошным текстом развивает навык учащихся различать текст, определять его признаки, понимать его границы. Кроме этого, работа с подобным текстом учит детей вычленять основную информацию. Представим несколько заданий из учебника к несплошному тексту:

1) Ознакомьтесь с билетом на оперу «Травиата». Смотрели ли вы эту оперу?

2) Проанализируйте информацию, содержащуюся в билете. Ответьте на вопросы. Когда и где состоится опера «Травиата»? Где нахоися Театр оперы и балета «Астана Опера»? Можно ли пойти на оперу 4 августа? Можно ли прийти на оперу в 18.30 или 19.30? Как вы думаете, обязателен ли вечерний наряд при посещении этой оперы? Сможете ли вы вернуть или поменять этот билет? Можно ли во время оперы фотографировать, пользоваться телефоном?

3) Почему билет представляет собой несплошной текст? Докажите, что билет является текстом [3, с. 62].

Таким образом, в рассматриваемом учебнике все задания по работе с текстом направлены на развитие у учащихся следующих умений:

- осмысленно читать и продуцировать тексты разных типов (информационного и прикладного характера, литературные);
- извлекать информацию из разных источников;
- находить и критически осмысливать информацию из СМИ и Интернета;
- пользоваться источниками и ссылаться на них;
- читать таблицы, диаграммы, схемы и уметь применять их при подготовке собственных текстов;
- реализовывать разные стратегии чтения при работе с текстом.

Таким образом, анализ содержания учебника русского языка для 8 класса Сабитовой З.К., Скляренко К.С. позволяет нам прийти к следующим выводам. Данный учебник русского языка для 8 класса общеобразовательных школ отвечает новым требованиям обновленного содержания образования, так как ориентирован на учащегося, способного после освоения курса русского языка использовать полученную информацию для достижения коммуникативных целей, создавать тексты различных типов и стилей, грамотно писать и изъясняться, демонстрировать ораторские способности и культуру речи. Несомненно, интеграция фундаментальных, классических принципов и инновационных стратегий обучения даст положительный результат и будет способствовать воспитанию человека думающего, бережно относящегося к русскому языку как культурному достоянию, способного успешно осуществлять коммуникативную деятельность на русском языке в полиязычном, поликультурном и полиэтничном казахстанском обществе.

Библиографический список

1. *Государственная программа развития образования Республики Казахстан на 2011–2020 годы* // Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 7 декабря 2010 года. – №1118.

2. *Леонтьев А.А.* От психологии чтения к психологии обучения чтению // Материалы 5й Международной научно-практической конференции. В 2-х ч. Ч.1 / Под ред. И.В. Усачевой. М., 2002. – С. 5–8

3. *Сабитова З.К.,* Скляренко К.С. Русский язык. Учебник для 8 кл. общеобразоват.шк. – Алматы: Мектеп, 2018 . – 264 с.

4. *Типовая учебная программа по учебному предмету «Русский язык» для 5–9 классов уровня основного среднего образования по обновленному содержанию (с русским языком обучения)* // Приложение 4 к приказу и.о. Министра образования и науки Республики Казахстан от 25 октября 2017 года №545. М., 1994.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)52

И. В. Артамонова
I. V. Artamonova
(г. Москва)

«Как же выразится мой Тулон?»
(к вопросу о наполеоновском комплексе князя Андрея)
«But where and how will my Toulon present itself?»
(to the question of prince Andrew's napoleonic complex)

Аннотация. В статье анализируется внутренний монолог князя Андрея, его аксиологические и мировоззренческие установки, выявляющие в литературном герое черты наполеоновской парадигмы, трансформирующейся в архетип. Эгоистическое начало, преобладающее в сознании Болконского в начале романа, по ходу повествования проходит ряд проверок сущностного характера, и первой из них, без сомнения, является Аустерлицкое сражение. Автор использует биографический, сравнительно-исторический методы исследования.

Ключевые слова: Андрей Болконский, Наполеон, наполеоновский комплекс, «Война и мир», Лев Толстой, Тулон.

Abstract. The article contains an analysis of the inner monologue of Prince Andrew, his axiological and ideological attitudes revealing in the literary hero the features of the Napoleonic paradigm transforming into an archetype. The egoistic principle which prevails in Bolkonsky's mind at the beginning of the novel passes through a series of tests of an essential character in the course of the narrative, and the first of these, no doubt, is the battle of Austerlitz. The author uses biographical, comparative-historical research methods.

Keywords: Andrei Bolkonsky, Napoleon, napoleonic complex, "War and peace", Leo Tolstoy, Toulon.

Неотъемлемой частью романа Л. Н. Толстого «Война и мир» является огромнаяперсонажная система, включающая исторических деятелейи литературных героев,каждый из которыхимеет свою морально-этическую систему и мировоззрение.У ряда действующих лиц она преобразовывается в так называемый«наполеоновский комплекс», – целостную структуру, содержащую ряд мотивов, образов, мифологических концептов и сюжетов, связанных с фигурой французского императора. Кроме того, в рамках этого понятия необходимо учитывать апелляции авторов к наполеонизму как к системе психологических установок литературных героев, зародившейся в русской литературе в романтизме и получившей продолжение в реализме [1, с. 5].

Один из наиболее ярких внутренних монологов, богатых амбициозными притязаниями князя Андрея, отражает его суждения перед Аустерлицем. Этот эпизод представляет собой один из случаев онтологической ситуации, когда перед героем, находящимся наедине с собой, встают особо значимые аспекты и вопросы его существования [5 85], помогающие с наилучшего ракурса раскрыть все образные особенности, – поэтому рефлексиюнакануне сраженияможно считатьтипологической чертой духовно развитыхдействующих лиц в романе.

После военного совета, оставившего «неясное и тревожное впечатление» [8, с. 333], Болконский, оставшись наедине с собой, погружается в мысли аксиологического характера: «Неужели из-за придворных и личных соображений должно рисковать десятками тысяч и моей, моей жизнью?» [8, с. 333]. Обратим внимание, что танатологический рефлективный вектор у князя Андрея связан с жалостью к самому себе, что говорит об эгоистических порывах его сложного внутреннего мира. По мнению Д. С. Мережковского, в произведениях Л.Н. Толстого «любовь или ненависть к себе, только к себе – вот две главные, единственные, то скрытые, то явные оси, на которых все вертится, все движется» [7, с. 19].

Он предается мечтам об эпичном личном подвиге, о рыцарской героике, где, как мы можем констатировать, преобладает идея о возможности единоличного воздействия на силы истории, что соответствует, по мысли Ю. М. Лотмана. Внутренний монолог князя Андрея несет огромную смысловую нагрузку: в нем содержится ожидание собственного величия, которое, по мнению Ю. М. Лотмана формировалось в мироощущении людей начала XIX века из возможности «смотреть на себя как на действующих лиц истории» [4, с. 186].

Это, как мы знаем, противоречит толстовской концепции происходящего, и выдает в нем носителя «наполеоновского комплекса», который будет имплицитно присутствовать во многих моментах его непродолжительной литературной биографии (в салоне Анны Шерер, в разговорах с Пьером, с Аракчеевым и Сперанским).

Обратим внимание на автобиографический контекст рефлексии Болконского. Д.С. Мережковский говорит о военных годах графа и связанных с ними мечтах «о флигель-адъютантстве и георгиевском кресте» [7, с. 19] и указывает на выражение «тогдашнего военного честолюбия <…>с обычною откровенностью, в тайных мыслях» литературного героя, мечтающего «сделаться русским Наполеоном» [6, с. 20].

Князь Андрей стремится завоевать всеобщее одобрение среди «всех начальствующих лиц»[8: 333]. Его геройство сводится к жажде быть услышанным, оцененным по достоинству (вспомним, что на военном совете ему так и не представился шанс «высказать своего мнения» [8: 333]). Потом его мысль воспаряет к карьерным вершинам – «Кутузов сменяется, назначается он…» [8: 334]. Князь Андрей четко определяет Аустерлиц как свой Тулон, делая прямое указание на биографию Наполеона.Осада маленького французского города (17 декабря 1793 года), в котором началось контрреволюционное восстание роялистов, сторонников павшего дома Бурбонов, примкнувших к англичанам, стала для него первым серьезным прорывом в блистательной карьере. Капитан Бонапарт, указавший политическому руководству армии «единственный способ взять Тулон и прогнать английский флот от берега» [6, с. 18], получает в 24 года чин бригадного генерала. Стоит, конечно, упомянуть и удачное стечение обстоятельств: среди осаждающих, к счастью для Бонапарта, находится очень влиятельное лицо, брат Робеспьера Огюстен, который докладывает в Париж об успешном подавлении мятежа. Однако это не умаляет «огромной роли Бонапарта и в расположении орудий, и в искусном ведении осады и канонады» [6, с. 19]. Так, под действием сил истории топоним переходит в разряд нарицательных и становится метафорическим символом блестящего начала военной карьеры, «счастливая минута» [8, с.333], которую так жаждет князь Андрей.

Самосознание князя Андрея, согласно мнению ученых, имеет восходящий вектор развития: «от элементарных архетипических моделей личности к более высоким и универсальным формам <…> бытия» [3, с. 11]. Исследователи указывают, что вначале его романного пути преобладают архетипы Воина и Героя, «наделённого непомерной внутренней силой и сверхчеловеческими возможностями» [3, с. 12],то есть то самое «наполеоновское» начало, комплекс

честолюбивых установок, о которых мы ведем речь. Кроме того, приведем подробно рассмотренные Н. П. Жилиной парадигматическиепринципы князя Андрея, содержащие бинарные сущностные оппозиции: в 1805 году война для него представляет высокий уровень пространства, содержащий рыцарские категории – героизм, подвиг, слава, величие; мир предстает пошлым, пустым, скучным и ничтожным [2, с. 37]. Исследователь обращает внимание, что для князя Андрея истина лежит в пространстве войны, а мир при этом коррелируется с ложью. Кроме того, героика в его сознании неразрывна связана управлением судьбами целых народов и государств, при этом человек представляет собой ничтожно малую величину, незначительную в масштабах истории [2, с. 38]. Обратим внимание, что и семья при этом, несмотря на всю любовь к отцу и сестре Марье, может быть принесена в жертву ради честолюбивых чаяний, ради величия и признания: «Я хочу славы, хочу быть известным людям, хочу быть любимым ими, я не виноват, что хочу этого, что для одного этого я живу. Я никогда никому не скажу этого, но боже мой! Что же мне делать, ежели я ничего не люблю, как только славу, любовь людскую» [8, с. 334]. В этом внутреннем возгласе князя Андрея содержится целая гамма чувств – от боли и страсти до жертвенности и готовности отдать всё самое дорогое «за минуту славы, торжества над людьми» [8, с. 334]. Мотив превосходства, гордыня, тщеславие, болезненное честолюбиебудут и далее превалировать в самоощущении Болконского, – это черты, присущие «наполеоновскому» комплексу, ставшему мировоззренческим базисом для ряда типологически подобных героев: Бориса Друбецкого, Берга, Сперанского. Эти фигуры для Толстого противоестественны и ненатуральны, претенциозны и фальшивы на фоне яркой и наполненной чувствами жизни (Наташа Ростова, Пьер Безухов). Так, несмотря на недюжинную натуру, в князе Андрее проявлялось, к примеру, презрение к людям и осознание собственной исключительности(«огромное количество людей<…> считал <…> ничтожными существами» [9, с. 176]), что делало его в определенный момент духовным двойником Сперанского.

«Говор на дворе Кутузова» [8, с. 334] входит гармонично в полотно повествования, разбивая его на два разноуровневых слоя: так, первым и высоким является пространство мысли князя Андрея, где вершатся судьбы мира, где он признан и блистает в лучах славы, вторым, низким, – «голоса укладывавшихся денщиков» [8, с. 334], то есть пространство простых людей, приземленных и живущих настоящим. Эти два пространства встречаются в одной точке повествования, создавая многомерную структуру, демонстрируя, в какой-то мере оторванность Андрея-аристократа от народного сознания и ощущения человека на войне. Эпизод его внутреннего монолога, по закону толстовских сцеплений, логически связан с его дальнейшим ранением на поле сражения, и другим, не менее известным монологом о «высоком небе» и ничтожности Наполеона.

Таким образом, этот эпизод является достаточно важным в рамках комплексного рассмотрения личности Андрея Болконского и его романной судьбы. Наполеоновские максимы о величии, славе, возможности управлять жизнями людей, народами, государствами единолично, – это те постулаты, которые Толстой оценивает негативно не только в личности самого французского императора, но и в целой галерее образов, для миропонимания которых свойственны подобные суждения. Князь Андрей, в отличие, к примеру, от Бориса Друбецкого, Берга и Курагиных, достаточно быстро проходит этап нравственного перерождения от наполеонизма посредством испытаний – ранением, встречей со Сперанским и Наташей, Бородиным и самой смертью. Таким образом, наполеоновская линия в мировоззрении героя, складываясь в комплекс, является одной из ключевых в романе Л. Н. Толстого.

Библиографический список

1. *Артамонова И.В.* «Наполеоновский комплекс» в русской классике первой трети XIX века (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь): автореф. дис ... канд. филол. наук: 10.01.01, 2018. 18с.

2. *Жилина Н.П.* Эволюция аксиологической картины мира Андрея Болконского в романе Л.Н. Толстого «Война и мир», Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта. Серия Филология, Психология, Педагогика, Калининград, 2017. № 1. С.36–42.

3. *Ибатуллина Г.М., Булина Е.В.* Архетипические модели и их смыслопорождающие функции в поэтике романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Вестник Удмуртского университета, Ижевск. 2014, №4. С.7–16.

4. *Карпов И.П.* Поэтика онтологической ситуации (Л.Н. Толстой. «Война и мир». Смерть Андрея Болконского), Вестник Вятского Государственного гуманитарного университета, 2009, №1-1. С. 85–94.

5. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.

6. *Тарле Е.В*. Наполеон. М.: Астрель: АСТ МОСКВА, 2009. 413 с.

Источники

7. *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000.588с.

8. *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений. В 22-х т. Т.4 Война и мир./ Коммент. Н.М. Фортунатова. М.: Худож. лит., 1979. 400с.

9. *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений. В 22-х т. Т.5 Война и мир./Коммент. Н.М. Фортунатова. М.: Худож. лит., 1980. 429с.

УДК 811.161.1
ББК 81

О. А. Башкирцева, Н. Е. Кривчиков,
O. A. Bashkirtseva, N. E. Krivchikov
(г. Иркутск)

Иноязычные единицы в текстах вывесок г. Иркутска:
о «тонкостях» языковой игры
Foreign language units in the texts of signs of Irkutsk:
about the «intricacies» of the language game

Аннотация. В настоящей статье проанализированы примеры названий магазинов, гостиниц, фирм города Иркутска, в которых использованы латинские графемы или представлены целые слова на английском языке. Также описаны случаи, когда, напротив, английские слова, написанные кириллицей, употребляются в тексте без адекватного перевода. Проведена классификация примеров по формальному признаку, тексты оценены с точки зрения нормативности, уместности, языкового вкуса.

Ключевые слова: транслитерация; латиница; кириллица; графика; англицизмы.

Abstract. In this paper we analyze examples of the names of the shops, hotels and companies of the city of Irkutsk, in which the Latin graphemes used or represented whole words in the English language. Also described are cases when, on the contrary, English words written in Cyrillic are used in the text without adequate translation. The classification of examples on a formal basis is carried out, texts are estimated from the point of view of normativity, appropriateness, language taste.

Key words: transliteration; Latin; Cyrillic; graphics; anglicisms.

В настоящее время одним из самых обсуждаемых вопросов в современной лингвистике является употребление англоязычных единиц в русской речи. Один из аспектов данной проблемы касается графики и представляет собой использование латиницы в текстах на русском языке. В постах пользователей соцсетей, языке СМИ, в рекламных текстах и текстах вывесок различных учреждений мы часто наблюдаем слова и выражения на латинице. Лингвисты поразному оценивают эту ситуацию. Одни исследователи считают, что идет размывание границ между нормативным и ненормативным, вульгаризация языка. Нарушение языковой экологии в сфере графики, в свою очередь, может привести к серьезным культурным, психологическим, политическим и других последствиям [1, с. 464]. Другая точка зрения заключается в том, что

«опасность формирования «космополитичности общественного сознания» в сферах преимущественного использования латиницы явно преувеличена» [2, с. 473]. Очевидно, что тексты вывесок со смешением латиницы и кириллицы – это результат игры с языком, рассчитанной на привлечение внимания потребителя. Вопрос в том, всегда ли эта языковая игра является оправданной, тонкой, не лишенной вкуса и меры. В связи с вышесказанным в настоящей работе мы ставим цель – попытаться оценить уместность использования латинских графем на материале текстов вывесок учреждений города Иркутска.

Как представляется, классифицировать данные тексты целесообразно с точки зрения степени присутствия в них латинских графем. Подобная классификация представлена в работе Высоцкой [2]. В данной статье мы дополняем эту классификацию собственными примерами и несколько расширяем рамки анализа. Итак, тексты вывесок учреждений города Иркутска со смешением кириллицы и латиницы можно распределить по следующим группам:

1. В тексте на русском языке присутствуют одна-две латинские буквы: *Шашлыкoff, Разгулoff, Милор D, Dуэт.*

Одна-две латинские буквы, как правило, употребляются в начале или конце слова с целью «разбавить» русский текст, сделав его выразительнее. Например, в названиях кафе *Шашлыкoff* и *Разгулoff* употребление *off* вызывает ассоциацию с английским словом *off*в значении ‘досуг, свободное время’[3]. Вообще подобный способ образования названий для фирм и различных учреждений можно считать «продуктивным»: *Грузовозофф, Грузофф, Морозофф,* только в данных наименованиях иноязычный элемент *off* передается кириллицей. При этом абсолютно неясно, какой смысл привносит *офф* в семантику данных названий. В некоторых названиях уходит и вторая *ф*: *Грузовичкоф.*

В словах *МилорD* и *Dуэт* употребление латинской буквы, вероятно, должно придать тексту английскую изысканность, быть может, подчеркнуть иноязычное происхождение. В любом случае «чужая» буква в этих названиях оживляет текст.

2. Часть слова или выражения написана кириллицей, часть – латиницей. Название с подобной структурой можно наблюдать у иркутского кафе быстрого питания «*ЗакуCity*». Русский глагол *закусить*1. ‘Поесть немного, наскоро или вообще поесть’; 2. ‘Заесть что-л выпитое’представлен в форме повелительного наклонения *закусите* и передается как кириллическими, так и латинскими графемами: первая часть *заку*, вторая – *city* ‘город’. Возникает своеобразная игра как на семантическом уровне (неясно, в каком из значений употреблен глагол), так и на уровне графики – одинаково звучащая единица имеет совершенно разные и написание, и семантику в русском и английском языках. Суть языковой игры понятна, однако на некоторых вывесках название написано так, что *Заку* и *City* представляются отдельными словами и *заку* выглядит странно. *City* начинается с заглавной буквы, что при расположении в середине слова противоречит правилам русского языка.

Еще один пример использования латиницы в части русского выражения – это название журнала «Pro деньги». Созвучие английского pro ‘профессионал’ и русского предлога *про* позволяет привнести дополнительный смысл в значение всего словосочетания.

3. Полное воспроизведение буквенного состава русского слова латинскими графемами. В названиях гостиниц *Marussia* и *Berezka* общеславянские слова, привычно олицетворяющие Россию, русскую культуру, написаны латиницей. *Маруся* латинскими графемами передается как *Marusya.* В данном случае русская часть *–руся* написана как *Russia – Россия,* хотя по звучанию русский и английский вариант не совпадает. Очевидно, что иностранный турист, не знающий русского алфавита, но знакомый со звучанием и значением слов *Маруся* и *Березка*, увидев данные слова на латинице, сможет их правильно интерпретировать.

Слово *берлога* пишется латиницей в названии клуба-ресторана Beerloga, что позволяет создать семантические ассоциации с созвучными *beer* ‘пиво’ и *bear* ‘медведь’.

Менее удачными следует считать названия салона красоты *Kozabeauty*, кафе *LapshaBar,* где общеславянское слово *коза* и давно укрепившееся в русском языке слово *лапша* тюркского происхождения написаны на латинице. Услугами салона и кафе пользуются иркутяне. Выбор

латиницы для текста названия представляется неоправданным, неясным остается замысел автора названия.

Следует заметить, что распространенным является использование в названии кафе известных русских фамилий на латинице: *Onegin, Molchanovbar*, хотя преимущества подобного графического исполнениятакже являются сомнительными.

Использование сленгового русского слова *прикид* для названия магазина одежды уже само по себе выглядит грубо, но, вероятно, создает ориентацию на молодежную аудиторию. Как представляется, по этой же причине были выбраны латинские графемы – *Prikid*. Название магазина одежды *Stil' Vostoka* также вызывает вопросы, начиная с неуместности использования верхнего апострофа для демонстрации смягчения слова *стиль*, завершая некоторой неопределенностью целевой аудитории.

Интересный случай с точки зрения лингвистического анализа представляет название парикмахерской *«Probor»*. Здесь мы вновь наблюдаем транслитерацию с целью маркетинговой выгоды, ведь первая часть слова явно говорит о профессионализме специалистов (*pro* 'профессиональный, мастеровитый'), однако вторая часть слова не позволяет привлечь прямые коннотации с парикмахерским делом.

Как видно, прием транслитерации в аспекте маркетингового использования зачастую не является уместным и, скорее, создает больше вопросов и разрушает некоторую идентичность и однородность языковой среды.

4. Иностранное слово или выражение передано кириллицей. В текстах вывесок учреждений города Иркутска можно увидеть и обратный процесс, когда иноязычное слово передано кириллицей. Например, *Байкал ленд, Трикотаж ленд, Кашемир Хаус, Биг сайз, Доминанта Фэшен, Байкал Лав Кафе, Мебель сити* и другие. Следует согласиться с исследователями в том, что «транслитерация без адекватного перевода на русский язык не делает иностранный текст более понятным, имеет лишь формальный характер» [2: 474]. Для человека, не знающего английский язык, данные слова, переданные кириллицей, по-прежнему непонятны. Как самостоятельные лексемы *ленд, хаус, сайз, лав, биг* не функционируют в русском языке. Для этого есть адекватные русские соответствия *земля, дом, размер* и др. На самом деле, «форсированная русификация нарушает естественный процесс освоения иноязычного слова и… представляет бóльшую опасность для языковой экологии, чем креативное использование «чужих» символов в рекламе» [2, с. 474].

Помимо англицизмов можно выделить и «вопиющий случай» транслитерации с японского языка, который каждый иркутянин может наблюдать. Ресторан японской еды *Ёбидоёби* своим названием не оставляет русского человека равнодушным и создает некоторый неприятный осадок, хотя при переводе с японского фраза, обозначенная выше, означает лишь «День недели – суббота». Однако и в данном аспекте умозрительные коннотации такого рода довольно сомнительны. Конечно, можно сказать, что броское название имеет несколько комичный характер и тем самым привлекает больше внимания потребителей, но, с нашей точки зрения, это образец деструктивной языковой ситуации.

Неуместным представляется и использование лексемы *сити* в названии торгового центра *Шанхай Сити*, тогда как на рекламном щите, установленном напротив торговой точки, дается буквальный перевод названия – *Китай-город.*

Следует заметить, что вопрос использования латиницы в рекламных текстах и в текстах вывесокне оставляет равнодушным не только лингвистов, но и обычных носителей языка. На форумах в Интернете можно встретить обсуждения этой темы. При этом участники высказывают преимущественно отрицательное отношение к данному факту: *1) Сознаемся мы себе в этом или нет, но мы выбираем латинскими буквами писанные названия, ники, потому что это кажется нам куда круче, чем наше; 2) Из-за этих надписей на английском языке (который, впрочем, тоже у нас мало кто знает в совершенстве) граждане России забывают и свой язык. В результате не могут ясно и по-русски изъясняться у себя в стране. Получается какая-то странная смесь русский-мат-феня-англицизмы-американизмы и еще какая-то детская олбанская муть; 3) Дело не в том, что английский текст не прочитать, большинство людей*

хоть немного, но знают английский. Просто я считаю, что это неправильно. Где за границей можно увидеть обилие надписей на русском? Думаю, нигде. Если только в русских кварталах каких-то городов; 4) Так почему же русские у себя в стране так прогибаются под английскую речь? Я не нахожу очень предосудительным даже, например, употребление каких-то английских слов (сама иногда в смс пишу для краткости ОК), но нельзя же доводить до повсеместного их паразитирования (http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1810441-kak-vy-otnosites-k-tomu-chto-v-rossii-mnogo-nadpisej-na-anglijskom-pochemu.html); *А меня раздражает еще больше, когда надпись половина по-русски, половина по-английски («pro город» – название газеты)* https://auto.mail.ru/forum/topic/vyveski_na_anglijskom_jazyke_v_rossii.

Гораздо реже встречается лояльное отношение: *Положительно отношусь. Там где теоретически могут быть иностранные гости, в столицах, крупных городах и туристических местах – должны быть надписи на английском, так как его все в школах изучают. Вот в Китае в приграничных городах все вывески и дорожные указатели продублированы на русском* (http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1810441-kak-vy-otnosites-k-tomu-chto-v-rossii-mnogo-nadpisej-na-anglijskom-pochemu.html).

Итак, мы рассмотрели примеры смешанного употребления латиницы и кириллицы в текстах рекламных вывесок Иркутска. Как видно, использование иноязычных графем, слов в текстах вывесок – очень распространенное в наше время явление, обусловленное престижностью английского языка в современном обществе. Анализ примеров показал, что чаще игра с языковой нормой не является тонкой, интересной и оправданной; неясно, что привносит в семантику выражения иноязычный элемент; местами подобные названия выглядят грубо и сниженно. Нельзя утверждать и то, что смешение «своего и чужого» положительно воспринимается носителями русского языка.

Библиографический список

1. Вакулова Е.Н. Экспансия латиницы – языковая игра или нарушение языковой экологии? // «Русский язык: исторические судьбы и современность»: IV Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы / Составители М.Л.Ремнева, А.А.Поликарпов. М.: Издательство Московского университета, 2010. С. 463–464.

2. Высоцкая И.В. «Своё» и «чужое», или взаимодействие кириллицы и латиницы в современном рекламном тексте//Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 471–474.

3. Мультитран. https://www.multitran.com/

УДК 83’374.4
ББК 81.411.2-5

А. В. Богатырев
A. V. Bogatyrev
(г. Тольятти)

Перевод «записи» Анджея Тшебицкого и Яна Гембицкого «с товарыщи» – источник по истории русского языка XVII в.
Translation of «Notes» by Andrzej Trzebicki and Jan Gembicki as a Source on the History of Russian Language of the 17th Century

Аннотация. При изучении русского перевода «слова» краковского и плоцкого епископов (1674 г.) удалось внести коррективы в существующие точки зрения о времени бытования таких номинаций, как *варваренин*, *несравненный*, *поволенный*, *предусмотренный*, *пресветлейший*. Выделено наиболее раннее употребление форм *благосчастно*, *заскудая*, *преднесоша*, *схищение*. Новое значение придается термину *вар /вары*, которым обозначены укрепления, защищенные места. Выявлены лексемы, на настоящий момент обнаруженные только в данном памятнике – *возближенный* и *первенствователный*. Выяснено более древнее происхождение

слов, до этого впервые регистрировавшихся лишь в XVIII (*межгосударствование, прусак*) и XIX (*велепота, древлехристианство*) столетиях. По-видимому, многие из исследованных словарных единиц первый раз появились в русском языке как пришельцы из польской речи.

Ключевые слова: этимология слов, русская речь XVII в., переводная литература, письма дипломата В. М. Тяпкина, прославление правителя, А. Тшебицкий, Я. Гембицкий.

Abstract. In studying the Russian translation of the text of the Cracow and Plotsk bishops (1674), it was possible to make adjustments to existing points of view on the time of the existence of such vocabulary nominations as *varvarenin, nesravnennyj, povolennyj, predusmotrennyj, presvetlejshij*. The earliest use of language forms is highlighted: *blagoschastno, zaskudaya, prednesosha, skhishchenie*. A new meaning is given to the term *var /vary*, which denotes fortifications, protected places. Tokens revealed so far found only in this literary monument – *vozblizhennyj* and *pervenstvovatelnyj*. The more ancient origin of words that were previously first registered only in the 18th (*mezhgosudarstvovanie, prusak*) and 19th (*velepota, drevlekhristianstvo*) centuries was clarified. Apparently, many of the studied vocabulary units first appeared in Russian as aliens from Polish.

Keywords: etymology of words, Russian speech of the 17th century, translated literature, letters of the diplomat Vasily Tyapkin, glorification of the ruler, Andrzej Trzebicki, Jan Gembicki.

Потянув за одну нить, можно ненароком затронуть и другую, постепенно распутать весь клубок исторической загадки. Так произошло в случае с сочинением, найденным нами в корреспонденции [15, с. 28–35 об.] московского посланника в Речи Посполитой В. М. Тяпкина (1673–1677 гг.). В бумагах дипломата оно было озаглавлено так: «Перевод списка записи, какову дали новообранному Яну королю полскому Андрей Требицкой, бискуп краковской, Ян Генбицкой, бискуп плоцкой, с товарыщи при присяге королевской в нынешнем… году…» [15, с. 28]. Итак, к созданию документа приложили усилия епископ Кракова Анджей Тшебицкий (1607–1679) и епископ Плоцка Ян Гембицкий (1602–1675) – знаковые политические деятели Польско-Литовского государства. Как следует из названия, данное произведение было приурочено к важному событию – началу правления нового польского короля Яна III Собеского, переведено на русский язык. Назвать дату создания перевода (как и выяснить авторство) представляется делом сложным, можно только предположить, что оригинал был написан около 1674 г., когда Ян III вступал на престол. Не знаем мы и подлинника примечательного текста, задача выявления которого сама по себе может вылиться в серьезное научное изыскание [30, с. 209]. В любом случае, находка представляет определенный интерес, не значится в перечне известных русских переводов XVII столетия [11]. Но нам сейчас важно даже не это. Как отмечала В.Д. Кузьмина, «изучение лексики, фразеологии и стилистики переводов… помогут ответить на вопрос, чем обогатили русскую литературу переводные произведения…» [8, с. 14]. И хотя есть мнение, что «без тщательного изучения первоначального источника научное намерение понять культуру и язык наших предшественников остается неосуществимой мечтой…» [30, с. 210], тем не менее, попробуем выяснить лексическую ценность попавшего в наши руки исторического источника.

Подобную попытку мы уже предпринимали [2, с. 98]. Сейчас же попытаемся углубиться, что называется, в тему. Даже случайно брошенный взгляд уже говорит о языковом богатстве данного памятника. Найденные в нем примечательные образцы из области лингвистики мы выстроим в алфавитной последовательности. Первый заинтересовавший нас пример касается лексемы *благосчастно*. Славя монарха, авторы отметили: «Убогие православной Речи Посполитой нашей и вся християнству блаженно, благополучно и *благосчастно* буди…» [15, с. 34]. *Благосчасный* – ‘счастливый’, примерно в это же время попадается в театральной постановке «Юдифь» 1674 г. [16, с. 222]. Однако прежде этого как *благосчастное* замечаем слово в переводе «с цесарского писма» послания курфюрста Иоганна Георга II («писано» 20 марта 1673 г.): «Господь же подай вашему Цар. Вел-ву… *благосчастное* владение при многолетном здоровье…» [13, с. 912]. Значительно позднее понятие возникает и на страницах произведения Стефана Яворского, в его «обращении к собственным книгам»: «Книги мною многажды носимы грядите / … Идите *благосчастно* иных насыщайте…» [12, с. 913].

Многие любопытные примеры встречаются в фрагментах, так или иначе связанных с военной тематикой. Касаясь «марсовых» побед, отмечается: «Посмеян и пресломлен *варваренин*, мирные статьи принял…» [15: 31]. Словарь русского языка XI–XVII вв. фиксирует несколько похожих слов – *варвар*, *варварин*, что значит ‘язычник, чужестранец, дикий человек’ [17, с. 17–18]. *Варваренина* среди них нет. Лишь однажды он появляется в грамоте от 14 января 1691 г.: «Против *варваренина*, христианского имяни неприятеля…» [32, с. 108]. Обратило на себя внимание и непонятное *варов*: «Местечка великим *варов* побоем прославил…» [15, с. 31 об.]. Слово *вар* довольно известно, однако предлагающиеся его трактовки явно не подходят по смыслу к выделенному фрагменту. Ближе здесь сочетание *варовое окно* – ‘отверстие в крепостной стене, из которого льют вар – кипяток или кипящую смолу’ 1668 г. [17, с. 22]. Так как в источнике *вар* как-то связан с местечками, небольшими городами, а также военными событиями, можно предположить, что здесь имеется в виду польск. *варовня*, *warownia*, что объясняется как ‘крепость, укрепленное место’ [34, с. 221].

Затронуты в сочинении не только «милитарные» дела, но и политические события. Об избрании по обычаю нового польского государя здесь замечено: «Но на три дни протянув разсуждение, сенатори и народ полской и Великого княжества Литовское согласными желанми… короля своего… изберут, поистинне… в велепоту пресветлеишаго обранного…» [15, с. 30]. Велепота не внесена в Словарь русского языка XI–XVII вв., впервые попадается в проповеди ржевского протоиерея Матфея (1851 г., «в велепоту облечеся») [27, с. 45]. Есть она и в книге современного автора С. Воронина (псевдоним Аристарх Граф), где встречается в строках молитвы – «Господи Боже мой, возвеличился еси зело, во исповедание и в велепоту облеклся если…» [5, с. 21]. Надо думать, что данное выражение произошло от лексемы лепота (одно из значений: ‘красота’) и возникло по принципу велеокий – ‘большеглазый’, велемудрый – ‘многомудрый’ [17, с. 59].

Другой «достопримечательностью» памятника на литеру «В» стала словарная единица возближенный («Обаче сердцем возближенным меж потопленми себе не забывая…») [15, с. 28 об.]. Ее также не удалось найти среди статей-примеров специальных исторических словарей. Исторические и церковные реминисценции породили древлехристиянство – «превиде нам в пример все длевлехристиянство…» [15, с. 32 об.]. Эта «вокабула» неизвестна исследователям языка XI–XVII столетий, знакомым с понятиями древлеотеческий (‘принадлежащий жившим в древности отцам церкви’) 1675 г. и длевлецерковный (‘относящийся к древней церкви, свойственный древней церкви’) [18, с. 352]. Единственное место, где древлехристиянский еще встречается, это «Акафист преподобномученикам и отцам пещер Киевских – Зверинецких», кондак 1: «Радуйтеся, исповедникам древлехристианским уподобившиеся…» [1]. «Чудесное» обретение пещер состоялось в 1878 г., а брошюра иеромонаха Серапиона о них была издана только в 1913 г. [31, с. 14, 15]. Следовательно, пример из «Записи» нужно рассматривать как наиболее раннее по времени использование данного выражение в письменной речи.

Присланный Тяпкиным в Москву текст не только обилен новыми лексемами, но и помогает скорректировать формы бытования уже исследованных терминов. Так, прославляя военные подвиги у стен твердыни Хотин (Украина), авторы указывают: «В третий день по взятии крепости хотимской… *заскудая* королевского сего поклонения…» [15, с. 30 об.]. Под *заскудати* понимается ‘начать нуждаться’, зафиксирована словоформа *заскудали* (1647 г.) [19: 296], к которой теперь можно добавить и образец из «Записи» польских епископов.

Не удалось избежать недоразумений, не вполне понятных выражений, ошибок. К примеру, читаем такие строки: «Самого *канта мира* хана крымского рукою во мщение сына убиенного смерти предан…» [15, с. 33об.–34]. Не сразу удается понять, что под *канта мира* имелся в виду ногайский военачальник Кантемир, Кантемир-мурза [33: 308], противник польского полководца Станислава Жолкевского, убитый в 1637 г. по приказу турецкого султана Мурада IV.

«Избирательные» вопросы вновь восстают в строках «Записи»: «Но близ прешедшаго *меж государствования*, оставя похотение и желание сторонных…» [15, с. 29]. Особенности процедур обговаривались особо – «и которые мы сами во время прошлых и нынешняго *меж*

государствования по правом волности нашей и для лутчего соблюдения чина Речи Посполитой постановили…» [15, с. 35]. Как видно, мы подчеркнули *меж государствование – государствование* значит ‘царствование’ [18, с. 108–109], таким образом, речь идет о междуцарствии, времени выборов в Польско-Литовском государстве. Добавление *меж-* породило новое слово, о котором лексикографы пока молчат [20, с. 66]. Единственный раз употреблено оно М. М. Щербатовым в названии его сочинения «Летопись о многих мятежах и о разорении Московскаго государства… по преставлении царя Ивана Васильевича; а паче о *межгосударствовании* по кончине… Феодора Иоанновича…» (СПб., 1771). Прилагательное несравненный собственно в значении ‘несравненный’ указывается с пометкой – 1691 г. [21, с. 304]. Между тем именно в этом смысле использовано слово в «Записи», в которой расхваливается «несравненной разум, непобедимая крепость…» [15: 29об.] Яна III. Вообще отсутствует в специальной литературе лексема первенствователный (имеется первенствие, первенство, т. е. ‘первородство, старшинство, преимущество’, есть первенствовати – ‘первенствовать, быть первым’ [22, с. 197–198]), примененная в строчке «и честь первенствователную правящу…» [15, с. 34 об.].

Обильна интересными объектами изучения литера «П». По-новому удалось взглянуть на этимологию слова поволенный: «Таковым обаче обычаем буде перво все права, волности костелные и мирские, чрез блаженных предков нам поволенные и дарованные…» [15: 35]. Поволенный здесь это производное от повольный – ‘свободный, вольный’. Наиболее ранней датой его появления прежде отмечали 1676 г. [23, с. 166, 168].

Разыскивая истоки слова, мы удостоверились, что оно фиксируется еще раньше, встречается в королевской грамоте Макошинскому монастырю – «також сумму денежную… для препитанья того монастыря поволенную подтвердили…» (1664 г.) [28: 351], а также в проекте «Гадячского двоговора» 1658 г. [29, с. 98].

Дифирамбы Яну III дают нам и новое написание слова преднести /преднесут (‘нести впереди, перед кем-либо’), использованного Симеоном Полоцким [24, с. 199]. Смотрим: «Прочие деды и прадеды и несчетная преславных сенаторе и урядников имяна, яко свещу пресветлейшему избранному *преднесоша*…» [15, с. 33об.]. Очередную загадку побрасывает фраза «егда *предусмотренном* Божию совету три дни целые, от суботы до понеделника, то разсуждение пребысть…» [15, с. 30 об.]. *Предусмотренный* попадается в акафисте Преподобному Сергию, Игумену Радонежскому: «Радуйся, прежде век, яко имаши верный раб Христов быти, *предусмотренный*…» [7, с. 285]. Конечно, акафисты Сергию Радонежскому имеют давнюю историю [6], но сказать конкретно, к какому времени относится вышеприведенный – затруднительно.

Эпитет государей *пресветлейший* приписывают концу XVII – началу XVIII столетиям [25, с. 39]. А вот в «Записи» он попадается часто: «Овдовевшей паки Речи Посполитой чрез безвременную смерть *пресветлейшаго* бывшаго Михайла короля…» [15, с. 28]; «Королевскому имени сопричелся, устроила к короне приход и укрепила сему *пресветлейшему* избранному…» [15, с. 30 об.]; «Тому же *пресветлейшему* и велможнейшему государю, Яну Третиему, королю нашему…» [15, с. 35]; «И того же *пресветлейшаго* на сейме близ будущем в Кракове для того уставленным яко истинного короля и государя нашего…» [15, с. 35 и др.]. Более того, *пресветлейший* замечено как прибавление к титулу Ивана IV: «О нынешнем православном царствии *пресветлейшаго* и высокостолнейшаго государя нашего…» [9, с. 191]. Видим эпитет и в «Послании на звездочетцев», в «Послании о крестном знамении» XVI–XVII вв. [4, с. 82].

Есть в «Записи» полезная информация и к изучению этнонимов: «И до древняго воинства…, которые привождением, счастием и иных шведами, Москвою, *прусаками*…» [15, с. 31]. Учитывая, что перевод сделан с польского, отметим – *Prusak* в польском языке это ‘человек из прусского народа’ [35, с. 57]. В русской же традиции первый раз «на письме» употреблен А.Т. Болотовым, в предложении «и сие маленькое сражение было первое порядочное у нас с *прусаками*…» (1757 г.) [3, с. 475], а также в указе времен Екатерины II (1783 г.) «О сборе податей и пошлин в Рижской Губернии», где значатся иностранцы «а именно: *Прусаки*, Бранден-

бургцы и иные немцы…» [14, с. 997]. В 1794 и 1795 гг. лексему применял Н.Н. Бантыш-Каменский: «И так границею вода везде: с *Прусаками* Немень, с Цесарцами Буг…»; «за *Прусаками* и Гишпанцы не замедлили…» [10, с. 400, 408].

Под занавес дадим пример на литеру «С». Упоминая «бедствования и *схищения* отечествия от Всеблагого Бога…» [15: 28об.], авторы предлагают нам неизвестную прежде форму слова *схитити* (‘схватить’) из перевода хроники византийца IX в. Георгия Амартола [26, с. 95]. Резюмируя, можно назвать «Запись» одним из ценнейших источников для этимологических изысканий.

Библиографический список

1. Акафист преподобномученикам и отцам пещер Киевских – Зверинецких. URL: http://www.k-istine.ru/acathisti/acathistus_otchy_kievskie_zverinskie.htm (дата обращения: 02.11.2019).
2. *Богатырев А.В.* Новые штрихи к польско-российским культурным связям XVII в. // Древность и Средневековье: вопросы истории и историографии. Омск, 2016.
3. *Болотов А.Т.* Записки: в 4 т. СПб., 1875. Т. 1.
4. *Гольдберг А.Л.* Три «послания Филофея» // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). 1974. Т. 29.
5. *Граф А.* Великолепная Воложань, или Сатана: былина. Ульяновск, 1999.
6. *Грибов Ю.А.* Акафисты Сергию Радонежскому в русской книжности XVII–XVIII вв. // Новодевичий монастырь в русской культуре. Материалы научной конференции 1995 г. (Труды Государственного исторического музея, вып. 99). М., 1998.
7. Крестные ходы России. М., 2017.
8. *Кузьмина В.Д.* Проблемы изучения переводной литературы древней Руси // ТОДРЛ. 1962. Т. 18.
9. *Масленникова Н.Н.* Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства // ТОДРЛ. 1951. Т. 8.
10. Московския письма. От Н.Н. Бантыш-Каменскаго к князю А.Б. Куракину // Русский архив. 1876. Кн. 3.
11. *Николаев С.И.* Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. Библиографические материалы. СПб., 2008.
12. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода: в 31 т. СПб., 1878. Т. 3. 1723 г.
13. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: в 10 т. СПб., 1856. Т. 4.
14. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г.: в 50 т. СПб., 1830. Т. 21.
15. Российский государственный архив древних актов. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). Д. 163.
16. Словарь русского языка XI–XVII вв. (СлРЯ). М., 1975. Вып. 1.
17. СлРЯ. М., 1975. Вып. 2.
18. СлРЯ. М., 1977. Вып. 4.
19. СлРЯ. М., 1978. Вып. 5.
20. СлРЯ. М., 1982. Вып. 9.
21. СлРЯ. М., 1986. Вып. 11.
22. СлРЯ. М., 1988. Вып. 14.
23. СлРЯ. М., 1989. Вып. 15.
24. СлРЯ. М., 1992. Вып. 18.
25. СлРЯ. М., 1994. Вып. 19.
26. СлРЯ. М., 2011. Вып. 29.
27. Слово протоиерея Матфея Константиновского на Преображение Господне // Слово пастыря. 2016. № 2.

28. Сосницкий уезд // Прибавление к Черниговским епархиальным известиям. Часть неоффициальная. 1872. № 17.
29. *Степанов Д.Ю.* Этноконфессиональное самосознание православного населения Речи Посполитой и Гетманщины в середине – второй половине XVII в.: Дис. … канд. ист. наук. М., 2016.
30. *Томеллери В.С.* К изучению славянской переводной литературы // Современные направления исследования и преподавания славянских языков. Международная конференция «VIII Супруновские чтения (Минск, 21–22 сентября 2012 г.)». Сборник научных статей. Минск, 2013.
31. *Ульяновский В.* Киевские Зверинецкие пещеры и скит: история в лицах. Киев, 2018.
32. *Шутой В.Е.* Русские грамоты конца XVII в. // Вопросы истории. 1972. № 6.
33. *Kobierzycki S.* Historia Władysława, królewicza polskiego i szwedzkiego. Wrocław, 2005.
34. *Linde S.B.* Słownik języka polskiego. Lwów, 1860. T. 6.
35. *Szewczyk Ł., Czachorowska M.* Język polski w rozwoju. Bydgoszcz, 2001.

УДК 811.161.1
ББК 81

А. Б. Бушев
A. B. Bushev
(г. Тверь)

Чего не исследовал академик В. В. Виноградов
What academician V.V. Vinogradov did not study

Аннотация. Работа демонстрирует перспективные направления исследований сетевого и электронного дискурса. здесь лингвистика играет роль младшей сестры коммуникативистики. Такое направление актуально в связи с той ролью, которую данный вид дискурса играет в социальной жизни.

Annotation. The work demonstrates promising areas of research in network and electronic discourse. here linguistics plays the role of the younger sister of communication studies. This direction is relevant in connection with the role that this type of discourse plays in social life.

Ключевые слова: фактуры речи, электронная фактура, реципиент, политический дискурс в Сети, геймерство.

Keywords: speech textures, electronic invoice, recipient, political discourse in the Network, gaming.

Ученый с чрезвычайно разнообразными интересами, внимательный к истории делового языка,стилистике фактур речи, сегодня академик В. В. Виноградов безусловно заинтересовался бы фактурой сетевого дискурса. Актуальность таких исследований вызвана той ролью, которой играет электронная фактура дискурса(и особенно «не устный и письменный дискурс» общения в Интернете) в социальной жизни, в повседневности самих исследователей.

В сетях существуют объекты для научной рефлексии представителей нескольких наук. Социально приоритетны рассуждения психологов и педагогов. Значимы в коммерческом отношении исследования исследователей массовой коммуникации, социологии, ИТ, нейронауки. Лингвистика может помочь зафиксировать изменения языка и констатировать новые виды дискурсов, посмотреть на некоторые речевые особенности с прагматической точки зрения [3]. Интересы социума отражает его поведение в сетях. И если кому думалось, что все в сетях будут обсуждать романы Тургенева или читать классику русского зарубежья в Сети или слушать Гайдна – то нет… этого закономерно не произошло. В сети пришел прежде всего агрессивный юзер, и для него это средствопромотирования своего контента, коммуникации для бизнеса, актуальной политической мобилизации, усвоения маргинальных дискурсов и буллинга.

В настоящей статье обсуждаются некоторые исследовательские проекты как показательные горизонты рефлексии над дискурсом в интернете.

Работа Е. С. Беляевой [1] исследуетполитическую коммуникацию в Интернете, аименнополитические речи. Работа ставит нас перед актуальным вопросом – как фактор знакомства с образом автора (политика) влияет на то, что мы понимаем в речи политика при инаугурации? Удачно выбраны исследователем предмет и материал: в отличие от исследований художественных текстов постмодерна, здесь невозможно говорить о *смерти автора*, а сама речь – в отличие от художественного текста – имеет явные прагматические задачи. Политическая инаугурационная речь, с одной стороны, отметим, во многом ритуальна, а с другой – во многом вербализует всю предшествующую политическую деятельность, весь имидж и определяет текущие политические задачи избранного политика (во всех инаугурационных речах есть актуальные политические задачи). Несомненно, что реципиент такой речи активизирует в своём сознании весь предшествующий опыт понимания как и этого политика, так и политики в целом.

Сильной стороной представленной работы является то, что работа базируется на основании психолингвистического эксперимента в области рецепции политической речи. Инаугурационная речь ритуальна, она зачастую написана спичрайтером, ролью которого данная работа справедливо пренебрегает. Согласно гипотезе исследователя, образ автора влияет на интерпретационную деятельность адресата, при этом здесь сказываются дотекстовые ожидания адресата. Поразительно: автором в результате эксперимента показано, что одни и те же речи, вложенные в разные уста, воспринимаются по-разному. Нас, например, это подводит к такой мысли: нет ли лучшего доказательства условности и ритуальности, автоматизации политической риторики?!

Свобода интерпретации любого текста множественна, но не бесконечна. Выдающийся психолог и лингвист А. А. Леонтьев остроумно замечал, что никакая свобода интерпретации (=вариативность рецепции) не заставит нас видеть в Элен Безуховой идеал для подражания. Чем же лимитируется такая свобода при рецепции политического текста? Какие факторы привносятся в интерпретацию? Несомненно, здесь играют роль представления реципиента о политике, весь сверхтекст (сумма речей и действий) конкретного политика, дотекстовые ожидания от его персоны. И, как разумно было бы предполагать, от его программы, от его партии, ее идеологии.

Второй момент. Данная работа междисциплинарна. Речь ведется об образе политика со всем набором психологических, политологических, невербальных и языковых характеристик персоны политика. Хотелось бы думать, что речи в нашем сознании существуют не отдельно от политика, а в тесной связи с текстами иного рода – с людьми, их действиями, со сверхтекстами политической идеологии, партии и т. д.

Работа риторическая: в фокусе внимания не только текст, но и автор и реципиент. Причем в риторике часто говорится о представлениях автора о реципиенте (образ аудитории), но реже о представлениях реципиента об авторе (образ автора) как факторе восприятия речей автора.

Интересной представляется задача работы Е. С. Беляевой обосновать влияние СМИ на формирование образа подразумеваемого автора и дотекстовые ожидания от персоны. Иными словами, насколько имиджмейкинг в СМИ может «сделать» наше представление о политике? Эти взгляды развивают умение о публицистическом стиле В. Г. Костомарова, работающего в русле виноградарской школы.

Существуют определённые экспектации по отношению к речам политиков. Интересен второй эксперимент и вывод о том, что один и тот же текст, приписываемый различным авторам, получает различные интерпретации адресатами. Причем Е. С. Белева делает вывод, что предвосхищение содержания текста, ожидание его смысла, имеет отношение не только к собственно содержанию текста, но и к интенциям автора, напрямую связанными с имиджем политика, его политической программой. Происходит, как утверждает Е. С. Беляева, наложение образа автора на интерпретируемый политический текст.

Приведем еще один пример исследований коммуникации на уровне сетевого медиадискурса: мейнстримовыймедидискурс в его связи с реципиентом. Новизна таких исследований

обусловлена в значительной мере новизной материала и объекта, а актуальность диктуется поиском описания и объяснения языковой и – шире – дискурсивной реальности Интернета. Мы прекрасно знаем, что тексты – как традиционных газет, так и электронные медиатексты – различаются по гендерным, социальным, профессионально-тематическим параметрам своей аудитории.

Например, исследователь Н. В. Потапова [4] ставит нас перед вопросом: качественные американские газеты и телеканалы на своих сайтах начинают размещать тексты не только для взрослой, но и для детской аудитории. Отличаются ли эти электронные тексты от текстов для взрослой аудитории и по каким параметрам – в тематическом, языковом, структурном, риторическом (дискурсивном), жанровом плане?! В качестве рабочей гипотезы мы отвечаем на этот вопрос скорее отрицательно: дети начинают читать и понимать взрослые качественные медиатексты, когда уровень мышления соответствует взрослому читателю. Возможен, вероятно, и положительный ответ на сей вопрос, возможно, что в части медиа – да, отличаются, в части случаев – нет. Итак, исследвоание на фоне того, как создают медиатексты в электронном формате вообще, исследует то, как взрослые качественная ежедневная газета и сайт телеканала CNN работают в электронном формате для ребенка и подростка.

Отталкиваться в понимании поставленного вопроса (специфика мультимедийных гипертекстов для детей и подростков), на наш взгляд, нужно и от литературной традиции. Всем нам известны исследования написания художественных текстов для детей и подростков, имеющие обширную историю и библиографию. Настоящие художественные тексты для подростков не отличаются от текстов для взрослых, не делают скидок на отсутствие фоновых знаний, отсутствие опыта рецепции произведений, желание оградить подростка от сложных и щекотливых тем, не сюсюкают с подростком. С ребенком же по-иному. Так, выдающийся педиатр и педагог С.Я. Долецкий в своей книге « Ребенок. Кто я такой?» писал: «Вот попробуй быть с ребенком невеселым, неласковым, невнимательным. Как аукнется – так и откликнется. Вот почему работающие с детьми сохраняют подобие инфантильности, которая так хороша в умеренных дозировках». Общеизвестно, что ребенок имеет тематические и жанровые литературные предпочтения, язык произведений должен быть доступным и т. д.

Самые простые рекомендации лингвиста – в языковом плане необходимо пользоваться лексиконом (тезаурусом) ребенка соответствующего возраста, подавать информацию эмоционально, экспрессивно, воздействуя на такого реципиента (отсюда известный прием молодежных журналов – использование сленга как разговор между своими). Это и ограничение тематического репертуара («Лолита» – 18+). Это и меньше бросающееся в глаза ограничение жанрового репертуара (тяжело представить себе ребенка, читающего «сатиры для детей», фельетоны, памфлеты). Для научного же текста, рассчитанного на детскую аудиторию – это беллетризация материала, повышенная объяснительность, дидактизм, в том числе и наглядный. Это баланс конкретного и отвлеченного, абстрактного. Это и желание заинтересовать ребенка в тесной связи с его предполагаемыми возрастными интересами. Это пересказ сюжетов для детей доступным языком (адаптация для детей).

В своем исследовании на вышеуказанную тему [4], проанализировав массив текстов на сайтах двух американских источников, Н. В. Потапова делает выводы о том, что ребенок должен быть огражден информации о насилии и наркотиках. Ребенок часто не понимает актуальности событий, потому события прошлого подаются иногда для детей как новость. Еще одно положение работы говорит о разности функций газетного текста (в числе прочих функций газета *обучает* ребенка и *удерживае*т взрослую аудиторию). Представляет интерес вывод, который говорит о том, что для электронного медиатекста, предназначенного для подростка, характерны повышенная фамильярность текста, повышенная эмоциональность. Конечно, можно найти много ограничений выявленному в исследовании и тому возражений. Например, то, что жанры прессы узуальны в силу традиции: нет доказательства того, что частотные стандарты жанров – самые эффективные; здесь свет могли бы пролить психолингвистические исследования реципиентов, медиаметрия.

Интересно было бы посмотреть, как различаются газетные сообщения по одной и той же теме для разных возрастов в качественных изданиях и таблоидах: как ведет себя в них язык сообщения с точки зрения лексики, синтаксиса, риторики, какова композиционная структура новости и т. п.

Но замечателен тот факт, что такой вопрос о специфике электронного медиатекста для ребенка и подростка поставлен. В отношении того, что полученные результаты будут учитываться при создании медиатекстов – скорее нет, чем да. Роль в масс-медиа играют традиция, практика. Что, кстати, нисколько не умаляет значимости полученного результата для теории дискурса. Тем самым результат скорее объяснительный, а не предписывающий практическую деятельность.

Приведем примереще одной работы, удачно обсуждающей медийный феномен геймерства = «спортивного кибержурнализма», стриминговых сетевых трансляций комьютерных игр [2]. Актуальность исследования этого феномена связана с его относительной новизной, большим охватом аудитории, значимым финансовым сегментом рынка, выходом на площадку традиционных СМИ, большим количеством сообществ в Сети. В истории геймерства значимую роль сыграли игровые приставки, и именно их индустрия и конкуренция развивала игры на первых этапах. В том, что геймерство сегодня есть медийный феномен – сомнения нет. Большое количество стриминговых трансляций в Сетях, большое количество постов в блогосфере, свои сообщества. Нет сомнений и в положительных и отрицательных влияниях феномена на личность. А вот в определении, что это социально значимая деятельность, т. е журналистика, можно усомниться.

Наличествует много работ об отрицательном влиянии геймерства на личность, сегодня вовсю об этом говорят психологи. И это не только игромания, не только виртуализация личности (сам наблюдаю: малоимущие граждане спешат в «социальные» компьютерные салоны с благим матом, что надо кормить виртуального кота), но и более опасное явление: показано, что геймеров привлекает правый контент, ультраправая идеология и именно из рядов участников киберспорта происходят исполнители массового насилия в США (пострелял виртуально – взял автоматическое оружие реально). В рамках медиафилософии в Петербургском университете есть лаборатория компьютерных игр, которая регулярно проводит конференции, издает интересные труды. Всеобщей стала уверенность в том, что это рекреация, развлечения – для личности очень значимое явление, а вот для социума вопрос.

В связи с дискурсом спортивной кибержурналистики интересны, например, идея двух экранов, идея киберспортивного и спортивного чата, идея киберрепортажа, субкультуры геймеров, идеи этики киберспортивного журналиста и т. д. . Исследователи задаются вопросами: чем представлена субкультура геймеров? разная ли она в разных сообществах? она в реале или только в виртуале? и т. д.

Можно указать и на наши исследования современного глобального медиадискурса.

Итог статьи – на наших глазах формируется научное направление, связанное не только с лингвистикой, а с коммуникативистикой новой фактурой речи- электронным дискурсом.

Библиографический список

1. Беляева Е.С. Роль образа автора политического текста в интерпретационнойдеятельности адресата (на материале инаугурационных речей президентов). Автореф… канд. филол. наук. Кемерово, 2019.

2. Викулов В.В. Историякиберспортивной журналистики. Дисс.… канд. филол. наук. Тверь, 2019.24 с.

3. Мечковская Н.Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета. М.: Флинта:Наука: 2009. 584 с.

4. Потапова Н. В. Характеристики гипотекста электронного новостного дискурса, обусловленные возрастом адресата и не зависящие от него. Автореф… канд. филол. наук. Кемерово, 2019.24 с

УДК 812’ 373
ББК 81

О. Ю. Васильева
O. Yu. Vasilyeva
(г. Омск)

Этнолингвистическая специфика отношений *мужчины* и *женщины* в сибирских этносах как отражение народного менталитета (на материале «Записок Западно-Сибирскаго отдѢла Императорскаго Русскаго географическаго общества»)
Ethnolingistic specificity of relations between men and women in Siberian ethnoses as a reflection of the national mentality (on the material of “Notes of the West Siberian Department of Imperial Russian geographical society”)

Аннотация. Рассматриваются языковые особенности фундаментальной гендерной оппозиции *мужское – женское* в сибирской этнической традиции. Репрезентируется сопоставительная характеристика матримониальных отношений, зафиксированных в этнографических источниках XIX века, с данными современных ассоциативных исследований XX–XXI вв.

Ключевые слова: матримониальные отношения, этническая идентификация, гендерные стереотипы, ассоциативные параметры.

Abstract. The article considers the linguistic features of the fundamental gender opposition male-female in the Siberian ethnic tradition. The comparative characteristic of matrimonial relations recorded in ethnographic sources of the XIXth century with the data of modern associative studies of the XXth-XXIst centuries is represented.

Keywords: matrimonial relations, ethnic identification, gender stereotypes, associative parameters.

Почти вся человеческая история – это история антагонизма: Восток – Запад, социализм и капитализм, демократы и республиканцы, чему в культуре соответствует «система символов, образов, понятий, которые образуют антагонистические пары: космос – хаос, свет – тьма, добро – зло» [5, с. 265]. Подобной универсальной для человеческого сознания оппозицией является и гендерная дифференциация: *мужское – женское,* поскольку характеризует биологическое, психологическое и социальное разделение людей по полу. Вместе с тем взаимоотношения *мужчины* и *женщины* являются атрибутом самоопределения нации. В настоящем исследовании рассмотрены гендерные особенности как в ретроспективном отношении – в сознании сибирских этносов XIX века (сургутян, алтайских калмыков, киргиз, поляков, риддерцев, остяков), так и в сознании современного человека. Специфика данной гендерной оппозиции определяется рядом этнических стереотипов, репрезентация которых может быть выражена следующими тематическими группами: возраст для брака; вступление в брак; отношения до и после вступления в брак.

Общим доминирующим признаком этнической идентификации матримониальных отношений у всех народностей оказываются **добрачные связи в раннем возрасте**. Так, у сургутян парни и девушки *«довольно рано, лѣтъ съ 16–17, уже обзаводятся подружками и дружками»* [16, с. 143]. Поляки *«лѣтъ съ 12 начинаютъ уже «женихаться»* [20, с. 57]. А у алтайских калмыков и киргизов наблюдаются еще более ранние отношения и даже браки: *«Въ Горномъ Алтаѣ мнѣ приходилось видѣть «мужей» в 8–7 лѣтъ от роду, и такіе мужья имѣли женами взрослыхъ женщинъ»* [17, с. 8]. Как видим, этот этап отношений эксплицируется, с одной стороны, конкретными лексемами *женихаться/жениханье,* отражающими соответствующее матримониальное значение 'проявлять интерес к лицу другого пола, ухаживать', а главное – 'вести себя как жених и невеста' [7]: *«Жениханье обыкновенно приводитъ къ браку»* (у поляков), с другой стороны, описательными развернутыми оборотами: *«обзаводятся подружками и*

дружками» (у сургутян). В XIX веке лексема *женихаться* являлась диалектной, что доказывает помета *юж.* в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И.Даля [6, с. 533]. В словаре С.И. Ожегова отмечена и просторечная её окраска [8, с. 192].

«Свободныя» отношения между парнями и девушками у поляков не только не запрещаются, а приобретают особое обозначение, в частности, их последствия: *«даже беременность дѣвушки и рожденіе ею ребенка не смущаетъ ихъ: **«Это птичій грѣхъ»**, говорятъ они, а младенца мы въ своей вѣрѣ взростимъ»* [20, с. 50]. Исходя из контекста, можно предположить, что с помощью выражения *птичій грѣхъ* поляки подчеркивают несерьезность такого рода вины и такого рода отношений. Косвенное подтверждение этому находим в словаре В.И.Даля: «*Пташить, пташничать* – летать, носиться мотылькомъ, вертопрашить, вѣтренничать, вертѣться въ свѣтѣ, по баламъ» [6, с. 535].

Легкомысленность добрачных отношений отмечена и у риддерцев, что подтверждают пословичные выражения: *«Молодо-зелено, погулять велѣно; выйдетъ замужъ и гулянки забудетъ»* [19, с. 11], где лексема *гулянка*, которая употребляется чаще во множественном числе, образована от глагола *гуляти* в значении '(о женщине) вести распутную жизнь' [6, с. 407]. Более или менее спокойно относятся к внебрачным связям также алтайские калмыки, они *«легко смотрятъ на связь дѣвушки»* [17, с. 14].

Важным аспектом добрачных отношений является **верность до свадьбы:** «*Горе той дѣвушкѣ, которая окажется виновной, или, какъ въ Сургутѣ выражаются, **«пикѣмъ»*** [16, с. 172]. В связи с этим у сургутян актуализированы описательные номинации-характеристики: *«съ поведеніемъ ли бралъ дѣвушку» или «безъ поведенія»* [16, с. 172], что означает физическую и психическую чистоту и неопытность девушки, а также *«доспѣетъ измѣну»* [16, с. 143] – 'изменить'.

Само **отношение к браку** свидетельствует об индивидуально-этнической сложившейся традиции: *«экономическая сдѣлка»* (у сургутян) [16, с. 143], *«союз любви»* (у поляков) [20, с. 58], *«чисто гражданская сдѣлка»* (у алтайских калмыков) [17, с. 5], *«гражданская сдѣлка», религиозно обусловленная»* (у киргизов) [17:6]. В то время как **согласие невесты на брак** у всех сибирских народностей идентично, поскольку «*выходятъ замужъ по волѣ родителей»* [20, с. 58]. Как говорят по этому случаю сургутяне, *«дѣвка не можетъ понимать ничего дальняго»* [16, с. 148], что воплощает пословица *«дѣвичій умъ, что вода – во всѣ стороны колышется»* [16, с. 148].

Согласие жениха на брак у большинства сибирских этносов в XIX веке также не являлось обязательным. Так, у сургутян: *«Иногда парень самъ предлагаетъ ту или другую дѣвушку, которую онъ ранѣе намѣтилъ себѣ въ жены, но его предложеніе принимается только къ свѣдѣнію и не имѣетъ рѣшающаго значенія. Чаще же всего старшіе родные выбираютъ ему невѣсту»* [16, с. 144]. У алтайских калмыков также было принято спрашивать согласие жениха, однако оно *«большею частью, конечно, бываетъ фиктивнымъ»* [18, с. 25]. Полное игнорирование чувств можно наблюдать у киргизов, у которых не было *«даже чисто формальныхъ опросовъ»* [17, с. 5], и у риддерцев, огромное большинство браков у которых *«заключается самими родителями, безъ согласія, а часто и прямо вопреки желаніямъ дѣтей, которыя крайне рѣдко рѣшаются протестовать противъ такого произвола, освященнаго вѣками, да и возникающіе иногда протесты родители умѣютъ подавлять, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ»* [19, с. 14].

Социально значимой характеристикой добрачных отношений являются также предъявляемые **требования к невесте** как будущей избраннице. Так, у сургутян: *«ищутъ, чтобы дѣвушка была **одённа**, чтобы у ней было больше **лопати** (одежи и нарядовъ), чтобы она была **«коровница»** (могла въ приданое привести корову) и чтобы она была сильна, здорова (по пословицѣ: **«братъ сестру любитъ богатую, мужъ жену любитъ здоровую»**)»* [16, с. 144]. Лексема *лопать* в XIX веке являлась диалектной, о чем свидетельствуют пометы *арх., вят., сиб.* в словаре В.И.Даля [6, с. 267], а в настоящее время *лопать* даже в областных словарях отмечено как устаревшее слово [11, с. 107]. В современном русском языке лексема *коровница* используется в значении «'работница, ухаживающая за коровами'», является устаревшей и имеет соответствующую помету в словаре русского языка С.И. Ожегова [8, с. 297]. В свою

очередь, у остяков в будущей избраннице ценились *«такие качества, как* ***плодовитость, материнство****», «умение обращаться с иголкой и наперстком»,* ***«шить одежды из звериных шкур»****,* и, в последнюю очередь, – свойства характера и внешность» [3, с. 86]. А алтайские калмыки, кроме экзогамных норм, учитывали и другие факторы: *«алтаецъ (калмыкъ) стремится пріобрѣсти* ***для своего хозяйства работницу****, т. е. женщину уже взрослую и вошедшую въ силу»* [17, с. 9].

В целом **требований к жениху** предъявляется сравнительно меньшее количество, чем к невесте, это обусловлено значительно более инертной ролью семьи невесты (от нее зависело только положительное или отрицательное решение в отношении семьи жениха). Так, у сургутян считается необходимым наличие капитала у жениха: *«И если женихъ, напр., богатъ и представляетъ выгодную партію, то какъ бы онъ ни былъ при этомъ дуренъ и неподходящъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, глупъ, старъ, безобразенъ, пьяница, драчунъ и т. д., это не бѣда… Если парень не красовитый и хворый, то говорятъ: «за то* ***капитальный****»… Если онъ пьяница и драчунъ – «женится – перемѣнится»* [16, с. 148]. В сибирской традиции XIX века слово *капитальный* воспринималось в значении 'денежный', что подтверждают и данные словаря живого великорусского языка В.И. Даля, где лексема *капитальный* предстает как многозначная номинация и имеет одно из значений «'къ капиталу относящійся'» [6, с. 87]. В то время как в современном русском языке *капитальный* имеет только одну семантическую характеристику 'основной, коренной, очень важный' [8, с. 264]. У остяков же *«физической красоте мужчины уделялось еще меньше внимания. Не являлась значимой характеристикой в отношении мужчины и одежда, изготовляемая женщиной – матерью, женой. По одежде можно было судить лишь о достатке мужчины. Он оценивался прежде всего* ***по своему общественному положению и роду занятий,*** *обращалось внимание на его* ***умение и способность к промыслам*** *– охоте, рыболовству, оленеводству»* [3, с. 90].

По мнению исследователя В. А. Ефремова, «эксплицировать наиболее характерные гендерные стереотипы можно через сопоставление данных ассоциативных экспериментов с результатами социологических, психологических и этнографических исследований» [1]. Используя статьи «Русского ассоциативного словаря» [9, с. 195–196, 335] можно выявить универсальные гендерные стереотипы в сознании современного человека.

Для образа женщины актуальны следующие гендерные стереотипы:

– красота – наиболее важный для образа женщины показатель, суммарная доля реакций (*красивая, красота, красавица, красива, прекрасная, прекрасна, симпатичная*) составляет 17% ответов; из них 12% ответов относится к самой частотной реакции – красивая.

– социальный статус (11%). Главная роль женщины эксплицируется одной из самых частотных реакций – *мать* (7%), доля этой реакции составляет 9%, что означает, что мать – основная роль женщины в сознании современного человека. Вторая социальная роль – *жена* (1%). Также «Русский ассоциативный словарь» позволяет увидеть формирование нового, появившегося в языковом сознании русского человека постсоветской эпохи гендерного стереотипа: *деловая* (0,9%) – это единственное упоминание о какой-либо иной социальной функции женщины, кроме жены и матери.

– возраст (3%). Численный перевес в полтора раза реакций с семантическим компонентом ‘молодого возраста’ (2%) свидетельствует о том, что, для женщины прототипический возраст – это молодость.

– физические данные (1%): физическая слабость женщины – один из самых распространенных стереотипов разных культур мира, который выражается в реакциях: *слабая, слабость*. Стереотип симметричен архетипическому представлению о мужчине как сильном человеке.

При сопоставлении изложенных выше ассоциативных параметров конца XX – начала XXI веков с данными региональных этнографических источников XIX века становится понятным, что социальный статус женщины изменился незначительно: ранее, например, у сургутян выставлялось «*традиціонное требованіе, чтобы дѣвушка (будущая жена) была дому хозяйка, мужу жена и дѣтямъ мать»* [16:144], сейчас самыми частотными реакциями на стимул *жен-*

щина по-прежнему являются реакции *мать* и *жена*. В настоящее время для женщины прототипический возраст – это молодость, то же можно сказать и о XIX веке, когда *«только въ тѣхъ случаяхъ, когда дочка засидѣлась въ дѣвкахъ и ее пора пристроить куда-нибудь къ мѣсту, родители соглашаются выдать свою дочь хоть за бѣднаго парня»* [16:149].

Существенные различия касаются таких параметров, как *красота* и *физические данные*. Сегодня физическая слабость женщины оценивается как абсолютно нормальное явление, тогда как в XIX веке ценилась женщина как работница, например, у алтайских калмыков*: «Женя малолѣтняго сына, алтаецъ (калмыкъ) стремится пріобрѣсти для своего хозяйства работницу, т. е. женщину уже взрослую и вошедшую въ силу»* [17, с. 9]. На внешность девушки представители сибирских этносов не обращали внимания, в частности, эстетический критерий не учитывался сургутянами и остяками, сейчас красота – один из основных параметров, а *красивая* – самая частотная синтагматическая реакция на стимул *женщина*.

Базовыми **представлениями об образе мужчины** в русском языковом сознании становятся следующие стереотипы:

– сила: ассоциаты с этой ядерной семой – самые частотные на стимул *мужчина* (10% всех ответов);

– возраст (8%): типичный русский мужчина, как и во многих других культурах, – человек немолодой: на реакцию *молодой* приходится около 1% от общего числа ответов, остальные 7% приходятся на реакции *средних лет, в возрасте, пожилой, в годах, в расцвете лет*;

– красота: 5% от общего количества ответов занимают реакции *красивый, красавец, симпатичный*, что свидетельствует о возросшей роли внешних данных мужчины;

– социальные роли (2%): *муж, отец, хозяин, боец*. Такой набор вполне отражает архетипические представления о социальных и гендерных ролях мужчины традиционного общества, а также гендерные стереотипы, согласно которым настоящим мужчиной становится только семейный человек и воин.

Таким образом, можно отметить, что раньше мужчина оценивался по социальному положению в обществе (как у остяков) и материальному положению (как у сургутян), параметры силы и возраста учитывались реже, чем в настоящее время. В XIX веке в Сибири оказывался незначимым и такой показатель, как красота, сегодня же он имеет бóльшее значение. В соответствии с данными «Русского ассоциативного словаря» по-прежнему *мужчина* ассоциируется с понятием *человек*, что является проявлением «древнейшего стереотипа человеческого сознания о центральном статусе мужчины и проявлением андроцентризма языка – отождествление понятий ‘человек’ и ‘мужчина’» [1]. Об этом свидетельствует количество соответствующих реакций на стимул *мужчина* (1,6%), в два раза превышающее число таких же реакций на стимул *женщина* (0,75%).

Подводя итоги, можно констатировать, что взаимоотношения *мужчины* и *женщины* являются одним из проявлений своеобразной этнической культуры, а их специфика выражается в ряде этнических стереотипов. На основе сравнения данных "Русского ассоциативного словаря" с результатами этнографических исследований можно сделать вывод, что наиболее характерные для XIX века гендерные стереотипы сохранились в настоящее время лишь частично.

Библиографический список

1. *Ефремов В.А.* Динамика русской языковой картины мира: вербализация концептуального пространства «‘мужчина’ – ‘женщина’». – 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filologiya/a307.php (дата обращения: 11.04.2012).

2. *Костомаров Н.И.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа в XVI и XVII столетиях: очерк. – М.: Республика, 1992. – 301 с.

3. *Перевалова Е.В.* Эротика в культуре хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера: Сб. науч. трудов. Екатеринбург: УрО РАН, 1992. С. 85–97.

4. *Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М: КомКнига, 2006. – 240 с.

5. *Шаргородская Т.И.* О некоторых персонажах русской демонологии (по материалам Западной Сибири и Северного Казахстана) // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур: Тез. Междунар. конф. – Новосибирск, 1995. Т. II: Археология. Этнография. – 1995. – С. 265–267.

Словари

6. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978 – 1980.

7. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс] URL: http://www.efremova.info/ (дата обращения: 2.04.2012).

8. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. М., 2001. 944 с.

9. Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др.; Рос. акад. наук. М.: Астрель, 2002.

10. Словарь русского языка XI-XVII вв. / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз.; [Редкол.: С.Г. Бархударов (отв. ред.) и др.]. М.: Наука, 1975–2002. Вып. 1–26.

11. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: в 3-х т. / Под ред. Г.А. Садретдиновой. Томск: Изд-во ТГУ, 1992 -1993.

12. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: доп. / Ом. гос. ун-т. Омск: ОмГУ, 1998. Вып. 1: А-Я / [Авт.-сост.: Л. Н. Донина и др.; Редкол.: Б.И. Осипов (отв. ред.) и др.]. – 1998. – 153 с. Вып. 2: А-Я. 2003. 171 с.

13. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4-х т.: Пер. с нем. – 2-е изд., стереотип. М.: Прогресс, 1986–1987.

14. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1999.

15. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах / под редакцией К.К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского. СПб.,1890–1907. [Электронный ресурс] URL: http://www.vehi.net/brokgauz/ (дата обращения: 4.04.2012).

Источники

16. *Неклепаевъ И.Я.* ПовѢрья и обычаи Сургутскаго края / И.Я Неклепаев // Записки Западно-Сибирскаго отдѢла Императорскаго Русскаго географическаго общества. Омск, 1879–1916. Кн. XXX. 1903. С. 29–230.

17. *Швецовъ С.П.* Обычно-правовыя воззрѢнія алтайцевъ (калмыкъ) и киргизъ. Брачныя и семейныя отношенія / С.П. Швецов // Записки Западно-Сибирскаго отдѢла Императорскаго Русскаго географическаго общества. Омск, 1879–1916. Кн. XXV. 1898. С. 1–16.

18. *Швецова М.В.* Алтайские калмыки / М.В. Швецова // Записки Западно-Сибирскаго отдѢла Императорскаго Русскаго географическаго общества. Омск, 1879–1916. Кн. XXIII. – 1898. С. 1–34.

19. *Швецова М.В.* Изъ поѢздки въ Риддерскій Край / М.В. Швецова // Записки Западно-Сибирскаго отдѢла Императорскаго Русскаго географическаго общества. Омск, 1879–1916. Кн. XXV. – 1898. С. 1–27.

20. *Швецова М.В.* Поляки ЗмиѢногорскаго округа / М.В. Швецова // Записки Западно-Сибирскаго отдѢла Императорскаго Русскаго географическаго общества. Омск, 1879–1916. Кн. XXVI. 1899. С. 1–92.

УДК 141
ББК 87.1

Р. А. Вафеев, К. Х. Текжанов
R. A. Vafeev, K. H. Tekganov
(г. Павлодар)

Языковая и этническая ситуация в Республике Казахстан
Linguistic and ethnic situation in the Republic of Kazakhstan

Аннотация. В статье рассматривается и анализируется состояние современной языковой и этнической ситуации в суверенной Республике Казахстан.

Abstract. The article examines and analyzes the state of the modern linguistic and ethnic situation in the sovereign Republic of Kazakhstan.

Ключевые слова: языковая ситуация, языковое разнообразие, полиязычие, билингвизм, общее количество.

Keywords: linguistic situation, linguistic diversity, multilingualism, bilingualism, total.

В настоящее время в павлодарском социуме по-прежнему сохраняется преобладание представителей некоренной национальности над коренной: 61,4 % и, соответственно, 38,6%. В общей сложности в регионе проживают представители 99 этносов: 36 из них представлены в количестве от 1 до 10 человек, 29 – от 11 до 100, 13 – от 101 до 500, 5 – от 501 до 1000, 7 – от 1001 до 2000, 1 – свыше 3000, 1 – более 8000, 5 – от 17000 до 338000 человек. Среди них имеются несколько этносов, оказывающих большое влияние на социальные, этнические и языковые процессы региона. В первую десятку наиболее крупных входят: украинцы, немцы, татары, белорусы, башкиры, чеченцы, ингуши, молдаване, поляки, болгары. Так, в общей численности населения 38,6 процентов составляют казахи, 42,5 – русские, 7,8 – украинцы, 5,4 – немцы, 2,1 – татары, 1,1 – белорусы, 0,4 – молдаване, примерно по 0,2 – азербайжанцы, чеченцы, башкиры, поляки, мордва, болгары. Остальную часть населения по нисходящей составляют оставшиеся 86 этносов.

Казахи. Казахское население проживает по всей территории Павлодарского региона. Их общая численность составляет 311862 человека, или 38,6 процента от всего населения области. Из них 153427, или 49,2 % проживают в городской местности, а 158435, или 50,8 % – в сельской, хотя 20 лет назад (по переписи 1979 года) соотношение было 27,5 и 72,5 процентов. По характеру расселения казахи наиболее компактно проживают в Актогайском, Баянаульском, Майском и Лебяжинском районах, от 72 до 84 процентов. Есть регионы, где численная представленность казахского населения низкая: это Успенский, Качирский, Железинский, Павлодарский, Щербактинский, от 24 до 32 %. Как правило, практически все сельчане-казахи знают родной язык и среди большинства он активно используется во внутриэтническом общении, а в районах, где их большинство, он является главным средством коммуникации. Исследования показывают, что и определенная часть иноязычного населения (20–30 %), проживающая в районах с преобладанием казахского населения, неплохо знают язык коренного этноса и используют в межэтническом общении. Напротив, городские казахи, как показывают наши наблюдения, составляя меньшинство в общей численности горожан, чаще прибегают к русскому языку не только в межэтническом, но и во внутриэтническом контакте. Это объясняется преобладанием русскоязычного населения, а отсюда и устойчивой привычкой казахов использовать, даже во внутрисемейном общении, русский язык, который имеет высокий престиж и употребляемость в городской среде, хотя подавляющее большинство горожан-казахов на хорошем разговорно-бытовом уровне владеют основами родной речи. Такое переключение к языку-макропосреднику мы наблюдаем в повседневной речевой практике школьников, студентов, служащих, рабочих предприятий, также некоторой части научной и творческой интеллигенции. Так, например, в г. Павлодаре функционируют смешанные школы с казахским и

русским языками обучения, в которых слышится преимущественно русская речь из уст учащихся казахских классов. Поскольку 65–70 процентов учеников школ обучаются на русском языке, то этот фактор оказывает существенную роль в выборе языка общения.

По данным переписи, из общего числа казахов 91,7 % являются билингвами (преимущественно знают родной и русский), 0,9 % знают три и более языка, 7,4 % казахов одноязычны. К одноязычным, как мы полагаем, относятся в основном те казахи, часть из которых не знают русского языка (оралманы) и часть – родной язык.

Русские. Самым крупным этносом в Павлодарском регионе являются русские. Русские в результате столыпинских реформ были расселены, хотя и неравномерно, по всей территории Казахстана. Как показывают данные переписи населения 1926 года значительная часть (из 1275654 чел.) около 62,2 % осела в Акмолинской (394113 чел.) и Семипалатинской (399257 чел.) областях (в состав последней входил Павлодарский уезд, где насчитывалось 47344 человека). В других областях их было значительно меньше. Так, в Актюбинской области – 43812, Сырдарьинской – 82392, Уральской 127388 человек и т. д. (69, 119–122). В настоящее время основная удельный вес русских в составе населения страны составляет 30 %, основная масса которых проживает в городских поселениях. По переписи 1999 года в области удельный вес русских в составе населения Павлодарской области составляло 41,8 % и насчитывалось 337924 человек, из них 260150, или 77 % проживают в городской местности и 77774, или 23 % – в сельской. Следует заметить, что в основном сельские русские проживают в местностях с благоприятными природными условиями и развитой инфраструктурой, районах высокого земледелия: Успенском, Качирском, Железинском, Павлодарском, Щербактинском, составляя основную часть населения, от 45 до 60 %, а в казахских Актогайском, Баянаульском, Майском и Лебяжинском районах их незначительное количество (15–20 %). «На этноязыковую ситуацию большое влияние оказывают характер и тип расселения этноса, также они влияют на формирование различных типов двуязычия в определенном ареале» (41, 50). Наблюдения за использованием того или иного языка показывает, что в местах, где доминирует русское население, казахами и представителями других этносов, проживающих на этой территории, используется преимущественно русский язык. Русские родным языком владеют стопроцентно, лишь три человека не знают русский язык. 87,9 % – одноязычны, т. е. знают только русский язык. Двуязычных лишь 12,1 %, из них государственным владеет лишь незначительное количество – 11 %, другими языками, преимущественно иностранными, – 1,1 %.

Украинцы в Казахстане проживают давно. В конце 19 века (перепись населения 1897 года) их было 86,7 тыс. человек, а в Семипалатинской губернии, куда входила раньше земля Павлодарщины, насчитывалось 3,2 тыс. человек, Акмолинской – 51,1 тыс. человек. Но уже по данным переписи 1926 года общая численность украинцев достигла 860201 человек и основная часть осела в трех регионах – северном, центральном и восточном – их проживало 71,3 % от их общей численности, т. е. 613415 человек. Из них насчитывалось в Павлодарском уезде – 69027, Усть-Каменогорском – 24158, Кокчетавском – 103512, Петропавловском – 96938 человек. И сейчас они по-прежнему являются одним из наиболее представленных в количественном отношении на территории Павлодарского и других регионов этносов. Они составляют 7,8 % от числа населения Павлодарщины. Их насчитывается 62585 человек (69, 148–149). Расселены украинцы по всей территории региона, но тип расселения неравномерный. Также как и русские, они проживают в основном в городах или поселках городского типа. Так, 63,6 % украинцев являются жителями городов, а 36, 4 % – проживают в сельской местности. 99,8 % владеют русским языком. Из общего числа украинцев языком своей национальности владеет лишь 15,1 %, государственным – 9,0 %, иностранными – 0,7 %.

Татары – группа тюркрязычных народов, развитие и формирование которых происходило в разных исторических условиях. Татарский язык относится к тюркской группе алтайских языков. Значительная группа татар – 248954 человека – проживает в Казахстане. Здесь они появились давно. В 1897 году в Казахстане и Киргизии численность их составила 55,9 тысяч человек.

В 1926 году, по данным переписи населения, жителями Казахстана были уже 79758 татар, расселенных по всем губерниям с небольшим предпочтением северо-востоку республики. Тяга к месту жительства в северных областях сохранилась у татар и в дальнейшем. Из вышеуказанного количества этого этноса 41568 человек, или 52,1 процент местом проживания определили северный, центральный и восточный регионы страны. Например, в Акмолинском уезде их было 2346 человек, Кокчетавском – 3181, Петропавловском – 11249, Семипалатинском 11180, Усть-Каменогорском – 2133, Кустанайском – 4605, Павлодарском – 2160 и т. д. Сейчас в этих регионах страны из 248954 татар проживает, как и ранее, немногим более половины от их общего числа человек – 142983, или 57,4 %. (69, 129–131). В Павлодарском регионе их насчитывается 17064 человек, что составляет 2,1 % об всего населения области. Подавляющее большинство павлодарских татар (78 %), как в целом по Казахстану (77,6 %), живут в городских поселениях, остальные 22 % – в сельской местности, однако и расселение неравномерное, проживают дисперсно. В отличие от славянских народов количество владеющих языками среди татар значительней. Так, на родном языке говорят 92457 человек, или 37,1 %. Одним из характерных черт татар, проживающих в регионе является их хорошее знание казахского языка. Исследования показывают, что люди старшего и среднего возраста в сельских местностях в совершенстве владеют государственным языком, свободно используют в межэтническом, бытовом и иногда в домашнем общении. Так, из всех татар знают казахский язык 158310 человек, или 63,6 %, русский – 96,9 %, иностранный – 2873, или 1,1 %.

Белорусы вместе с русскими и украинцами относятся к восточным славянам. Они издавна проживают в Казахстане и, в частности, в Павлодарском регионе. Наиболее крупные их группы появились в начале 20 века, во время проведения столыпинской аграрной реформы. По данным переписи 1926 года в Казахстане насчитывалось 25584 белоруса, что составляло 0,4 % всего населения. Из этого количества 19722 человека (77,1 %) проживали в северном, центральном и восточном регионах страны, а в Павлодарском уезде их насчитывалось 3077, Акмолинской – 1792, Кокчетавской – 3478, Петропавловской – 2832, Усть-Каменогорской – 1905, Семипалатинской – 3552. Значительное увеличение численности белорусов в Казахстане наблюдалось в межпереписной период 1939–1959 годы. Десятки тысяч людей приехали в 50-е годы в Казахстан осваивать целинные и залежные земли. Наиболее существенно – в 7 раз – выросло белорусское население именно целинных областей. В результате, в конце 50-х годов почти 60 % белорусов проживали на севере республики. Существенный рост (на 84,7 %) численности белорусов имел место и в 60-е годы – продолжалось освоение целины. В 70-е годы начался миграционный отток этноса из республики. Люди, поднимавшие целину, стали возвращаться домой. И в настоящее время в республике проживает 111927 белорусов, а из этого числа 96323 человека, или 86 % по-прежнему проживают в трех вышеназванных регионах страны. Так, в Акмолинской области их численность достигает 25236, Восточно-Казахстанской – 4525, Карагандинской – 21579, Костанайской – 25018, Павлодарской -8781, Северо-Казахстанской – 11184 человек (69, 48–50). Подавляющее большинство белорусов проживает в городской местности, примерно 85,5 % от их общей численности, оставшиеся 14,5 % проживают дисперсно в сельской местности. Примерно такое же расселение данного этноса наблюдаем и в Павлодарской области: 81, 7 % – горожане, а 18,3 – сельчане. По владению белорусами павлодарщины языками наблюдаем следующую ситуацию: русский язык знают 99,8 % представителей этого этноса, государственный – 8,6 %, иностранными – 0,9 % и родной язык – 13,1 %.

Немцы являются одним из представленных западно-европейских этносов в северной части страны., которые стали заселяться на территорию Казахстана еще в 19 веке. По данным переписи населения 1897 года, немцев насчитывалось 7049 человек. Расселялись они в основном на северо-востоке республики, в первую очередь в Акмолинской губернии. Так, в этой губернии проживало 4791 немцев, в Семипалатинской – 100, Сыр-Дарьинской – 1887, Тургайской – 70, Семиреченской – 40, Уральской – 161. Как видим из приведенных данных, в северо-восточных регионах Казахстана жили 69,3 % от их общего количества. К середине 20-х годов 20 века (по переписи 1926 года) численность немцев достигает 51094 человек и 89 % местом своего постоянного проживания избрали север и восток страны. Тенденция концентрации

немецкого населения в северных регионах сохранилась и в последующем, хотя резкий рост численности этноса в результате депортации явственно наблюдался во всех областях. Так, по переписным данным 1939 года немцев было 92571 человек, то уже в 1959 году численность возрастает до 659751. Сегодня немцев в Казахстане насчитывается 353441 человек, хотя по переписи населения 1989 года их было 957518 человек, что объясняется их оттоком на историческую родину в 90-е годы. 83,1 % немецкого населения по-прежнему проживает в вышеназванных регионах. В Павлодарской области их 43835 человек, что составляет 5,4 % населения региона. (69, 109–112) Количество сельских и городских немцев региона примерно равное: соответственно 50,4 и 49,6 процентов. Наиболее компактно расселены в Павлодарском и Успенском районах.

Немецкий язык принадлежит к западно-германской группе индоевропейской семьи языков. Показатели владения языками среди немцев невысокий, за исключением русского, которым владеют 99, 3 %. Сложнее обстоит дело с другими языками. Родным владеют лишь 21,8 %, государственным – 15,4 %, иностранными – 0,3 % от всех немцев. В целом, 66,2 % – одноязычны, и 33,8 % – двуязычны.

Молдаван в Казахстане насчитывается 19460 человек. По переписным данным 1926 года, жителями Казахстана было 2845 молдаван, селившихся в основном в Западном и Северном Казахстане. Принцип расселения не изменился и в последующие годы. В настоящее время основная часть 14385 (74 %) постоянно проживает в северных землях республики: в Акмолинской области – 2239, или 11,5 % от их общей численности, Карагандинской – 3428, или 17,6 %, Костанайской – 3302, или 17,0 %, Павлодарской – 3391, или 17,4 % Северо-Казахстанской – 766, или 3,9 %, Восточно-Казахстанской – 630, или 3,2 %. Более половины молдавского населения (57,7 %) живут в городах (69, 102–104).

Язык молдавский относится к восточно-романской группе индоевропейской семьи. Число знающих язык своей национальности не превышает 19,6 %. В повседневной речи они используют русский язык, которым владеет 99,8 % молдаван; государственным языком владеет незначительное количество – 14 % и иностранными – 0,5 %.

Ингуши и чеченцы живут в Казахстане сравнительно недавно. Перепись населения 1926 года зафиксировала в Казахстане лишь трех граждан чеченской национальности. Двое из них жили в Семипалатинской губернии, а один – в Сыр-Дарьинской, ингуши не были зафиксированы. К следующей переписи населения (1939 года) численность чеченцев в республике увеличилась до 2639. В наши дни чеченцев насчитывается 31799, ингушей – 16900 человек. 77,6 % ингушей и 50,7 чеченцев заселены в городах и городских поселках. 77,6 % ингушей и 50,7 чеченцев заселены в городах и городских поселках. Примерно 75 % ингушей и 44,9 % чеченцев проживают в северном, центральном и восточном частях республики. В Павлодарской области чеченцев проживает 1767 и ингушей 1891 человек и составляют 0,02 % ко всему населению региона (69, 73, 158). Чеченский и ингушский языки относятся в нахской ветви кавказских языков. Большинство представителей этих этносов двуязычны. Так, русским языком владеют более 97 %, государственным – чеченцы 32,4 %, ингуши – 24,7 %. Знание иностранного языка крайне низкое, всего – соответственно, всего 7 и 10 человек, хотя в знании родного языка достаточно высокие показатели: 58 % чеченцев и 59,3 % – ингушей владеют языком своей национальности. Примерно такая же картина по владению языками чеченцев и ингушей Павлодарского Прииртышья.

Азербайджанцев в начале 20 века в Казахстане было немного, по данным всесоюзной переписи населения 1926 года – всего 46 человек, которые небольшими группами расселялись по губерниям. К концу 30-х годов их число увеличилось почти до 13 тысяч. Большинство азербайджанцев проживало на юге страны, в основном в Южно-Казахстанской и Джамбульской областях. Впоследствии эта тенденция не менялась. Увеличение численности этноса в республике происходит в основном за счет южных ее областей, лишь в 80-е годы наметилось движение в другие области Казахстана, в первую очередь – западные. За 10 лет (1979–1989 г.г.) число азербайджанцев увеличилось здесь в 3,1 раза, в Центральном Казахстане – 2 раза, а в Южном –

всего на 4 %. Тем не менее, в конце 80-х годов большая часть азербайджанцев (71 %) находилась на юге Казахстана. Значительная часть этноса проживала в сельской местности, 43,6 % – в городах. В настоящий период в стране проживает 78295 азербайджанцев, из которых 74,2 % по-прежнему расселяются в южных и западных территориях республики и 25,8 % – в северной, центральной и восточной частях страны. На Павлодарщине численность этого этноса достигает 1847 человек (69, 30–35). В отличие от азербайджанцев южных регионов на севере они в основном расселены в городе. Так, около 84,5 % живут в городской местности Павлодарской области.

Язык азербайджанский относится к юго-западной ветви тюркских языков. По Павлодарской области языком своей национальности владеют 44,6 % азербайджанцев, хотя общереспубликанский показатель намного выше – 50,1 %. Государственный язык знают 31,7 % от общей численности павлодарских азербайджанцев, тогда как по стране среднестатистический показатель 63,4 %. Владение русским языком, как и у других национальностей, на высоком уровне – более 97 %.

Другие национальности. Конечно, большой интерес представляют и другие национальные группы, проживающие в Павлодарском регионе. Это такие этносы как испанцы, карачаевцы, дунгане, афганцы, абазины, монголы, словаки, черкесы, эвенки, австрийцы, адыгейцы и другие из ближнего и дальнего зарубежья. Эти национальные группы очень малочисленны, живут дисперсно и не оказывают какого-либо существенного влияния на языковую ситуацию региона, используя в повседневной жизни русский язык.

Таким образом, Павлодарский регион с учетом имеющихся данных, которые характеризуют этноязыковую ситуацию, относится к многонациональному территориальному образованию. Такой этнический состав населения региона является той макроструктурой, которая определяет этноязыковую и языковую ситуации, т. е. количество компонентов СКС, функционирующих в регионе, а также интенсивность их применения в разных сферах социальной жизни области.

УДК 141
ББК 87.1

Р. А. Вафеев
R. A. Vafeev
(г. Павлодар)

Основы социолингвистики как учебной дисциплины
Fundamentals of sociolinguistics as an educational discipline

Аннотация. В статье рассматривается содержание образовательной дисциплины Основы социолингвистики.

Ключевые слова: социолингвистика, варианты языкового общения, двуязычия, полиязычие, языковая ситуация.

Abstract. the article discusses the content of the educational discipline Fundamentals of Sociolinguistics.

Keywords: sociolinguistics, language communication options, bilingualism, multilingualism, language situation.

Лингвистическая дисциплина, изучающая разнообразные аспекты социального функционирования языка, получила наименование социолингвистики, а в учебных программах вузов – «Основы социолингвистики». Хотя эта область лингвистики существует уже достаточно давно, но терминологически оформилась в 1950 году в США. Еще в начале 19 века в отечественной лингвистике по этой проблеме были высказаны интересные мысли такими учеными, как Бодуэн де Куртенэ, Е. Д. Поливанов, В. М. Жирмунский, В. В. Виноградов и др., а также членами ПЛК в Чехословакии. Междисциплинарный характер Социолингвистики как научной

дисциплины признается всеми. Однако само по себе это признание не отвечает на вопрос: чего больше в этой науке – социологии или лингвистики?

Для раскрытия характера междисциплинарных связей «Основ социолингвистики» и дисциплин предшествующих, последующих и изучаемых параллельно важно отметить, что его предмет понимают в трех основных аспектах: во-первых, это «Язык и общество», то есть все виды взаимоотношений между языком и обществом: язык и культура, язык и история, язык и этнос, и религия, и школа, и политика, и массовая коммуникация и т. д.

Во-вторых, предмет «Основы социолингвистики» – это выбор говорящими того или иного варианта языка (или элемента, единицы языка). В языковом общении постоянно возможны варианты: в условиях двуязычия и многоязычия в зависимости от ситуации говорящие выбирают тот или иной язык; определив язык, люди стоят перед выбором того или иного варианта речи: говорить ли на литературном языке или на диалекте, предпочесть книжную форму речи или разговорную, употребить официальный термин или его просторечный синоним и т. д. Варианты любого ранга – начиная от конкурирующих языков (как коммуникативных вариантов при многоязычии) до вариантов нормативного произношения – принято называть социолингвистической переменной. Это своего рода единицы коммуникации, где социальные аспекты языка рассматриваются именно как социально обусловленное варьирование языка.

В-третьих, Курс «Основы социолингвистики» понимается как изучение особенностей языка в разных социальных, возрастных и половых групп говорящих. По сути, это изучение социальной структуры общества, но с добавлением к известным социологическим параметрам (социальное положение, образование, доходы, характер досуга, политические предпочтения и т. д.) различий по языку: люди со средним образованием чаще говорят так-то, с высшим – так-то, а те, кто окончил гуманитарные вузы, – вот так-то и т. д.

Цель и задачи «Основы социолингвистики» – дать основные сведения важнейшим методологическим и теоретическим вопросам социальной обусловленности языка, осветить основные проблемы современной социолингвистики и методов социолингвистического анализа.

Цель преподавания дисциплины – привить знания по основным понятиям и методом социолингвистики; вопросам языка и социальному статусу индивида, социальной группе; языка и этносу, этничности; языковой ситуации; выбора языка; отношения к языку; двуязычия и многоязычия, механизма переключения кода; языкового сдвига и языковой устойчивости; языковых меньшинств; языка и государства; языковой политики и языкового строительства; языка и образования и некоторые др.

Задачи – овладение теоретическими знаниями, практическими умениями и навыками учебно-исследовательской (УИРС) и научно-исследовательской (НИРС) работы студентов при освоении тем: общество и двуязычие (многоязычие); структура языка, языковая ситуация; социальные диалекты и языковая характеристика индивида, социальной группы; направления социолингвистических исследований; методы социолингвистики; сохранение языка и языковой сдвиг; языковая политика и языковое планирование в мировой практике; языковая ситуация и языковая политика в России; язык и школа, образование и двуязычие (многоязычие); владение языком (языками) как социолингвистическая проблема.

Требования к уровню освоения содержания курса «Основ социолингвистики»:

- иметь представление об истоках социолингвистики; марризме; отходе от социолингвистической проблематики в отечественной науке; основных трудностях в современной российской социолингвистике; о развитии зарубежной социолингвистики (США – Вильям Брайт, Джон Гамперц, Чарльз Фергюсон и др.); о речевом поведении; о статусе социолингвистики как научной дисциплины и т. д.;

- знать объект, предмет, цель и задачи курса; основные его понятия (языковое сообщество, родной и неродной языки, и смежные понятия, языковой код, социально-коммуникативная система, языковая ситуация, переключение и смешение кодов, интерференция, языковая вариативность, языковая норма, литературный язык (стандарт), диалект, социолект, арго, жаргон, сленг, коэне, просторечие, диглоссия и двуязычие, двуязычие и многоязычие, сферы использования языка, речевая и неречевая коммуникация, коммуникативная ситуация, речевое

общение, речевое поведение, речевой акт, коммуникативная и языковая компетенция носителя языка), нация и национальность, этнос и этничность, причины устойчивости и смертности языков, принципы языковой политики, этапы становления и развития языковой политики в России, владение языком как социолингвистическая проблематика, уровни владения языком;

- уметь дифференцировать языковое сообщество от сообщества людей вообще, родной язык от неродного языка, первого, второго и т. д., языковой код от других неязыковых, социально-коммуникативную систему от коммуникативной системы, языковую ситуацию от неязыковой ситуации, переключение кодов при двуязычии (многоязычии) от смешения кодов, интерференцию от транспозиции при двуязычии (многоязычии), языковую вариативность от невариативности, языковую норму от ненормированности языка, литературного языка от нелитературного, диалект от социолекта, арго от жаргона, жаргон от сленга, коэне от просторечия, диглоссию от двуязычия, сферы использования языка от стилевой дифференциации языка, речевую коммуникацию от неречевой,, коммуникативную ситуацию от некоммуникативной, речевое общение от речевого поведения, речевое поведение от речевого акта, речевой акт от речевого общения, языковую компетенцию от коммуникативной компетенции носителя языка, собственно-лингвистический уровень владения языком от национально-культурного уровня, национально-культурный уровень владения языком от энциклопедического, энциклопедический уровень владения языком от собственно-лингвистического уровня владения, языковую (двуязычную) личность от неязыковой (недвуязычной) личности, уметь дифференцировать типы программ двуязычного образования от программ одноязычного образования и т. д. и т. п.;

- владеть навыками отбора информантов материала, навыками наблюдения, проведения устного и письменного интервью, анкетирования, навыками обработки и представления статистических результатов, анализа устных и письменных источников, организации массового обследования коммуникантов (говорящих), навыками определения соотношения направлений и методов социолингвистических работ (синхронной /диахронной, макросоциолингвистики / микросоциолингвистики, теоретической / экспериментальной социолингвистики, социолингвистика / социология языка, общая / прикладная социолингвистика, навыки определения уровня языком и т. д.).

Лекции и семинарские занятия должны иметь четкую профессиональную направленность, так как с помощью принципов и методов социолингвистического анализа специалист-филолог должен уметь трансформировать теоретические знания и практические навыки в широкое информационное поле своей профессиональной деятельности. Курс предусматривает тесное взаимодействие с УИРС и НИРС. Такое взаимодействие при активной форме способствует дальнейшему совершенствованию рабочей программы[1], стимулирует творческую активность студентов, развивает у них способность к принятию собственных решений и потребность в самостоятельной работе.

Основное содержание курса

Введение. Основные понятия социолингвистики (СЛ). Определение СЛ как науки. Описание имеющейся литературы по СЛ. Основные периодические издания. Определение СЛ. Цель и задачи курса СЛ. Отличие СЛ от социологии языка. Краткий обзор истории возникновения СЛ. Предметные области, входящие в область СЛ. Этапы становления СЛ: формирование СЛ в России в начале XX века как особого направления в языкознании. Работы Р. О. Шора, А. М. Селищева, В. Н. Волошина, Е. Д. Поливанова. Марризм и отход от социолингвистической проблематики. Возобновление социолингвистических исследований после 1988 года. Основные интересы, достижения и основные трудности современной российской СЛ. Зарубежная СЛ: Вильям Брайт, Джон Гамперц, Чарльз Фергюсон.

Общество и двуязычие (многоязычие). Структура общества. Нация, этнос и язык. Понятие национальности, этничности. Общество и языковое сообщество. Индивид и общество. Функция языка как идентификатора. Родной язык и смежные понятия при массовом дву- многоязычии. Социально-коммуникативная система. Структура языка и языковая ситуация. Язы-

ковой код. Двуязычие и диглоссия. Двуязычие и многоязычие. Типы двуязычия и многоязычия. Смешение кодов. Интерференция. Типы интерференции. Языковой контакт с точки зрения социолингвиста, лингвиста, психолога, психолингвиста, методиста. Социолекты и языковая характеристика индивида. Языковая вариативность. Языковая норма. Литературный язык (стандарт) и диалект. Социолект. Арго. Жаргон. Сленг. Койне. Просторечие. Сферы использования языка. Речевая и неречевая коммуникация. Коммуникативная ситуация. Речевое общение, речевое поведение, речевой акт. Коммуникативная и языковая компетенция носителя языка. Языковая личность в дву- многоязычном языковом пространстве. Владение языком как социолингвистическая проблема. Уровни владения языком: собственно-лингвистический, национально-культурный, энциклопедический уровень.

Направления СЛ исследований. Диахроническая СЛ. Синхроническая СЛ. Макросоциолингвистика. Теоретическая и экспериментальная СЛ. СЛ. И социология языка. Прикладная СЛ. Язык и культура. Всеобщее (общечеловеческое) и специфическое (безэквивалентное) в культурном компоненте языка. Национально-специфическое в речевом поведении. Воздействует ли язык на культуру? Идеи В. Гумбольдта, А.А. Потебни. Гипотеза «лингвистической относительности» Э.Сепира и Б. Уорфа. Поиски лингво-культурных соответствий. Язык, религия и этнический менталитет. Функциональное двуязычие культового и народного языков. Религиозные истоки первых концепций языка.

Методы СЛ. Отбор информантов и работа с ними. Методы сбора материалов. Наблюдение. Включенное наблюдение. Устное интервью. Составление анкет, анкетирование. Тесты, тестирование. Обработка и представление статистических результатов. Анализ письменных источников. Массовые обследования говорящих/пишущих. Соотношение направлений и методов СЛ. Исследования методов изучения отношения к языку. Прямые и непрямые методы.

Сохранение языка. Языковой сдвиг. Исчезающие языки. Условия и факторы сдвига. Темпы сдвига. Причины сдвига. Катастрофический сдвиг. Понятия «языковой болезни» и «языковой смерти». Методика экспертной оценки. Разрыв языковой традиции: «поколение перелома». Полуязычие. Понятие «групповое полуязычие». «Красная книга языков народов России и стран СНГ». Последствия сокращения числа языков. Утрата языков и утрата культур. Уникальные языки и уникальные культурные явления. Понятие языкового разнообразия. Нелинейность процессов языковой смерти. Устойчивость языков. Причины устойчивости языков. Почему в мире становиться больше двуязычных и многоязычных?

Языковая политика и языковое планирование в мировой практике. Типы и теории языкового планирования. Этапы языкового планирования факторы, влияющие на языковое планирование. Языковые меньшинства как лингвистическая и СЛ проблема. Способы решения проблемы языковых меньшинств при языковом планированй. Пределы и границы языкового планирования. Языковые конфликты: причины, характеристики, способы разрешения. Языковая ситуация и языковая политика в России. Становление языковой ситуации в России. Начальный этап. Языковая ситуация в XIII–XYII вв. Языковая ситуация в XYIII – начале XIX в. Этническая и языковая политика Российской империи. Русификация – основное направление языковой политики во второй половине XIX – начала XX в издательском деле. Языковая ситуация после революции 1905 г. Национально-языковая политика советского государства. Аспекты юридической регламентации и границы действия законов о языке. Правовой статус языков. Закон о языках и правовой статус. Административная практика. Финансово-экономические рычаги. Язык и школа. Язык и СМИ. Языковая политика в области образования и СМИ. Образование и двуязычие (многоязычие). СМИ и двуязычие (многоязычие). Знание языков и служебная карьера. Типы программ двуязычного образования. Примеры двуязычных программ СМИ из опыта мировой практики. Норма языка в СМИ.

УДК 811.161.1’42
ББК 81 + 82

Н. А. Ведерникова
N. A. Vedernikova
(г. Тобольск)

Звукопись как один из художественных приемов лирики С. Есенина
Sound recording as one of the artistic techniques of S. Yesenin's lyrics

Аннотация. Статья посвящена звуковой организации поэтической речи С. Есенина. Автор приходит к выводу о том, что в поэзии С. Есенина различные фонетические средства художественной выразительности, основными из которых являются аллитерация и ассонанс, тесно взаимодействуя друг с другом, группируются в словесные образы, которые помогают читателю понять и почувствовать красоту родной природы и своей родины.

Ключевые слова: поэтическая речь, поэзия С. Есенина, фонетические средства выразительности.

Abstract. The article is devoted to the sound organization of S. Yesenin's poetic speech. The author comes to the conclusion that in S. Yesenin's poetry various phonetic means of artistic expression, the main of which are alliteration and assonance, closely interacting with each other, are grouped into verbal images that help the reader to understand and feel the beauty of his native nature and his homeland.

Keywords: poetic speech, poetry of S. Yesenin, phonetic means of expression.

Звук – односторонняя единица языка, в которой отсутствует значение. Вместе с тем, ученые обращали внимание на связь звука и смысла, на способность ассоциироваться с предметами, признаками, явлениями окружающего нас мира. В нашем восприятии звуки могут быть хорошими и плохими, большими и маленькими, плавными и резкими, нежными и грубыми, светлыми и темными. Эта фонетическая особенность звуков широко использовалась русскими поэтами начала XX века: К. Д. Бальмонтом, А. А. Блоком, С. А. Есениным и др.

Цель данного исследования – выявить своеобразие звукописного образа (ряда) поэтических строк великого поэта XX века С. А. Есенина.

Звукопись – это использование звукового состава слова, его звучания для усиления выразительности поэтической речи. Применение звукописи проявляется в самых разнообразных формах: в виде аллитерации, звукоподражания, инструментовки стиха.Звукопись иначе называют инструментовкой и понимают этот стилистический прием как: звуковые повторы в литературном языке, усиливающие его мелодичность и смысловую выразительность

С помощью звукописи поэт подчеркивает свою любовь к родному краю. В стихотворение «Слёзы» лирический герой чувствует, что пора покинуть малую Родину. Ассонанс [о] передает печаль, тоску лирического героя: *Кт**о** п**о**ет там п**о**д сенью березы? Звуки будт**о** знак**о**мые мне – Эт**о** слезы **о**пять... Эт**о** слезы И т**о**ска п**о** р**о**дной ст**о**р**о**не…* («Слезы», 1911).

Анализируя стихотворения С. А. Есенина с точки зрения «звуковой инструментовки», можно предположить, что в начале творческого пути у молодого поэта преобладает такой стилевой прием, как аллитерация. Обратимся к следующим примерам: **З**адремали **з**вез**з**ды **з**олотые, ***З**адрожало **з**еркало **з**атона, Брез**ж**ит свет на **з**аводи речные И румянит сетку небосклона* («С добрым утром!», 1914). В данном примере мы сталкиваемся и с таким фонетическим явлением, как звуковая анафора (звуковое единоначатие). Сергей Александрович использует его и в таком стихотворении, как «Золото холодное луны...», написанном в 1925 году: ***З**олото холодное луны, **З**апах олеандра и левкоя. Хорошо бродить среди покоя Голубой и ласковой страны* («Золото холодное луны...», 1925). Звуки [х] и [ш] передают надвигающийся шум природы. Шипящие звуки позволяют услышать шуршание листьев и мелкий мусор, завивающийся в маленькие смерчики: *Дрогнули листочки, закачались клены, С золотистых веток полетела пыль… За**ш**умели ветры, о**х**нул лес зеленый, За**ш**ептался с э**х**ом высо**хш**ий ковыль...* («Буря», 1914).

Аллитерация – это повторение в стихах одинаковых, созвучных согласных звуков для усиления выразительности художественной речи. В художественной литературе аллитерация не несет в себе какой-либо смысловой нагрузки, она подчеркивает звучание отдельных слов, выделяя их и придавая им особенно выразительное значение: *А вдали, че**р**нея, выползают тучи И **р**евет се**р**дито г**р**озная **р**ека, Подымают **б**рызги водяные к**р**учи, Словно мечет землю сильная **р**ука* («Буря», 1914). Аллитерация [р] создаёт звук рёва, напряжённости. Повторяющийся взрывной звуксоздаёт эффект скопления свинцовых туч, надвигающейся темноты, шум сильного ветра [2].

Ассонанс – это повторение в строке, фразе, строфе однородных гласных звуков, также неточная рифма, в которой совпадают, созвучны только гласные звуки [2].

С. А. Есенин мастерски использует звуковые повторов, придающиевидимуюяркость стихам, что способствует созданию поэтической мелодичности: *Г**д**е-то за садом н**е**см**е**ло, Там, г**д**е калина ц**в**ет**е**т Н**е**жная д**е**вушка в б**е**лом Н**е**жную п**е**сню по**е**т* («Вот оно, глупое счастье...», 1918). Ассонанс [э] служит для передачи нежности, мягкости. Повтор данного звука создает благозвучность, музыкальность, напевность строк.

Наблюдая за фонетическим своеобразием поэзии С.Есенина, мы сталкиваемся и с таким языковым явлением, как неполногласные сочетания гласных звуков, которые характерны для произведений устного народного творчества, например: *Солнце **златою** печатью Стражем стоит у ворот...* («Кантата», 1918). С этим фонетическим явлением мы встречаемся и в другом стихотворении «На Кавказе», написанном в 1924 году: *И Лермонтов, тоску леча, Нам рассказал про Азамата, Как он за лошадь Казбича Давал сестру заместо **злата*** («На Кавказе», 1924). Сергей Есенин среди разнообразных приемов звукописи выделяет такой прием, как ономатопея – слова, которые имитируют собственное значение. Таким словом является слова «Храп»: *Топчут лапти по полю кукольни, Где-то ржанье и **храп** табуна, И зовет их с большой колокольни Гулкий звон, словно зык чугуна* («По дороге идут богомолки...», 1914).

Сергей Есенин среди разнообразных приемов звукописи выделяет такой прием, как звукоподражание – употребление слов, которые своим звучанием напоминают слуховые впечатления от воображаемых предметов. В его стихах нередко можно встретить звуковые действия, предпринимаемые человеком так, например, междометия, «ах», «ох»: *...Месяц умер, Синеет в окошко рассвет. **Ах** ты, ночь! Что ты, ночь, наковеркала? («Черный человек», 1923): Травы ворожбиные ноги ей кололи, Плакала родимая в купырях от боли. Не дознамо печени судорга схватила, **Охнула** кормилица, тут и породила* («Матушка в Купальницу по лесу ходила...», 1912).

Звучание ономатопеей в лирических произведениях поэта часто усиливается их фонетическим окружением: обычно звуковую выразительность слова подчеркивают соседние аллитерации, например: ***Зв**ени, **зв**ени златая Русь, Волнуйся, неуемный ветер! Блажен – кто радостью отметил Твою пастушескую грусть. **Зв**ени, **зв**ени златая Русь* («О верю, верю, счастье есть», 1917–1918). Повторное созвучие ***–зв-*** похоже на звон колокольчика, звон, радостью огласивший весь мир о переменах в России: *К**у**да ты рвешься, шалая? Поб**у**дь, поб**у**дь... Постой, д**у**ша **у**сталая, Заб**у**дь, заб**у**дь* («Форма», 1924). Со звуком [у] ассоциируется мрачное настроение, тревога, страдание, грусть. Звук [у] в этом произведении подчеркивает печаль лирического героя: *Ка**ж**дый день Я прихо**ж**у на пристань, Прово**ж**аю всех, Кого не **ж**аль, И гля**ж**у все тягостней И пристальней В очарованную даль* («Батум», 1924). Звуки [ж], [ш], [ч] противоположны гласным. В фонетике их называют просто «плохими». Их цвет – черный. Фонетическая значимость звуков основана на физических характеристиках. Эти звуки – тихие и медленные,потому что они долгие (слитные) согласные. Со звуками [ж], [ш], [ч] ассоциируется некая таинственность, беспокойство, что придаёт философское звучание этому лирическому произведению. Звук [и] вызывает счастье, упоение. По мнению исследователей, этот звук подобен светло-синему оттенку, во многом схожему с цветом неба [1, с. 22]. Эта физическая характеристика делает звук [и] «воздушным, легким, невесомым». Это и придает стихотворениям некую прозрачность: *Каждый вечер, как с**и**нь затуман**и**тся, Как пов**и**снет заря на мосту, Ты **и**дешь, моя бедная странн**и**ца, Поклон**и**ться любв**и** и кресту* («За горами, за жел-

тыми долами...», 1916). Звук [а] производит впечатление чего-то доброго, прекрасного, веселого, свежего, невесомого. По мнению исследователей, этот звук представляется ярко-красным. С помощью его подчеркивается прелесть Родины: *За**а**кружил**а**сь листв**а** золот**а**я В розов**а**той воде н**а** пруду, Словно б**а**бочек легк**а**я ст**а**я С з**а**мир**а**ньем летит н**а** звезду* («Закружилась листва золотая...», 1918).

Ритмика – особый вид музыкальной деятельности, передающий настроение, характеры образов. Анапест – это трехсложный красивый размер, с нарастающей ритмикой слога. Анапест как размер обладает незабываемым ритмом. Стих захватывает душу и читается мелодично: *Шаганэ ты моя, Шаганэ! Потому, что я с севера, что ли, Я готов рассказать тебе поле, Про волнистую рожь при луне. Шаганэ ты моя, Шаганэ* («Шаганэ ты моя, Шаганэ!..», 1924). В нашей речи мы ощущаем связь между звуком и смыслом. В художественном тексте, особенно в поэтическом, она наиболее ощутима. Именно поэтому С. А.Есенин в своём творчестве так активно использует фонетические ресурсы родного языка. Поэтический мир поэта-лирика – это синтез полифонии, многогранности и диалектичности.

Различные фонетические средства художественной выразительности поэтических произведений С. А.Есенина, тесно взаимодействуя друг с другом, группируются в словесные образы, которые помогают читателю понять и почувствовать красоту Родины и переживания лирического героя. Для поэзии С. Есенина характерны ноты светлой грусти: слишком уж он любит эту землю, людей. Два чувства – радость и грусть прошли через всю его поэзию, и его она осознается читателем как огромная, музыкально-поэтическая симфония с грустяще-радостной тональностью.

Таким образом, прием звукописи широко использовался С. А. Есениным в его произведениях. Особенно часто встречается ассонанс гласных звуков, который особенно распространен в любовной лирике поэта, служащий для передачи мелодичности, гармонии и звучности чувств лирического героя. Аллитерация согласных звуков распространена в пейзажной лирике Сергея Есенина. Данный прием передает звуки природы. Разная организация последовательности звуков в произведениях служит для передачи эмоциональности, резкости произносимым словам.

Библиографический список

1. Агеносов В., Анкудинов К. Современные русские поэты.- М.: Мегатрон, 1997. – 88с.
2. Быкова Н.Г. Литература. Справочник школьника. – Москва: ТКО «АСТ», 1995
3. О, Русь, взмахни крылами. Есенинский сборник.- М., 1994.

УДК 811.161.1’42
ББК 81 + 82

Е. В. Выстороп**е**ц
E.V. Vystorop**e**s
(г. Тобольск)

Символичность числа «сорок» во фразеологизмах разносистемных языков
Symbolism of the number «forty» in phraseological units of languages of different structures

Аннотация. В статье рассматривается имя числительное «сорок» в составе фразеологизмов русского, английского и немецкого языков. Фразеологическое окружение способствует десемантизации компонента такого рода, потери им математической значимости. Исследуемые нумеративные ФЕ позволяют образно говорить о различных явлениях жизни и деятельности человека.

Ключевые слова: фразеологизмы, компонент фразеологизма – имя числительное, сорок, forty, vierzig, десемантизация, нематематическая значимость, символичность.

Abstract. In the article numeral «forty» in phraseological units of Russian, English and German is considered. Phraseological context contributes to the desemantization of this component. Numeral loses its mathematical significance. The studied numeral phraseological units allow figuratively speaking about various phenomena of life and human activity.

Keywords: phraseological units, the components of phraseological unit – numeral, forty, vierzig, desemantization, non-mathematical significance, symbolism .

Фразеологические единицы того или иного языка по своему происхождению тесно связаны с условиями места и времени, с какими-то особыми обстоятельствами возникновения. Как правило, носители языка прибегают к таким устойчивым словосочетаний для того, чтобы образнее выразить свои мысли, точнее передать в речи эмоции. В то же время фразеологизмы характеризуются воспроизводимостью и устойчивостью. Поэтому яркие выражения закрепляются в языке и становятся уникальной частью идиоматического сектора его словаря. Так, ФЕ в том или ином языке – это уникальные и буквально непереводимые словосочетания [1, с. 68]. Лексикализованные сочетания такого рода всегда будут привлекать внимание языковедов и исследователей.

Если фразеологизмы, стержневыми компонентами которых являются такие части речи, как существительные, глаголы, прилагательные и др., исследованы достаточно полно, то этого нельзя сказать об устойчивых сочетаниях, имеющих в своем составе имена числительные [4]. Наряду с этим такие компоненты во фразеологическом окружении обладают особым символизмом.

Объект нашего исследования – нумеративные фразеологизмы русского, немецкого и английского языков. Отметим, что согласно классификации В.В. Виноградова и И.И. Чернышевой, к фразеологизмам мы относим не только идиомы, но и словосочетания таких типов, как пословицы и поговорки. Нумеративные фразеологизмы – фразеологические единицы, в состав которых входят имена числительные.

Предметом стали устойчивые словосочетания с компонентом – именем числительным «сорок». На наш взгляд, исследуемое число обладает особой символикой и в какой-то степени связано с мистикой. С одной стороны, число четыре является образом статической целостности, относительного покоя (равновесия). С другой стороны, число ноль часто характеризуется как абсолютный покой. Так, символизм «сорока́» может быть отражён как «переход от относительного покоя к абсолютному» или «порог между одним воплощением души и её следующим воплощением» [2, с. 629]. Около 40 недель в среднем длится беременность женщины, это идеальный срок развития эмбриона. «Сорок» – одно из наиболее значимых символических чисел в Библии, оно употребляется в ней 150 раз. Интересно, что по некоторым данным в Древней Руси система исчисления была связана с числом сорок.

Говоря о докиевской Руси, нельзя не упомянуть фразеологизм «*сорок сороков»* со значением «очень много, бесчисленное множество». Так считается, что история этого выражения начинается со специального мешка, в который славяне, занимавшиеся охотничьим промыслом, упаковывали ровно по четыре десятка соболиных шкурок, и впоследствии называли его «сорокъ». По другой версии, название было обусловлено или тем, что роль мешка часто играла мужская сорочка, или тем, что как раз десятка шкур хватало, чтобы этот предмет одежды сшить. Между тем, второй созвучный компонент фразеологизма имеет отношение к временам Ивана Грозного, когда участниками Стоглавого Собора было принято поделить московские церкви на отдельные образования (округи), именовавшиеся «сороками». В настоящее время в рассматриваемом фразеологизме можно проследить переосмысление всего лексико-грамматического состава компонентов. Так, имя числительное в составе фразеологизма десемантизируется и теряет точную математическую значимость, позволяют дать образную оценку множества явлений и предметов. В песне Владимира Высоцкого «Баллада о любви»: …На землю тихо выбралась любовь. И растворилась в воздухе до срока, А сроку было *сорок сороков*!.. Символичные значения: «очень много», «великое множество» компонента «сорок» можно

проследить и в других примерах. Рассмотрим в повести Ирины Грековой «Фазан»: «…А оказалось, что разных грибов великое множество. *"Сорок сороков"*, по словам Василия Семеновича…» [9].

В произведении В.П. Аксенова «Пора, мой друг, пора» находим: «…Я сел и прислонился спиной к стене дома. Голова через секунду начала гудеть, как *сорок сороков*, вернее, как один огромный колокол…».

Другим примером частичной потери количественного значения является устойчивое словосочетание *сорок дней* – «поминальная дата». Здесь просматривается отличие фразеологизма от свободного словосочетания. В исследуемом выражении компоненты главным образом стремятся стать одним словом, одной лексемой, при этом, не теряя формы словосочетания [1, с. 67]. Так, в романе «Недвижимость» современного русского писателя А.Г. Волоса читаем: «…У меня было легко на душе, и я думал о том, что теперь поеду в Ковалец на *сорок дней*… наверное, будет зима…» Особый интерес представляют ФЕ, отражающие порой полярное отношение человека к проблеме возраста в различных культурах. Так, например, существует русская пословица «*В сорок два года баба ягода, в сорок пять баба ягода опять»,* и английская *«A woman is a devil at forty» (досл. Женщина в сорок лет- это дьявол).*

Другой пример, *«Fair, fat and forty» – (досл. полная, милая, лет сорока)-* «женщина раннего среднего возраста, в расцвете лет». Несмотря на негативную коннотацию языковых единиц в последних фразеологизмах, в идиоматике английского языка можно выделить также устойчивые словосочетания с положительным оттенком, в которых лишь подчеркивается значимость рассматриваемого возраста: *«To understand a people, you must live among them for forty days» (досл.Чтобы понять людей, нужно прожить с ними сорок лет)* и *«Life begins at forty» (досл.Жизнь начинается в сорок лет).* Функционирование в речи последнего фразеологизма можно рассмотреть на примере из фильма «Life, love and laughter» (1934 год): «…There is a well-known saying that *life begins at forty*! In some ways, it does, I suppose, for many women; for children are beginning to grow independent and women can resume their careers …». Однако нужно сказать, что пословица, о возможности понимания людей только по достижению сорокалетнего возраста, пришла в речь англичан из арабского языка. Так заимствования – это один из важнейших источников пополнения фразеологии, свидетельствующий о взаимодействии языков.

Особое значение фразеологизмов состоит в том, что устойчивые словосочетания могут поразному функционировать в речи: они могут по категориальному признаку соотноситься с существительными, глаголами и наречиями, а также выполнять функцию междометия. В произведении Д. Н. Мамина-Сибиряка «Пустынька» встречается ещё один фразеологизм *сорок одно с кисточкой* – «шутливо-фамильярное приветствие при встрече»: «…Вашему превосходительству *сорок одно с кисточкой,* – проговорил он ходячую типографскую остроту…» [6], [10].

Рассмотрим функционирование этой же фразеологической единицы в романе «Разгром» А. А. Фадеева: «… приветствовал его Морозка. – Наше вам **—** *сорок одно с кисточкой*!.. – Я тебе не отец, а зовут меня Ф-федором… – озлился Пика…» [11].

В то же время субстантивным (то есть соотносимым с существительным) фразеологизмом является словосочетание *forty winks* – «короткий сон». Здесь имя числительное «forty» символизирует смену циклов, окончание одного цикла и начало другого: «…I think if you'll excuse me I'll just take a little nap. Just a little one, that is, if you'll kindly excuse me!" *Forty winks,*' Herbert said.' A good idea, Polly. I'll do the same myself…» [12].

Нужно отметить, что у данного фразеологизма есть вариант с другим компонентом – именем числительным: *nine winks* [7]. Согласно О. А. Шуменко, одним из объективных показателей десемантизации числительных в условиях постоянного контекста как раз является взаимозаменяемость числительных при сохранении общего значения ФЕ [5].

В немецком языке, по нашим исследованиям, числительное *vierzig* представлено в составе фразеологизмов в меньшей степени. Так в немецкой фразеологии существует выражения для качественной оценки «легкого дела»: *«mit links und vierzig Fieber (schaffen)» (досл. (делать) левой рукой и с температурой сорок)* [3]. Здесь, как и во фразеологизмах русского языка прослеживается символичные значения сорока́: «много», «большое количество».

Таким образом, среди исследуемых фразеологических единиц с компонентом- именем числительным *сорок* были выделены самые разные устойчивые словосочетания, отражающие различные аспекты жизнедеятельности человека. В различных языковых системах нумеративные фразеологизмы служат для оценки уникальных явлений. Заметим, что тема возраста находит отражение во фразеологии разных языков. Также сходство прослеживается в обращении фразеологии к вопросу характеристики большего количества. В целом, числовой компонент сорок привносит в состав ФЕ особый символизм. В то же время имя числительное, становясь компонентом фразеологизма, претерпевает семантическое переосмысление.

Библиографический список

1. Реформатский А. А. Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. Москва: Аспект Пресс, 1996.536 с.

2. Топоров В. Н. Числа // Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т.2. 630 с.

3. Федорцова В.Н., Челнокова А.А. Фразообразование с компонентами-числительными в немецком языке // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. т. 14, № 2 (4), 2012. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/frazoobrazovanie-s-komponentami-chislitelnymi-v-nemetskom-yazyke (дата обращения 11.11.2019).

4. Шакиров А.С. Семантико-типологический анализ нумеративных фразеологических единиц в разносистемных языках: автореф. дис. … канд. филол. наук. Самарканд, 1985. URL: http://cheloveknauka.com/semantiko-tipologicheskiy-analiz-numerativnyh-frazeologicheskih-edinits-v-raznosistemnyh-yazykah (дата обращения 20.11.2019).

5. Шуменко О.А. Семантика числительных английского языка во фразеологических единицах // Modern Linguistic Systems as Instruments of the Reality Transformation. London: IASHE, 2014. 86 p. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21546257_82057626.pdf (дата обращения 17.11.2019).

Словари

6. Евгеньева А. П. Малый академический словарь / Статьи на букву "К". Институт русского языка Академии наук. URL: http://rus-yaz.niv.ru/doc/small-academic-vocabulary/fc/slovar-202-11.htm (дата обращения 10.11.2019).

7. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / литературный редактор М.Д. Литвинова. М.: Русский язык,1984. 944 с.

Источники

8. Грекова И.Фазан. URL: https://e-libra.ru/read/88061-fazan.html (дата обращения: 29.11.19)

9. Мамин-Сибиряк Д.Н.. Пустынька / Повести и рассказы разных лет. 1898.

10. Фадеев А.А. Разгром / Собрание сочинений, т.1. М.:Советский писатель, 1926. 230 с. URL: http://lib.ru/RUSSLIT/FADEEW/razgrom.txt (дата обращения: 29.11.19)

11. Rhodes E., Ruth Appleby. London: Corgi Books, 1992. URL: https://www.english-corpora.org/bnc/ (дата обращения: 30.10.19)

УДК 83’374.4
ББК 81.411.2-5

М. С. Выхрыстюк, Д. Ю. Федотова
M. S. Vykhrystyuk, D. Y. Fedotova
(г. Тобольск)

Место объявлений и реклам в региональных газетах рубежа XIX–XX веков
Ad placement and advertising in regional Newspapers abroad XIX–XX centuries

Аннотация. В статье выполнен анализ включения объявлений и реклам в содержание сибирских газет. Авторы приходят к выводу о том, что к началу XX века количество рекламных объявлений в газетах увеличивается.

Ключевые слова: региональные газеты, особенности языка, публицистики, информационные и рекламные объявления.

Abstract. The article analyzes the inclusion of ads and advertising in the content of Siberian Newspapers. The authors conclude that by the beginning of the XX century, the number of advertisements in Newspapers is increasing.

Keywords: regional Newspapers, language features, journalism, informational and advertising ads.

Среди основных тенденций социально-экономического развития государства в целом и Тобольской губернии в частности конца XIX – начала XX века можно выделить развитие торговли в городах, рост численности торговых заведений, магазинов, лавок, коммерциализация прессы, появление ряда новых периодических изданий в губернии.

С момента издания «Временных правил о печати» 1865 г., во всех печатных изданиях появляется раздел «Объявлений», содержащий в шапке подробные сведения об условиях публикации и адресах приемных пунктов. Реклама в периодических изданиях конца XIX – начала XX века располагалась во второй, «неофициальной» части газеты. Примерно до 1900 г. вся информация рекламного характера занимала последние полосы печатного издания. И только начиная с 1900 г. реклама демонстративно выходит на первые полосы газет [2, с. 74].

Сибирская печать оформилась достаточно поздно по сравнению с другими регионами. С 1857 по 1917 гг. в Тобольске выпускались: «Известия временного комитета общественного спокойствия», «Народная свобода», «Родной голос», «Известия Тобольского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», «Сибирский листок», «Телеграммы газеты “Сибирский листок”», «Тобольские губернские ведомости», «Тобольский голос», «Тобольские епархиальные ведомости» и др. Не во всех изданиях присутствовали рекламные объявления. Представим список газет за 1857–1917 гг. хранящихся в фондах ТИАМЗ в г. Тобольске.

Таблица 1

Список газет за 1857–1917 гг. хранящихся в фондах ТИАМЗ в г. Тобольске, содержащих объявления и рекламные объявления

№	Название газеты	Годы и место издания	Аннотация	Наличие объявлений	Наличие реклам
1	Бюллетень Тюменского агента	1899 Тюмень	Справочное издание	+	+
2	Вестник Западной Сибири	1910 -1915 Тюмень	Общественная, литературная и экономическая газета	+	+
3	Ермак	1912–1917 Тюмень	Беспартийная, литературная, общественная торговая газета	+	–
4	Известия временного комитета общественного спокойствия	1917 Тобольск	Политическая	-	-
5	Сибирская торговая газета	1897–1917 Тюмень	Первая частная Тюменская газета. Виздании печатались статьи по торгово-промышленным вопросам Западной Сибири. В газете внимания уделялось обзорам ярмарочной торговли, сельскому хозяйству; поднимала вопросы истории, археологии, географии Сибири, отражала хронику жизни главных сибирских городов, давала описание фабрик и заводов.	+	+

6	Известия Тобольского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов	1917–1918 Тобольск	Политическая	-	-
7	Народная свобода	1917 Тобольск	Политическая	-	-
8	Родной голос	1906 Тобольск	Политическая	-	-
9	Сибирский голос	1906 Тюмень	Литературная, экономическая и политическая газета,	+	+
10	Сибирский край	1907 Тюмень	Литературная, экономическая и политическая газета.	+	+
11	Телеграммы газеты «Сибирский листок»	1917–1918 Тобольск	Приложение к «Сибирскому листку». Политическое издание.	+	–
12	Тобол	1907–1908 Тюмень	Литературная, экономическая и политическая газета. Политическое издание. Вело агитацию за кандидатов левого блока.	+	+
13	Тобольский край	1907–1908 Тюмень	Литературная, экономическая и политическая газета. Вело агитацию за кандидатов левого блока.	+	+
14	Тобольские губернские ведомости	1857–1904 Тобольск	Официальное издание	+	+
15	Тобольский голос	1907 Тобольск	Литературная, экономическая и политическая газета.	+	+
16	Тобольские епархиальные ведомости	1882–1919 Тобольск	Духовное и справочное издание	+	+
17	Сибирский листок	1890–1919 Тобольск	Первая тобольская частная газета, либерально направленная	+	+

Остановимся на характеристике периодических изданий, содержащих объявления и рекламные объявления.

Центральной губернской газетой конца XIX – начала XX века являлись ***«Тобольские губернские ведомости»*** (ТГВ), которые начали выходить с 1857 г. Газета состояла из официальной и неофициальной части. В неофициальной части печатались краеведческие статьи по экономике, статистике истории края, сведения об экспедициях, перепечатка документов из местных архивов, а также объявления [1, с. 12]. На второй и третьей полосах газеты помещались объявления. Приведем пример объявлений: *«Продается молоко. Гора, Аптекарский переулок, д. № 14»* [ТГВ, 19 февраля 1912, № 71, с. 1]; *«Торговый домъ "Ионовъ и Алинь"* (ТГВ, 19 февраля 1912, № 70, с. 2); *«Въ магазине М. Е. Ефимова открыта Чулочная мастерская…»* (ТГВ, 19 февраля 1912, № 71, с. 1).

Многочисленны в газете рекламные объявления. В «Тобольских губернских ведомостях» за 1858 г., в неофициальной части в разделе «Местные известия» была активна книгоиздательская реклама. Так, в № 9 встречается рекламное сообщение *«Объ издании съ 1858 года газеты Промышленный листокъ»*, построенное в виде диалога редактора с подписчиками и людьми, занятыми «*деломъ торговымъ»* (ТГВ, 1858, № 9, с. 116).

Рекламные объявления в «Тобольских губернских ведомостях» часто следуют от первого лица, вводятся новые приемы рекламирования. Так, интересным является рекламное объявление с предложением подписки на получение Тобольского и Московского вестника:

«<…> кроме 51 номера текста, при Вестнике еженедельно будутъ прилагаемы МУЗЫКАЛЬНЫЯ ПЬЕСЫ»; далее перечисляются их названия и крупно выделяется *«ОТ 70-ТИ ДО 80-ТИ ПЬЕСЪ»*. Людей завлекают тем, что в виде премии они получат полную оперу «Марта».

В номере газеты от 8 ноября 1858 г. небольшое объявление разворачивается в рекламную статью. То, что было детализировано, теперь оформляется компактно, кратко, выступая лозунгом, заголовком, который последовательно раскрывается: «*О пользе и достоинствахъ журнала не станемъ распространятся; въ конце объявления помещаемъ подробное оглавление всехъ музыкальныхъ приложений и театральныхъ пьесъ, проявившихся въ 1858 г. по настоящее время, изъ которого желающие подписаться ближе всего могутъ удостовериться в какой мере Вестникъ достигаетъ своей цели и исполняетъ свои обещания»* (ТГВ 1858, № 9, с. 675). Также в издании встречается реклама продуктов питания, ружей, средств гигиены: *«Секреты красоты. Глицеро-вазелиновое мыло молодости А.СИУ и К°. Москва. 20 коп. кус.»* (ТГВ 1900, № 20, с. 4).

С 1882 по 1919 гг. в Тобольске издавалась духовно-просветительская, справочно-информационная газета ***«Тобольские епархиальные ведомости»*** (ТЕВ), в которой присутствовали как объявления, так и реклама в виде подписок на журналы, газеты, а также реклама книг в неофициальном отделе издания.

Приведем пример объявления: *«С января 1902 года при редакции «Троицкихъ листковъ» съ разрешения святейшего Синода будетъ выходить новое периодическое издание: "Божья Нива"»* (ТЕВ 1902, № 1, с. 7).

На страницах газеты хорошо видно, как из чисто информационного объявления рождается рекламное: *«С января 1902 года при редакции «Троицкий листокъ» выходитъ периодическое издание: «Божья Нива». Это издание является Троицким собеседником для церковно-приходскихъ школъ. В нем могутъ напечатать свои рассказы, стихи и песни ученики начальныхъ классовъ и семинаристы, а также объявления о покупке или продаже мебели и другихъ вещей»* (ТЕВ 1903, № 3, с. 5).

В том и другом объявлении содержится информация о выходе периодического издания: «Божья Нива», но второе объявление нацелено на поиск целевой аудитории и в нем явно преобладает воздействующая функция над информативной.

С 20 декабря 1890 по 28 августа 1919 гг. выходила первая тобольская частная газета ***«Сибирский листок»***. Половину площади издания занимали объявления: о средствах гигиены, парфюмерии, медицинских препаратах, подписках на различные издания, на саму газету, продуктов питания, продаже и покупке недвижимости, предлагались образовательные и медицинские услуги, бытовая техника, музыкальные инструменты, мебель и т. д. Иногда объявления печатались несколько раз [Коновалова, 2006, с. 58]. Наличие полного собрания номеров газеты «Сибирский листок» позволяет проследить развитие рекламы на страницах данного издания с 1890 по 1919 гг. Анализ динамики объема рекламных площадей в данном издании такова: в 1890 г. объем рекламных объявлений составил 30%, 1895 г. – 35 %, 1900, 1905, 1910 и 1915 гг. – 50 %, 1917– 30 %, 1919 – 38 %. Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что отмечается стабильная положительная динамика в росте объемов в данном периодическом издании: с 30 % в 1890 до 50% в период с 1900 по 1915 гг. Революционные события 1917 г. повлияли на развитие газетной рекламы.

С 1917 г. стало выпускаться приложение к «Сибирскому листку» – ***«Телеграммы газеты "Сибирский листок"»*** (ТгСЛ). В издании содержались информационные объявления на разные темы: о сдаче жилья, продаже продуктов питания, о репертуаре электро-театров: *«Даю обеды. Туляцкая улица д. Венгерской № 2. Е. Садовская»* (ТгСЛ, 1917, № 22, с. 3); *«Продается молоко. Гора, Аптекарский переулокъ, д. № 14»* (ТгСЛ, 1917, № 20, с. 2). Отсутствие в газете рекламных объявлений вполне соответствовало ее названию, призывающему к немногословности изложения материала, четкости, краткости, лаконичности передачи информации.

С 27 июня по 10 августа 1907 г. издавалась литературная, экономическая и политическая газета ***«Тобольский голос»***. Для нее было характерно наличие как чисто информационных, так и рекламных объявлений о продаже вещей, мебели, животных, о предложении услуг: *«Щенокъ*

пойнтеръ продается. Войновская, д. Шуневича» (ТГ, 1911, № 15, с. 4); *«Добрымъ людямъ, любящим животныхъ. Котята белыя, пушистыя, ласковыя. Не гадятъ!»* (ТГ, 1909, № 8, с. 1).

В составе периодической печати Тобольской губернии выходило справочное издание ***«Бюллетень Тюменского агента»*** (БТА), газета, которая начала издаваться с 1899 г. На страницах бюллетеня печатались объявления о продаже и покупке домов, сена для скота, а также активно публиковалась реклама бытовых товаров, украшений, изделия фабрик и заводов: *«Продаю резиновые галоши. Тюмень, Екатеринбург, Томскъ, Представители А.Я. Андреева»* (БТА, 1899, № 2, с. 1; с. 3); *«Въ магазинахъ бр. Дмитриевыхъ получена Гурьевская и Астраханская белорыбица. Вполне пригодна для употребления. Количество ограничено»* (БТА, 1899, № 2, с. 37).

В 1910 г. вышел первый номер ***«Вестника Западной Сибири»*** (ВЗС). Это была общественная, литературная и экономическая газета. В ней печатались объявления о продаже и покупке товара, а также рекламировались подписки на художественно-публицистические издания, на саму газету, помещалась реклама пива, табачные изделия, электро-типографии, пишущие машины, недвижимость, предметы обихода, продукты питания.

Приведем примеры объявлений: *«Коньякъ Шустова»* (ВЗС, 1909, № 8, с. 1); *«Очки и пенсне. Имеются все приборы для правильного и точного отпуска очковъ»* (ВЗС, 1909, № 3, с. 2). Пример рекламного объявления: *«Пивоваренный заводъ Г.П. Ядрышникова рекомендуетъ высокого качества ПИВО белое, черное, желтое или красное и ФРУКТОВЫЕ воды для детей въ бутылкахъ и полубутылкахъ. Доставка бесплатная. Телефонъ № 40»* (ВЗС, 1900, № 11, с. 1).

С 28 апреля 1912 по 22 апреля 1917 гг. публиковалась беспартийная, литературная, общественная торговая газета ***«Ермак»*** (Е). На первой странице газеты были расположены объявления о репертуаре театра, о потере животных, курсах, книгах, пишущих машинах, меховых товарах, детских игрушках и велосипедах, одежде, услугах зубных врачей, продуктах питания, отправке пароходов по реке Иртыш: *«Нужна горничная. Обратиться въ контору Ермака»* (Е, 1911, № 171, с. 1); *«Меховой магазинъ открытъ. Тюмень. Царская улица»* (Е, 1913, № 1, с. 1). Объявления в газете выполняют чисто информационную функцию. Также на страницах «Ермака» встречаются подписки на различные издания, на саму газету.

С 1897 по 1917 гг. в г. Тюмени выходило первое частное газетное издание ***«Сибирская торговая газета»*** (СТГ). В ней печатались статьи по вопросам торгово-промышленного развития Западной Сибири. В газете особое внимание уделялось обзорам ярмарочной торговли, сельскому хозяйству. Газета поднимала вопросы истории, археологии, географии Сибири, отражала хронику жизни главных сибирских городов, давала описание фабрик и заводов. Присутствовали объявления средств гигиены, парфюмерии, медицинских препаратов, подписки на различные издания, на саму газету: *«Старотюменская аптека Герасимовой. Царская улица, рядомъ съ почтой»* (СТГ, 1909, № 3, с. 5); *«Кружки Эсмарха, Биде. Резиновые гулки, резиновое полотно и др.»,* (СТГ, 1909, № 4, с. 4); *«Кефирные лепешки, зубные и головные щетки»* (СТГ, 1909, № 7, с. 1); *«Для ваннъ: углекислая шипучая соль, сосновый экстрактъ и морская соль»* (СТГ, 1909, № 4, с. 4) и др. Наряду с чисто информационными объявлениями на страницах газеты присутствовали и рекламные объявления. Рекламировались продукты питания, продажа и покупка недвижимости, образовательные, медицинские услуги и т. д. Указание на разновидность объявления встречалось даже в самом объявлении: «*Тюменская реклама: цветы, вуали и свечи венчальные. Шкатулки свадебные. Цветы искусственные у Бр. Агафуровыхъ»* (СТГ, 1909, № 3, с. 5). В архиве г. Тобольска сохранились практически все номера данного издания за исключением нескольких. В «Сибирской торговой газете» объем рекламных объявлений составил: в 1897 г. – 20%, 1900, 1907 и 1912 гг. – 50%, 1917 г. – 30%.

«Сибирский край» (СК, 9 октября – 9 декабря 1907 гг.), ***«Тобол»*** (Т, 14 апреля – 8 июня 1908 г.), ***«Тобольский край»*** (ТК, 13 февраля – 8 апреля 1908 г.), ***«Сибирский голос»*** (СГ, 19 ноября 1906 г.) – литературные, экономические и политические газеты. В них печатались объявления об услугах: *«Продается комодъ, гардеробъ и др. Спасская ул., д. Копылова, кв. Миркович»* (СК, 1907, № 4); *«Получены золотые и серебряные пасхальные яйца. Магазинъ Альтмуляръ»* (ТК, 1907, № 4, с. 3); *«Шведские кильки и анчоусы (без костей) получены в магазин*

И. Е. Рыбина» (Т, 1907, № 8, с. 1) и др. А также присутствовала бытовая реклама: *«Опытная массажистка А.С. Герасимова. Массаж общий, хирургический, гинекологический. Специальный массаж и чистка лица. Прием от 10 утра до 12 дня. Д. Гилева № 4»* (СК, 1907, № 4, с. 3).

Газеты, являясь непосредственным и ключевым источником исследуемой проблемы, наиболее полным образом позволяют отразить процессы, происходившие в рекламном деле в конце XIX – начале XX века в Тобольской губернии.

Выполнив анализ функционирования объявлений на страницах газет за 1857–1917 гг. хранящихся в фондах ТИАМЗ г. Тобольска, приходим к выводу о том, что почти во всех периодических изданиях, выходивших в Тобольской губернии, и в городе Тобольске в частности, за исключением «Телеграммы газеты "Сибирский листок"» и газеты «Ермак», функционировали как чисто информационные объявления, так и объявления, содержащие в большей или меньшей степени рекламность. Динамика рекламных площадей позволяет сделать вывод о их существенном росте. Начиная с 1900 г. реклама начала увеличиваться и к 1915 г. стала занимать примерно половину площадей этих газет. Сравнивая содержательный план рекламных объявлений тобольских и тюменских газет, приходим к выводу, что в тобольских газетах акцент делается на рекламе иностранных, столичных и местных товаров, в тюменских чаще рекламируются именно тюменские товары, крайне редко встречается реклама иностранной продукции.

Библиографический список

1. *Горбачев, В.С. Печатные СМИ Тюменской области*: век XIX – век XXI [Текст] – Тюмень: ОАО «Тюменский издательский дом», 2013. Т. 1. 560 с.

2. *Малых, С.В.* Реклама на страницах периодической печати Восточной Сибири в 1880–е гг. – начале XX в. [Текст] / С.В. Малых // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 346.С.74–77.

УДК 811.161.1'42
ББК 81 + 82

А. Д. Гайнуллина
A. D. Gainullina
(г. Тобольск)

Жанр эпитафии в аспекте изучения
Genre of epitaph in the aspect of study

Аннотация. В статье рассматриваются особенности становления и структура жанра эпитафий. В ходе анализа текстов эпитафий приходим к выводу о том, что эпитафия в публицистических и лирических формах раскрывает аксиологические основы мировоззрения как просвещенных, так и низовых слоев общества, говоря об идеалах, этике, обычаях и нравах и тех, кто ушел, и тех, кто сочинял им надгробные надписи.

Ключевые слова: эпитафия, надгробные надписи, основы мировоззрения и культуры общества.

Abstract. The article discusses the features of the formation and structure of the genre of epitaphs. In the course of analyzing the texts of epitaphs, we come to the conclusion that the epitaph in journalistic and lyrical forms reveals the axiological foundations of the worldview of both enlightened and grassroots layers of society, speaking about the ideals, ethics, customs and mores of those who left, and those who composed their tombstone inscriptions.

Keywords: epitaph, tombstone inscriptions, foundations of the worldview and culture of society.

Среди всего многообразия памятников культурного наследия особое место принадлежит эпитафиям. Эпита́фия – это особый жанр творчества людей, заключающее в себе изречение

(часто стихотворное), сочиняемое на случай чьей-либо смерти и используемое в качестве надгробной надписи.

Эпитафия возникла в Древней Греции, где эпитафией считалась речь на торжественных годичных поминовениях павших за отечество.

В христианской традиции Эпитафия служит напоминанием её читателям о предстоящей встрече с Богом и необходимости подготовки к ней. Например, популярная эпитафия, высекавшаяся на надгробных камнях в России XIX века, гласила: *Прохожий! Ты идёшь, но ляжешь так, как я; Присядь и отдохни на камне у меня, Сорви былиночку и вспомни о судьбе; Я – дома, ты – в гостях; подумай о себе.*

Традиция эпитафии существует уже множество веков, и за это время выросла в целый жанр с собственными канонами и правилами. «Mementomori», что значит «помни о смерти» – распространенная тема классических эпитафий. Чаще всего надгробные надписи обращались к «путнику» или страннику», идущему по кладбищу или дороге. Путем эпитафии покойный вступает в диалог с читателем, призывая его остановиться, узнать что-то об умершем и подумать о неизбежном конце жизненного пути. Эта традиция принесла с собой и устойчивые выражения, в дальнейшем перекочевавшие в поэзию: «Стой, путник!» (Sta, viator!), «Остановись» (Sistegradum), «Тот, кто читает» (Quilegis), «Здесь погребен» (Hiciacet).

Со временем жанр менялся: в поздней античности на надгробных камнях порой писали загадки, предлагавшие отгадать имя умершего; в средневековье и Возрождение эпитафии более напоминали хвалебные оды; в XVIII веке надгробные тексты стали приземленными и больше напоминали список родственников покойного. В середине XIX века вместо эпитафий стали чаще писать краткие надписи с именем и годами жизни покойного. Во второй половине XX века жанр эпитафий вновь обрел популярность, и на надгробиях вновь появились короткие фразы и стихи – трогательные или скорбные, поучительные или торжественные, иногда ироничные.

В Россию эпитафии пришли достаточно поздно – в XVII веке. Первая известная российская эпитафия датируется 1681 годом – это стих из 50 строк, написанный монахом Германом на могиле патриарха Никона. В дальнейшем эпитафии обрели популярность в Российской Империи. В XX веке эпитафии не получили широкой распространения и оставались скорее прерогативой заслуженных деятелей страны и особых мемориалов. В 90-х гг. прошлого века интерес к эпитафиям снова стал расти – сейчас они есть на 10–15% от общего количества захоронений, и их популярность продолжает расти.

Нами были найдены эпитафии на страницах журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». Этот журнал был первым сибирским и в те годы единственным провинциальным периодическим журналом, одним из наиболее демократических журналов последней четверти XVIII века. Вторая половина XVIII века характеризуется особенным расцветом публицистики в России. Это было вызвано развитием русской общественной мысли и русского просветительства. Приведем пример найденной эпитафии в журнале «Иртыш, превращающийся в Ипокрену»: *Лежащий здесь судья, по имени Дамон, Спалъ мало и почти всегда въбумагахъ рылся. Но большебъ прибыли гораздо сдълалъонъ, Когда бы время то, въ которое трудился, Употребилъ на сонъ.* [январь 1789 г.]. Ироничная эпитафия становилась эпиграммой в современном ее понимании.

На надгробных памятниках тобольского Завального кладбища тоже имеются эпитафии. В ходе изучения эпитафий на Мемориальном Завальном кладбище, мы отметили интересную функцию, которую приобретает надгробие, – отождествление с ушедшим самого намогильного памятника. Любовное отношение к могиле – это не просто знак бытовой культуры и дань обычаю, это еще и проявление чувств. Приведем примеры некоторых эпитафий: *Я обниму твою могилу, Прильну к любимому портрету, А по щеке течет слеза. Конца и края скорби нету.* Порой в качестве эпитафии используются, фразы, которые любил повторять умерший: «Все будет хорошо…». Эпитафии, как обращение к самому умершему: *«Спасибо за то, что ты жил», «Спи спокойно, наша дочь», «Ты всегда в памяти нашей».* Эпитафия могла быть не только подлинной и мнимой, скорбной, но и ироничной: *«Наконец ты счастлив».*

Таким образом, поднимая важнейшие как в онтологическом, так и в гносеологическом отношении вопросы жизни и смерти, бытия и инобытия, эпитафия дает возможность непосредственно проследить, как они разрешались в народном сознании на бытовом, повседневном уровне. Тем самым намечаются множественные связи эпитафики с философией и богословием, различные на разных исторических этапах. Эпитафия в публицистических и лирических формах раскрывает аксиологические основы мировоззрения как просвещенных, так и низовых слоев общества, говоря об идеалах, этике, обычаях и нравах и тех, кто ушел, и тех, кто сочинял им надгробные.

УДК 74.4
ББК 378.016

Н. Р. Гейко
N. R. Geiko
(г. Костанай)

Изучение общественно-политической лексики на занятиях по переводу
Study of Social and Political Vocabulary during Translation Training

Аннотация. Статья посвящена вопросам изучения общественно-политической лексики на занятиях по переводу. Процессобучения общественно-политической лексике предлагается выстраивать в три этапа, на каждомэтапе обучающийсявыполняет комплекс заданий и упражнений, направленных на изучение, закрепление и использование общественно-политической лексики в профессиональной сфере.

Ключевые слова: общественно-политическая лексика, перевод, словарный запас, политическая сфера, средства массовой информации.

Abstract. The article is devoted to the study of socio-political vocabulary in the translation lessons. The process of teaching socio-political vocabulary is proposed to be organized in three stages, at each stage the student is given a set of specific tasks and exercises aimed at studying, training and further using socio-political vocabulary in the professional sphere.

Keywords: socio-political vocabulary, translation, vocabulary, political sphere, media.

Введение. Общественно-политическая лексика любого языка занимает значительное место в его словарном составе. В своем труде «Лексикология и Лексикография. Избранные труды» В.В. Виноградов подчеркивает, что «слово относится к действительности, отражает ее и выражает свои значения не изолированно, не в отрыве от лексико-семантической системы данного конкретного языка, а в неразрывной связи с ней, как ее составной элемент» [1, с. 164]. Такое понимание сущности слова, на наш взгляд, полно отражает природу лексических единиц общественно-политической тематики. Это именно тот пласт лексики, который наглядно фиксирует происходящие изменения в таких сферах жизнедеятельности, как политика, общество, культура, образование, экономика и т. д. С помощью этой лексики осуществляется общение на социально значимые и политические темы, освещаются события политической жизни внутри страны и за ее пределами. Экономическая, социальная, политическая и духовная сферы общественной жизни неразрывно связаны между собой. Следовательно, знание и понимание общественно-политической лексики и терминологии является важным для современного гражданина, и для переводчика общественно-политических текстов, который должен уметь верно передать реалии своей страны и страны изучаемого языка, видеть национально-культурную специфику общественно-политических слов.

Актуальность темы исследования обусловлена бурыми изменениями социально-политической сферы; явлениями, связанными с расширением международных контактов, развитием иноязычных СМИ. События, происходящие в современном мире, накладывают свои отпечаток на состав, сущность и характер общественно-политической лексики, которая претерпевает

значительные изменения, активно пополняется за счет заимствованной лексики, в большинстве своем из английского языка. Таким образом, изучение общественно-политической лексики требует систематического подхода, включающего поэтапное освоение, закрепление, и последующее ее употребление в повседневной и профессиональной сферах. Считаем важным внести вклад в современную методику обучения лексики и переводу, предложить комплекс заданий и упражнений, способствующих развитию переводческой и культуроведческой компетенций будущих переводчиков, а также учитывающих современное состояние общественно-политической жизни общества.

Цель данной статьи продемонстрировать комплекс упражнений, направленных на усвоение общественно-политической лексики, грамотное ее употребление при осуществлении устного и письменного перевода текстов публицистического стиля.

Гипотеза – знание общественно-политических реалии значительно снижает временные затраты на выполнение перевода, помогает выходить из трудной ситуации при выполнении устного и письменного перевода текстов, рассчитанных на широкую аудиторию, тем самым повышает качество перевода.

Обзор литературы. Мониторинг сайта российской научной электронной библиотеки e-LIBRARY[4] и бесплатной поисковой системы по полным текстам научных публикацийGoogleScholar [5] показал, что изучение общественно-политической лексики, как русского языка, так и иностранных языков привлекает внимание многих ученых на протяжении последних десятилетий (см. работы Т. В. Яковлевой, 2016; Г. А. Крюковой, 2005; К. Е. Долгуевой, 2018; В. И. Кувшинова, 2002; Е. В. Никитиной, 2010; Т. Д. Кирилловой, 2012 и др.). В исследованиях общественно-политической лексикинаблюдаются разные подходы и направления, в рамках данной статьи интерес представляют работы, посвященные проблемам изучения русскоязычной общественно-политической лексики в иноязычной аудитории (Г. А. Заварзина, 2007), изучению сложных слов общественно-политической лексикив учебном процессе (Г. У. Алеева, 2007), вопросам эффективности применения мультимедиа и интернета в обучении общественно-политической лексике (Я. Кэ, 2016), вопросам разработки комплекса упражнений для обучениюобщественно-политической лексике и отбора языкового материала для школьников (И. С. Грищенко, 1990), созданию учебных словариков общественно-политической лексики (М. М. Козлова, В. В. Трунова, Э. В. Шицко, 2017), уровням овладения общественно-политической лексикой (О. Н. Бакаева, 2017), графико-визуальной стратегии обучения общественно-политической лексике в вузе в условиях введения ФГОС, а также технологии критического мышления (Г. А. Трапезникова, Ф. Я. Хабибуллина, 2014, 2017) и другим лингвистическим, лингвосемиотическим, переводческим и лингвострановедческим аспектам.

Включение дисциплин «Общественно-политическая лексика», «Общественно-политический перевод», «Перевод общественно-политической лексики», Общественно-политическая лексика 2 ИЯ» в учебные планы подготовки переводчиков, лингвистов и филологов, а также проведение исследований, направленных на решение вопросов изучения и обучения общественно-политической лексике, свидетельствуют об актуальности данной темы, ее важности для современной методики обучения языку, и о необходимости выработать такие подходы в преподавании языка, которые бы соответствовали федеральным государственным образовательным стандартам.

Методология. В работе были использованы общенаучные, теоретические и эмпирические методы исследования, а именно изучение литературы для понимания степени научной разработанности темы, длительное наблюдение, беседа, прогнозирование, изучение продуктов деятельности, обобщение педагогического опыта.

Материал для исследования. В качестве материала для обучения общественно-политической лексике на примере русского и английского языков по дисциплине «Общественно-политическая лексика» использовались авторская разработка и учебные материалы сети Интернет. Авторская разработка представляет собой учебное пособие по переводу «Общественно-политическая лексика» [3], рекомендованное УМО РАЕ по классическому университетскому и техниче-

скому образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений. Пособие состоит из десяти последовательных модулей (Policy. Information. Power. Nation. Government. Control.Opinion. State. Minister. Agreement). Каждое занятие логически продолжает предыдущее, дополняет и расширяет полученные знания, установки и навыки. В практикуме представлен широкий выбор педагогических приемов обучения и воспитания: дискуссии, работа в парах и группах, упражнения на логическое развитие и прогнозирование, ролевые игры, эссе, коммуникативные и переводческие задания, реферирование и аннотирование англоязычных текстов. Активные и интерактивные методы обучения позволяют сделать работу преподавателя более профессиональной и эффективной, а учебный процесс более познавательным и увлекательным. В учебном пособии использовались исключительно аутентичные материалы из русскоязычных и англо-американских источников, которые отражали актуальные события, происходящие во всем мире. Содержание предлагаемых текстов и учебных заданий направлено на развитие у студентов навыков и умений в оценке актуальных проблем современности, т. е. развитие критического мышления, переводческих навыков передачи общественно-политической лексики, лингвострановедческой компетенции [2]. Материалы из сети Интернет представлены в основном аудиофайлами, видеоматериалами по тематике практических занятий. Например, сайтыhttps://listenaminute.com (на сайте представлено свыше 400 текстов с аудио), https://britishcouncil.org(на сайте присутствуют рубрики Skills: listening, Studybreak:Videozone, UKnow: VideoUK, Exams: Listening exams), https://breakingnewsenglish.com (озвученные новостные материалы представлены на американском и британскомвариантах английского языка).

Практическое применение учебного материала. Рассмотрим некоторые элементы пособия и возможности их практического применения в аудиторное и внеаудиторное время. На начальном этапе происходит ознакомление с лексическими единицами изучаемой темы. Студентам предлагается список слов и словосочетаний для прочтения и составления простых предложений с последующей работой в парах, суть работы заключается в устном последовательном переводе предложений студента А студентом Б, затем студент Б выступает в роли спикера, а студент А выполняет перевод. Студентам разрешается пользоваться списком слов и словосочетаний. При изучении общественно-политической лексики студентам необходимо усвоить прямые и переносные значения слов, поэтому в качестве домашнего задания студентам предлагается перевести с русского на английский и с английского на русский язык предложения, содержащие лексические единицы, изучаемые на практическом занятии с последующим комментированием и разбором переводческих трансформаций на практическом занятии.

На этапе закрепления лексики используются следующие коммуникативные и переводческие задания и упражнения с обязательным использованием изучаемой лексики: объяснение лексической единицы (составление словарной статьи к слову), заполнение пропусков в тексте, чтение и работа с текстом, подбор предложенных вариантов перевода, составление вопросов и ответов по содержанию текста и их последующий перевод, работа со словарем, специальной литературой и электронными ресурсами для изучения общественно-политических реалий английского языка и переносных значений общественно-политической лексики, составление тематического словаря, составление рассказа, упражнения на соответствие слова и его перевода, продолжение незаконченного предложения, запись абзацев по ключевым словам и воспроизведение их содержания, словарный диктант. Все перечисленные виды деятельности сопровождаются полным / частичным устным или письменным переводом.

На продвинутом этапе задания предполагают полное владение изученной лексикой, свободное оперирование общественно-политической лексикой при выполнении таких заданий, как участие в дискуссии, составление учебного диалога по предложенной преподавателем теме, аудирование новостных материалов, устный последовательный перевод аудио и видеоматериалов с английского на русский язык и наоборот, письменный перевод лексики в контексте, лексический тест по текущему материалу, последовательный перевод монологической речи одногруппника под запись, обсуждение вопросов и известных изречений, сравнительно-сопоставительный анализ текстов оригинала и перевода, аннотирование и реферирование англоязычных и русскоязычных общественно-политических статей, редактирование переводов,

работа с синонимами, комментирование актуальных событий своей страны и событий, происходящих в мире, участие в пресс-конференциях и ток-шоу.

Приведем в качестве примеров типовые задания, используемые для обучения общественно-политической лексике на занятиях по переводу в таблице № 1.

Табл. 1 Примеры типовых заданий 1, 2, 3 этапов

№	Этапы
	Пороговый (I)
1	**Составьте предложение, используя слова и словосочетания:**foolishpolicy, toform/ shapeapolicy, long-termpolicy
2	**Выполните перевод предложения одногруппника:** The government is the maker of policy.
3	**Переведите предложение с русского языка на английский, указав переводческие трансформации:** Недальновидная политика в области экологии и ТЭК приводит к стихийным бедствиям. Настало время следовать внешней полите тотального невмешательства
	Базовый(II)
1	**Дайте определения следующим лексическим единицам, не называя само понятие:** policy, state, control
2	**Заполните пропуски в предложении:** Diplomatic postsareem bassies, 1…, 2… and other place storepresentacountryoverseas. (1 – consulates, 2 – high commissions)
3	**Поясните политические реалии, используя дополнительные источники информации:** DowningStreet, shuttlediplomacy
4	**Составьте рассказ, используя следующие лексически единицы:** премьер-министр, Министерство иностранных дел, Министерство социального обеспечения, вчера, прибыть, встреча, экономический, повестка дня, двусторонний, заключить, решение.
5	**Продолжитепредложение:** While China is expanding its diplomatic …
	Продвинутый (III)
1	**Темы дискуссий:** 1. Would you be for a one-child policy for overpopulated countries? 2. Were there any problems with most recent elections in your country?
2	**Лексический тест: Fill in the blank:** Despite being more than 5% behind in the most of the latest _____, we are still optimistic of winning the election next month. A) Electorate.B) Referendum.C) Propaganda.D) Opinion polls.E) Parliament.
3	**Обсудите в паре следующие вопросы:** **Вопросы студентаА:** What comes to mind when you hear the word ‘politics’? Would you like to work in politics? Is politics important to you? **Вопросы студента Б:** Is there a relationship between politics and lies? At a guess, what percentage of politicians are corrupt? What local political issues are important in your town?
4	**Составьте диалог н аодну из предложенных тем:** War. Terrorism.Taking liberties.Environment.Discrimination.
5	**Выявите различия в употреблении следующих синонимов слова state:** А) Condition, category, mood; aspect (appearance), dilemma, pass, predicament; frame, fabric; stamp, light, complexion, style, character. Б) Affirm, air, describe, explain, interpret, narrate. В) Politic, commonwealth, community, federation, land, nation, republic, sovereignty, territory, union.
6	**Работа в малых группах:** Divide into two groups, one of which will consist of foreign ministers, the other – ministers from Russia and Kazakhstan. Organize a discussion around issues of globalization in the world. Choose two translators who will take turns to carry out two-way translation, to help each other if necessary.

Задания для самостоятельной работы включают написание эссе, разработку и представление презентации, создание учебного видеоролика, интеллектуальной карты, плаката, подготовку к дискуссиям, ролевую игру, систематическое чтение англоязычных новостных статей и их последующий пересказ на практическом занятии. В качестве примера приведем интеллектуальную карту, разработанную по теме Control.

Результаты. Наблюдение за работой студентов на практических занятиях по дисциплине «Общественно-политическая лексика» на протяжении нескольких лет показало, что свободное употреблениеобщественно-политической лексикипроисходит только после прохождения всех этапов усвоения лексических единиц. На каждом занятии необходимо выделять время на повторение уже изученных лексических единиц. В противном случае

изученные слова и словосочетания общественно-политической тематики переходят в пассивный словарный запас, студент помнит, что ранее изучал данную единицу, однако с трудом вспоминает ее значение или перевод. Следует указать, что материал, изучаемыйна всех этапах обучения, подбирается с учетом экстралингвистического, лексико-грамматического,исторического, парадигматического и функционально-стилистического компонентов лексического значения слова.

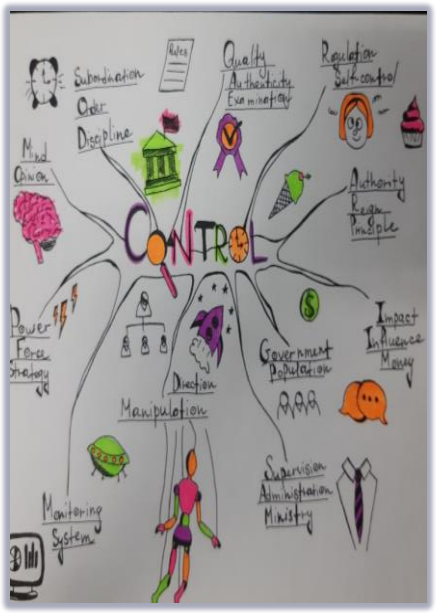

Рис. 1 Mindmap (интеллектуальная карта)

Заключение. Изменения, происходящие в общественной и политической сферах жизнедеятельности, влияют на состав и характер общественно-политической лексики. Систематическая и поэтапная работа по изучению общественно-политической лексики будущими лингвистами и переводчиками способствует более эффективному ее запоминанию, активному употреблению, и качественному выполнению устного и письменного перевода. Дальнейшее изучение темы будет направлено на выявление наиболее продуктивных и эффективных методов изучения и обучения общественно-политической лексике.

Библиографический список

1.*Виноградов В. В.* Лексикология и лексикография: избранные труды. М., 1977.312 с.

2.*Гейко Н. Р.* Общественно-политическая лексика (учебное пособие по переводу) // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 5–2. С. 244–245; URL: http://expeducation.ru/ru/article/view?id=7609 (дата обращения: 28.11.2019).

3.*Гейко Н. Р.* Общественно-политическая лексика: учебное пособие по переводу. Костанай: ТОО «NewLineMedia», 2016. 168 с. + электрон. опт. диск (CD-ROM). URL:http://89.218.140.251/EK/Гейко Н.Р. Общественно-политическая лексика.pdf. (Гриф УМО РАЕ)

4.Научная электронная библиотека e-LIBRARY.RU [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/defaultx.asp – Загл. с экрана. (Дата обращения 15.11.2019).

5.GoogleАкадемия [Электронный ресурс]. URL: https://scholar.google.com/. – Загл. с экрана. (Дата обращения 15.11.2019).

УДК 141
ББК 87.1

Н. В. Глухих
N. V. Gluhyih
(г. Челябинск)

Лингвокраеведение в образовательном процессе школы и вуза
Linguistics in the educational process of schools and universities

Аннотация. Статья посвящена основным вопросам изучения южноуральского лингвокраеведения в школе и вузе. Обобщаются результаты ряда исследований региональных материалов. Авторы обращают внимание на актуальность предмета, практическую направленность и научную ценность лингвокраеведческих изысканий для обучения и воспитания подрастающего поколения.

Ключевые слова: южноуральское лингвокраеведение, синхронное лингвокраеведение, диахроническое лингвокраеведение, ономастика, топонимика, антропонимика.

Abstract. The article is devoted to the main issues of studying South Ural linguistics at school and University. The results of a number of studies of regional materials are summarized. The authors pay attention to the relevance of the subject, practical orientation and scientific value of linguistic and regional studies for training and education of the younger generation.

Keywords: South Ural linguistics, synchronous linguistics, diachronic linguistics, onomastics, toponymy, anthroponymy.

Лингвокраеведение – междисциплинарный интегративный курс, включающий теоретические и аналитические региональные материалы языкознания, лингвокультурологии, этнолингвистики, диалектологии, социолингвистики, фольклористики, а также географии и истории. Южноуральское лингвокраеведение к концу XX века обрело статус развивающегося научно-практического направления краеведения и языкознания, имеющего свою историю. Оно структурируется как синхронное (современное) и диахроническое (историческое).

Синхронное лингвокраеведение изучает живой языковой материал: народные говоры, полудиалекты, общий жаргон, нестандартную живую речь (арго, профессионализм, письменную и звучащую нелитературную речь) в разных условиях сельской и городской речевой коммуникации. Диахроническое лингвокраеведение базируется на архивном наследии прошлого – рукописных и старопечатных материалах. На Южном Урале и в Зауралье это в основном деловая письменность середины XVIII – начала XIX вв. При историческом подходе синтезируется проблематика лингвистического источниковедения, диалектологии, исторического и филологического краеведения, исторической стилистики, лингвокультурологии.

Таким образом, лингвокраеведение объединяет теоретические изыскания об эволюции русского языка в регионе. Это согласуется с возникшей в XXI веке общенаучной задачей синтезировать наблюдения и обобщения в области синхронного и диахронического языкознания в единое цельное научное знание о русском языке как феномене культуры нашего народа. Знания, полученные учащимися в ходе изучения курса, являются основой понимания языка как знаковой коммуникативной системы, дают представление о региональном лингвистическом пространстве, истории развития языков коренных народов и их классификации, обогащают представление об активных процессах, происходящих в современном русском языке, роли русского языка как государственного, задачах русского языка в свете геополитики Российской Федерации.

На Южном Урале накоплен обширный диалектный материал, создан значительный банк транслитерированных скорописных текстов XVIII–XIX вв. из местных архивов и краеведческих музеев, опубликованы пособия по работе со скорописью, осмыслена и описана в монографиях, диссертациях, статьях, словарях специфика ряда конкретных объектов регионолекта.

Это позволяет считать, что в нашем регионе в основном подготовлена теоретическая и материальная база для научно-практического обеспечения регионального аспекта (компонента) при изучении русского языка в высшей и средней школе нашего края.

Вместе с тем, остаются неизученными многие стороны живого языкового общения южноуральцев в непрерывно меняющейся современной жизни городов, сёл и т. д. Почти три столетия в архивах Челябинска и Кургана еще есть и ждут своих «переводчиков» южноуральские рукописные документы, написанные трудно читаемой скорописью.

В контурно обозначенном объёме южноуральского лингвокраеведения много простора для творчества как вузовского преподавателя и студентов, так и школьного учителя-словесника и учеников. В результате изучения курса учащиеся должны иметь представление о роли русского языка как одной из основных национально-культурных ценностей народа, о связи языка и культуры народа, о роли родного языка в жизни человека и общества; быть способными осуществлять коммуникативно целесообразное взаимодействие с окружающими людьми в процессе речевого общения.

Предмет лингвистического краеведения в школе – региональная специфика языка, проявляющаяся в диалектных особенностях, местной ономастике, языке произведений устного народного творчества, языке художественных произведений писателей, которые биографически связанных с местным краем, языке региональных исторических документов, словаре местных промыслов, а также в речевом поведении жителей региона. Его главный объект – жизнь языка определённого народа на ограниченной территории в прошлом и настоящем, то есть региолект в развитии с учетом всех или большинства его составляющих. Важными источниками материала для лингвистического анализа являются хрестоматии «Литература России. Южный Урал» для 5–9 и 10–11 классов, составленные коллегами из ЧИППКРО и литераторами г. Челябинска [4, 5], а также топонимические словари, авторы их – известные краеведы Александр Павлович Моисеев [6] и Владимир Васильевич Поздеев [7].

Знания, полученные учащимися в ходе изучения курса, являются основой понимания языка как знаковой коммуникативной системы, дают представление о региональном лингвистическом пространстве, истории развития языков коренных народов и их классификации, обогащают представление об активных процессах, происходящих в современном русском языке, роли русского языка как государственного, задачах русского языка в свете геополитики Российской Федерации.

Основная цель курса – обеспечить приобретение учащимися знаний о лингвистических особенностях родного края, дать основные сведения о русских диалектах и языках, распространенных на территории Южного Урала, ознакомить с историей их формирования и современным состоянием, этнографическими особенностями данной местности, культурой и бытом народов, ее населяющих, что позволит создать базу для дальнейшего изучения гуманитарных дисциплин. В настоящее время образовательными организациями Челябинской области накоплен опыт лингвокраеведческой работы, обобщенный в пособиях и методических рекомендациях. Педагогический университет, а также филологические кафедры ЧелГУ и ЮУрГУ активно сотрудничают с Челябинским институтом переподготовки и повышения квалификации работников образования, за последнее время разработаны различные программы и методические рекомендации по работе с региональными материалами, например, «Тематическое планирование уроков русского языка в 5–9 классах с включением НРЭО» [8], которое содержит методические рекомендации для учителя. В школах области используются материалы отдельных учителей-энтузиастов нашего региона, например, О. И. Бондаря и Л. А. Бондарь (Аша), Н. Е. Скачковой (Катав-Ивановск), Г. В. Мосиной, Ю. И. Титова, Н. Н. Сологуб (Челябинск), О. Е. Волковой (Снежинск), М. А. Авериной (Озерск) и др. Это исключительно продуктивный, творческий аспект работы, который позволяет учителю преподавания русского языка оптимально решать профессиональные, образовательные и воспитательные задачи, не забывая общечеловеческих проблем и ценностей. В ряде школ последовательно реализуются

программы курсов «Уральское лингвокраеведение», включающие предметную область и внеурочную работу. Для примера – один их блоков такого факультативного курса школы № 13 г. Челябинска.

Таблица 1. Один их блоков такого факультативного курса школы № 13 г. Челябинска

Содержание уч-го предмета	Основные виды учебной деятельности обучающихся
I. Ономастика(топонимика и антропонимика) края	
Ономастика(топонимика и антропонимика) края	Изучение словарей, научной и научно-популярной периодической литературы по лингвистическому краеведению, подготовка рефератов, проектов
Классификация топонимов. Топоним Челябинск	Изучение словарей, научной и научно-популярной периодической литературы по лингвистическому краеведению, подготовка рефератов, проектов.
Этимология гидронимов Челябинской области	Работа с топонимическим словарем. Составление и решение лингвистических кроссвордов.
Защита проекта по теме «Урал – страна тысячи озёр»	Защита проекта по теме «Урал – страна тысячи озёр»
Антропонимика края	Изучение словарей, научно-популярной периодической литературы по лингвистическому краеведению, подготовка рефератов,
Ойконимы Челябинской области	Работа с картой области. Изучение словарей, научной и научно-популярной периодической литературы по лингвистическому краеведению, подготовка рефератов, проектов.
«Что в имени твоем, улица?». Работа с картой Челябинска.	Мини – проекты, доклады.
История области, города и района, запечатленная в языке.	Работа с музейными и архивными материалами. Научно-исследовательские работы. Экскурсия в краеведческий музей.
Великая Отечественная война в топонимике города	Изучение словарей, научной и научно-популярной периодической литературы по лингвистическому краеведению, подготовка рефератов, проектов.

Такова, например, концепция формирования современной культурно-образовательной среды «Я – златоустовец». Коллектив педагогов-методистов разного профиля златоустовского городского округа разработал ориентированную на возраст (от дошкольного до старшего школьного) программу учебно-краеведческого курса, который дополняет уроки истории, географии, биологии, литературы, экологии и обществоведения [1, с. 383–398].

В школьном курсе русского языка лингвокраеведческий материал накладывается на программу обязательного базового системно-структурного изучения русского языка, углубляя его в коммуникативном и культурологическом плане. Тематически адаптированный местный материал в умеренных дозах на уроках русского языка должен помочь учителю воссоздать «языковую среду обитания» в её прошлом и настоящем. Опыт создания курса лингвокраеведения в ряде регионов России подтвердил актуальность, нужность и оправданность его введения в программу вузов. Это отражено в работах группы Л. А. Глинкиной (Челябинск), Калерии Ивановны Демидовой, Марии Эдуардовны Рут (Екатеринбург), Т. В. Дементьевой, Марины Робертовны Шумариной (Балашов), Надежды Михайловны Харловой (Шадринск) и др. [2, 3]. Учебный план вуза предполагает наличие специальных дисциплин, способствующих приобщению студентов к духовным ценностям своего народа. Среди языковых курсов это лингвистическое краеведение, которое призвано решить следующие задачи: изучить истоки языковых реалий региона; дать информацию о современном состоянии характерных для региона ономастических групп лексики; проанализировать живую разговорную речь как отражение языковой ситуации на уровне региона; наметить перспективы развития языка в диалектном, ономасеологическом, культурологическом аспектах на примере конкретной территории. Цель дисциплины – создание у обучающихся целостного представления о языковой картине региона. Основное содержание – изучение этнолингвистического и ономастического ландшафтов

региона и его характеристик как дидактического материала, ознакомление с принципами применения этнолингвистического анализа для успешного решения учебных задач на уроках гуманитарного цикла в условиях поликультурного региона.

В отличие от школьной практики систематического и последовательного включения лингвокраеведческих сведений в общеобразовательный круг русского языка, вузовский курс лингвокраеведения должен быть цельным по содержанию и форме в системе высшего филологического образования. По содержанию вузовский курс должен охватывать все стороны изучения южноуральского региолекта в его историческом развитии. Обучение может проводиться в групповой и индивидуальной форме, включая источниковедческую и диалектологическую практику. Заметим, что данный курс находит отражение в учебных пособиях, методических рекомендациях, практикумах и т. п. во многих вузах, в том числе и Тобольском педагогическом вузе, и в ЮУрГГПУ (Челябинск).

Как в школе, так и в вузовской практике, курс состоит из нескольких блоков, соответствующих отдельным сторонам функционирования языка и культуры. При этом основные направления – общие для школы и вуза, различие состоит в глубине, объеме и самостоятельности сбора и изучения материалов, качестве и уровнях анализа языковых единиц. Тематика исследовательских блоков может быть следующей:

1. Южноуральское лингвокраеведение как научно-практическое направление в его истории: «Историография в лицах» и трудах краеведов.

2. Синхронное лингвокраеведение:

- Диалектный ландшафт Южного Урала в конце XX века: его формирование в процессе переселения населения (XVIII–XIX в.).

- Городское речевое общение: просторечие, жаргоны, профессиональная речь. Языковой портрет городов (в вывесках, объявлениях, рекламе).

- Особенности речевого поведения отдельных социальных групп.

- Профессиональная коммуникация: наиболее распространенные профессиональные языки Южного Урала.

- Этнографические элементы в коммуникации жителей Южного Урала.

- Современная обрядовая лексика как отражение языковой картины мира в региональном аспекте (описание отдельных обрядов: свадебного, календарных, ритуальных).

3. Диахроническое лингвокраеведение:

- Архивные и музейные документы XVIII–XIX веков об истории южноуральского региона: документооборот, стандарты, скоропись.

- Деловой язык в регионе XVIII–XIX веков. Жанрово-стилистическое многообразие деловой письменности: административно-государственное актовое письмо, церковные документы, деловая переписка (эпистолярий), бытовая письменность.

- Языковой анализ разных типов местной письменности прошлого из архивов и музеев.

4. Ономастика региона в развитии (синхронно-диахронический аспект):

- Топонимика: названия рек, гор, населенных пунктов, микротопонимика домонгольского, монгольского, славянского периодов.

- Антропонимика: именослов переселенцев с XVIII в. Современная антропонимика.

5. Художественное слово на Южном Урале.

- Народное поэтическое наследие Южного Урала. Уральский фольклор.

- Язык художественных произведений южноуральских поэтов и писателей. Современные писатели региона.

В качестве оценочных средств обучающиеся выполняют практикоориентированные задания: составить конспект урока или внеклассного мероприятия по лингвокраеведению для конкретной возрастной группы; разработать тематику и рекомендации к проектной работе для отдельного класса; разработать тематическое планирование по лингвокраеведению для какого-либо класса средней школы и др.

В результате этой работы формируются компетенции, требуемые ФГОС 3++.

Таблица 2. Формируемые компетенции по ФГОС 3++

УК-5. Способен анализировать и учи-тывать раз-нообразие культур в процессе межкультурного взаимодействия	**УК-5.1. Знает:** национальные, конфессиональные и этнокультурные особенности и национальные традиции; основные принципы и нормы межкультурного взаимодействия.
	УК-5.2. Умеет: грамотно, доступно излагать профессиональную информацию в процессе межкультурного взаимодействия; соблюдать этические нормы и права человека; анализировать особенности социального взаимодействия с учетом личностных, национально-этнических, конфессиональных и иных особенностей участников коммуникации.
	УК-5.3. Владеет: способами выбора адекватной коммуникативной стратегии в зависимости от культурного контекста коммуникации и поставленных целей.

Изучение местного языкового материала имеет большое познавательное значение в профессиональной филологической подготовке учителей. Это также воспитание глубокого уважения к уходящему диалектному слову, к нормированному литературному языку, любви к «малой Родине», понимания русского языка как народного достояния.

Библиографический список

1. Бугринова Н.В., Качева Е.В., Раковская С.Б., Рыбкина Т.А. О концепции учебно-краеведческого курса "я – златоустовец" как образовательном проекте златоустовского городского округа. // XX Уральские Бирюковские чтения. Краеведческие поиски и находки: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения В.П. Бирюкова. Челябинск: Абрис, 2013. С. 383–398.
2. Глинкина Л.А. К историографии лингвокраеведения на Южном Урале // Гороховские чтения: материалы седьмой регион. музейн. конф. Челябинск, 2016. С. 474480.
3. Глинкина Л.А., Лабзина М.В., Турбин Г.А. Лингвистическое краеведение на Южном Урале (к индивидуальному компоненту в преподавании русского языка в школе) // Челяб. ин-т повышения квалификации и переподготовки работников обазов-я. Челябинск, 1995. С.32–39
4. Литература России. Южный Урал: хрестоматия: 5–9 кл. / сост.: Н. А. Капитонова, Т. Н. Крохалева, Т. В. Соловьева. – Челябинск: Взгляд, 2002. – 495 с.
5. Литература России. Южный Урал: хрестоматия. 10–11 класс / сост. Т. Н. Крохалева; Т. В. Соловьева; Л. И. Стрелец. 2-е изд., испр. Челябинск: Взгляд, 2004.
6. Моисеев, А. П. Топонимическое краеведение. Челябинская область [Текст]: (лингвистическое) / А. П. Моисеев. Челябинск: Абрис, 2013. 156 с.
7. Поздеев, В. В. Топонимика Южного Урала: историко-топонимический словарь / В. В. Поздеев. – Челябинск: Край Ра, 2013. – 399 с.
8. Тематическое планирование уроков русского языка в 5 – 9 классах с включением НРЭО»: методические рекомендации для учителей русского языка / авт.-сост.: Е.Г. Боровкова, О.Н. Гулеватая, Н.В. Глухих, М.В. Корниенко, О.В. Мешкова, Т.В. Соловьева, Ю.Н. Титов. – Челябинск: ЧИППКРО, 2016. –108 с.

УДК81’2/’44
ББК 81-82

Е. А. Демидкина
E. A. Demidkina
(г. Воронеж)

Фразеологизмы как средство отражения комического в произведениях Э. Кестнера
Phraseologiscal units as a means of expressing the comic in E. Kestner’s works

Аннотация. Феномен «комического» длительное время описывается в рамках различных научных подходов, с целью определения его сущности, средств выражения и т. п. В данной

статье рассматриваются роль и место фразеологизмов как средствасоздания комического в произведениях Э. Кестнера, относящихся к разным литературным жанрам.

Ключевые слова: фразеологизмы, комическое, средства выражения комического

Abstract. The phenomenon of the “comic” has been given due attention in the framework of various scientific approaches in order to determine its essence, means of expression, etc. The article discusses the role and place of phraseological units as a means of creating the comic in E. Kestner’s works, which relate to different literary genres.

Keywords: Phraseological units, comic, means of expressing the comic

Комическое предстает с давних времен предметом исследования многих научных направлений. Основополагающим является определение комического как «категории эстетики, выражающей в форме осмеяния исторически обусловленное (полное или частичное) несоответствие данного социального явления, деятельности и поведения людей, их нравов и обычаев объективному ходу вещей и эстетическому идеалу прогрессивных общественных сил» [5: 237].

Как справедливо отмечает В. Я. Пропп, социальный характер комического обусловлен его сущностью и эстетической функцией. Его первопричины следует искать в объективных противоречиях общественной жизни. Комическое может проявляться по-разному: в несоответствии нового и старого, содержания и формы, цели и средств, действия и обстоятельств, реальной сущности человека и его мнения о себе[5: 237].

Вопрос о природе и сущности комического рассматривался представителями разных наук, таких как эстетика, философия, психология, социология, филология, когнитивная лингвистика и др., что объясняет множество имеющихся на сегодняшний день концепций. Неоценимый теоретический и практический вклад в изучение феномена комического внесли такие ученые как М. М. Бахтин, Д. С. Лихачев, В. Я. Пропп, Ю. Б. Борев, Н. Гартман, Б. Дземидок, А. Н. Лук, А. В. Карасик и др.

Комическое в лингвистических исследованиях рассматривается не просто для вызывания с целью достижения юмористического эффекта, но как высшая ступень овладения языком.

Комическое субъективно по своей природе, но также обладает коллективной интенциональностью, что определяется образом жизни народа, стереотипами его поведения, традициями, поскольку юмор один из важнейших концептов культуры. С течением времени меняется наш менталитет и наше понимание комического. Это во многом объясняет тот факт, то, что не кажется смешным одной культурно-исторической среде, начиная с обычаев, одежды, занятий, обрядов, форм развлечений и т. п., вызывает смех у другой, и наоборот.

Значение комического заключается во многом в том, что оно характеризует тексты культуры, в которых заостряются противоречия окружающей действительности. Это побуждает реципиента выражать свою нравственную позицию относительно этой действительности, выстраивать межличностные отношения, в том числе, в коммуникативном поведении в рамках духовных ценностей, сформированных данной культурой.

В предлагаемой статье материалом исследования послужили произведения Э. Кестнера «Трое в снегу», «Фабиан. История одного моралиста», «Конференция зверей». Несмотря на полный искрометного юмора язык, Э. Кестнер ставит перед собой задачу не только развлечь читателей, но и привить им гуманистические ценности. В своих произведениях он обличает человеческие пороки, призывает к терпимости, говорит о социальной справедливости. Пройдя нелегкий жизненный и творческий путь, Э. Кестнер пытается оградить подрастающее поколение от ошибок прошлого.

Главное, что отличает его произведения – это талант и доброта. Как отмечает в предисловии к его книге «Проделки близнецов» переводчица Е. Вильмонт, «его талант добр, а доброта талантлива. Он умен, ироничен, он не только любит детей, он их уважает. А потому его истории западают в душу».

В истории литературы Э. Кестнер знаменит не только как выдающийся детский писатель, автор увлекательных, ироничных, развлекательных произведений, но и как автор романа в

стиле «новой деловитости», имеющий антифашистскую направленность. В данном произведении автор запечатлел ситуацию в Германии накануне прихода к власти фашизма, Кестнер демонстрирует важные закономерности действительности. Э. Кестнерпережил две мировых войны и фашизм. Но лишь в немногих произведениях находит свое отражение тема войны. Одним из таких произведений является сатирическая сказка для детей и для взрослых «Конференция зверей».

В результате исследования разных произведений Э. Кестнера ведущим средством создания комического в его развлекательной литературе (юмористических повестях и рассказах) являются фразеологические единицы, что объясняется во многом природой самих ФЕ, наличием метафорического образа, присутствием экспрессивных и эмоциональных сем в значении, особенностью внутренней формы фразеологизмов и т. п.

В ходе исследования нами были выявлены следующие способы создания комического на основе фразеологических единиц:

1) наличие компонентов с разговорной или фамильярной окраской,

2) метафорические образы,

3) апелляция к прямому значению,

4) структурно-семантическая трансформация ФЕ,

5)гиперболизированное описание явлений действительности.

Использование таких единиц делает речь красочней, эмоциональней. ФЕ также играют ключевую роль в создании образов персонажей и помогают читателю ярче представить идею, которую, хотел выразить автор и понять скрытый подтекст произведения.

Примером реализации комического за счет свойств отдельных компонентов ФЕ, лексем с разговорной, фамильярной окраской, может послужить эпизод, где Шульце в довольно резкой форме говорит о почитательницах Хагедорна:

„Nun tanzen Sie schon endlich mit einer Ihrer Verehrerinnen!“ sagte Schulze zu Hagedorn. „Es ist ja kaum noch zum Aushalten, wie sich die Weiber die Augen verrenken!“ (DreiMännerimSchnee, S. 94). Данный пример иллюстрирует насмешливое отношение героя к дамам, которые принимают безработного Хагедорна за миллионера, постоянно заигрывают с ним, так как считают его хорошей партией.

Примером фразеологизма, содержащего метафорический образ, способствующего созданию эффекта комического, является фразеологическая единица „ausdenUferntreten“. Госпожа Кункель теряет самообладание, когда видит своего хозяина, выдающего себя за бедняка. Ее излишне беспокойное поведение сравнивается с рекой, вышедшей из берегов: „Gott sei Dank, Sie leben noch! Aber schlecht sehen Sie aus. Na, es ist ja auch kein Wunder.“ „Ruhe!“, befahl Hilde. Doch Frau Kunkel trat bereits aus den Ufern. „Auf Leitern klettern, die Eisbahn kehren, Kartoffeln schälen, in einer Rumpelkammer schlafen...“ (DreiMännerimSchnee, S. 173).

Апелляцию к прямому значению фразеологизма можно наблюдать в следующем примере: „Na, ich werde das Fräulein mal unter die Lupe nehmen. Wenn sie mir nicht gefällt, erlaube ich`s nicht. Abwarten und Tee trinken. Tee trinken, habe ich gesagt. Lade sie zum Abendessen bei uns ein!“ (DreiMännerimSchnee, S. 215). Также возникновению комического эффекта способствует трансформация ФЕ. В юмористической повести Э. Кестнера „Трое в снегу“ были выявлены различные виды трансформаций ФЕ. Как показывают наблюдения, в анализируемом произведении чаще всего встречаются субституции, то есть замена одного компонента ФЕ другим. Например: „Wir drei Männer stiegen in eine unterirdische Weinkneipe, und nach vier Stunden hatten wir zahlreiche Zacken in der Krone.“ (Drei Männer im Schnee, S. 8)

В данном случае комический эффект достигается за счет усиления значения фразеологизма «einen Zackenin der Kronehaben» (разг. бытьпьяным, бытьподмухой) спомощьюзамены «einen Zacken» на «zahlreiche Zacken», что подчеркивает сильную степень алкогольного опьянения героев.

Другой пример: в финале повести в разговоре между директором отеля и портье мы встречаем следующую фразу: „DreiGäste, dieererstseiteinpaarTagenkennt, schließensichan. Ich fürchte, wir haben uns da eine sehr heiße Suppe eingebrockt.“(DreiMännerimSchnee, S. 223)

Комический эффект достигается путем трансформации фразеологизма «j-meineschöneSuppeeinbrocken» (разг. ирон. подложить свинью кому-л), при этом schön меняется на sehrheiß, что ассоциируется с чем-то неприятным, способным причинить вред. Таким образом, читателю становится ясно, что герои хотели подложить свинью другому, а вышло так, что они сами попали в свою ловушку.

В отдельных случаях комический эффект вызывает такой вид трансформации ФЕ как моделирование, то есть образование фразеологизма по аналогии с уже существующим. Например, мать Хагедорна, узнав, что ее сын в скором времени может получить работу в крупном концерне, пишет в письме: „Er will für Dich die Daumen halten. Das finde ich, wo er nur zur Untermiete bei uns wohnt, sehr anständig von ihm. Ich halte nicht nur die Daumen, sondern auch die großen Zehen».“(DreiMännerimSchnee, S. 151)

В отдельных случаях присутствуют гиперболизированные описания того или иного явления действительности. Гипербола является не основным, а сопутствующим средством создания комического, усиливает этот эффект. «Als auch Johann gegangen war, meldete Hilde hastig ein dringendes Gespräch mit Bruckbeuren an. „Es bleibt kein anderer Ausweg“, sagte sie zur Kunkel. „sonst geht morgen Abend die Welt unter“.»(DreiMännerimSchnee, S. 39)

В отдельных случаях для выражения комического эффекта в романе «Фабиан. История одного моралиста» служат фразеологические единицы. Рассуждая о том, можно ли в сложившейся экономической ситуации позволить себе жениться и завести семью, Фабиан в резкой язвительной форме опровергает пословицу «разделенное горе – это половина горя». Он убежден, что, если речь идет о таком горе как бедность, эта пословица не работает. Он критикует тех людей, которые, не имея работы и постоянного дохода, заводят семью и обрекают членов своей семьи на голодное существование. „Ich weiß nicht, von wem der Satz stammt, daß geteiltes Leid halbes Leid sei, aber wenn der Quatschkopf noch leben sollte, dann wünsche ich ihm zweihundert Mark monatlich und eine achtköpfige Familie. Da soll er sein Leid so lange durch acht dividieren, bis er schwarz wird.“ (Fabian, S. 83)

Другойпример: «Was tut man mit unserem Globus? Man behandelt ihn mit Kamillentee. Alle wissen, daß dieses Getränk nur bekömmlich ist und nichts hilft. Aber es tut nicht weh. Abwarten und Tee trinken, denkt man, und so schreitet die öffentliche Gehirnerweichung fort, daß es eine Freude ist.» (Fabian, S. 35) В данном примере наблюдается апелляция к прямому значению фразеологизма „AbwartenundTeetrinken“. Фабиан выражает негодование по поводу бездействия политиков в условиях острого экономического и политического кризиса, а те немногие предпринимаемые меры, он сравнивает с чаем с ромашкой, который не помогает существенно, но не причиняют боли.

В ходе исследования были выявлены различные объекты комического и проанализированы средства создания комического эффекта на уровне развлекательной, философской и детской литературы Э. Кестнера. В юмористической повести «Трое в снегу» значительное количество примеров посвящено описанию действий людей. Большинство подвергаемых осмеянию действий касаются работников отеля и его постояльцев. Так, женщины, которые принимают одного из главных героев – безработного Хагедорна за миллионера, пытаются всеми средствами привлечь его внимание, так как считают его хорошей партией. Вторая доминирующая группа объектов комического в данной повести посвящена эмоционально-психическим состояниям героев повести. В данном произведении описываются, главным образом, удивление, гнев, потеря контроля над собой, стыд.

В романе Э. Кестнера «Фабиан» тематика подвергаемых осмеянию явлений обусловлена общим содержанием произведения. Здесь находит отражение картина жизни немецкого народа в начале 30-х годов, когда над страной висит гнетущий страх инфляции и безработицы, растут общественная апатия и неверие в способность правительства улучшить экономическое положение. Объектами осмеяния выступают политика, моральные качества, социальные явления и т. п. В процессе анализа изобразительно-выразительных средств языка, участвующих в

выражении оценочного отношения автора или персонажей с целью создания комического эффекта, было выявлено, что в каждом произведении превалирует определенная форма комического.

Так, в юмористической повести Э. Кестнера «Трое в снегу» доминирующей формой комического является юмор. Это связано в первую очередь с тем, что книга предназначена для детей, чье видение мира наполнено позитивными эмоциями, радостью и беззаботным счастьем. Изобличение или издевка, подразумевающие употребление сатиры или сарказма, не являются чертами присущими данной повести. Этим принципиально различается развлекательная литература Э. Кестнера от философской. Чаще всего для создания комического эффекта в юмористической повести «Трое в снегу» автор использует фразеологические единицы. Так, в романе „Фабиан. История одного моралиста“ большая часть стилистических средств несет в себе сатирический эффект высказывания. В книге „Конференция зверей“ средства образности и выразительности находятся на границе двух основных форм: юмора и сатиры.

С течением времени изменяются формы и средства комического, стили авторов. Каждый автор использует определенные приемы и способы выражения комического, из-за чего его стиль и язык становится уникальным и неповторимым.

Библиографический список

1. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
2. *Борев Ю. Б.* Эстетика **:** Учебник. М. : Высшая школа, 2002.
3. *Лук А. Н.* О чувстве юмора и остроумии. М. : Искусство, 1982.
4. *Пропп В. Я.* Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре. М.: Лабиринт, 2006.

Словари

5. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова, 4-е изд. М. : Политиздат, 1981.

Источники

6. *Kästner E.* Drei Männer im Schnee. – M. : Менеджер, 2006.
7. *Kästner E.* Fabian. – M. : КАРО, 2008.
8. *Kästner E.* Die Konferenz der Tiere. – Dressler Verlag, 2008.

УДК 811.161.1
ББК 81

Т. В. Дмитриева
T. V. Dmitrieva
(г. Самара)

Функционирование окказиональных дериватов, образованных от прецедентных имён, в текстах Е. А. Евтушенко и А. А. Вознесенского (сравнительный анализ)
Functioning of occasional derivatives formed from precedent names in the texts of E. A. Yevtushenko and A. A. Voznesensky (comparative analysis)

Аннотация. В статье рассматривается функционирование окказиональных дериватов в стихотворениях поэтов Е. А. Евтушенко и А. А. Вознесенского, словообразовательной базой для которых являются прецедентные имена. Анализ окказиональных лексем основан на сопоставлении формы, содержания и окружающего контекста. Делается вывод об актуальных прецедентах для каждого автора и функциональных особенностях дериватов.

Ключевые слова: окказионализм, прецедентное имя, производящая основа, фоновые знания, оценочность.

Abstract. The article deals with the functioning of occasional derivatives in the poems of poets E. A. Yevtushenko and A. A. Voznesensky, the word-formation base for which are precedent names. The analysis of occasional lexemes is based on the comparison of form, content and surrounding context. The conclusion is made about actual precedents for each author and functional features of derivatives.

Key words: occasionalism, precedent name, producing basis, background knowledge, evaluativeness.

Сравнительный анализ окказионализмов Е. А. Евтушенко и А. А. Вознесенского охватывает не только формальную структуру лексемы, но и содержательную. На уровне смысловой организации окказиональной лексики особо выделяются дериваты, базой для которых служат прецедентные феномены. Поэты демонстрируют широкий кругозор, обращаясь к прецедентным феноменам в художественных текстах. Многие прецедентные единицы, присутствующие в поэзии, перешли из других видов искусства. Текст расширяет свои границы и становится культурной универсалией.

Интересно наблюдение за функционированием дериватов, образованных от прецедентных имён. Производные основы окказионализмов – имена литературных персонажей и исторических лиц. При создании ОЕ действует закон аналогии, подробно описанный ранее. Проанализируем примеры.

*«А ещё я был агитатор // и притом за **товарища Ста**, // так что примет меня аллигатор // там, на Лете-реке, // в уста»* [2, с. 48]. Примером индивидуального словотворчества является имя собственное, образованное в результате усечения фамилии «Сталин» с целью эвфемизации.

*«Не всё..." – // ворчанула Культурочка, // лягнувшись, // как **Сивочка-бурочка**,...»* [2, с. 120]. Окказиональное существительное образовано от прецедентного имени «Сивка-бурка» суффиксальным способом по аналогии с узуальными именами существительными с суффиксами субъективной оценки (ср. формочка, девочка, корочка). Контекст способствует употреблению подобной формы для сохранения рифмы и ритма стихотворения.

*«Везде на Руси **Хиросимье**, // а просьбы простить нам грехи // шуршат и шуршат по России, // как пыльные лопухи»* [4, с. 239]. ОЕ образована от топонима Хиросима. С одной стороны, дериват слово обозначает территорию, на что указывает суффикс –j–, (ср. Ставрополье), а с другой – неблагополучие как стихийное бедствие (ср. половодье), проявляющиеся в обществе. Автор проводит аналогию с городом Хиросима и показывает, что в российской новейшей истории есть события, подобные атомному взрыву, негативные, вызывающие общественный резонанс. Зафиксирована ещё одна ОЕ, в свою очередь, образованная по аналогии с топонимом Хиросима: *«И увидит, нажав хиросимскую кнопку, новый майор Фирби, как превратиться Европа в мёртвую **Евросиму**»* [5, с. 90].

*«Ты напрасно на мать разобиделся, //Лёвушка-**Гумилёвушка**…»* [1, с. 7]. Слово создано наложением фамилии Гумилев и имени Лев в неофициальной форме «Лёвушка». Фамилия за счёт суффикса приобретает уменьшительно–ласкательные коннотации.

*«Я иду по улице **Карлмарксовой**»*[4: 126]. Имя прилагательное образовано путём сложения имени и фамилии немецкого философа и экономиста Карла Маркса. Подобное в узусе происходит редко, имена собственные обычно не участвуют в сложении основ (ср. узуальное название города в Донецкой области – Карломарксовск).

*«В Стрельцове было **пред-зидановское**,...»*[4: 158]. Окказионализм образован от фамилии известного французского футболиста Зинедина Зидана приставочно – суффиксальным способом. Эдуард Анатольевич Стрельцов – советский футболист, олимпийский чемпион 1956 г., заслуженный мастер спорта СССР. Автор играет ассоциациями: мастерство русского футболиста, яркость таланта, передаются через сравнение с мастерством именитого Зидана.

*«И здесь в **гарри-поттерском** сне // любая девчушка и мальчик // в подарок придумали мне // украинско-русское «Мамчик!»* [1, с. 35]. Автор создаёт ассоциативный эффект, желая подчеркнуть, что книги о приключениях Гарри Поттера читают в основном дети, которые и участвуют в этом сне. Детская фантазия неистощима. Окказионализм получает дополнительную смысловую нагрузку, передавая семантику возраста.

*«Жить хотим посчастливее // жлобской жизнью **кощейской**»* [2, с. 144]. Прилагательное образовано от прецедентного имени «Кощей» по с узуальной продуктивной модели (ср. городской, сельский, детский) при помощи суффикса -ск-, который указывает на отношение к

лицу. По мнению автора, желание жить, как сказочный герой, чахнуть над златом, пересиливает все лучшие человеческие чувства.

«Это может быть на фронте, // в точь по строчкам Пиндемонти – // лучше не ***наполеоньте****, // все права, всё счастье тут, // если нас не предадут*» [1: 86]. Глагол в повелительном наклонении образован от имени собственного Наполеон. Окказионализм обозначает длительное движение к осуществлению великих дел (что подчёркивает вид) и близок семантически со словосочетанием «наполеоновские планы».

«Приходила завистливая мысль: где же, в каком чуланчике души прячет он свой наверняка неумолимо стареющий ***дорианогреевский*** *портрет и как ему это удаётся?»* [1: 109]. Автор отсылает нас к роману О. Уайльда «Портрет Дориана Грея». Имя и фамилия литературного героя соединены в единую лексему, при помощи интерфикса -о- и суффикса –ск-, обозначающего отношение к чему-либо. ОЕ образована по аналогии с узуальными относительными прилагательными, мотивированными двухкомпонентными топонимами (ср. Нижний Новгород – нижегородский, Кривой Рог – криворожский.).

«Весь такой беззаконистый, // дворянином стал он – // вовсе не аполлонистый // крепостной ***Аполлон****»* [3, с. 315]. Производящая основа – имя греческого бога Аполлона, аналогично по форме со словом из ближайшего контекста «беззаконистый» и узуальными общеупотребительными языковыми единицами, ср. бархатистый, золотистый. Имя прилагательное отсылает читателя к мифологическому представлению об Аполлоне как об идеальном и прекрасном.

«Мир ***бездартаньянный*** *надоел»* [3, с. 410]. Прецедентное имя Д`Артаньян вызывает в читательском сознании определённые ассоциации: благородство, смелость, смекалка, справедливость. В современном мире не хватает мушкетёров, сильных и независимых, что подчёркивает автор с помощью форманта без- (ср. беспросветный, бессовестный, бестактный).

«…но ***маркесомания*** *всё же была веселей, // чем занудная* ***марксомания****»* [2, с. 5]. Существительные образованы от основ имён собственных «Маркс» и «Маркес» и присоединением основы «мания» по аналогии с игромания, графомания и др. Окказионализмы говорят читателю об увлечении Марксом и Маркесом.

«Даже Булата, как встарь, // чуточку ***подмаяковили****»* [3, с. 209]. Глагол образован от фамилии В.В. Маяковского приставочно-суффиксальным способом при помощи префикса под- и аффикса -и-. Памятник Булату Окуджаве, по мнению Е. А. Евтушенко, визуально похож на памятник Владимиру Маяковскому.

«…он вновь над книгою амбарной почти ***по-плюшкински*** *корпел»* [4, с. 301]. Базой для наречия служит имя героя поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души». Печально знаменитый Плюшкин прославился своим скаредным характером, жадностью и нетерпимостью к ближним.

«Конферансье, ***по-мефистофельски*** *носат; нам представляет человечий зоосад: «Объявляю первый номер!»* [5, с. 209]. Мотивирующая основа – имя Мефистофеля, героя романа И.-В. Гёте «Фауст». Контекст акцентирует внимание на портретном сходстве героя и Мефистофеля. При этом герой появляется на сцене, что напоминает Воланда из романа «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова.

Проанализируем тексты А. А. Вознесенского.

«Вычислили ***геростратчиков****. // Россия сошла с ума. // В себе пережгли мы датчики // дерьма»* [6]. Герострат знаменит тем, что сжёг храм Артемиды в своем родном городе, поэтому закономерно возникновение в стихотворении образа огня. Причем огня, открывшего выход безумию, хаосу. При образовании лексемы используется уменьшительно-ласкательный суффикс -чик-, но в контексте он передает не положительную, а отрицательную оценку.

«Мне снится сон. Я погружён // на дно огромной шахты лифта. // ***Дамоклово****, // неумолимо // мне на затылок // мчится // он!»* [6]. В связи с потреблением прецедентного имени в качестве наречия возникает отсылка к выражению «дамоклов меч», т. е. в переносном значении нависшая неотвратимая угроза. Автор создает образ чего-то фатального, неотвратимого, немого ужаса.

«Взор небесный. Рост. Вес. // Заглядишься – ***Зеркулес****»* [6]. Геркулес – древнеримское имя греческого героя Геракла. В контексте актуализируется физическая красота бога-героя.

Созвучие первых согласных звуков в строке помогает создать образ и заострить на нем внимание читателя.

Имена и фамилии известных художников могут выступать в качестве словообразовательной базы для окказиональных дериватов.

*«К дадаисту давнему // толпы разлинованы – // **сальвадородальние** // новые Неновые»* [6]. *«Обещал ты мне **Сальвадордальность**, // окаянный кокаинист! // Мы с подругами обрыдались. // (Вбегают пять одинаковых девиц, // стандартно подстриженных. Делают канкан.)»* [6]. Окказионализмы отсылают читателя к имени эпатажного художника-сюрреалиста – Сальвадора Дали. Первый контекст актуализирует необычность, оригинальность поведения мастера, а второй – иррациональное восприятие мира как постоянное состояние сознания (с помощью суффикса –ость- образуются имена существительные отвлечённого признака или состояния – радость, привязанность, пассивность).

*«Покупайте чёрные простыни, // анархисты любви! // В **постмалевичевском** постере // белокурую прядь продери. // Замаячат в окошке над площадью // черноплодные фонари»* [6]. Ещё одно обращение к имени художника и актуализируется его работа. Образ «Черного квадрата» возникает в стихотворении в связи с формой упоминаемой простыни.

А. А. Вознесенский в своих стихотворениях обращается к религиозным мотивам. Например, *«Тошнит от **нео-Екклезиастов**, // кликушества. // Спасибо голым энтузиастам. // Спасибо Пушкину!»* [6]. Екклесиаст – название ветхозаветной книги. Возможно, автор имеет в виду появление нового учения, книги, которое захватывает умы людей с какой-то целью, далеко не благородной. Не зря в этом же ряду появляется А.С. Пушкин, которого Вознесенский причисляет к «голым энтузиастам», т. е. к людям способным творить за идею, не ради выгоды. *«186. Кесарю кесарево – // Воскресшему **воскресово**»* [6]. Цитата из Нового завета послужила базой для образования окказиональной лексемы, передающей то же значение – «каждому свое».

*«IV. по крупицам, по кругу, по гривеннику, // жизнь по кругу идёт, по Гринвичу...» // За углом стоит **Византийщина**»* [6]. Возникший образ Византии имеет прямое отношение к религии. Византия в сознании читателя – христианское государство. В стихотворении создается образ круга, т. е. время идет по кругу. Автор утверждает, что следующим этапом будет «Византийщина» – возвращение того прошлого государственного устройства, ментальности и миропорядка.

Среди окказиональных дериватов, образованных от прецедентных имен, функционируют лексемы, производящей основой которой являются имена деятелей искусства

*«Чтоб наш талант не скурвился // во Владике Монро // светает белокурое // **мэрлиное** перо»* [6]. *«Крещенье, рей! // Забудь про рейтинги! // За ручку крестника веди. // **Оскаруайльдовские** Рэдинги // остались сильно позади»*[6]. В обоих примерах основа – имена собственные. Окказиональные имена прилагательные актуализируют какой-либо признак носителей имени. В первом случае это цвет волос, а во втором – национальность.

*«Пасть **по-плисецки** на колени, // когда она в "Анне Карениной", // закутана в плиссе-гофре, // в гордынь Кардена и Картье, // в самоубийственном смиренье // лиловым пеплом на костре // пред чудищем узкоколейным // о смертном молит колесе?»*[6]. Здесь автор обращает внимание на мастерство балерины и актуализирует её образ в окказиональном наречии.

Следующие примеры представляют собой дериваты, образованные от разных производящих основ: *«Тело обесценено – // душу не убейте! // Души перепутаны как спагетти, // Люминесцентный // кабельный репортаж... // Ад. **Авиа-Алькаида**»* [6]. Лексема *Авиа-Алькаида* (ср. *авиапромышленность, авиабаза, авиацентр*) по способу образования схожа с приставочно-суффиксальной моделью, но в качестве традиционного аффикса выступает иноязычный корень *авиа-*, что порождает емкое внутреннее содержание. Графически выделено название террористической группы и подчеркнут способ нападения на мирных жителей. Даже неподготовленному читателю станет понятен смысл нового слова.

*«Вместе с усами // бен Ладена // озвучены // **БИ-Лайно»*[6]. Автор обращается к крупному мобильному оператору «Билайн». В начале 2000-х этот оператор появился на рынке мобильных услуг одним из первых. Поэтому в стихотворении возникло именно это название.

*«Фильмы **поджеймсбондили**. // В твисте и нервозности // женщины – вне возраста. // Время на ремонте»* [6]. Производящая основа – имя киногероя Джеймс Бонд. Фильмы про приключения английского агента всегда отличались авантюризмом, закрученным сюжетом. На экране всегда создавался «экшен». Автор имеет в виду, что все новые кинокартины стали похожи на такие фильмы. Потеряна разнообразность тем, сюжетов, героев. Все повторяется, только с разными спецэффектами.

Таким образом, в функционировании окказиональных дериватов, образованных от прецедентных имен, в стихотворениях поэтов есть сходства и различия. Общее – в качестве производящих основ используются имена поэтов, исторических деятелей и деятелей искусства, известных киногероев. Но для системы А. А. Вознесенского характерно использование имен именитых художников, героев греческой мифологии, использование прецедентов, относящихся к религии. В словообразовательной системе Е. А. Евтушенко подобные производящие основы не встречаются. Сходство систем проявляется в желании передать признак предмета или лица, охарактеризовать ситуацию метко и оригинально с помощью понятного для читателя имени.

У Е. А. Евтушенко упрощению восприятия окказиональных дериватов от прецедентных имен способствуют фоновые знания – общеизвестная информация, представленная распространёнными символами. Евтушенко обращается к таким прецедентным именам, как Д'Артаньян, Наполеон, Аполлон, Иосиф Бродский, Булат Окуджава, Дориан Грей – это достаточно известные авторы, литературные герои и исторические личности, о них каждый знает со школы, неважно, жил человек в советскую эпоху или родился уже в XXI веке. Фоновые знания меняются очень медленно, культура по своей сути консервативна. И именно консерватизм делает успешной коммуникацию автора и читателя, упрощает восприятие окказиональных дериватов, создавая информационный мост.

У А. А. Вознесенского же базой для окказиональных дериватов служат личные имена, топонимы, актуальные для разных эпох. Но в контексте они приобретают иное, современное звучание. Дериваты несут в себе большую оценочность. Порой поэт не просто характеризует, а осуждает, порицает, прямо указывая на недостатки общества. В качестве производящих основ используются имена современных деятелей. Вознесенский пытается говорить с читателем о вечных ценностях современными образами, которые стали актуальны уже в XXI веке.

Источники

1. *Евтушенко Е. А.* Не теряйте отчаянья. Новая книга: стихи 2014–2015 гг. / Евгений Евтушенко. СПб.: Азбука, Азбука–Аттикус, 2015. 144 с.

2. *Евтушенко Е. А.* Счастья и расплаты. М.: Эксмо, 2012. 180 с.

3. *Евтушенко Е. А.* Моя футболиада: поэзия, проза / Евтушенко Евгений. Полтава: ООО «АСМИ», 2009. 144 с.

4. *Евтушенко Е. А.* Памятники не эмигрируют. М.: Эксмо, 2005. 480 с.

5. *Намитокова Р.Ю.* Слова поэта: Опыт словаря авторских новообразований Евгения Евтушенко / Р.Ю. Намитокова, И.А. Нефляшева. Майкоп: ООО «Качество», 2009. 304 с.

6. *Самохин И.С.* Словарь окказионализмов Андрея Вознесенского. URL:http://samlib.ru/s/samohin_iwan_sergeewich/slovar_okkazionalizmov_andreya_voznesenskogo.shtml (дата обращения: 22.04.2019)

УДК 141
ББК 87.1

Н. В. Довгаленко
N. V. Dovgalenko
(г. Саратов)

Язык как горизонт: философское обозрение проблемы
Language like horizon: philosophical review of the problem

Аннотация. В статье анализируются нереализованные возможности понимания языка как «территории» (Р. Барт), определенной через онтологический горизонт и письмо. По мнению автора, особую роль в современной культуре играют практики введения в языковую соразмерность и несоизмеримость (интеркультурность) горизонта, практики конструирования смыслов.

Ключевые слова: язык, горизонт, акторный подход, интеркультурность, письмо, структурализм.

Abstract. The article is devoted to the possibilities of understanding the language as a «territory» (R. Bart), which is defined across the ontological horizon and writing. The author believes that special role in modern culture is played by the practice of getting into one dimension of the language, the practice of getting into separate languages, the practice of construction of meaning.

Keywords: language, horizon, actor-network approach, interculturalism, writing, structuralism.

Отталкиваясь от утверждения Р. Барта о том, что язык есть «…не столько запас материала, сколько горизонт» [1: 55], зададимся в своем небольшом исследовании, прежде всего, вопросами, которые следуют из данного положения сегодня. Ибо, с нашей точки зрения, посыл его настолько силен, что до сих пор определяет направление, по которому движется философская и лингвистическая мысль в отношении концепта языка. Что есть горизонт языка или, по уточнению автора, «территория и ее границы»? Является ли она общеуниверсальной или интеркультурно замкнута? Какими практиками, формами деятельности территория открывается? И, наконец, как жестко проявляют себя заданные «ограничения», являются ли они формой принуждения?

Барт и его посыл выбраны не случайно. Его творчество, во многом, есть тот странный синтез, который соединяет и развивает в понимании языка, с одной стороны, линию М. Хайдеггера – «язык есть дом бытия», с другой, углубляет и настаивает на линии структурализма, совмещая ее с «археологией знания» М. Фуко. Следуя этому посылу, мы оказываемся в событии «возвращения» к языку в новом смысле, в какой-то степени, пересматривая все ранее предложенные проекты: русского имяславия (П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев…), классического структурализма (Ф. де Соссюр, К. Леви-Стросс…), деконструктивизма (Ж. Деррида), постструктурализма (Ж. Бодрийяр, Ж. Лакан, У. Эко …) и др.

Мы исходим из того, что язык не может быть задан некими первичными формами, тем более структурным каркасом, элементами или связями. Он открывается как онтологическое «перешагивание через линию» или границу, отделяющую присутствие от отсутствия. Наиболее близко об этом пишет Хайдеггер в своем очерке «Слово». В нем через поэзию Гельдерлина раскрывается загадочная земля, территория поэта. «Здесь поэт говорит о своей стране. Здесь он говорит о своих странствиях» [8: 305]. Она определяется как место имен, которые позволяют осуществиться поэтическим грезам, ибо только их способность обнаруживает «прекрасный клад» страны. Однако клад необходимо принести, обнаружить. И если норна «раскроет» имя, то драгоценность будет доставлена. «Так значит, именно слово удерживает клад в его присутствовании; больше того, оно впервые только и выводит, выносит его в присутствование и в нем хранит» [8: 306]. Хайдеггер отмечает огромную власть слова, доставляющего вещи в присутствие, но и оберегающего тайну.

Существо слова Хайдеггера звучит как «зарок», отданный за возможность вообще вести речь, вообще приблизиться к тайне выводящего к существованию слова. За-рок, выступает

вместо заданности, вместо судьбы. Слово, речение, течение и порождает время, движет. Их образом становится «ключ», на дне которого дремлют имена, раскрываемый в многозначности русского прочтения, как граница демаркирующая переход из одного места в другое, из страны «грез» в страну «вещей». Слово определяет линию перехода и «отмыкает» замкнутое в форме тайны. «Старейшее слово для так осмысленной власти слова, для речи, называется: Сказ, который, показывая, дает сущему явиться в свое это есть» [8: 312].

Таким образом, язык действительно предстает как горизонт возможностей, который служит гарантом актуализации, «оживляет», вводя в сущее посредством высказывания, разговора. Слово выступает «разменной монетой», которая предоставляется как зарок осуществления, именно оно указывает на границу и содержит ее. Речь, безусловно, идет о логосе, но не только о нем, так как слово обеспечивается и собственным действием, но и действием поэта, который странствует, про-из-носит, хранит.

Концентрация на действиях, практиках в пространстве языка, безусловно, неслучайна. Сегодня, как отмечает Б. Латур, обосновывая собственную акторно-сетевую методологию, невозможно вести разговор ни о «социуме», ни о «природе», ни о «науке» в предметно-объективном смысле, не полагаясь на акторов (деятелей), предпринимающих некий выбор, отталкивающихся от контекста реальности, набора привычек, социальных, мыслительных и иных практик. «Как мы видели…, не дело социолога решать за актора, из каких групп составлен мир и что за силы побуждают их действовать. Его задача – построить искусственный эксперимент: сообщение, рассказ, нарратив, отчет, где можно было бы полностью развернуть это разнообразие» [5, с. 258]. Но в отношении самого языка довольно трудно применить данный методологический подход, так как язык выступает доверителем, условием возможности произведения некого действия, которое, в свою очередь, определяется синтагматическими, коммуникативными и другими видами отношений, порождающими значение. Зачем производить действие, если оно изначально не наделено значением или ничего не значит? Язык выступает, прежде всего, горизонтом, где предоставляются возможности смысловых встреч, событий, связей, то есть и происходит означивание. Деятельность и практика, прежде всего, сосредотачиваются на попадании в *одно* его измерение, так как лишь подобным образом возможно совершать соизмеримость, сопоставление. Осмыслить, например, понятие «рабство» в античном измерении и современном, это совершать процедуры попадания в различные языковые плоскости, связанные единым смысловым горизонтом. В античности выстроится взаимосвязь неразделимых понятий «раб-рабовладелец-логос(необходимость)». «Однако рабовладелец и раб не могут существовать один без другого. Они представляют собой нечто целое», – пишет А. Ф. Лосев, – характеризуя греко-римский мир [6, с. 12]. Более того, «раб» понимается как некая потенция (материя), не обладающая собственной целью и волей, а «рабовладелец» формообразующей идеей. Вместе, они представляют собой диалектический логос и полис – античную культуру.

Плоскость, в которой возможно в современности произвести осмысление «рабства» будет совершенно иной. «Раб-рабское сознание-свобода». «Рабство может быть порождением ложно направленной свободы», – пишет Н. А. Бердяев [3, с. 484]. Оно исходит из метафизики христианства, помещающего человека в событие внутреннего самоопределения, свободы, достигающих, впоследствии, пределов автономной личности. «Рабство» перемещается в духовное пространство индивида, и раскрывается в отсутствии направленности на понимание себя и совершение осознанных, самостоятельных действий через это соответствие. Принуждение есть только следствие исходной пассивности личности.

Задавая проблему соизмеримости внутри языка, современность ставит глубинный вопрос о несоизмеримости самобытных культур, определяющих неповторимость, непереводимость, специфику языковых выражений, слов. Действительно, каждая национальная культура очерчивает как бы собственное «пространство языковой вотчины», в которой чувствует себя уверенно, требует вхождения для понимания и не всегда склонна выводить смыслы в поле универсальности. М. Хайдеггер справедливо определяет «истолкование» как вталкивание в

место. «Истолковать (eroertern) подразумевает здесь прежде всего: указать на место, на местность (in den Ort weisen), подтолкнуть к месту» [9]. Так мы снова попадаем в горизонт языка, но суженный до понятия «местность». Само место или топос подразумевает «вмещение», оформление, приобретение строгих границ, не более. Но когда мы начинаем размышлять о герменевтике как «науке» об истолковании, то становится ясно, что сами слова станут проводниками к тайне только тогда, когда войдут в согласование, откроют одну «местность» языка, где будет происходить некая практика – прежде всего, конечно, разговор, беседа.

Эта практика и представляет собой чрезвычайное дело в современной культуре. Через нее язык и слово становятся своеобразными силами, способными вносить изменение в положение вещей, структурировать, навязывать дискурс, гарантировать интерпретацию, на своей «территории». «Интеркультурное сегодня, наиболее актуализированная проблема, связанная с тенденциями следовать логике постмодерна, преодолевая привычную метафизическую направленность, беря за основу множественность миров» [7, с. 9]. Все, что может быть получено универсального, выводимо только из многообразия философских систем, языковой местности. Интеркультурная парадигма следует радикально эмпирическому пути, не позволяя ни одной из культур диктовать свои условия. Авторитет античности, или западноевропейской рациональности ставятся под вопрос.

Таким образом, язык становится «полем», на котором, как в шахматной игре, сосуществуют совершенно различные партии: ибо возможно вести космическую игру сакрального уровня, и возможно прорабатывать простейшие логические схемы нескольких ходов. Игрок становится самой важной «фигурой» в игре языка, если он (язык) не играет сам с собой, о чем прозрачно писал еще Л. Витгенштейн в своих поздних работах.

Горизонт языка в культуре, с одной стороны, выражает какое-то особое место, «территорию» странствий, открываемую писателями, поэтами, носителями неповторимого национального слова в первозданной чистоте. Они создают собственные, уникальные пути «перехода» от таинственного к явленному, их разговор есть отражение «надприродного» существа языка, открытого различными тропами, их пересечением, встречами и разлуками. С другой стороны, язык определяет «выведение наружу», указывает на область открытого, познанного в странствии. Определяемый действием носителей, он требует воли, акции, структурирования. «…Сила – это одно, а придание ей формы (фигурация) – другое. То, что производит действие, в объяснении всегда имеет плоть и черты, придающие ему форму или облик, не имеет значения, насколько смутный» [5, с. 78]. Фигурация как бы «расчерчивает», картографирует карту странствий внутри языка. Латур не случайно определяет акторно-сетевую модель в границах плоскости, на которой выставлены ориентиры для благоприятного путешествия. Через структурирование, жесткое определение места, через опространствление и происходит рождение знака и письма. Именно они вводят в язык отяжеление, телесность, принуждение, проявляя необходимость. Через них раскрывается то, что называется архитектоникой: выстраивается логика отношений, появляется линейность, организуется текст и стиль. Речь всегда связана с некими возможностями, письмо определено более точно, когда возможности реализуются и поставить их под вопрос уже не суждено. «В любом письме можно обнаружить двойственность, свойственную ему как особому объекту, который одновременно является формой языкового выражения и принуждения…» [1, с. 63].

Но письмо скрывает в себе и свидетельствующее начало. При всей видимой самозамкнутости и опрокинутости вглубь отношений знаков, оно посредством формы заявляет о фиксации, остановке мышления, указует на то, что «овладение» словом свершилось. Кроме того, письмо это функция, ибо закрепляет все исторически, обращается к «свидетельским показаниям» в форме факта, да еще и расставляет их (факты) в линейной последовательности. «Дело в том, что принцип линейности, отдавая себе отчет в ощущении известной безответственности по отношению к прошлому, с линейным этим существованием сопряженной, стремится уравновесить ощущение это детальной разработкой будущего. Результатом являются либо «пророчество задним числом» а ля разговоры Анхиса у Виргилия, либо социальный утопизм – либо: идея вечной жизни, т. е. Христианство» [4, с. 364].

Практикование с письмом, текстом возможно самая актуальная тема постмодерна. Это то, что уходит под «крыло» культурных, лингвистических проблем, поставленных структурализмом, конструктивизмом, поструктурализмом. Практики, которые нацелены не только на «проигрывание» разных вариантов манипулирования знаками, но и практики деструктивного характера, претендующие на разрушение властных полномочий письма, принуждения. Наполнение культуры данными акциями совершенно сознательно определяет язык как «омертвелое», потерявшее внутреннюю подвижность образование. Все, что ими производится напоминает реанимацию.

Но возможно совершенно иначе практиковать письмо, конструктивно. Структурализм внутри отношений знаков содержит парадигмальность, или возможность модуляции отношений «означающего» и «означаемого». «Созидание или отражение не является здесь неким первородным "отпечатком мира", а самым настоящим строительством такого мира, который подходит на первичный, но не копирует его, а делает интеллигибельным» [2, с. 229]. Для того чтобы осмыслить понятие «рабство» не только необходимо ввести понятия, раскрывающие его смысл, в один культурный горизонт и сделать их соизмеримыми, но и осуществить *запрос*, результатом которого будет создание совершенно новых структур или группы структур, которые будут введены в предложенный смысловой горизонт. Они являются как объектами языка, так и объектами реальности. Если поставить «рабство» в парадигмальные условия данного *запроса,* мы будем вынуждены не только ломать горизонт привычных языковых структур, но и создавать новые. Так производятся идиомы «раб привычки», «раб страстей», наконец, «раб техники». Техника уже давно не является «слепком» с природных вещей, она есть интеллигибельное образование, встроенное в среду, тело, язык.

Наделение интеллигибельным смыслом не есть «насаждение» или «выдумка», а конструирование актуального смысла. По-другому структурализм Барта определяется как деятельность, выраженная через «последовательность мыслительных операций». Именно через структурализм открывается совершенно новый актуальный процесс позитивного толка, нацеленный на создание смыслов, а не на их случайное обнаружение.

В завершении, хотелось бы отметить, что философские, лингвистические, семиотические вопросы понимания языка, поставленные постструктурализмом, не вызывают сомнений. В данном небольшом исследовании была предпринята попытка исследовать нереализованные возможности темы языка, предложенные Р. Бартом, дополнив его идеи особой ролью практик в современной культуре (Б. Латур), а также онтологией языка М. Хайдеггера. Эти возможности, в какой-то степени, не были осмыслены и доработаны до конца. Именно поэтому они выступают новой точкой отсчета для продолжения изучения «пространства языковой вотчины» и практик ее обозрения.

Библиографический список

1.*Барт Р.* Нулевая степень письма. М., 2008.

2.*Барт Р.* Структурализм как деятельность. / Нулевая степень письма. М., 2008.

3.*Бердяев Н.А.* Русская идея. Судьба России. М., 1997.

4.*Бродский И.А.* Путешествие в Стамбул. / Форма времени: стихотворения, эссе, пьесы. В 2 т. Т. 2. Минск. 1992.

5.*Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М., 2014.

6.*Лосев А.Ф.* История античной философии. М., 1989.

7.*Назарова О.* Концепция интеркультурной философии и ее возможная рецепция в контексте исследования русской философии // Мысль. СПб., 2016. Вып. 20.

8.*Хайдеггер М.* Слово. / Время и бытие. М., 1993.

9.*Хайдеггер М.* Язык в поэме. / URL: https://www.netslova.ru/boldyrev/heidegger.html (дата обращения 12.11.2019).

УДК 811.161.1
ББК 81

А. Н. Дячок, Д. А. Нагорная,
A. N. Dyachok, D. A. Nagornaya
(г. Тобольск)

Семиотика киноплаката
Semiotics movieposter

Аннотация. Киноплакаты (постеры) в статье рассмотрены в качестве образца статического изображения, предназначенного для публичного просмотра, будут выявлены и исследованы особенностикиноплаката на разных уровнях восприятия, а также применен семиотический анализ.

Ключевые слова: постер, языковые сообщения, код, информация, изображение, шрифт, заголовок, донесение, позиция.

Abstract. in the report, movie posters will be considered as a sample of a static image intended for public viewing, features of the movie poster at different levels of perception will be identified and investigated, and semiotic analysis will be applied.

Keyword: poster, the language of the message, code, information,image, font, header, report, position.

Киноплакаты, т. е. постеры, окружают нас повсюду – мы ежедневно видим их на улицах или в печатных изданиях. В основном это реклама и реже анонсы каких-либо событий. Впервые постер (англ. poster) появляется на почтовых станциях, откуда и берет свое название(от английского «post» – почта). Соответственно, для постера уже в XIX веке немаловажную роль играло то, где он размещался. Если в плакате используется изображение, то оно должно занимать доминирующую позицию так же, как и в случае с текстом.

Рекламный образ в плакате должен быть выражен просто, четко и доступно, а также должен быть нагружен дополнительными смыслами и отсылать к определенной истории. Достоинство постера, по словам К. Бартеншоу, заключается в широте творческого подхода, возможности работать с разнообразными сюжетами, форматами и размерами [1, с. 27]. Важно также место расположения постера: это может быть огромных размеров биллборд или же небольшая полоса в журнале. Очень часто дизайнер заранее знает, где будет размещен его плакат. Исходя из этой информации, он должен правильно подобрать размер плаката. Важно, чтобы посылу плаката не мешали различные визуальные помехи – он должен занимать доминирующую позицию. Что касается цветовой гаммы, то тут тоже нужно исходить из реалий – если известно, что плакат будет висеть на стене, окрашенной в зеленый цвет, то лучше не использовать в плакате близкие к зеленому оттенки.

Согласно Ролану Барту, в плакате существует три типа сообщения. Первое – языковое сообщение «имеет языковую субстанцию» [2, с. 255] и представляет собой текстовое сообщение, которое может быть расположено в различных частях рекламного изображения. Код этого сообщения совпадает с кодом естественного языка. Для того, чтобы он проще воспринималсяпотребителем, в тексте плаката должна присутствовать визуальная иерархия. Если текста достаточно много, то должно быть, как минимум три иерархических слоя.

Заголовок. Это самый главный и самый большой текстовый элемент. Он должен быть контрастным по отношению к фону и набран таким шрифтом, который бы был хорошо различим даже с дальнего расстояния.

Подробности. Вся подобная информация располагается на втором уровне иерархии. Человек, которого заинтересовал плакат, обязательно захочет ознакомиться с подробной информацией, поэтому ее нужно представить в понятной, но в то же время сжатой форме. Для второго уровня используется шрифт меньшего размера, нежели в заголовке, так как нет необходимости в том, чтобы эта информация считывалась издалека.

Мелкий шрифт. На третьем уровне размещается дополнительная информация.

Рис.1. Фрагмент постера к фильму «Ангелы Чарли 2»

Помимо языкового, реклама содержит также иконическое сообщение. Изображение должно быть хорошо различимо издалека, при этом очень важно узнавание образа. Сильно усложнять визуальный ряд не стоит – нужно использовать столько элементов, сколько требуется, чтобы донести основную идею. Этот принцип применим ко всем видам плаката, в том числе и к кинопостерам, которые порой бывают слишком перегружены деталями. Иконическое сообщение содержит код. Чтобы считать его, человеку необходимо обладать определенными культурными знаниями.

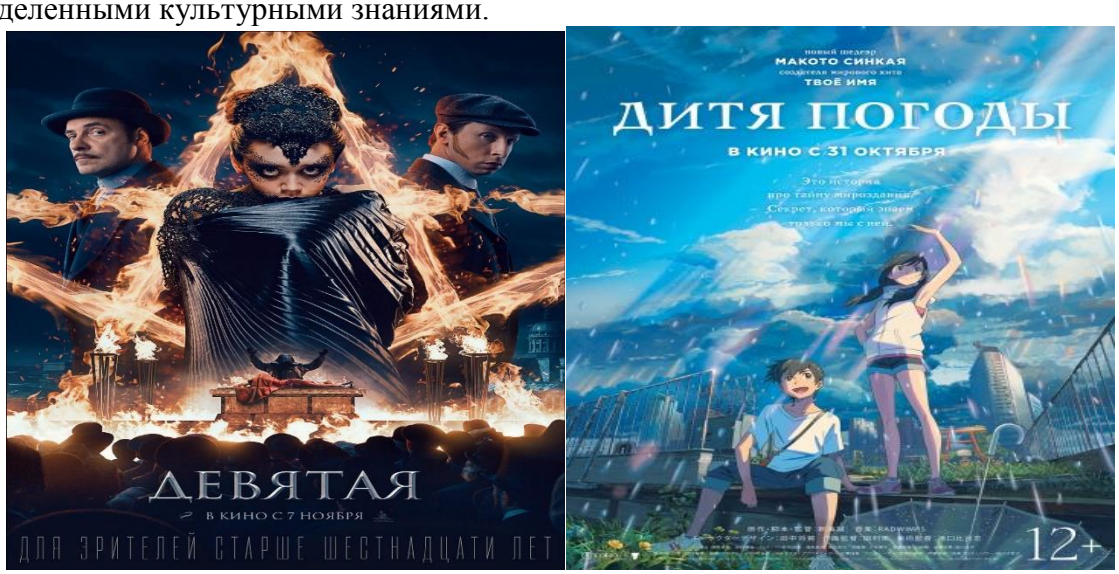

Рис. 2. Постер к фильму «Девятая» и к мультфильму «Дитя погоды»

Например, на постере «Девятая» изображена **пентаграмма, пятиконечная звезда,** семиотика которой означает символ совершенного человека, стоящего на двух ногах с разведенными руками. Можно сказать, что человек – живая пентаграмма. Это верно, как в физическом, так и в духовном плане – человек обладает пятью добродетелями и проявляет их: любовь, мудрость, истина, справедливость и доброта.

Девять – В нумерологии цифру 9 считают символом духовной развитости носителя. Цифра девять является знаком мудрости, вечности и любви. Ее обладатели – прекрасные интуиты, склонные к проявлению великодушия и самопожертвования. Число 9 в нумерологии символизирует прощение, терпение и стремление к совершенству. Девятке придают значение сигнала о скором окончании дел на нынешнем этапе, приближении выполнения жизненной миссии. Такое значение числа 9 объясняется местом в цифровом ряду математики. Мистическое значение девятки подтверждает в мифологии, религии, астрологии. В теологии девятка воплощает дух Святой Троицы.

Огонь является символом торжества света и жизни над смертью и мраком. Символ очищения и домашнего богатства. Символ обновления и рождения в новом воплощении. Пламя так же очень тесно связано с таким символом как сердце (вспомним горящее сердце

Данко, что осветило путь его племени во мраке), огонь – это символ любви, страсти, пламенеющего от любви сердца.

Семантика **чёрного** у большинства народов в основном негативна. Это можно объяснить причинами физиологическими. Черное небо, темнота, глубокие ямы, пещеры, сгоревшее дерево – все это вызывает у человека инстинктивный страх и отвращение; черное поглощает энергию человека и делает бессильным его зрение, что само по себе грозит опасностями. В ритуалах и мифах древних народов черный цвет, как символ зла, противостоит белому, как цвету добра. Кроме того, черный символизирует гордыню, тайную зависть.

Голубой цвет на плакате «Дитя погоды», означающий нежность и мягкость, символизирует солнечный небесный свод. Этот цвет олицетворяет все небесное, возвышенное и божественное. Если человек останется наедине с самим собой, отстранится от внешнего окружения, то этот цвет позволит ему обдумать и принять важное жизненное решение.

Небо – это прежде всего абсолютное воплощение верха, члена одной из основных семантических оппозиций. Его наблюдаемые свойства – абсолютная удалённость и недоступность, неизменность; Небесный свод простерто над всем, всё «видит», отсюда его всеведение; оно внешне по отношению ко всем предметам мира, поэтому оно – «дом» всего мира. Иногда небо является женским началом, матерью, но чаще оно – мужское, плодотворящее начало (дождь). Небо представляются субстанцией человеческой души-дыхания, и при параллелизме микро- и макрокосма.

Важную семиотическую роль играют знаки человеческого тела, поз людей, что раскрывает их характер и личностные черты. Так открытая поза героев, раскрытые руки ладонями вверх (жест, с вязанный с искренностью и открытостью), сопровождающееся жестом открытых рук – обозначает открытость натуры, готовность к диалогу с добрыми намерениями.

Общие и специфические характеристики осанки и походки человека тоже могут многое рассказать внимательному наблюдателю. Хорошая, непринужденная осанка свидетельствует о высокой восприимчивости и открытости, способности к немедленному использованию внутренних сил и о свободе от какого-либо ограничения.

Положение ног и ступней также может предоставить определенную информации о состоянии и психологических качествах человека, Так, уверенно стоящий на ногах человек (ноги расставлены не более, чем на две ширины ладони), с равномерным распределением веса тела, свидетельствует, что это человек сильный, уравновешенный, спокойный, твердого характера, умеющий применяться к обстоятельствам.

Но Барт отмечает, что даже если не считывать, заложенные в изображение знаки, то оно все равно сохранит способность передавать информацию. Это происходит за счет наличия в рекламе третьего сообщения – иконического сообщения без кода: его означаемым являются реальные предметы, а означающим – те же предметы, но представленные на изображении, сфотографированные. Особенность третьего сообщения состоит в том, что оно не содержит кода.

Таким образом, цель любого плаката – заставить людей совершить какое-то действие, например, посетить шоу, выставку, купить какой-либо товар или прийти в кино. Призыв к действию – это самый главный, центральный элемент плаката В графике не работает интерактив, поэтому в обычном плакате нельзя использовать его принципы. У графического дизайнера другие инструменты донесения сообщения для людей, и он должен приложить все усилия к тому, чтобы призыв к действию был понятен с первого взгляда.

Библиографический список

1. *Бартеншоу К.* Фундаментальные основы креативной рекламы М: Тридэкукинг, 2008
2. *Барт Р.* Нулевая степень письма / Пер. с фр. – М.: Академический проект. 431с.

УДК 81’373:82-1
ББК 81 + 84

Ю. А. Жгулева
Yu. A. Zhguleva
(г. Тюмень)

Семантизация образов исторического пути России в поэзии С.С. Бехтеева
Semantizationof images of the historica lpath of Russian the poetry of S.S. Bekhteev

Аннотация. В статье на материале поэтического творчества С. С. Бехтеева рассматривается ключевой тема литературы белой эмиграции – тема исторического пути России, тесно связанная с представлением о связи настоящего, прошлого и будущего страны. Отмечаются ключевые ценности белогвардейской культуры, влияющие на формирование образов исторического пути России.

Ключевые слова: Бехтеев, белогвардеец, история, Россия, семантика.

Abstract. The paper is based on Bekhteev’s poetry; it describes the theme of the historical path of Russia, which is crucial for white émigré literature and which is associated with the present, past and future of country. The common values of the White Guard culture, affecting the formation of image of the historical paths of Russia, are noted.

Keywords: Bekhteev, White Guardsman, history, Russia,semantics.

Тема Родины и исторического пути России является одной из ключевых тем литературы белой эмиграции, а русская культура, верность которой была для белогвардейцев главной ценностью, представляет собой духовный источник, делающий творчество представителей белого движения глубоко национальным. Включенность в культурный контекст была значимой и для С. С. Бехтеева, который является представителем древнего дворянского рода, на протяжении многих веков служившего царской России и стремившегося сохранить преемственность поколений.

По замечанию В. К. Невяровича, «Бехтеевы старались воспитывать детей в лучших традициях старины, привлекая с этой целью в дом благочестивых людей из простого народа» [4, с. 104]. Так, в творчестве поэта можно обнаружить воспоминания и о верных слугах, внесших вклад в его воспитание («Их светлой памяти»,1945; «Лампадка», 1943), и описание сельской жизни, ставшей впоследствии самим образом царской России и образом рая (см., например, «На чужбине», 1923; «Святая старина», 1938; «Я помню», 1945; «Царская Россия», 1952 и др.).Семейное воспитание и связь с простым народом повлияли на мировоззрение поэта, который сохранил верность национальным корням, истокам и выбрал путь белого воина.

На протяжении всего творчества С.С. Бехтеева прослеживается верность старине, а связь с традиционной культурой проявляется как в былинных образах (например, Илья Богатырь в стихотворении «Орлиные думы», 1922: «Снова взглядам откроется вольная ширь, / Пронесется трезвон колокольный, / И, очнувшись от спячки, Илья Богатырь / Сам расправится с силой крамольной» [2:, с. 466]), так и в стилизациях и простых упоминаниях фольклорных жанров (упоминания былины («Власть тьмы», 1917; «Пойдем за ним!», 1922; «Назад», 1945 и др.), преданья («Святая старина», 1938, «Вдове героя», 1918; «Град Китеж», 1926; «Мученики», 1942 и др.), сказки («Марево», 1935; «Моей Родине», 1941; «Детям», 1949 и др.) и т. д.; «Горе Горынское» (русская сказка-былина), 1917; «Братья Святого Креста» (русская православная былина), 1921 и др.).Передающиеся из поколения в поколение тексты служат основой формирования образов в поэзии С. С. Бехтеева и объясняют обращение поэта не только к вымышленным, но и к реальным событиям, закрепленным в народной памяти, то есть обращением к истории государства.

Так, само понятие Родины замещается у С. С. Бехтеева понятием Святой Руси, которое подчеркивает древность и героическое прошлое родной страны и позволяет поэту проводить

исторические параллели. Наиболее показательным является обращение к татаро-монгольскому нашествию, которое соотносится с современной поэту действительностью: Батый, который разоряет земли и, не щадя никого, уничтожает людей, оказывается близок революционерам, а град Китеж, противостоящий в русской традиции татаро-монгольским полчищам, соотносим с Россией, сохраняющей национальное самосознание и идущей путем своих благочестивых предков.

Об уважительном отношении поэта к истории свидетельствуют и единицы, используемые в контекстном окружении слов с общим семантическим компонентом ‘прошлое’ (прошлое, былое, старина, древность, минувшее и т. п.). Прошлое как события, которые уже произошли, подвергается оценке, анализу, переосмыслению, откуда в текстах и появляются единицы с имплицитными компонентами ‘внушающее почтение, уважение’, ‘величественное’, ‘идеальное’ (святое прошлое, в прошлом счастливых племен, в прошлом величавых лет, былое прошлое великих светлых дней, священное в былом, былое богатство и слава, святость былая, отвага былая, былая краса, величие прошлого, старина – милое слово, благая и мудрая старина и т. д.; показательны и названия стихотворений «Из милого прошлого» (1924) и «Святая старина» (1938). Таким образом, дореволюционная жизнь оценивается поэтом исключительно положительно.

Показательно, что столь ценная для поэта преемственность поколений поддерживается самой властью: правитель оказывается гарантом порядка и стабильности, и подобное представление находит отражение в большинстве стихотворений С. С. Бехтеева, посвященных не только современнику поэта Николаю II, но и Павлу I («Царь-рыцарь», 1925), Александру I (Царская тайна», 1938), Николаю I («Солдатские похороны», 1947), Александру III («Царь-богатырь», 1943; заметим, что правитель ассоциируется у поэта с былинным героем)).При этом в текстах С. С. Бехтеева находим неоднозначную оценку Петра I: так, в стихотворениях «Царский пример» (1937) и «Цари не мстят» (1949) он изображен мудрым правителем, готовым пожертвовать собой ради величия страны, однако в поэме «Царь-всадник» (1924) он же представлен сильным, единовластным правителем, жестоким в своем управлении и стремлении к новому, чуждому для России пути: *...К чему над мудрой стариной Ты вздумал дерзко посмеяться И нас пред чуждою страной Заставил рабски пресмыкаться?..* [2, с. 622].

С. С. Бехтеев подчеркивает жестокое притеснение Петром Iсвоего народа, отход от предначертанного пути развития, неуважительное отношение к «мудрой старине», которое не может быть свойственно настоящему правителю.

Порицанию подвергается и Екатерина II в стихотворении «Царь-рыцарь» (1925), в котором акцентируется тема незаконного захвата власти: *...Честолюбивая, безнравственная Мать, Воспетая презренными рабами, Бразды державные стремилась задержать Своими властными и цепкими руками…* [2, с. 662]

По С. С. Бехтееву, правитель – это нравственный образец, который определяет и менталитет народа, и путь развития родной страны, почему важным и оказывается его нравственность (заметим, что на языковом уровне образ царской России создается благодаря обилию слов соответствующей тематической группы). Для поэта путь России – это путь многочисленных святых, праведников и героев: Сергия Радонежского («Моему святому», 1940), Иоанна Кронштадтского («Святому», 1944), Серафима Саровского («Угодник», 1943), князя Святослава («Мертвые сраму не имут», 1920), Владимира Мономаха («Русь», 1924 и др.), Минина и Пожарского («Пойдем за ним!», 1922), Ивана Сусанина («Жизнь за царя», 1920) и др. Пополняют этот список и образы Царской Семьи, наиболее подробно представленные в творчестве поэта («Молитва», 1917; «Царевич Алексей», 1922; «Царские глаза», 1929; «Царский завет», 1941; «Цареубийцы», 1921; «Письма императрицы» и др.), а также образы верных Царской Семье людей (матроса Нагорного («Жизнь за царя», 1920), Пьера Жильяра («Евангелист», 1921).

Кроме этого, для поэта Россия – это страна богатой культуры. Отсюда и использование в качестве эпиграфов строк А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, а также аллюзии и реминисценции на произведения предшественников и, как следствие,

обогащение смыслов своих произведений литературно-художественными интертекстами. Таким образом, для С. С. Бехтеева путь России – это путь традиции и преемственности, который проявляется на всех уровнях жизни.

Показательно, что верность традиционной культуре тесно связывается в поэзии С. С. Бехтеева с культурой православной. Так, фольклорный образ царя-батюшки соседствует с образом распутной дочери-изменницы («Верноподданным», 1917; «Святая Русь», 1920), представляющим собой обобщенный образ населения страны в годы революции. В указанных текстах «предательница-дочь», «дочь распутная, дочь разгульная» уходит из дома и после долгих скитаний и постигших ее неудач и несчастий, раскаиваясь, возвращается под родной кров, что соответствует евангельской притче о блудном сыне.

Отречение народа от царя, отказ от преемственности поколений, а также беды, следующие за этим, и предсказываемое поэтом возвращение к милому прошлому и царю позволяют говорить о пути России как о пути падения, раскаянья и возрождения. По мысли С. С. Бехтеева, только с царем Россия может быть великой державой с большим будущим, а потому и путь России мыслится поэтом-патриотом как путь самодержавия и путь царя. Не случайно в годы революции поэт изображает страну падшей, распутной и слабой; страной, вступившей в эпоху безвременья, тьмы и господства нечистой силы (см., например, «На родине моей безвременье и тьма» [2: 469] («Тамодалэко! 1923); «Вокруг зловещей ночи тьма» [2: 608] («Вождь», 1934); «Посмотри – впереди непроглядная тьма, / Стужа вьюг и седая пурга, / Цепь сугробов-могил, холод, бури, зима, / А вокруг – все снега и снега...» [2, с. 471] («Велик день», 1919); «Сбылось предсказанье Мессии, / И “тьма” пересилила “свет”!» [2, с. 432] («Русская Голгофа», 1920); «Я не страшусь мятежных дней / И буйной нечисти засилья» [2, с. 566] («Внукам», 1933) и др.).

Важным при обращении к теме исторического пути России представляется стихотворение «Бесноватая» (1949), которое содержит подзаголовок «так было – так и будет». Разделенное на три части, оно не только описывает революционное падение страны и ожидаемое поэтом покаяние, но и содержит в первой своей части расшифровку подзаголовка: *Испокон веков уж так водилось, Что Россия-Матушка бесилась, А отбесится родимая – и к Боженьке Понесут ее израненные ноженьки, С причитаньями, с мольбами да со стонами, С покаянными слезами да с поклонами…* [2, с. 582]

В этом, а также в ряде других текстов, революция воспринимается поэтом как опьянение, одурь, а потому и как явление временное, неизменно сменяемое трезвым сознанием – это происходит так же закономерно, как весна сменяет собой зиму, а утро – ночь (ср.: «И, очухавшись от одури шальной, / Станешь вновь ты сказочно былой» [2, с. 583] («Бесноватая», 1949); «И вновь над Россией заблещет заря» [2, с. 416] («Утро России», 1918);«Он проснется тогда, православный народ, / От тяжелого, страшного сна, / Когда яркое Солнце над Русью взойдет/ И воспрянет родная весна»[2: 472] («Велик день», 1919). Отсюда в стихотворениях ислова, объединенные темой опьянения, которая раскрывается через его непосредственные атрибуты («чара застольная», «лилось вино» и другие слова, придающие всему происходящему оттенок нездравомыслия, нетрезвости сознания), а также слова с семантикой откровения («упала с наших глаз блаженная повязка», «поймут свой обман», «отрезвев от дурмана свобод» и др.). Таким образом, события настоящего, которые должны быть максимально близкими и понятными человеку, оказываются затрудненными для восприятия, туманными и ложными.

Заметим, что само настоящее чаще всего описывается поэтом сквозь призму прошлого (см., например, «Когда-то властная Царица» – «Теперь ты жалкая блудница» [2, с. 388] («Россия», 1917); «Была тогда ты царственно прекрасной» – «Теперь, увы, ты сделалась иною» [2, с. 550–551] («Моей Родине», 1941) и т. п.; доказывают эту мысль и сочетания «здесь были постройки…», «когда-то здесь мирная жизнь протекала…» [2, с. 429–430] («На родном пепелище», 1917), подразумевающие противопоставления «здесь были постройки, но теперь их нет», «когда-то здесь мирная жизнь протекала, но теперь ее нет» и т. д.).Благодаря этому в произведениях создаются противопоставления «бытие – небытие», «нравственное – безнравственное», «богатое – бедное», «святое – нечистое/грешное», «законное – незаконное» и т. д.,

которые на языковом уровне проявляются употреблением в одном контексте слов с соответствующими антонимичными семами. Например, в стихотворении «Святая старина» (1938) оппозиция «родное – чужое» усиливается повтором слов с семами ‘чужое’ («мачеха чужая») и ‘родное’ («с Матерью родной»): *…Мы не желаем мачехи чужой С ее безбожными и лживыми устами, Мы жаждем встречи с Матерью родной – В одежде царской, с кроткими очами…* [2, с. 607].

Показательным в указанном тексте является и сопутствующая образам характеристика (сочетания «с безбожными и лживыми устами» и «с кроткими очами», противопоставленные имплицитными семами ‘безнравственный’ и ‘нравственный’).

Таким образом, прошлое становится отправной точкой при описании настоящего и, что еще более частотно, при описании будущего, которое во многом оказывается равным прошлому. Не случайно в стихотворении «Царь!» (1923) поэт акцентирует внимание сразу на трех поколениях («Русь богомольная, Русь вековая / Дедов… отцов… сыновей» [2, с. 448]), подчеркивая гармоничную связь прошлого, настоящего и будущего при сохранении верности традиции, гарантирующей стабильность жизни.

События же, произошедшие в родной стране, подвергаются в произведениях С. С. Бехтеева и библейскому переосмыслению. Так, поэтом делается смелое сравнение русской истории с событиями, произошедшими некогда в Иудее, а Царь и Христос становятся сюжетообразующей параллелью в ряде стихотворений [3, с. 224], провоцирующей и представление о России как о Голгофе.

Кроме того, неоднократно встречается и образ распинаемой царской России («К кресту пригвождает с хулою / Несчастную Родину-Мать!» [2, с. 433] («Русская Голгофа», 1920); «Глумясь над распятой Россией» [2, с. 441] («Жидовин», 1921); «…бедный, милый край, / Распятый на кресте исконными врагами» [2, с. 479] («Опомнись, знать!», 1922) и др.), что позволяет сделать вывод о пути России как о пути Христа, соответствующего и пути царя. Показательным является и наименование Родины «царством христьянским» и «христовой страной» [2: 433] («Русская Голгофа», 1920), а также «Россией Царей и Христа» [2, с. 441] («Жидовин», 1921). Это позволяет поэту не только подчеркнуть неразрывную связь исторического пути России с самодержавием и православием, на протяжении многих веков составлявших основу жизни родной страны, но и говорить о будущем России с опорой на прецедентные феномены. Таким образом, события истории, по мысли С. С. Бехтеева, неизменно повторяются, отсюда и стойкая уверенность поэта в осознании народом совершенной им ошибки, в возвращении к царю и возрождении православной царской России. Заметим, что предсказанию восстановления порушенной жизни посвящен целый ряд произведений С. С. Бехтеева («Утро России», 1918; «Они пройдут», 1920; «Грядущее», 1927; «Моя вера», 1931; «Верую!..», 1937; «Святая старина», 1938 и др.).

Представление об истории как о цикличном процессе подкрепляется в произведениях обилием слов «вновь», «снова», «опять», «как встарь», «как прежде», «как когда-то» и т. п. Отсюда и представление о времени, мерно свершающем свой круг, и о событиях, которые должны вскоре произойти: «Время рассеет туман, / Поздно ли, рано ли – братья крамольные / В муках поймут свой обман» [2: 510–511] («Две армии», 1920);«Внял твой Господь покаянным мольбам; / Встань, поднимись и воскресни ты сам, / Слезы страданий и скорби отри – Близится время Христовой зари!» [1: 120] («Царский звонарь», 1930); «Подожди, не пришла, не настала пора; / Жизнь народа темна и пуста, / Не покаялся тот, кто ценой серебра/ Предавал на распятье Христа. / Но не плачь, не зови, мой воинственный друг, / Опочивших в гробах мертвецов. / Время мерно свершает положенный круг, / Время шлет нам весенних гонцов» [2, с. 472] («Велик день», 1919) и др. Все это позволяет говорить о том, что будущее, имеющее максимально абстрактный характер, оказывается для белогвардейца самым ясным и точным временем.

Таким образом, для С. С. Бехтеева история – это нелинейный процесс, в котором будущее уже состоялось: сам культурный контекст, которым жил поэт, позволяет ему проводить параллели, отмечая сходства событий прошлого и настоящего, а потому и событий прошлого и будущего. Именно идея континуальности истории провоцирует появление представлений

поэта о России как древней державе с большой исторической памятью, с большим прошлым и большим будущим после раскаянья и возрождения.

Библиографический список

1. *Бехтеев С. С.* Грядущее: Стихотворения / Сост. Г.С. Счастная. СПб., 2004.
2. *Бехтеев С. С.* Святая Русь // Невярович В.К. Певец Святой Руси: Сергей Бехтеев: жизнь и творчество. СПб., 2008.
3. *Жгулева Ю.А.* Библейская лексико-семантическая интерпретация образа Николая II в стихотворениях С. С. Бехтеева // Православные истоки русской культуры и словесности: сборник научных статей по материалам 40-й Международной научно-практической конференции. Тюмень, 2018.
4. *Невярович В.К.* Певец Святой Руси: Сергей Бехтеев: жизнь и творчество. СПб., 2008.

УДК 821.133.
ББК 83.3 (4Рос) 4

Т. Н. Жужгина-Аллахвердян
T. N. Zhuzhgina-Allahverdian
(г. Бахмут)

**Символика в стихотворениях А. И. Полежаева:
к вопросу о романтической литературности (постановка проблемы)
Symbolism in the poems of A. I. Polezhaev:
to the question of romantic literature (statement of the problem)**

Аннотация. Статья посвящена проблемам романтической поэзии А. Полежаева 1820-х гг., вопросам взаимодействия символизма и романтической поэтики, проблемам романтического воображения; изучаются особенности функционирования и ассимиляции символики в русской элегии.

Ключевые слова: Полежаев, Ламартин, элегия, романтизм, поэтическое воображение, символ.

Abstract. The article is devoted to the Rashian romantic poetry, poetical imagination, romantic poetics in the A. Polezhaev‘ s work; to the peculiarities of his interptretation of traditional symbols, their functioning and assimilation in the rashian elegie.

Key words: Polezhaev, Lamartine, elegie, romanticism, imagination, symbol.

Как отмечалось в нашей более ранней статье об А. И. Полежаеве, структурно-парадигматическое и лексико-семантическое исследование символического дискурса творчества обнажает пружины взаимодействия элегического романтизма с классической литературностью, с русской и западноевропейской лирической традицией. На первый взгляд традиционная историко-литературная установка, с одной стороны, снимает напряженность в видении личности поэта, так или иначе (мифопоэтически, автобиографически, психологически и т. д.) связанного со своим лирическим героем. С другой – облегчает понимание природы сложившегося в литературоведении представления о «поливалентности фигуры Полежаева», озвученной на международной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения поэта [8]. Все попытки расставить акценты в «мифологии поэта», в концепции размытого в пространстве двух веков образа все еще не увенчались успехом, несмотря на то, что многое уже сделано. Причина «неуспеха» коренится не только в разнотолках и противоречивых суждениях о личности и творчестве Полежаева, недостатках фактов и документов, но также в нечетком разграничении личности поэта и его лирического героя.

В диссертационных исследованиях последних десятилетий творчество русского поэта рассматривалось в фокусе литературной преемственности: в границах «пушкинской и лермон-

товской разновидностей русского романтизма» [4], в «отзвуках русской литературы», в частности Ломоносова, Державина и Радищева, Батюшкова и Жуковского, Пушкина и Грибоедова, И. Козлова, Рылеева и Раевского и др. [1, с. 3–30], во взаимоотношениях с западной, особенно французской романтической поэзией [2, с. 47–48]. Благодаря исследованиям в области интертекста и интертекстуальности более не вызывают критику так называемые художественные «повторы» в лирике Полежаева, служившие в XIX веке поводом для упреков в «подражании». Стало понятно, что «повторы» означают не только внешние «влияния» и воздействия, но и непрерывную творческую трансформацию, внутреннюю метаморфозу – воображения и восприятия мира, самоанализа, самопознания и самовыражения.

Текстуально-семантические и стилистические конструкции в полежаевском мифопоэтическом тексте, которые зачастую указывают на его интертекстуальную и метатекстуальную природу, формировались в соответствии с правилами литературной эквивалентности, распространившимися на все романтические модели, почти всегда узнаваемые по своим содержательно-эмотивным, лексико-семантическим, экспрессивно-стилистическим признакам. В то же время, в поэзии, на что указывал Ю. М. Лотман, узнаваемость не исключает оригинальность структурно-парадигмальных отношений, построенных по ассоциативному принципу, на основе противопоставлений, оппозиций, антиномий в их самых различных сочетаниях: ни одна из текстуально-семантических и стилистических парадигм, в которых актуализированы образы-идеи, не выступает как единственно возможная. Неудивительно, что вопреки «полемике с А. С. Пушкиным», поэт оставался к нему очень близок – семантически, стилистически, идейно [6, с. 3–15]. Ибо не только эпоха и общее дело сближает деятелей, но также стремление к «высокому идеалу». Укорененная в романтическом сознании иллюзия неизбывного трагизма питалась заложенной в человеческом разуме «метафизической потребностью и стремлением к бесконечному», которое понималось романтиками на веру как «коренное свойство человеческой природы» (В. В. Жирмунский). Однако этот «изъян» или «преимущество», по усмотрению, можно было скорректировать – с помощью кантианского конструирования синтезом и гетеанской установки на универсализацию мысли и на воображение, позволяющее представить конечное – бесконечным, вероятное – невероятным, зримое и очевидное – загадочным и мистическим.

Положение Полежаева в русской поэзии «пушкинской поры» и в 30-е гг. XIX в., когда «совершался переход от «пушкинской» художественной системы к «лермонтовской» (конец 1820-х – начало 1830-х гг.) [4] показывает относительность и условность такой периодизации русского романтизма, к которому безоговорочно относили не только все творчество Лермонтова, но и Пушкина [4]. На наш взгляд, «статус» Полежаева-поэта в русской литературе может определяться не только авторским целеполаганием, но также ориентированностью на созидание героя и текста –одновременно как «зеркала», анализа и документа, историко-литературного свидетельства. В этом отличие Полежаева от других романтических поэтов, использовавших в своем творчестве мифы, легенды и народные предания. Полежаев черпал сюжеты из реальной жизни, но окружал их, в романтической традиции, символическим ореолом, ибо символ независимо от материала предоставлял художнику абсолютную свободу для выражения мыслей и чувств, воплощения фактов, идеалов и мечты.

В мифопоэтических и эстетических концепциях романтического элегизма ведущая роль отводится оценкам душевного состояния личности и жизни во всех ее чувственных проявлениях. Особой популярностью в России пользовались элегии Альфонса Мари Луи де Ламартина (1790 – 1869), развивавшего в лирической традиции предшествующего века тему меланхолических раздумий и медитаций о смысле жизни и смерти в единстве с проблемой одиночества и несчастья. Уже в 1820-е гг. стихотворения из «Поэтических медитаций» Ламартина переводили на русский язык поэты и переводчики П.А. Вяземский, Ф.И. Тютчев, М. П. Вронченко; В. Н. Григорьев, И. П. Бороздна, Н. П. Греков, Д.П. Ознобишин. Отдельные стихотворения Ламартина известны также в переводах П. А. Драгоманова, А. Мейснера, А. М. Редкина, переводчика Вольтера и Мильвуа И. Е. Великопольского; в переложениях журналистов и критиков – В. Н. Олина, Н. А. Полевого, П. Г. Волкова, А. Н. Глебова, Н. И. Надеждина; поэта и издателя альманаха «Радуга» Д.И. Новикова; члена общества любомудров, заметного в то

время переводчика Ал. Норова; костромской поэтессы А. И. Готовцевой, печатавшегося в петербургских журналах саратовского поэта и переводчика С. Степанова; поэта из кружка «харьковских романтиков» А. Г. Шпигоцкого. До наших дней дошли переводы из Ламартина, выполненные поэтами-дилетантами, в частности вольнослушателем Московского университета из Рязани, крестьянского сына И. Е. Тюрина; студента Петербургского университета, поэта М. П. Загорского. К этой группе можно отнести перевод подающего большие надежды, но рано умершего поэта В. И. Мальцова (искаженно: Мальцева). «Умирающий христианин» В. И. Мальцова в 1825 г. был одобрен Обществом любителей российской словесности при Московском университете и на этом основании переводчик был принят сотрудником в ОЛРС, а с 1829 г. стал его действительным членом. К Ламартину обращались также поэты и переводчики старших поколений, среди них Д. И. Хвостов, И. И. Козлов, А. П. Бунина, переводчик «Гамлета» С.И. Висковатов, последователь классицизма А. А. Волков, поэт карамзинского круга Д. П. Глебов, вологодский поэт, переводчик и меценат П. А. Межаков [9, с. 591–604; 653 – 668].

Из «Поэтических медитаций» А. И. Полежаеву принадлежат: перевод знаменитого стихотворения «Человек. Лорду Байрону» (1825 г.), известного также в сокращенном переводе М.П. Вронченко («К Байрону») [9: 654 – 655]; «вольный и сокращенный перевод» элегии «Вечер» (1832 г.) [9: 656], напечатанный под заглавием «Мечта» [9: 510 – 511]; «Провидение человеку» (точная дата перевода не установлена), известное также в переводе Н.И. Надеждина под заглавием «Промысел человеку» [9: 657]. Из «Новых поэтических медитаций» Полежаев переложил стихотворение «L'Esprit du Dieu», опубликованное в 1832 г. с заголовком «Восторг» [9: 665] и «Элегию» под русским названием «Юность», переведенную также Ю. И. Познанским и И. Е. Тюриным [9: 665]. Также Полежаевым было переведено стихотворение «Бонапарте» (опубл. в 1833 г.), известное также в версии Н.С. Бобрищева-Пушкина как «Воспоминание о Бонапарте» [9, с. 552, 666]. В 1826 г. Полежаев впервые опубликовал вольный перевод» стихотворения «A El», озаглавленный «Злобный гений» и выполненный, как принято считать, под воздействием пушкинского «Демона» [9: 667]. Это стихотворение также известно в переводах Ю. И. Познанского и А. А. Шишкова.

В творчестве французского романтика русский поэт открыл для себя запредельный внутренний мир, коррелирующий с божественной бесконечностью и природными стихиями, трагическими и одновременно гармонизирующими внутренний хаос, а также с миром элегической поэзии. Романтический психологизм и аналитизм диктовали Ламартину лирическую форму, которая не регламентировала течение сюжета, на первый взгляд простого и незамысловатого, но требовавшего многослойной образности, сложных символических построений. Загадочный романтический герой всегда раскрывался в исповеди и, таким образом, интимное, сокровенное, тайное становилось достоянием общественности. Вне этого героя, вокруг него, как и прежде, господствовало «неведомое». К себе влекла символическая «вертикаль» – вселенского универсума, /бесконечного небесного пространства, темной глубины бездны, ночи, тайны человеческой души. А. И. Полежаев, будучи максималистом, безоглядно погружается в элегические просторы бессознательного мира, своеобразно растворяя в собственном опыте символико-аллегорический опыт поэта мысли и духа, но создавая при этом лиризм совершенно нового типа, отличного от ламартиновского.

До 1828 г. в стихах Полежаева преобладала спокойная элегическая тональность. Но и в этот период мирное состояние природы в его лирике диссонировало с раздраженным чувством и беспокойными мыслями, со «щемящей» и «разрывающей сердце на части» тоской в традиции Шатобриана. В полежаевской лирической концепции бытия и личности особое место заняла символика страсти, то угасающей, то воспламеняющейся, традиционно связанная с мотивами скоротечности жизни и смерти, с ритмами природных стихий, пространственно-временным топосом, мнемоническими погружениями в юношеские мечты, в размышления об эфемерности человеческого существования. Но несомненна оригинальность А. Полежаева, как одного из создателей русской элегии, пережившего поэтическое озарение в духе и стиле русских поэтов «пушкинской эпохи» и оказавшего воздействие на дальнейшее развитие лирики, в частности М. Ю. Лермонтова, особенно кавказского периода («Сашка», «Измаил-бей»,

«Валерик», «Герой нашего времени»). Очевидно влияние романтического элегизма Полежаева на литературных героев, чье настроение отмечено символикой разрушительного огня страстей. Эту особенность отмечали А.В. Дружинин, А. А. Григорьев, Б. М. Эйхенбаум, Л. В. Цумпянский, С. В. Обручев, Л. Я. Гинзбург и др. [6; 3: 74–78]. Как истинный народный певец, Полежаев оставался в границах двух основных романтических парадигм – песенно-фольклорной поэтичности и романтической литературности. Такое сочетание создавало идеальную атмосферу для символизации аналитических мыслей и элегических чувств. Слияние этих парадигм определило условия лирического кодирования «гена сюжета» (М. Ю. Лотман) в тексте со скрытым, едва уловимым, но порой и явным автобиографическим смыслом. Именно в динамике сюжета то разгорающейся, то затухающей страсти по-разному и далеко неоднозначно раскрывался облик лирического героя, в чем-то отличного от автора, в чем-то ему уподобленного. Сходство проявилось прежде всего в бескомпромиссности и пылкой сосредоточенности на определенном круге проблем, означенных символически. Так в полежаевском стихе прочно укоренились образы морской пучины и тонущего челнока, как значимые составляющие и русского песенного фольклора, и мифопоэтики романтизма. Трагическое воображение поэта-певца, взывая к тайне и неизвестности, рисовало море и его спутников – мрак и тьму, одиночество и страдание, потерянность и безысходность. Бескрайнее море и неизбывное одиночество – благодатная тема для развития элегических сюжетов, утверждения в них героя-эгоцентрика, для которого море – идеальный топос блужданий и поиска. Поэт концентрировался на мотиве рокового несчастья, не прибегая к традиционным отсылкам к античной мифологии, что было характерно для Батюшкова и раннего Пушкина. Персонификация несчастья включает образ моря-жизни, требующего все новых жертв («Песнь погибающего пловца»,»Море»). Бесчувственное «Я» то отступает в таком элегическом тексте, то вновь появляется в новом контекстном материале. Но лирический герой («Я») постоянно возвращается к мотиву угасания и преждевременной смерти (гибели). Сюжет «окольцован» этой идеей в традиции французской литературности – Ю. Мильвуа и А. де Ламартина. Лейтмотивными являются также образ байронической хандры и суицида, метафоры полета и падения, поверженной славы и забвения («Человек. К Байрону», «Восторг», «Бонапарте»). Как во французской, так и в русской элегической лирике, мрачная тональность, погребальная метафорика, связанные с ней выразительные контрасты, – следы английской кладбищенской поэзии. Но не только это наследие обусловило характерное эмфатическое интонирование, семантико-когнитивные особенности романтизма Полежаева. Стихию народного песенного ритма не может скрыть даже столь очевидная связь полежаевского стиха с западноевропейской литературностью – с поэтикой неприкаянности и гордой вознесенности человека над обыденным бытием, мотивом странничества как плавания, восходящего к гомерической теме «одиссеи», которую исследователи мистериальной античности объясняют из пункта поиска смысла жизни и блужданий человека в самом себе, в лабиринтах внутреннего мира.

У А. И. Полежаева образ «Я» сливается с образом чувственного и чувствительного сердца (души), одновременно беззащитного и отважного, с его смутными, робкими, неуверенными ожиданиями. Этот образ, как и образ странника, становится лейтмотивным не только в полежаевской поэзии. Н. А. Соловьева писала: «Русский странник, отторгнутый от родного очага, погружается, растворяется в природе, ощущая ее как творение Всевышнего, достойное поклонения и духовного просветления». Там же на примере из Ф. И. Тютчева: «В стихотворении «Странник» (1830 г.) Ф. И. Тютчева прослеживается эволюция индивидуального сознания в процессе созерцания красот природы и ощущения полной свободы от всего вещного, материального» [8]. Но если тютчевский странник ищет Бога и беседы с ним, то блуждающий герой Полежаева все более отдаляется от Бога – «в тоске мучительной и хладной» своей «бездейственной души». И в отступлении от Бога, и в мотиве странничества русская романтическая идентичность полежаевсих персонажей только частично совпадает с западноевропейской. Основное отличие – в широте натуры полежаевского безотрадного «пустынника мира», в полном забвении трансцендентного бытия. В отличие от тютчевского героя, обращенного к «неведомой русской душе, которой нет покоя и удовлетворения» [7], странствующий герой Полежаева не сосредоточен на национальном: он апеллирует к «земным»

символическим абстракциям, к природным стихиям («из края в край, из града в град / Могучий вихрь людей метет»). Но этот символико-семантический ряд может быть истолкован также и в русском культурно-историческом контексте, как противопоставление человеческой неволи – дикой вольности родной природы. В заключение отметим: лирический герой А. И. Полежаева, даже во всей своей совокупности, не передает весь спектр чувств и мыслей автора, всю палитру его переживаний: он отражает лишь небольшую часть его самого, его реальной жизни, надежд и упований, частично запечатленных в художественных символах. Думать иначе – означает создавать новый миф о поэте, чья реальная жизнь, столь мало изученная, продолжает оставаться загадкой для читателей.

Библиографический список

1. *Васильев Н.Л.* Поэзия А. И. Полежаева в контексте русской литературы: автореф. дис. д-ра филол. наук. МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1994. – 33 с.
2. *Вацуро В.Э.* Французская элегия XVIII–XIX веков и русская лирика пушкинской поры // Французская элегия XVIII–XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры. – М.: Радуга, 1989. С. 27 – 48.
3. *Вольперт Л.И.* Лермонтов и литература Франции. Тарту, 2010. 276 с. Интернет-публикация. http://www.ruthenia.ru/volpert/Volpert_2010.pdf
4. *Липич В.В.* Пушкинская и лермонтовская разновидности русского романтизма в их художественно-эстетическом своеобразии: дис. д-ра филол. наук. М., 2005. 472 с.
5. *Лотман Ю. М.* Символ – «ген сюжета» // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. – М., 1996.
6. *Николаева Е.Г.* Поэмы А. И. Полежаева (жанрово-стилевые искания): автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1992.
7. *Соловьева Н. А.* Национальная идентичность в эпоху романтического национализма (культурное и природное в дискурсе о человеке) / Н. А. Соловьева. – Тамбов. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. [Электронный ресурс] http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-all/soloveva-nacionalnaya-identichnost.htm
8. *Сорочан. А.* Фрагменты мифа. Международная научная конференция «Творчество А. И. Полежаева в контексте русской и западноевропейской литературы», посвященная 200-летию со дня рождения А. И. Полежаева. Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева, 22 – 24 сентября 2004 г. // Новое литературное обозрение. № 3 (73). 2005. [Электронный ресурс] https://magazines.gorky.media/nlo/2005/3/fragmenty-mifa.html
9. Французская элегия XVIII – XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры: сборник / сост. В. Э. Вацуро. М.: Радуга, 1989.

УДК 811.161
ББК 81.2

В. А. Заварзина[1]
V. A. Zavarzina
(г. Воронеж)

«Модная» лексика образовательной сферы в русском языке начала XXI века
«Fashionable» vocabulary of the educational field in the Russian language at the beginning of the XXI century

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию процессов формирования и функционирования «модной» лексики образовательной сферы в русском языке XXI века. В работе

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ совместно с субъектами Российской Федерации (№ 18-412-360006 р_а)

представлена тематическая классификация лексических и фразеологических единиц, характеризующихся широкой употребительностью в современном русском языке и русской речи. Особое внимание уделяется описанию «модных» словесных знаков, представляющих собой новейшие заимствования из американского варианта английского языка.

Ключевые слова: языковая мода, лексическая подсистема, образовательная сфера, тематическая группа, заимствование, транскрипция, транслитерация, калькирование.

Abstract. This article is devoted to the research of the formation and functioning processes of the "fashionable" vocabulary of the educational field in the Russian language of the 21st century. The study presents a thematic classification of lexical and phraseological units, which are characterized by widespread use in the contemporary Russian language and Russian speech. Special attention is given to the description of "fashionable" verbal signs, which are the latest borrowings from the American English.

Key words: language fashion, lexical sub-system, educational field, thematic group, borrowing, transcription, transliteration, calquing.

Сфера образования является одной из наиболее быстро развивающихся сфер в России XXI века, что обусловлено присоединением России к Болонскому процессу в 2003 г., активизацией международного сотрудничества в сфере образования, появлением новых образовательных программ, государственных стандартов, технологий и методов в системе образования. В связи с этим расширяется словарь языковых знаков, номинирующих явления и понятия сферы образования, многие из которых стали чрезвычайно востребованными и привлекательными для носителей современного русского языка.

Научное изучение лексики сферы образования является весьма актуальным в силу того, что вопросы формирования, развития и пополнения словаря сферы образования, способы образования новых «модных» языковых единиц, типологические и структурные особенности лексических единиц сферы образования, а также их тематическая представленность являются недостаточно изученными.

Как показало исследование, модные слова образовательной сферы могут быть представлены в виде системы тематических групп, среди которых важнейшими являются следующие: 1) наименования образовательных учреждений: *открытый университет, умный университет, цифровая школа, школа-партнёр, школа-факультет, виртуальная школа, школа повышенного уровня и др.;*2) наименования образовательных и стимулирующих программ: *программа «двойных дипломов», программа бакалавриата, магистерская программа, система «4+2», грантовая программа, стипендиальная программа и др.;* 3) наименования видов и форм занятий: *аудиолекция, веб-занятие, чат-занятие, онлайн-семинар, урок развивающего контроля, урок систематизации знаний, урок-рефлексия, формат ведения урока BYOD и др.*;4) наименования технологий и методов: *баддинг, брейнсторминг, глог-технология, майндмэппинг, секондмент, скаффолдинг и др.;* 5) наименования обучающего: *значимый взрослый, коуч, куратор, медиапедагог, дистанционный преподаватель, смарт-педагог, эдвайзер, дистант-репетитор и др.;* 6) наименования обучающегося: *интегрируемый ребенок, маломобильный ребенок, особо трудный ребенок, особый ребенок, правополушарный ребенок и др.;* 7) наименования формируемых достижений: *универсальные учебные действия, универсальные компетенции, профессиональные компетенции, специальные компетенции и др.;* 8) наименования учебных предметов: *вайтборд, электронный дневник, интерактивная доска, электронная доска, смарт-доска, интеллект-карта, ментальная карта и др.;* 9) наименования видов и форм контроля: *базовый экзамен, единый государственный экзамен, профильный экзамен, выпускная проверочная работа, онлайн-зачет, аттестация педагогических работников и др.*

Большая часть модных неологизмов является заимствованными лексемами, представленными тремя разновидностями: 1) прямыми заимствованиями (собственно заимствованиями), 2) непрямыми заимствованиями, или кальками, 3) гибридными образованиями, или полукальками.

Прямые заимствования представляют собой слова или словосочетания, которые приходят в русский язык путем транскрипции [напр., *вайтборд* (от англ. whiteboard – белая доска) – обозначение магнитно-маркерной доски, электронной доски; *эдвайзер* (от англ. adviser) – преподаватель, который помогает студентам в решении вопросов по организации досуга, труда, социально-бытового характера; *брейнсторминг* (от англ. brainstorming) – «мозговой штурм», коллективное обсуждение проблем при полной свободе выдвижения вариантов их решения и др.] и транслитерации [напр., *геймификация* (от англ. gamification) – технология, реализующая применение игровых методик в обучении), *ментор* (от англ. mentor) – руководитель, учитель, наставник, *фасилитатор* (от англ. facilitator) – человек, обеспечивающий успешную групповую коммуникацию] [1, с. 9].

При непрямом (скрытом) заимствовании, или калькировании, заимствуется не материальная форма лексической единицы, а только ее структура или значение [8, с. 24]. Ср.: *спонсорское наставничество* (от англ. sponsoringmentoring) – модель обучения, при которой ученик перенимает опыт у своего наставника, следует его советам и наставлениям; *открытый университет* (от англ. openuniversity) – университет с открытой академической политикой, с минимальными или отсутствующими требованиями для поступления; *дистанционное обучение* (от англ. distancelearning) – процесс взаимодействия учителя и учащихся на расстоянии посредством Интернет-технологий или другими средств, предусматривающих интерактивность [1].

Особую группу прямых заимствований составляют лексемы, среди которых встречаются полные вкрапления, представляющие, как правило, наименования электронных баз данных, включающих публикации в научных журналах (напр., *E-Library, WebofScience, Scopus*), и контаминированные, или русско-иноязычные, вкрапления, соответствующие составным наименованиям (напр., *smart-университет, open-класс, online-образование и др.*).

Исследование показало, что весьма значительную группу прямых заимствований образуют иноязычные сложносокращенные слова, среди которых также встречаются иноязычные вкрапления (напр., *технология BYOD* (bringyourowndevice – принеси собственное устройство) – способ ведения урока, при котором во время урока учащимся предлагается использовать собственный гаджет для поиска информации; *ECTS* (EuropeanCreditTransferandAccumulatingSystem) – европейская переводная и накопительная система кредитов, которая базируется на оценке трудоемкости учебной работы студента, необходимой для достижения целей обучения по данной программе; *PISA* (ProgrammeforInternationalStudentAssessment) – программа международной оценки достижений учащихся) [из интернет-материалов].

В исследуемой подсистеме встречаются также гибридные образования, или полукальки (напр., *кейс-технология* (от англ. casetechnology) – интерактивная технология обучения, направленная на формирование у обучающихся знаний, умений и навыков на основе решения проблемной ситуации, представленной в виде кейса; *плейсмент-тест* (от англ. placementtest) – тест, предназначенный для определения уровня знаний по предмету, как правило, по иностранному языку; *смарт-доска* (от англ. smartboard) – интерактивная доска [2].

Иногда системой русского языка заимствуются сразу несколько вариантов одного словесного знака, имеющих одно значение. Среди них выделяются графические, фонетические и грамматические варианты (напр., *онлайн-образование – online-образование – on-line-образование; открытый класс – open-класс; плейбек-театр* (в обучении) – *плейбэк театр – театр плейбек – театр плейбэк – playback-театр – театр playback; лидерборд – лидербоард – доска лидеров – лидерская доска*). Несмотря на неустойчивость графического облика, многие лексемы известны широкому кругу носителей русского языка.

Расширение лексического состава исследуемой подсистемы в начале XXI в. нередко происходит за счет внутренних заимствований, представляющих сбой иноязычные слова, относящиеся к лексике иных тематических сфер [3, с. 99]. Ср.: «*коуч*» из сферы спорта, «*кредит*» из сферы экономики, «*кейс-технология*» из сферы программирования и др.

Среди новых модных слов сферы образования отдельную группу образуют словесные знаки, образованные от иноязычных основ за счет способов русского словообразования и представляющие собой жаргонные номинации. Наиболее продуктивными способами являются суффиксация [напр., *чекать* (от англ. tocheck – проверять), *аскать* (от англ. toask – спрашивать), *сейвить* (от англ. tosave – сохранять), *синкать* (от англ. tothink – думать) и др.], префиксация [напр., *безандестенд* (от англ. tounderstand – понимать), *недоюзер* (от англ. user – пользователь) и др.], а также усечение [напр., *сабж* (от англ. subject – тема разговора), *квэш* (от англ. question – вопрос) и др.] [4].

Следует отметить, что в плане содержания некоторых словесных знаков могут происходить изменения, касающиеся их семантической структуры и обусловливающие расширение сочетаемости лексических единиц [5, с. 13; 6, с.81]. Так, например, расширили свои сочетаемостные возможности слова «*грамотность*» (напр., *компьютерная грамотность, информационная грамотность, сетевая грамотность, цифровая грамотность, ИКТ-грамотность и др.*) и «*кабинет*» (напр*., виртуальный кабинет, личный кабинет учителя, личный кабинет ученика и др.*).

Семантические изменения нередко затрагивают содержание словесных знаков на уровне разных компонентов значения. Так, в настоящее время в плане содержания слов «*гимназия*», «*лицей*», «*департамент*» разрушены денотативные семы, указывающие на отнесенность понятий к дореволюционной или зарубежной действительности, и соответственно темпорально-стилистические семы «устаревшее», «дореволюционное», а сами слова возвращены в активный лексический состав русского языка из пассивного [7, с. 18; 9, с. 81].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что «модные» слова образовательной сферы в русском языке начала XXI века представляют собой, прежде всего, новейшие заимствования из американского варианта английского языка. Однако в сферу модного образовательного пространства в настоящее время попадают также переориентированные и устаревшие словесные знаки, что, безусловно, свидетельствует о развитии нашего общества, идущего по пути возвращения утраченного в советскую эпоху культурного наследия.

Библиографический список

1. Family Dictionary of Education Terms // Office of the Education Ombudsman. 2 ed. Washington, 2010–2011.

2. Wallace S. A Dictionary of Education // Oxford University Press. 1 ed. Oxford, 2008.

3. *Zavarzina G.A., Zavarzina V.A., Molchanov R.D.* Borrowings as a means of enrichment of the lexical-semantic subsystem “Russian education” // Scientific research of the SCO countries: synergy and integration: materials of the International Conference. Beijing, 2018. P. 1.

4. *Заварзина В.А.* Субстандартная лексика в современном образовательном дискурсе // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: X Международная научная конференция. Воронеж, 2019.

5. *Заварзина Г.А*. Процессы неологизации в лексической подсистеме тематической сферы «государственное управление» в современном русском языке // Язык и культура. 2014. №1 (25).

6. *Загоровская О.В.* Расширение лексического состава русского языка как одно из основных направлений его развития на рубеже XX – XXI веков // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе: сборник научн. трудов. Воронеж, 2008. Вып. 1.

7. *Загоровская О.В.,Заварзина Г.А.* Инновации, связанные с обновлением лексического состава, а языке государственного управления современной России. Политическаялингвистика. 2012. №2 (40).

8. *Маринова Е.В.* Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования: автореф. дис. … д. филол. наук. М., 2008.

9. *Полозова С.В.* Иноязычные заимствования как источник пополнения лексико-фразеологического состава современных русских жаргонов // Вестник ВГУ. Воронеж, 2008. №3.

УДК 801.7
ББК 80.9

И. В. Зензеря
I. V. Zenzerya
(г. Куйбышев)

Экспрессивные идиомы с именами собственными в современном русском языке
Expressive idioms with proper names in modern Russian

Аннотация. В статье раскрываются стилистические особенности фразеологических оборотов, в состав которых входят имена собственные. Определяется их роль и значимость как в речи, так и в художественном тексте.

Ключевые слова: идиомы, фразеология, устойчивые обороты, фразеологизмы.

Abstract. The article reveals the stylistic features of phraseological phrases, which include proper names. Their role and significance both in speech and in fiction are determined.

Keywords: idioms, phraseology, steady turns, phraseological units.

Основное назначение фразеологических единиц заключается в выражении оценки и отношения говорящих к предмету речи – выражать разного рода оценки и отношения коммуникантов к высказываемому, а данные оценки – это значимый смысловой компонент значения фразеологизма. По этой причине фразеологизмы- сильное средство языковой выразительности, которое образно называют жемчужиной русской речи.

Богатство любого языка определяется его фразеологическим фондом, в котором отражается быт, вера, мировоззрение наших предков и т. д. Поэтому все русские писатели, воссоздавая исторический колорит определённой эпохи, давая речевую характеристику героям, в целях создания юмористического эффекта использовали в своих произведениях фразеологические единицы.

Поэтому нет ни одного русского писателя, который не использовал бы в своём творчестве богатейшие возможности русской фразеологии: и при воссоздании исторического колорита и особенностей эпохи, для речевой характеристики персонажей, в юмористических целях.

Фраземика, выступая в качестве важнейшего источника средств стилистики русского языка, включает в себя большое количество ярких и образных выражений, используемых писателями как важное средство экспрессии. Фраземы применяются как готовые определения и сравнения для создания характеристик героев, описания окружающей действительности и т. п. Большинство идиом обладают повышенной экспрессией, чаще разговорной или грубо-просторечной.

Степень употребительности той или иной фраземы зависит от её стилистической окраски. Активнее всего используются фраземы со стилистически нейтральной и разговорно-просторечной окраской. Книжные фразеологизмы редко используются в произведениях современной литературы.

Использование фразеологизмов играет важную роль для экспрессивно-стилистической значимости речи, так как фразеологическая единица не только называет какие-либо предметы, качества, процессы и т. п., но и даёт им оценочную характеристику. Важно по этому поводу замечание А. И. Фёдорова, который подчеркивает: «Различное назначение слова и фразеологизма в языке определяется сущностью их семантики: во фразеологии коннотативный элемент всегда преобладает над денотативным элементом содержания» [2; с. 26].

В специальной литературе неоднократно отмечалось, что большинство фразеологических единиц русского языка совмещает номинативную и экспрессивную функции. На этот факт указывает и М.А. Бакина, которая, говоря о том, что у фразеологических единиц, функционирующих в тексте, эта функция неразрывна, подчёркивает: «…номинативность всегда находится в единении с определенной экспрессией» [1; с. 69].

Если рассматривать отличие фразеологизма от слова с точки зрения стилистики, то можно отметить, что лексика нефразеологизированных слов стилистически нейтральная, а большинство фразеологизмов экспрессивны и имеют стилистическую значимость. С точки

зрения экспрессивно-стилистической окраски фразеологизмы русского языка можно разделить на разговорные, книжные и межстилевые. Большая часть фразеологического состава современного русского литературного языка представлена устойчивыми сочетаниями народно-разговорного характера.

К разговорным фраземам относятся единицы, образовавшиеся в живой народной речи. Они обладают ярко выраженной экспрессивностью и метафоричностью. Например:

- Во всю ивановскую.

1.Очень громко(кричать, храпеть и т. п.).

2. Очень быстро, в полную силу.

Фразеологизм берёт свой происхождения от реальных фактов истории. В Московской Руси во время пожаров, нападений врагов и т. д. людей оповещали звоном на колокольне Ивана Великого. А указы царя оглашались народу на площади, находившейся там же и имевшей название Ивановская. [3; с. 177].

- Куда Макар телят не гонял – «Очень далеко, в самые отдалённые места (послать, выслать, загнать и т. п.)» [4; с. 235].

Доподлинно не известно, откуда берёт начало данное выражения. Но некоторые исследователи считают, что имя Макар во многих пословицах связывается с бедным человеком, поэтому, возможно, Макар был безземельным крестьянином и вынужден был пасти телят на далёких землях.

- Анна (1, 2, 3, 4 степени). Анна на шее, с короною [5; с. 21].

Таким выражением упрощённо называли орден Святой Анны, которым награждали военные и придворные чины. Изначально орден появился в Голштинском герцогстве в честь Анны Петровны, дочери Петра Великого, в связи с её смертью. Затем во времена правления Павла 1 он прочно вошел в систему наград Российской империи.

- Возлияния Бахусу – «Попойка, обильная выпивка» [6; с. 158].

Фразеологизм берёт начало в древнеримских мифах, где Бахусом называли бога виноделия. После сбора урожая жители устраивали праздник в честь этого бога и выпивали большое количество винных изделий.

Просторечные фраземы имеют более сниженный стилистический характер, чем разговорные. Эта группа фразем характеризуется ярко выраженной эмотивностью. Чаще всего они имеют отрицательную окраску: неодобрительности, пренебрежительности, бранности и др. Фраземы просторечного характера в основном находят применение в обиходно-бытовой речи и обладают грубовато-сниженным стилистическим оттенком, например:

- Кондрашка хватил – «Кто-либо внезапно разбит параличом; кто-либо скоропостижно умер, скончался» [5; с. 203].

Данное выражение не имеет точного происхождения. Но, следуя точке зрения учёного-историка Соловьева С.М., некоторые связывают его с организатором восстания, которое произошло на Дону в 1707 г, Кондратием Булавиным.

- Брат-кондрат – «Человек, равный по положению, одного и того же мировоззрения»[3; с. 34].

Исследователями пока не раскрыто происхождение этой единицы. Считают, однако, что оно образовалось из-за созвучия конечных элементов слов.

- Митькой звали – «О внезапно исчезнувшем, сбежавшем откуда-либо» [54; с. 207].

- Антонов огонь – «Гангрена» [3; с. 348].

Выражение возникло в 11 веке во время эпидемии болезни, исцелить которую, по поверью, могли мощи Святого Антония.

- Таким Макаром – «Так, таким образом» [3; с. 298].

- Иродово семя – «Бранная, резкоотрицательная характеристика человека, совершившего проступок, преступление» [3; с. 483].

Выражение связано с иудейским царём Иродом, который приказал убить младенцев, опасаясь рождения Христа.

- Вроде Володи – «О чем-либо неопределенном, сомнительном» [5; с. 182].

-Лазаря петь – «Жаловаться; прикидываться несчастным» [5; с. 534].

Первоисточником этого выражения является притча о нищем Лазаре, содержащая в Новом Завете. В старину нищие пели эту притчу, выпрашивая милостыню. Притча была жалобная и заунывная, поэтому и появилось данное значение этого фразеологизма.

- По Сеньке и шапка – «Только того и достоин, большего не заслуживает» [6; с. 783].

В старину важность бояр определялась по высоте шапки, которую они носили. Тех бояр, которые заседали в сенате, называли Сенькой.

Также происхождение выражения связывают со Степаном Разиным, который «примерял боярскую шапку», не имев на это права .

Рассматривая книжные фразеологизированные выражения всех стилей, мы пришли к выводу, что с точки зрения экспрессивно-эмоциональной сущности они характеризуются большей приподнятостью, торжественностью, патетикой.

Таким образом, роль фразеологической единицы в речи не ограничивается только номинативной или только коммуникативной функциями. Устойчивые сочетания нередко делают нашу речь образной и выразительной, эмоционально и экспрессивно окрашенной, лаконизируют её, обеспечивают обобщающими умозаключениями и терминологической точностью, облегчают смысловой подбор. В функции образного выражения, как правило, выступают те фразеологические единицы, которые способны придать речи своеобразное звучание, что достигается благодаря эмоционально-экспрессивным свойствам большинства фразеологизмов.

Библиографический список

1. Бакина М. А. Структурно-семантические преобразования фразеологических единиц в современной русской поэзии // Русский язык в школе. 1980. № 3. С. 67–72.

Словари

2. Фёдоров А. И. Фразеологизм как экспрессивно-стилистическая единица // Вопр. стилистики. Вып. 12. Саратов, 1977. С. 24–32.

3. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII-XX вв. / под ред. А. И. Федорова. Москва :Топикал, 1995. 608 с.

4. Фразеологический словарь русского языка : св. 4000 слов. ст. / под ред. А. И. Молоткова. Москва : Русский язык, 1978. 543 с.

5. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. проф. А. Н. Тихонова. Справочное издание: в 2 т. Т. 1 (А-П). Москва : Флинта: Наука, 2004. 832 с.

6. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. проф. А.Н. Тихонова. Справочное издание: в 2 т. Т. 2 (П-Я). Москва : Флинта: Наука, 2004. 832 с.

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2-4

А. П. Каргина
A. P. Kargina

(Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга,
г. Петропавловск-Камчатский)

Проблемы семантизации глагольной лексики диалекта в областном словаре (на материале говоров камчадалов)
Problems of semantization of verbal vocabulary of dialect in the regional dictionary (on the material of Kamchadal dialects)

Аннотация. Статья посвящена проблемам лексикографирования глагольной лексики диалекта (на материале говоров камчадалов). Автор рассматривает особенности построения словарной статьи, посвященной глаголу, и останавливается на трудностях семантизации глагольных лексем. Представленный материал имеет практическую значимость для составления Камчатского областного словаря.

Ключевые слова: диалект, областной словарь, словарная статья, диалектный глагол, общерусское слово

Abstract. The article is devoted to the problems of lexicography of the verb vocabulary of the dialect (on the material of the Kamchatsky dialects). The author considers the peculiarities of the construction of a dictionary entry devoted to the verb, and stops on the difficulties of semantisation of verb vocabulary. The presented material has practical significance for the compilation of the Kamchatka regional dictionary.

Keywords: dialect, dictionary of regional, dictionary entry, a dialect verb, the common Russian word

Глагол является центральной единицей языка и речи. Необходимость многоаспектного изучения глагола продиктована как сложностью системы русского глагола, так и его ролью в речи. Одно из важных направлений исследований – это изучение лексико-семантических особенностей функционирования диалектных глаголов и отражение их в областном словаре. В настоящей статье рассмотрим некоторые проблемы лексикографирования диалектной глагольной лексики (на материале говоров камчадалов).

Камчатские говоры представляют собой уникальное языковое явление, поскольку они сохранили специфические только для них диалектные особенности. Изучение камчатских говоров началось еще во второй половине XX века и продолжается до сих пор. Однако полного лексикографического издания, отражающего современного состояние данной диалектной системы, пока нет. Известен изданный в 1977 году "Словарь русского камчатского наречия", под редакцией К. М. Браславца и Л. В. Шатуновой [5], который располагает ценным языковым материалом, но связан только с самыми ранними фиксациями диалектного материала на территории Камчатки.

В настоящее время подготовлено к изданию два выпуска Словаря камчатских говоров (буквы А, Б, В) [3]. Данный словарь предполагается как полный, недифференциальный, включающий как собственно диалектную, так и общерусскую лексику, что даст «возможность представить русский язык камчатского наречия не частично (как в дифференциальном словаре, ограничивающем свой состав исключительно диалектной или диалектной и диалектно-просторечной лексикой), а во всем объеме как полнокровно действующий организм» [3, с. 160]. В связи с этим актуально рассмотрение вопроса о лексикографической характеристике такого объемного пласта, как глагольная лексика диалекта (и общерусская, и собственно диалектная), которая, безусловно, составит значительную часть будущего словаря.

Построение словарной статьи, посвященной глаголу, включает в себя грамматическую и семантическую характеристику слова, стилистические и территориальные пометы. В данной статье рассмотрим трудности, связанные с семантизацией глагольных лексем.

Семантизация слова – это важный компонент словарной статьи. Семантика глагольного слова сложна и комплексна, поскольку «она отображает не законченное, полное понятие о классе предметов…, а минимальные дискретные «кусочки действительности», приближающиеся к элементарным ситуациям и событиям» [7, с. 138]. Это отмечают и другие исследователи: «Объективная трудность в изучении семантики глагольного слова заключается прежде всего в особенностях его предметно-понятийного ядра, т.к. глагол отличается от имени существительного более широкой понятийной основой, а это обусловливает синтаксическую детерминированность семантической структуры глагольной лексемы» [6, с. 45].

В исследовании глагольной лексики важно ориентироваться на показания языкового сознания диалектоносителей. Они дают оценку тому или иному факту языка с позиции сложившейся в данном коллективе языковой нормы: «Суждение информанта о том или ином явлении основано на осознании языковой традиции, допустимости-недопустимости с точки зрения говорящего коллектива, привычного употребления, является частичкой коллективного (группового) опыта» [4: 8]. Учет этих данных особенно важен при определении собственно диалектных значений и оттенков значений общерусских глаголов, функционирующих в говорах камчадалов, поскольку в единственном на сегодняшний день лексикографическом издании [5], посвященном говорам камчадалов, эти значения (равно как и вообще семантическая структура общерусских глаголов) почти не рассматриваются.

При обращении к диалектному материалу нужно иметь в виду специфику его фиксации, ситуативную обусловленность бесед с информантами, особую значимость в этих беседах

именной (а не глагольной) лексики, сложность разграничения значения и употребления слова. В силу указанных причин выявление и описание сложной семантической структуры многих глагольных лексем, функционирующих в говорах, представляет большие трудности для лексикографов и диалектологов.

Семантическая характеристика диалектного глагола в областных словарях очень часто представляет собой краткое отражение семантических признаков глагола, которое не вполне передает специфику того или иного значения слова, что становится особенно наглядным при изучении глаголов одной лексико-семантической группы.

Дефиниции в словарных статьях, как правило, очень краткие и не отражают особенностей семной структуры глагола, что зачастую связано со спецификой фиксации фрагментов диалектной речи, когда за пределами языкового обозначения остается очень много лексико-семантической информации: «Информативная неполнота первичных диалектных контекстов во многих случаях не позволяет рассматривать их как достаточную фактическую базу семасиологических исследований, что наряду с отсутствием действительно полных диалектных словарей существенно осложняет семантический анализ диалектной лексики» [2, с. 134].

Полнота семантической информации, «представление в полном объеме и реальном наполнении всех составляющих плана содержания диалектного слова имеет для регионального словаря принципиальное значение», так как «адресат диалектного словаря, как правило, не знаком ни с самим отраженным в словаре говором (говорами), ни с языковым сознанием говорящих на диалекте, их материальной и духовной культурой» [2, с. 255].

Поэтому необходимо представление не только общего семантического значения, но дифференциальных семантических признаков, существенных для глагольной лексемы. Это может быть выполнено путем более подробной дефиниции, включающей разные синтаксические сочетания: 1) базового глагола и зависимых от него деепричастия, деепричастного оборота, различных предложно-падежных форм; 2) цепочки однородных базовых глаголов в форме инфинитива [1, с. 21].

Представим возможный вариант более полного представления глагола ***делать*** в областном словаре:

Де́лать, *-аю, -аешь, несов.* 1. *что.* Изготавливать различного рода предметы, вещи, изделия с помощью инструментов, специальных приспособлений, производить что-л., прилагая физические усилия. *Би́ли по́лочки, са́ми де́лали. Острога́, де́лайут их, ви́лы и трёхро́шки, а тут жо́лкуйут, што́п не вы́скочила, ну как у крючка́ зау́сенщу де́лайут. Клч. По́мню весно́й старики́ камчада́лы де́лали ба́ты, ло́тки из дерева то́пола или ве́млы. Де́лали тако́й запо́р, чи́руч ста́вили йево́ на перека́те конусообра́зно. Пмт. Йа не де́лал корзи́нки, а Матрёна де́лайет lепхо́й, удо́бныйе корзи́нки, краси́выйе. Квр. / из чего, с чего, от чего. Плову́чки из досо́к де́лали, ло́тку таку́. Ка́рбас бы́л как ло́тка, из дириви́нки де́лали. Ка́рбаз длинне́йе де́лали, от то́полу и де́лали. Га́ци от шку́ры де́лайут. Кепль – э́то ри́ба кита́, тот от спи́нки де́лайут, брусо́к на сере́тке. От муки́ де́лали хлеп. Бурду́к зде́лаш от мука́ цёрной. Кмн. На за́йца, на ускана́ де́лали не́тли ис тро́су. Каминде́рво од берёзы де́лас, па́лка ф среди́не, ка́мень цёрный, шку́ры оле́ньей ско́бля́т Слт. Ску́дно би́ло, ни́тки ис крапи́вы де́лали. Поплавки́ называ́лись наплава́, ис кары́ то́поля де́лали. Кры́шу де́лали с оси́ны, кору́ деру́т. Ка́мос де́лайеца с нок оле́ня, ш шᶜку́ры. Ламу́ты-то де́лали малаха́й, с оле́ня то́жэ де́лалась. Со сли́вок де́лали ма́сло, збива́ли, хло́пали и получя́лся ма́сло. Варе́ньйе де́лали и с ре́веня, и с мали́ны. Млк. Тада́ стру́ны де́лали с тросо́ф. Клч. Плафки́ с коры́ де́лала, как lепёшечки с то́пола. Кзр. З берёста де́лал туйески́. Нкл.*

2. Заниматься чем-л., работать, проявлять какую-л. деятельность, совершая что-л. *Вынуждено бы́ло, вот ы де́лала там, сади́ла та́м-то. Ра́ньсе на соба́ках фсё де́лали, привози́ли се́но. Млк. Йа не де́лала, фшё ба́пки де́лали, угоща́ли миня́. Сбл. // в сочетании со словами, обозначающими какой-л. процесс, вид занятий, работы и с отглаг. сущ. со значением действия.* Осуществляя какую-л. работу, проявляя деятельность, выполнять, совершать, производить что-л. *Кипре́й загота́вливайем, толку́шу де́лайеш, внутри́ наре́з де́лайет, бе́лый сте́ржень выта́скивайеш. Кода́ маленькый была́, в огоро́де рабо́тали, на меня́ кида́л пэско́м, цуть не*

осле́п, а це́рез два́цать лет то́лко опера́цийу де́lalu. Квр. / так же о неодушевленных предметах. Река́ де́лайет кривля́к, поворо́т. Млк.

3. Поступать, действовать каким-л. образом. *А ми фсё вруцну́йу де́lalu, карцева́ть тополя́. Клч. Ста́рый целове́к йе́дит фпереди́ верхо́м на ло́сади, фсе де́лайут то́ зе, што он. Млк.*

4. *чем и какой*. Изменять состояние, положение, качество, свойство чего-л., делая чем-л. другим. *<Ры́бу сушеную> порошко́м де́лат, кто и пе́ред ва́ревом толку́т. Млк. Де́lalu их тря́пошныйе, опши́тыйе они́ бы́ли цвета́ми ра́зными. Баты́ ма́ненькийе де́lalu, коро́тенькийе с одни́м весло́м, называ́lu их ве́тка. Клч. Каписшо́нцик, мех оле́нь, внутри́ серсть, йе́clu краси́вый мех, то де́lalu двойно́й, све́рху пёстрый мех краси́вый, а внутри́ тако́й. Квр.*

5. *что, чем* и *как.* Подвергать выделке, отделке, изменениям, делать готовым для чего-л., обрабатывая с помощью специальных приспособлений. *Ра́ньше соболе́й убива́ли, но ни де́лали, ни шы́ли ничё. Бы́ло вот скребо́к, э́то шку́ры де́лать. Шыро́кий разва́листый <тополь> не де́лайут, мо́жет ло́пнуть <об изготовлении лодки>. Тако́й скребо́к, тут ру́чки полукру́глыйе, когда́ перевернёш дно, снару́жы де́лать. Пото́м йево́ стру́жат руба́нком, пото́м йево́ де́лайут руба́нком на́чисто, пото́м йево́ обде́лывайут руба́нком на́чисто, пото́м йево́ руба́нком че́шут, штоп он был гла́денький, штоп скользи́л по воде́, йево́ софсе́м-то не де́лайеш, на дне там оставля́йеш йещё <древесины>. Млк. Ми де́lalu ску́ры, йесть у всех. Сбл. Икру́ де́lать как? Реsóтка така́йа, натира́йут икру́, туда́ па́дайет. Квр.*

6. *что, чего.* Приготавливать, заготавливать что-л. впрок, заранее, заблаговременно, запасать продукты питания. *Ра́ньше ре́па фсегда́, фпрок де́лали. Са́ша на э́тих года́х собира́л <сарану>, мы де́лали, фпрок заготовля́ли. Млк. Йу́калу де́lalu – ры́ба осе́нняйа, распла́станная до хвоста́. Икря́нщик, говоря́т, икрово́й ма́стер, икру́ де́лайет. Клч. И ры́бу там <на балагане> су́шат, йу́коly де́лайут. Де́ти корм дlя соба́к де́lalu, а мужыки́ и же́нщины на пути́не рабо́talu. Икру́ де́lal камбинат. Пмт.*

7. *чем.* Путем особого шитья, вышивки с помощью бисера украшать предметы одежды, вышивать. *А на го́лову malaха́й иш шку́ры соба́цей оле́ней, краси́выйе таки́йе, би́серами их де́lalu коря́ки. Квр.*

8. *что.* Присоединять что-л. к чему-л., положив, насыпав и т. п. в дополнение к чему-л., добавлять. *Сарану́ ф тельно́ де́лали и ф супы́ наме́сто крупы́. Млк.*

9. *что.* Присоединять что-л. к чему-л., прочно приделывая, прикреплять. *Да и жэле́зо не бу́деш де́лать на бату́, оно́ жэ тяжэло́. Млк.*

10. *что.* Помогать кому-л. избавиться от болезни, применяя какие-л. средства, лечить. *Оди́н был ма́стер спо́рта, он вы́бил себе́ мячо́м фсё, ко мне пришо́л и говори́т, слу́шайте, де́лайте мне спи́ну. Млк.*

11. *что.* Есть, уничтожать что-л. в большом количестве без остатка (о животных). *Она́ <выдра> пря́мо по э́той <канаве> ла́зит, траву́ да́жэ здéлайет, трава́ не растёт. Млк.*

Если значение глагола соотносится со значением фразеологизма, то за семантической характеристикой слова и иллюстративным материалом следуют отсылочная сноска *Ср.* («сравни») и знак, указывающий на фразеологический оборот (♦), словарная статья с описанием которого поможет еще полнее представить значение глагола. Например:

Денни́чать, *-ает, -ают, 1 л. не употр., несов. Спец.(охот.).* Проводить дневное время в определенных, затемненных местах в лесу, питаясь (о соболе). *Поцему́ со́бol денни́цайет? Он ф тёмном лесу́ сиди́т, в горе́lке, там никто́ не придёт, со́бol денни́цаит. Йе́сли поднима́ца вы́ше г гора́м, то там березник, где соболя́ не денни́цайут, то йесть не жыру́йут, то йесть не пита́йуца днём, а то́лько но́чьйу. Клч. // Спец. (охот.).* Перемещаться с одного места на другое в дневное время, изменяя свое положение в пространстве (о промысловых животных, как правило, соболе). *Денни́чять – э́то зна́чит зверь хо́дит днём, обы́чно про со́боля, денико́м прошо́л. Млк.* Ср. ♦ **пройти денником.**

Перено́жить, *-ит, -ат, 1 л. не употр., несов. Спец.(охот.).* Охотиться за зверем, следуя по свежим следам. *На перено́гу ходи́ли, сне́к вы́пал, наза́фтра идёш перено́жыть соболе́й, медве́ть-то ужэ́ спал. Перено́жыть – зна́чит гоня́ть бе́лку, со́боля, лису́, когда́ сне́к выпада́йет све́жый, к утру́ слет стано́вица фсё йасне́йе и йасне́йе, почти́ чи́стый сле́т-то, вот*

тогдá и гоняйут. Осóбенно зимóй начинáли мы перенóжить, пойéдем перенóжить. Млк. Шóболя рáньше капкáнами не ловúлu, фшо бóльшэ ходúлu пэрэнóжить по сóпкам, по пэрэнóгу сóболя гоняйлu. Сбл. Ср.♦ **гонять по переногу, ходить на переногу.**

Таким образом, отражение в областном словаре глагольной лексики связано с некоторыми трудностями, как то: особенности семантики глагольного слова, специфика фиксации диалектного материала, недостаточность или неинформативность языковых контекстов, неполнота семантической информации. Дальнейшая лексикографическая разработка данных вопросов связана с более детальным изучением глагольной семантики в системе диалекта, представление в областных словарях не только общего семантического значения, но дифференциальных семантических признаков как общерусских, так и собственно диалектных глагольных лексем, функционирующих в говорах.

Библиографический список

1.Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008.

2.*Загоровская О.В.* Проблемы общей и диалектной семасиологии и лексикографии. Воронеж: Научная книга, 2011.

3.*Ильинская Н. Г., Королева Е. Е.* Словарь камчатских говоров (опыт составления) // Исследования по славянской диалектологии 19–20. Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. – Сс. 159–176.

4.*Ростова А.Н.* Показания языкового сознания носителей диалекта как источник лексикографического исследования: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук по спец. 10.02.01 – русский язык. Томск, 1983.

5.Словарь русского камчатского наречия / под ред. К.М. Браславца, Л.В. Шатуновой и др. Хабаровск : Изд-во Хабаровск. гос. пед. ин-та, 1977.

6.*Туркина Р.В.* Семантическая структура слова (на материале современного русского языка) : учебн. пособие. Калинин, 1977.

7.Уфимцева А. А.Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики / под ред. Ю.С. Степанова. М. : Едиториал УРСС, 2002.

Список сокращений названий некоторых населенных пунктов Камчатского края

с. Анавгай – *Анв*., с. Долиновка – *Длн*., с. Каменское – *Кмн*., с. Ковран – *Квр*., п. Ключи – *Клч*., п. Козыревск – *Кзр*., с. Коряки – *Крк*., с. Мильково – *Млк*., п. Николаевка – *Нкл*., с. Пымта – *Пмт*., с. Слаутное – *Слт*., с. Соболево – *Сбл*., с. Тигиль – *Тгл*.

УДК 811.161.1’42
ББК 81

Е. В. Кемпель
E. V. Kempel
(г. Тобольск)

Роль ударения в современном формообразовании
The role of stress in modern shaping

Аннотация. Описание ударения в словоизменении и словообразовании существительных, прилагательных и глаголов, определение роли ударения в выражении грамматических противопоставлений: основных грамматических разрядов – числа, рода; выявление роли ударения в функционировании слова как центральной единицы языка, функций ударения.

Ключевые слова: ударение, структура слова, форма слова, функции ударения, лексическое и грамматическое значение ударений.

Abstract. description of stress in inflection and word formation of nouns, adjectives and verbs, definition of the role of stress in the expression of grammatical oppositions: the main grammatical categories – number, gender; revealing the role of stress in the functioning of the word as the central unit of the language, the stress functions.

Keywords: stress, word structure, word form, stress functions, lexical and grammatical meaning of stress.

Особую роль в нашей речи играет ударение. Оно приносит нам большие трудности в речи. Пожалуй, ни одна другая область русского языка не вызывает столько сомнений и споров. Чистота и правильность нашей речи демонстрирует владение орфоэпическими нормами современного русского языка. Известно, что в русском языке ударение свободное и подвижное. Тем самым, не отступая от норм, мы можем выделять в речи любой слог, любую часть слова. Особенностью русского языка считается то, что при изменении формы слова (рода, числа, падежа) может изменяться и его ударение: стОл – столЫ, дОм – домА и др. Таким образом, ударение в русском языке обладает подвижностью. Раздел науки о языке, изучающий правила постановки ударкения называется ***акцентологией.***

Русское словесное ударение многофункционально. Усиливая звучание того или иного слога, мы замечаем, что в ряде слов ударение изменяет часть речи (чЕрти – чертИ, звОнок – звонОк), в ряде случаев ударение может изменить даже лексическое значение слова (Атлас – атлАс, Ирис – ирИс, Мука – мукА), а есть примеры, в которых при изменении ударения изменяется только грамматическое значение слова, а часть речи и лексическое значение слов остается неизменяемыми. Именно такие слова и стали объектом нашего внимания.

Так, например, многие формы имен существительных в написании совпадают, а различаются только ударением. Проанализировав такие омонимичные формы слов, нам удалось классифицировать данные слова:

1. Группа имен существительных мужского рода с омонимичными формами родительного падежа единственного числа и именительного падежа множественного числа. Именно отличительными признаками этих форм имен существительных является ударение:

Родит. пад. ед. число	Им. пад. мн. число	Родит. пад. ед. число	Им. пад. мн. число
бЕрега	берегА	Острова	островА
бЕга	бедА	рОга	рогА
лЕса	лесА	Острова	островА
гОрода	городА	стОга	стогА
дОма	домА	снЕга	снега
лицА	лИца		

2. Группа имен существительных женского рода с омонимичными формами родительного падежа единственного числа и именительного падежа множественного числа:

Родит. пад. ед. число	Им. пад. мн. число	Родит. пад. ед. число	Им. пад. мн. число
головЫ	гОловы	водЫ	вОды
ногИ	нОги	горЫ	гОры
доскИ	дОски	избЫ	избЫ
спинЫ	спИны	рукИ	рУки
дверИ	двЕри	стенЫ	стЕны

В ряде случаев изменение ударения при образовании множественного числа имен существительных в процессе исторического развития языка происходит переход звука Е в О:

бревнА	брЁвна	колесА	колЁса
веслА	вЁсла	веснЫ	вЁсны
дверИ	двЕри		
бедрА	бЁдра	деснА	дЁсна
Озера	озЁра	пОля	полЯ
гнездА	гнЁзда	щекИ	щЁки

3. Группа имен существительных среднего рода также с омонимичными формами родительного падежа единственного числа и именительного падежа множественного числа:

Родит. пад. ед. число	Им. пад. мн. число	Родит. пад. ед. число	Им. пад. мн. число
Облака	облакА	прАва	правА
окнА	Окна	совЫ	совЫ
Острова	островА	слОва	словА
пОля	полЯ	патнА	пЯтна
снЕга	снегА	ядрА	Ядра

В омонимичном формообразовании глаголов также можно выделить следующие группы:

1. У глаголов 2-го спряжения с подвижным ударением в личных формах форма второго лица множественного числа настоящего-будущего времени отличается от соответствующей формы повелительного наклонения только ударением. Ср. *просите – просите, ходите – ходите, купите – купите* и т. д. У глаголов же с неподвижным ударением на окончании эти формы совпадают: формы *солите, звоните, сидите, летите, велите, молчите* и др. представляют собой формы 2-го лица множественного числа как настоящего времени, так и повелительного наклонения:

прОсите – просИте носИте – нОсите купИте – кУпите хОдите – ходИте

дОите – доитЕ мОлитесь – молИтесь смОтрите – смотритЕ дЕржите – держИте

дЫшите – дышИте тЕрпите – терпИте тОпите – топитЕ вЕртите – вертИте

2. Ударение может изменить вид глагола. Примером могут послужить формы изъявительного и повелительного наклонения, которые совпадают в своем звукокомплексе и различаются торлько ударением: обрЕзать – обрЕзать; рассыпАть – рассЫпатб; осЫпать – осыпАть; разрЕзать – разреАть. Смеем предположить, что это всего лишь маленькая толика словоформ, демонстрирующая большие возможности русского словесного ударения.

Подводя итог сказанному, можно прийти к следующим выводам:

1. Ударение играет большую роль в русском языке. Оно многофункционально. Одна из функций ударения – это формообразующая.

2. Ударение, в русском языке не простои является признаком слова, оно является индивидуальным признаком слова, а это значит, что ударение наряду с совокупностью фонем образует само слово.

Библиографический список

1. Орфоэпический словарь русского языка под ред. Р.И. Аванесова. М.: Наука, 2012. 812 с.

УДК 74.4
ББК 378.016

Д. А. Клещина
D. A. Kleshchina
(г. Тверь)

Особенности кёнигсбергского текста русской литературы на примере произведений Ю. Буйды («Кёнигсберг», «Прусская невеста»)
Features of the Konigsberg text of Russian literature on the example of the works of Yu. Buida ("Konigsberg", "The Prussian bride»)

Аннотация. Обосновывается возможность существования термина «кёнигсбергский текст», его необходимость в современном российском литературоведении. Раскрываются особенности кёнигсбергского текста на примере произведений конкретного автора.

Ключевые слова: метатекст, локальный текст, кёнигсберский текст.

Abstract. The possibility of existence of the term "Konigsberg text" and its necessity in modern Russian literary criticism are substantiated. The features of the Koenigsberg text on the example of the works of a particular author are revealed.

Keywords: metatext, local text, Koenigsberg text.

В современном мире, где непрерывно развиваются процессы «глокализации» в культуре, локальные тексты представляют собой область повышенного интереса у культурологов и литературоведов, так как являются формой непосредственного проявления региональной идентичности.

Исследование культуры, как совокупности заключенной в знаках и знаковых формах социально значимой информации, началось в русской науке с работ представителейтартуско-московской семиотической школы. Ю. М. Лотман в своей работе «О метаязыке типологических описаний культуры» ввел и обосновал понятие текста культуры как некоего текста-конструкта, который является «инвариантом всех текстов, принадлежащих данному культурному типу» [5, с. 390], такой «текст культуры представляет собой наиболее абстрактную модель действительности с позиций данной культуры. Поэтому его можно определить как картину мира данной культуры» [5, с. 392].

Понятие локального текста впервыев русское литературоведение ввел В. Н. Топоров в отношении петербургского текста. Данный исследователь рассматривал петербургский текст как «синтетический сверхтекст, с которым связываются высшие смыслы и цели» [6, с. 217], и полагал, что основными признаками локального текста являются единство и семантическая связность. Таким образом, локальный текст представляет собой разновидность сверхтекстов русской литературы и является «смыслопорождающей структурой, воссоздаваемой читателем из авторских локальных текстов на основе инвариантных характеристик социокультурного пространства, а также универсальных содержательных и поэтических признаков его изображения в литературных произведениях» [6, с. 218].

Идею о существовании «кёнигсбергского текста» в параллель с «петербургским текстом» впервые ввел в науку Томас Венцлова в своей работе, посвященной кёнигсбергским стихотворениям И. Бродского. Касаемо кёнигсбергского текста как литературной категории, можно сказать, что благодарядостаточно активной деятельности калининградских писателей в различных формах происходит трансляция и интерпретация культурного наследия региона, то есть его «ономатетическое» преображение, как этот процесс в своих работах называет В. Н. Топоров.Тематизация литературного процесса в калининградском регионе задается проблемой культурной идентичности [4, с.79]. Необходимо брать во внимание, что каждая культура самостоятельно обозначает парадигму того, что подлежит сохранению в памяти народа, а что следует предать забвению. В то же время, система культурных кодов склонна к некой трансформации в ходе истории, соответственно, парадигма забвения-памяти может меняться: данная ремарка имеет актуальность в частности для региональной культуры Калининграда и области, особенно в контексте обсуждения отношения к культурному наследию Восточной Пруссии.

Символы и образы в произведениях писателей данного региона отображают противоречивость регионального самосознания, где основными представляются образы и современного Калининграда, и прошлого Кёнигсберга; как исторического, так и мифологического. К основам возникновения кёнигсбергского текста можно отнести некоторые произведения Н. М. Карамзина («Письмам русского путешественника»), А. Т. Болотова («В Кёнигсберге»), И. А. Бродского («В ганзейской гостинице „Якорь“…», «EinemaltenArchitekteninRom» и «Открытка из города К.») и других именитых русских поэтов и писателей. Однакоосновными представителями этого пласта русской культуры и литературы в частности остаются непосредственно калининградские писатели. Так, например, говоря о кёнигсбергском текстерусской литературы, нельзя не брать во внимание произведения Юрия Буйды. Сам писатель родился и вырос в Калининградской области, впитал в себя культуру края, все её грани. Как отмечают исследователи его творчества, во многом «кёнигсбергские» произведения Ю. Буйды можно назвать автобиографическими.

Говоря о «кёнигсбергских текстах» этого писателянеобходимо, прежде всего, обратить внимание на роман «Кёнигсберг» и книгу рассказов «Прусская невеста». Концентрируя научные воззрения на реализации каких-либо литературных особенностей регионального текста данной области, первым делом стоит отметить, что Ю. Буйдапонимает невозможность писать о городе, игнорируя его прошлое, несмотря на создаваемую советской властью парадигму памяти-забвения, где история Восточной Пруссии предавалась забытию:

«Был тут «оплот милитаризма и агрессии», жил и умер Кант – и довольно. Пруссов – предшественников немцев на этих землях – почему-то считали славянами. Старожилы утверждали, что вот это здание было городской школой, а это – пересыльной тюрьмой. Или наоборот. Некоторые глухо вспоминали о недолгой поре, когда русские и немцы жили вместе, а потом немцев вывезли невесть куда, вроде бы – в Германию. Земля стала нашей» [2, с. 4].

Однако литературный герой, ассоциирующийся непосредственно с автором, проявляет живой интерес к истории досоветского Кёнигсберга, можно сказать, очаровывается им.

В произведениях Ю. Буйды ярко демонстрируются связи между культурами современногороссийского Калининграда и старого немецкого Кёнигсберга, основанные на абсолютно естественной для данного региона общности природной и культурной сфер.Так, например, автор периодически перемещает своих героев из одной части области в другую, описывая не только пейзажи, но и ощущения и переживания героев от него. В упомянутых выше произведениях современность и прошлое Калининграда (и области) как бы сливаются воедино и тут же, одновременно, демонстрируют некую двойственность: Ю. Буйда так же соединяет вымышленную и настоящую реальности города, вплоть до топографических данных, соединяя таким образом историю и наррацию, что создает особый кёнигсбергский хронотоп.Иначе говоря, писатель своеобразнообъединяет две реальности города: русскую и немецкую/прусскую, в то же времяпротивопоставляя их друг другу:

«Нет ничего тоскливее, чем слякотная, промозглая, тухлая зима в Калининграде. Но нет ничего прекраснее, светлее, головокружительнее, чем зимняя ночь в Кёнигсберге» [1].

С одной стороны, автор в романе «Кёнигсберг» указывает вполне точные топографические данные города, например, адрес университета, нахождение рядом с ним бункера Отто фон Ляша, описание Каштановой Аллеи, отображение площади перед Южным вокзалом и т. д., а также обращается к историческим событиям послевоенных лет: например, к трагедии «Тукана» и другим. Однако автор в своих «калининградских» произведениях периодически искажает реальность, создавая тем самым некоторые собирательные образы города/городов, помогающие показать разницу между российским Калининградом и прусским Кёнигсбергом и их областей, а так же «перейти» из одного (современного) города в другой (старинный). Таким образом, Ю. Буйда сначала пускает читателя в «утонувший в вечности город королей» [1], и тут же возвращает его в реальность, создавая тем самым «поэтику погружения современности в историческое и мифологическое прошлое» [7].

Автор то использует российские названия городов (Знаменск, Калининград), то обращается к прусским (Велау, Генрихсвальде, Кёнигсберг), то использует двойные топонимы (Светлогорск-Раушен). То же самое делают и литературные герои произведений, как быдобиваясь таким образомсвоеобразного «выделения» культурных особенностей данного региона. Кроме того, описывая городские пейзажи, автор обращает внимание как на строения времени немецкоговластвования, так и на здания, возведенные в советский период, в очередной разуказывая читателю на двойственность культуры Калининградской области. Ю. Буйда и здесь дает разную оценку архитектурным произведениям и их состоянию, нарочно подчеркивает разницу отношения литературных героев к символам разных эпох и часто делает акцент на пренебрежение городом и его жителями заботой о приметах и останках старой Пруссии в городе.

«Мы вышли в широкий створ между Домом профсоюзов и строившейся гостиницей, и сквозь снежную мглу, колыхавшуюся тяжко и торжественно, как на похоронах, навстречу нам всплыл из поймы Преголи Кафедральный собор, убожество которого – руина и руина – тонуло в наступающей ночи, скрадывалось оптикой, размытой русским снегопадом» [1].

Уже по приведенным цитатам (этой и «Нет ничего тоскливее, чем слякотная…») можно заметить, что для героя-рассказчика то Калининград, то Кёнигсберг становятся более красивым и уютным, более желанным и родным. Герой как бы мечется между русским и немецким, не в силах сделать выбор, что для него «своё», а что «чужое». Это тоже становится особой значимой парадигмой восприятия города. Автор проецирует два возможных отношения к Калининграду и его истории, сталкивая их и объединяя, не обращая внимания на их кардинальное различие. Таким образом, можно говорить об особой роли столкновения разных взглядов жителей города на его историю и культуру для произведений, относящихся к кёнигсбергским текстам.

Представляется невозможным не обратить более пристальное внимание также на Калининградскую область в контексте кёнигсбергских текстов. Восточная Пруссия так же имела в своем составе большое количество маленьких городков, нынче ставших периферией Калининграда. Что касается этихнебольших городов области в романе и рассказах Ю. Буйды, несмотря на частое упоминание их в текстах, обозначения каких-то их значимых объектов (достопримечательностей или историй, связанных с ними), они всё же обретают некое обезличивание в произведениях. Иными словами, они становятся этакими поселениями, теряют значимость как городов, имеющих более чем семисотлетнюю славную и героическую историю, но не российскую и не советскую. И это тоже соотносится с культурологической парадигмой памяти/забвения, которой противостоит литературный герой.

«В немногих книгах сообщалась жалкая толика сведений: завоевание Орденом прусских земель, основание Кёнигсберга, разгром тевтонов на полях Грюнвальда-Танненберга, Петр Великий в Восточной Пруссии, русская атака под Гросс-Егерсдорфом, французская атака под Фридландом, Тильзитский мир, август Четырнадцатого, апрель Сорок пятого… А жизнь? Что это была за жизнь?» [2, с. 5–6]

Почти все герои произведений Ю. Буйды в той или иной степени «бунтуют» против этой выстроенной парадигмы, интересуются историей Кёнигсберга, знают какие-то тайны, мифы, истории из прошлого города. То есть, так или иначе воссоздают или пытаются воссоздать мифологический, призрачный образ прусского города королей и его окрестностей.

Невозможно не отметить, что Ю. Буйда несколько раз в своих произведениях обращается к определенныминтертекстуальнымподтекстам, помогающим раскрыть культуру региона и понять некие особенности кёнигсбергского текста: это творчество И. Канта, и, несомненно, И. Бродского. В принципе, цитирование и аллюзии на тексты русских (Л. Н. Толстой, Н. А. Островский, и др.) и немецких (Г. Гейне, И. Гёте и др.) писателей встречаются и в «Прусской невесте», и в «Кёнигсберге», что подчеркивает нарочное столкновение и объединение этих двух культур в данном регионе. Кроме того, это подчеркивает особую значимость региона как отдельной, ни на что не похожей культурной области России, требующей внимательного изучения, глубокого интереса и «заботы».

Анализируя научные исследования, посвященные локальному тексту в русской литературе, можно говорить о существовании особого кёнигсберского текста как метатекста, появившегося в условиях особой региональной субкультуры.Как литературоведческая категория кёнигсберский текст имеет органическое содержание, запечатленное во множественных литературных произведениях разных эпох. В то же время, говорить о сформированности кёнигсбергского текста наряду с петербургским текстомвсё ещё рано. Все же, как отмечает большинство исследователей, несмотря на то, что кёнигсбергский текст до сих пор проходит становление, уже на данный момент отчетливо прослеживаются его контуры и самые значимые элементы. Наиболее существенной характеристикой данного вида локального текста будет антиномичность, то есть регулярное столкновение-сравнение-соединение старого и нового, прусского и русского, чужого и родного.

Обращаясь к сами литературным произведениям, можно прийти к выводу, что в кёнигсбергских текстах Ю. Буйды не только смешиваются история и современность, реальность и домысел, но они ещё и приобретают разную интерпретацию, благодаря чему создается особый, авторский вид на моделирование действительности, в которой прусский Кёнигсберг и

российский Калининград как бы существуют параллельно, влияя друг на друга.Иными словами, основываясь на произведениях данного автора, можно прийти к выводу, что особенностями кёнигсбергского текста становится глубокое погружение в историю края, где прошлое и современность могут свободно переплетаться и переходить друг в друга;смешенная топография, отсылки к культурным фактам, образующие «дискурсивную игру аллюзий и каламбуров» [7], и бесконечное столкновение культур Восточной Пруссии и постсоветской России. Хотя между ними и существует некоторое «отторжение», но ярко выражено желание литературных героев прикоснуться к прошлому, ощутить себя его частью, познать всю его глубину и испытать гордость за него.

Библиографический список

1.Буйда Ю. Кёнигсберг // Эл.ресурс. URL: https://bookscafe.net/read/buyda_yuriy-kenigsberg-79226.html#p1 (дата обращения: 19.11.2019)

2.Буйда Ю. Прусская невеста // М.: Эксмо, 2015

3.Венцлова Т. «Кёнигсбергский текст» русской литературы и Кёнигсбергские стихи Иосифа Бродского // Как работает стихотворение Бродского: сб. статей, М., 2002, С. 44–64

4.Гаврилина Л. М. Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 6 (серия Гуманитарные науки). — С. 75 – 83.

5.Лотман Ю. М. О метаязыке типологических описаний культуры // Лотман Ю. М. Избр. ст.: в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин, 1992. С. 386—406.

6.Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Метафизика Петербурга: Петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. Вып.1. — СПб.: Эйдос, 1993. — С. 205 – 235.

7.Черняков А. Из города в миф («Кёнигсберг» Ю. Буйды) // Эл.ресурс. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iz-goroda-v-mif-kyonigsberg-yuriya-buydy/viewer (дата обращения: 14.11.2019)

УДК 82/89;8.09
ББК 86.3

К. А. Мамедова
K. A. Mamedova
(г. Баку)

Роль Книгихамда бин Мухаммеда бин Ибрагима аль-Хаттаби «Исследование стилистики Корана» в становлении арабской литературной критики
The role of the book Hamda bin Muhammed bin Ibrahim al-Hattabi «Study of the koran stylist» in the formation of arabic literary criticism

Аннотация. В истории арабской литературы X век считается «особым периодом». В исследованиях именно этого периода чувствуется великое влияние Священного Корана. Многие ученые этого времени делали большие усилия, чтобы доказать чудодейственность Корана. Ученые посредством критических исследований стилистики Корана добились больших успехов в сфере проблем выразительности, особенностей изложения, лингвистики и критической оценки Корана. Существенным является то, что аль-Хаттаби впервые начал подобную работу с создания произведения «Беянуеджазаль-Коран» и провел сравнение между стилем Корана и другими работами с подобным стилем и другими особенностями. Работа аль-Хаттаби была написана на основе этого сравнения, и автор исследовал все это на уровне теории. В своей работе он не уделял много внимания искусству речи, риторике, красноречию и художественной выразительности, рассматривая все это как второстепенное и акцентировал свою основную идею, другими словами, пытаясь раскрыть тайны очарования Корана.

Ключевые слова: арабская литературная критика, Аль-Хаттаби, стиль и привлекательность Корана, сравнительный анализ слов, смыслов и порядка в Коране и других произведениях.

Abstract. In the history of Arabic literature, the 10th century is considered a “special period”. In studies of this particular period, the great influence of the Holy Quran is felt. Many scholars of this time made great efforts to prove the miracles of the Qur'an. Scientists through critical studies of the stylistics of the Koran have made great strides in the areas of expressiveness, presentation, linguistics and critical assessment of the Koran. It is significant that al-Khattabi first began a similar work by creating the work “Beyanuejaz al-Quran” and made a comparison between the style of the Koran and other works with a similar style and other features. Al-Khattabi's work was written on the basis of this comparison, and the author investigated all this at the level of theory. In his work, he did not pay much attention to the art of speech, rhetoric, eloquence and artistic expressiveness, considering all this as secondary and emphasized his main idea, in other words, trying to uncover the secrets of the charm of the Koran.

Key words: Arab literary criticism, Al-Khattabi, the style and attractiveness of the Qur'an, a comparative analysis of words, meanings and order in the Qur'an and other works.

В X веке почти все областиразвития филологии были связаны с Кораном, и самой интересной из них быластилистика. Было вполне оправдано обращение к метафорическим возможностям Корана для полного раскрытия стилистических оттенков. До определенной поры стилистика Корана оставалась нераскрытой. Метафорическая привлекательность Корана способствовала раскрытию всех его загадок. Эти загадки начали восприниматьсячерез эмоциональное усвоение, в том числе через поэзию. Когда мы читаете Коран, нам кажется, что мы четко Его понимаем, однакоОн все еще остается загадкой. Ранее ученые утверждали, что в Коране все еще есть загадки, но они не смогли раскрыть их. Последующие ученые связали эту тайну состилистикой и чудодейственной силой Корана. Аль-Хаттаби, считающийся в этой области третьим видным исследователем, впервые признал, что слово Корана от начала и до конца является загадкой [1, с. 80]. Он считался самым известным литератором и поэтом Нишапура и в то же время ученым хадисов [2, с. 256]. Аль-Хаттаби (931–998) был современником Ар-Руммани.

Как известно, X век известен своим развитием науки стилистики. ПроизведениеАль-Хаттаба «Исследование стилистики Корана» [3, с. 216] очень популярно среди книг о стилистике. Эта книга является очень ценным источником, который демонстрирует новый этап в изучении стиля Корана. Ученые до аль-Хаттаби очень поверхностно затрагивали эту проблему. Например, аль-Румани не уточнил в своем разделе «Аль-Нукет» особенности «красноречия» в Коране, Джахизв своем произведении «Аль-Баян-бат-Табийн», Ибн аль-Кутайба в своем труде «Маск аль-Коран» не рассматривали вышеуказанных вопросов.

Подчеркнем, что аль-Хаттаби является первым автором, который написалтруды по этому вопросу. Он отверг некоторые идеи, которые его современники и ученые выдвинули до него, без объяснения причин чудес Корана. Он отметил в своей работе «Гариб аль-Хадис», что все написанные произведения на самом деле являются одной и той же книгой. В одном из своих сочинений аль-Хаттаби говорит: «Они не могли прийти к выводу, потому что только мы можем что-то решать. Если вы хотите найти воду, вы должны попытаться сделать это, но вы ищете там, где нет воды, поэтому вы возвращаетесь с пустыми руками. Они выбирают Корана и человеческоеслово, чтобы искать чудо метафоры Корана, но до сих пор ничего не находят там. Потому что через определение «порядка» невозможно достичь очарования метафоры» [4, с. 14].

Шейх Мухаммед Абу Муса, член египетского «Великого ученого», отмечает, что «Аль-Хаттаб начал искать очарование стилистики Коран по-другому. Он, сравнивая слово человека со словом Бога, заявил, что стиль выражения в Коране настолько особенный в своей оригинальности, что его невозможно найти в человеческих словах. Это свойственно лишь стиху Корана. Мы не сталкивались с подобной оценкой ни в одном из предыдущих исследований. Исследователи практически не нашли что ответить. Вместе с тем после аль-Багиллани эта тема вновь выдвинулась на первый план» [5, с. 1034].

Аль-Хаттаби указал, что «человеческая речь» – это слово, созданное человеческими чувствами, и его невозможно найти в Коране, ведь Коран оно имеет особую риторичность и стиль. Поддерживая данную точку зрения автора, шейх Мухаммед Абдулла Дирази отмечал, что «даже если араб-бедуин, который не имеет никакой связи с внешним миром и живет в своей естественной среде обитания, найдет Коран в пустыне, то будет ясно, что когда он начнет читать его, то поймет, что текст отличается от всего того, что он слышал до сих пор.Ведь это не слово, созданное на Земле, здесь, а книга, ниспосланная с Небес» [5, с. 1036].

Что же касается аль-Хаттаби, то он отметил, в свою очередь, что «Коран содержит настолько высокое слово, что его могут понять только высокообразованные ученые». Мы не сомневаемся в полном понимании Аль-Хаттаби мудрости Корана, но мы хотим исследовать достоверность его идеи о том, что Коран не создан, исходя из человеческих чувств, или на их основе. Объективното, что эта книга создана не человеческими чувствами, посколькучувства каждого человека связаны с его эмоциональным состоянием. С другой стороны, он, изучив различия между человеческой речью и Кораном, сказал, что риторичность Коран находится, по сравнению с любым человеческим творением, на недоступной высоте.

Чтобы доказать это, он делит понятие аль-калам (الكلام) на три части: «Одним из этих речений является ал-Бали аль-Расиин (البليغالرصين) «богатый и могущественный»; во-вторых, «Аль-Фасих-л-кариби-с-Сахл» (الفصيحالقريبالسهل) «легкий, доступный литературный язык»; и третья часть – аль-Джайзу-т-талки-р-расли (الجائزالطلقالرسل) – «легкое восприятие». Затем он говорит: «Первое – это самый высокий из слов, второй – средний класс, а третий – самый низкий» [6, с. 4].

Каждая из этих частей была в некоторой степени сформирована на основе стилистики ниспосланного Корана. Аль-Хаттаби собрал их все в особом порядке, который оказывает неизгладимое впечатление своей стройностью и своим великолепием. Два аспекта здесь являются взаимоисключающими при использовании по отдельности. Ведь привлекательность исходит от легкости, а величие, сила и мощь исходят от сложности. Этот стиль и есть стиль Корана.

Аллах Таала определил Своему Пророку как очень трудные, так и легкие откровения. Это стало убедительнойосновой для укрепления веры сообщества. Вместе с тем ни один человек не может создать произведение в таком же стиле, как Коран. Аль-Хаттаби связывает это с моментами, которые мы изложили выше. Мы должны отметить, что аль-Хаттаби определил концепцию аль-калам (الكلام) в соответствии со стилем Корана. Мы не сталкивались в других произведениях с мыслью о связи этого понятия с критикой и метафоричностью.Как одну из причин можно указать на то, что почти все работы того периода были связаны с лингвистикой.

По словам аль-Хаттаби, отличительной чертой стиля Корана является подлинность и оригинальность Его способа выражения и стиля изложения. Он долго изучал тайну «привлекательности» Корана, его стилистику, ссылаясь на то, что говорят в научной среде (Джахиз), и так объяснял все эти вопросы в своемтруде: «Люди не могут написать книгу, подобную Корану, потому что они не знают много слов на арабском языке и то, как их надо правильно произносить. В арабском языке есть многозначные слова, у которых люди знают только один из их смыслов, и, кроме того, сами арабы порой даже не знают арабской стилистики. Независимо от того, насколько они умеют писать качественные произведения, они всегда будут оставаться в тени по сравнению с текстом Корана. Человеческое слово не может одновременно объединять следующие три особенности:

1. لفظ حامل (лафзхамиль) – слова однозначные;
2. معنى به قائم–(мена бихи гаим) – слова с устойчивым смыслом;
3. رباط لها ناظم – (рибат лехе назим) слова, связанные друг с другом в определенном порядке [2, с. 257].

Джахиз, в отличие от аль-Хаттаби, утверждает, что вначале идет слово, затем, идет его оформление в словосочетаниях в определенном порядке, и, наконец, формируется его смысл. Аль-Хаттаби же считает, что «слово и смысл должны формироваться одновременно, чтобы появился порядок использования этого слова. При внимательном прочтении Корана можно

понять, что здесь есть слова, имеющие смысл и выстроенные в определенном порядке. Подобный строй и смысл невозможно найти ни в какой другой книге. Если не будет вместе сочетаться указанные три признака, то это не Коран, а какое-то другое произведение. Следует помнить, что Коран – это ниспосланное чудо, поскольку Он написан ясно, с четким смыслом и изложен в строгом порядке [5, с. 56].

Некоторые ученые даже уподобляют по содержанию вышеуказанную работу аль-Хаттаби Священному Корану, поскольку что у аль-Хаттаба вместе сочетаются наука, знания, похвала и прочее славословие Богу, и так далее. В своей работе он демонстрирует незначительные различия и сходства в словах настолько ясно, что даже объясняет ихтонкий смысл, различные значения, которые эти слова дают в разных контекстах, затем переходит к грамматике, рассказывает о действительных и страдательных глаголах и т. д. Аль-Хаттабисгруппировал слова по нескольким основаниям: существительное, глагол, соединительные слова и частицы. По словам автора, они объединяются, чтобы сформировать предложение и придать ему смысл. Возможно, что и до данного автора многие лингвисты в своих исследованиях рассматривали проблематику Корана, однако аль-Хаттаби сделал вопросы систематизации грамматики Корана и Его стилистики точной наукой, сосредоточив внимание на указанных сторонах проблемы.

Согласно Аль-Хаттабу, понятие «Гарибаль-Коран» (غريبالقرآن) не является одной из тем Корана, поскольку это язык, на котором говорят арабы, и его произношение было легким для людей. Однако стилистика и структура Корана – это чудо. Аль-Хаттаби говорит о структуре Корана: «Мы не считаем его чудом для слов Корана».

Ранее мы отмечали, что аль-Хаттаби сочетал в своей работе слова, значение и порядок, но когда он писал свою работу, он не смог написать ее с высоким мастерством оформления и выразительности. Признавая это, он пишет: «При написании произведения необходима высокая культура речи, то есть слова должны быть умело связаны друг с другом, и значение должно быть ясно понято. Вот как возникает структура слов, когда они находятся в гармонии друг с другом, и они создают образ в душе, на эмоциональном уровне, который объясняет данное утверждение. К сожалению, когда я писал эту работу, я не мог следовать всем этим правилам» [2, с. 258].

Аль-Хаттабив своей работе не уделяет большого внимания искусству слова, науке, повествованию и художественной стороне проблемы, он считает все это второстепенным, его привлекает порядок, то есть он стремится раскрыть секреты привлекательности Корана. Он прокомментировал понятие привлекательности, а мнение других по этому поводу его не интересовало. При исследовании привлекательности Корана внимание аль-Хаттаби, наряду с понятием структуры Корана, его привлек отрывок «Чувственность» Асару-н-Нафса (أثر النفس).

Он сделал еще один комментарий относительно чуда Корана: «Люди отдалились от Корана. Мало кто понимает Коран. Если кто-тоблизко понимает и чувствует Коран, тогда Коран проникнет в него, и этот человек найдет в этом удовольствие, сладость и утешение. Даже если этот человек обеспокоен, то при чтении все эти чувства все равно проявятся. В то же время, человек, который хочет постичь Коран, при чтении начинает волноваться, он становится напуганным и потрясенным, когда слышит его. В любом случае человек обращается к себе и своей совести» [6, с. 109; 2, с. 264].

Все это дает нам основание сказать, что Коран обладает своеобразным, неповторимым смыслом. Вот уже на протяжении длительного времени анализируют стиль Корана, однако сложность и другие трудные моменты не позволяют ученым проводить здесь исследования на должном уровне.

Библиографический список

1. .أبو سليمان حمد بن محمد بن إبراهيم. بيان إعجاز القرآن. الدكتور عمر محمد عمر باحازق. ط١، دار المأمون للتراث، بيروت،١٩٩٥
2. .الخطابي. بيان إعجاز القرآن. مخطوط بدار الكتب المصرية د/ت.
3. .السيدأحمدصقر. إعجازالقرآنللباقلاني. الناشردارالمعارفبمصر،كورنيشالنيل. القاهرة،١٩٧١

4. .محمد زغلول سلام. أثر القرآن في تطور النقد العربي(إلى آخر القرن الرابع الهجري). قدم له الأستاذ محمد خلف الله احمد – مكتبة الشباب بالقاهرة- ط ١ – د/ت.
5. .محمد محمود شاكر. مداخل الاعجاز القرآن. الطبعة الاولى. القاهرة، ٢٠٠٢
6. .محمد محمد أبو موسى. الخطابي والبلاغة المسكوت عنها. المقالة فيمجلة الازهر، القاهرة،٢٠١٦

УДК 4Р–53
ББК 81.411.2–0

А. А. Миронова
A. A.Mironova
(г. Челябинск)

Формирование фасцинативной функции рекламного текста
The formation of the fascial function of the advertising text

Аннотация. Характеризуются пути формирования фасцинативной функции в русском рекламном дискурсе на примере анализа печатной рекламы XVIII–XX вв.Постулируется, что фасцинация представляет собой определенный код, благодаря которому осуществляется подготовка адресата к восприятию информации. В отличие от суггестии фасцинация используется в русских рекламных текстах уже в начале XIX в., становясь обязательной не зависимо от темы, жанра, вида печатного издания.

Ключевые слова: русская реклама, функции рекламного текста, фасцинативная функция.

Abstract. The ways of formation of the fascial function in the Russian advertising discourse on the example of the analysis of print advertising of the XVIII–XX centuries are characterized. It is postulated that fascination is a certain code, due to which the recipient is prepared for the perception of information. Unlike suggestion, fascination is used in Russian advertising texts at the beginning of the 19th century, becoming mandatory regardless of the theme, genre, type of print publication.

Keywords: Russian advertising, advertising text functions, fascinative function.

В основе современного русского рекламного текста любого жанра и типа дискурса лежит не столько прямая, сколько непрямая коммуникация. С точки зрения современной теории речевого общения необходимо не только включать адресата, адресанта, код, тему, но и фасцинацию, которая позволяет наиболее адекватно воспринять новую информацию. Эффективность любого рекламного текста зависит от правильно выбранной коммуникативной стратегии. Одной из такой стратегий и выступает фасцинация. Изучению понятия «Фасцинация» в современной науке посвящены труды В. М. Соковникова [2], Ю. А. Шрейдера [3], Е. В. Омельченко [1] и др.

С момента появления первых печатных рекламных текстов в России в XVIIIв. фасцинацияприсуща рекламному дискурсу, так как изначально для адресанта не только необходимо проникнуть через избирательное восприятие адресата, но, главное, получить необходимый активный отклик. Фасцинация создает условия для повышенного внимания и вовлеченности в процесс восприятия, т. е. появление внутренней речи предстает как результат верно воспринятой информации. Таким образом, фасцинациявыступаетнеким кодом, который подготавливает адресата для точного восприятия информации.

Чтобы рекламный текст был эффективным в большой аудитории, потенциальные потребители должны быть готовы к получению информации. У адресата сформирована установка на освоение нового, существовать личностный мотив. Если данные не актуальны для адресата, любые стандартно или нестандартно преподнесенные сведения не имеют смысла и не несут информации. Тем более подобные сведения бесполезны в рекламной коммуникации, когдадля адресанта важна обратная реакция в виде конкретного действия – потребления.

В рекламном дискурсе непрямая коммуникация и фасцинация, как ее составляющая, создается сознательно. Фасцинация обеспечивает реализацию суггестии и представляет собой «мягкое манипулирование», которое ориентировано на развитие личности, на проявление

скрытого личностного потенциала. В отличие от суггестии, воздействующей на изменение принципов мышления, чувств, реакций, фасцинациявлияет на увеличение степени и качества восприятия, полного освоениянового.

Для объективности картины нами были проанализированы тексты из центральной газеты «Московские ведомости» и провинциального издания «Тобольские губернские ведомости». Исследование текстов русской печатной рекламы XVIII – началаXIX в. доказывает, что создатель текста сознательно выбирает приемы расположения материала, лексемы, словообразовательные ресурсы, порядок слов и сами синтаксические конструкции, позволяющие максимально донести новую информацию до аудитории.

При чтении рекламного текста информация обрабатывается и декодируется в процессе понимания, обрастает новыми знаниями, расширяется семантически.

Одним из первых коммуникативных барьеров, который возникал в XIX в., было преодоление недоверия со стороны адресата к предлагаемым товарам, продавцу. В связи с этим во многих рекламных текстах присутствуют клишированные фразы о верности данных, точного адреса, имени владельца, предупреждение о подделках и способах определения их.

Фасцинативная коммуникативная стратегия выступает частью прагматического общения. Средства и приемы фасцинации предстают одним из ранних средств межличностного воздействия для формирования необходимого способа и вида действия потенциального покупателя. Яркими фасцинативными приемами, которые используются в текстах русской рекламы, являются метафоры, оксюмороны, игра слов, антонимия, синонимия, афористичность, прецедентные тексты:*Пламябой! Абсолютная гарантія противъ пожара*; *Пріятный НАПИТОНЪ ПЕЙ-ЛЮБИ-МЕНЯ! Не могу справиттьсясънедвижимымъимуществомъ, кто рискнеть распутать Гордіевъузелъ – получить въ награду симпатичную жену-друга.* В рекламе табака выявлены следующие приемы: координативные перечисления, смена канала восприятия нового, расширение границ слова и текста в целом:

Рис.1. Реклама табака

Все это позволяет трансформировать смысл текста. Например, рекламный текст конца XIX века, печатавшийся во многих газетах России:

СУЕТА СУЕТЪ — ВСЕ СУЕТА.

Перефразируя эти слова, можно сказать, что все есть дымъ. Въ нашъ вѣкъ это еще болѣе справедливо, чѣмъ прежде. Слава—дымъ. Успѣхъ—дымъ. Геній—дымъ. Жизнь—дымъ. Словомъ, все—дымъ. Все проходитъ, все забывается. Одно, что не забывается, это—ароматный дымъ и дивный вкусъ папиросъ.

„ОСМАНЪ“

10 шт. 10 к., 20 к. и 30 к.

Что все это вѣрно, ручаюсь колоссальнымъ успѣхомъ табачной фабрики Т-ва "А. Н. ШАПОШНИКОВА и К-о", въ СПБ., табаки двойного броженія которой и папиросы съ отвлекающими никотинъ (табачный ядъ) мундштуками стали извѣстны не только повсюду въ Россіи, но и заграницей.

Съ совершеннымъ почтеніемъ **Дядя Михей.**

Рис.2. Рекламный текст конца XX века

В нем мы наблюдаем и другой эффективный прием, который часто применяется в поздних текстах начала XX в. – ритмизацию, повтор. Повторение одной и той же информации через одинаковые ряды дает отклик в сознании человека, кроме этого расширение автокоммуникации осуществляется благодаря прецедентным текстам, включенным в структуру рекламы. Адресант строит сообщение с опорой на ключевые слова.

За счет чередований соразмерных элементов создается ритм, образуя специфическую энергетику текста (аллитерация, анафоры, эпифоры, параллелизм, лексические повторы): *Самосвѣтъ! Самое лучшее и дешевое освѣщеніе… самозажигающееся… сила свѣтаотъ 50 до 100 свѣчей. «Освѣщеніе»!*

Построение на антитезе: *Если вы заблаговрѣменно послушаетесь совѣта доктора ТО НИКОГДА ваши волосы выпадать не будутъ, ТО НИКОГДА у васъ не будетьжидкихъволосъ, ТО НИКОГДА не будутъпустыямѣста на головѣ, ТО НИКОГДА ВЫ не будете лысымъ, А ВСЕГДА будете употреблять* … активизирует процесс восприятия.

В дореволюционной рекламе часто использовали ментально значимые образы из прошлого: богатырей, бояр, сказочных персонажей. Информация о них всем известна и понятна, границы текста раздвигаются за счет фоновых знаний.

Благодаря таким приемам достигается нужная реакция адресата, активный отклик. Использование определенных языковых средств на разных уровнях (фонетическом, лексическом, синтаксическом, эмоционально-выразительном) обеспечивает эмоциональность и эмпатичность коммуникации, изменяет стереотипы и установки восприятия, интерпретации сведений, обращенность к потребностям конкретной личности.

Таким образом, фасцинация как средство преодоления коммуникативных барьеров, способ развития автокоммуникации, синтез убеждения и внушения была изначально присуща рекламным текстам.Фасцинативные средства транслируются через языковые единицы всех уровней внутри текста. Главное, преодолеть коммуникативный барьер, привлечь внимание, расширить смысл небольшого текста за счет активизации восприятия и понимания. Именно в этом заключается фасцинативная составляющая процесса коммуникации. Эволюция фасцинации в рекламном дискурсе состояла в изменении соотношения между сознательным и бессознательным. Развитие идет от сознательного восприятия данных к все более подсознательному. Как идет декодирование информации, зависит от личности адресата. Изменение стереотипов и установок восприятия, понимания определяет смещение от фасцинациик суггестивности, от «мягкого манипулирования» к «жесткому». На протяжении XVIII–XX вв. увеличивается количество приемов и способов фасцинативной стратегии, которые зависят от ситуации общения, темы, особенностей газет, аудитории и кода общения.

Библиографический список

1.*Омельченко Е.В*. Фасцинативная коммуникативная стратегия в различных типах дискурса. Челябинск, 2013.

2.*Соковнин В.М.*Фасцинология: Пролегомены к науке о чарующей, доминантной и устрашающей коммуникации животных и человека. Екатеринбург, 2005.

3.*Шрейдер Ю.А.*Автокоммуникация как необходимый компонент коммуникации. Екатеринбург, 2010. С. 35 – 53.

Источники

1.Московские ведомости. 1756 – 1917.

2.Оренбургские губернские ведомости. – 1840, 1855–1858, 1862, 1863, 1870, 1876, 1878–1883, 1887, 1890–1894, 1910–1912.

3.Тобольские губернские ведомости. – 1857–1871, 1873–1884, 1894–1896.

УДК 81’373.5 =511.142)
ББК 81.2 ХАТ-2

С. В. Онина
S. V. Onina
(г. Ханты-Мансийск)

Особенности превентивных конструкций, построенных по модели бессоюзного сложноподчиненного предложения, в хантыйском языке
Features of the preventive constructions built on the model of the All-Union compound sentence in the Khanty language

Аннотация. Впервые на материале хантыйского языка рассматриваются превентивные синтаксические конструкции, выраженные эксплицитно, построены по специальным моделям, которые преимущественно совпадают в проанализированных диалектах хантыйского языка. Среди представленных сложных конструкций преобладает бессоюзный тип, расчлененно или синкретично выражающий своеобразие предостерегательного значения в хантыйском языке.

Ключевые слова: хантыйский язык, синтаксис, бессоюзное предложение, превентив.

Annotation. For the first time on the material of the Khanty language, preventive syntactic constructions, explicitly expressed, are constructed using special models that mainly coincide in the analyzed dialects of the Khanty language. Among the presented complex constructions, the non-union type prevails, which is dissected or syncretically expressing the originality of the precautionary meaning in the Khanty language.

Key words: Khanty language, syntax, non-union sentence, preventive.

Предикативные конструкции в форме бессоюзных сложных предложений объединяются в одно для того, чтобы установить определенные смысловые отношения между этими предикативными конструкциями. В хантыйских бессоюзных сложных предложениях союзов и союзных слов нет, а их компоненты (простые предложения) соединяются при помощи *интонации*.

Далее в качестве определения бессоюзного сложного предложения будем придерживаться следующего: «бессоюзное сложное предложение – это сложное предложение, в котором с помощью интонации в одно целое объединяются две (и более) предикативные конструкции с той целью, чтобы интонационно активизировать смысловые отношения, заложенные в содержании этих предикативных конструкций» [6, с. 455–461].

Среди бессоюзных сложных предложений, имеющих превентивную семантику, выявляются следующие типы сочетаний:

1) превентивный императив + причастие настоящего времени,выражающее причинные отношения;
2) превентивный императив + индикатив условия;
3) превентивный императив + индикатив следствия.

Рассмотрим эти типы бессоюзных сложных предложений подробнее.

1) превентивный императив + причастие настоящего времени, выражающее причинные отношения:

шур.: *Итыйэ, нӑң, вантаса: Хӧрамхӑншаң ӆапата. Ал,нӑң, кетми, ронаса Ӆын, нэш,* ***мостан*** *кӯтӆәна!* [3, с. 49].

ит-ыйэ	нӑң	вант-а-са	хӧрам	хӑншаң	Ӆапата
друг-Dim	ты	смотреть-Imp.2Sg-Ptcl	красота	пестрый_Adj	Бабочка

ал	нӑң	кетм-и	рон-а-са
Ptcl.Prev	ты	трогать-Imp.2Sg.Obj	подождать-Imp.2Sg-Ptcl

ӆын	нэш	мос-т-ан	кӯтӆән-а
они_два	оказывается	быть_нужным-Part.Praes-3Du	друг_друга-Lat

‘*Посмотри, подружка, Какая прелестная бабочка! Не трогай ее, подожди. Они, оказываются, так нужны друг другу!*’.

В представленной конструкции, построенной по схеме «*ванта-са*‘*смотри-же*’ + *ал̣* ‘*не*’ + *императив объектного спряжения* + *причастие незаконченного действия настоящего времени*» предостерегательная семантика преобладает. Во второй части высказывания аргументируется предостережение, содержащееся в первой части. Причастие настоящего времени (категория состояния, обозначающая модальность) *мостан* ‘нужны (оказывается)’ обозначает одновременность зависимого и главного действия. Кроме того, данное причастие имеет лично-притяжательный аффикс, указывающий на 2 л. дв. ч. субъекта зависимой предикации. Превентивное значение поддерживается лексикализованным элементом *вант-а-са*‘смотри-же’,располагающимся в начале предложения, и отрицательным глаголом *ал̣,нӑң,кетми*‘не трогай’превентивный императив + индикатив условия: шур.: *Щиты л̣ӯвйастәл̣: – **Ал̣, нӑң, шекпӑл̣а**, Пӑл̣ты – кипитлән – Мет **л̣ӧң̆л̣ән** мӑл̣а!* [3, с.61].

щиты	л̣ӯв	йаст-әл	ал̣	нӑң	шек	пӑл-а
так	он	говорить-Praes.3Sg	Ptcl.Prev	ты	очень	бояться-Imp.2Sg

пӑл-ты–ки	пит-л-ән	л̣ӧң̆-л-ән	мет	мӑл-а
бояться-Inf-Ptcl	быть-Praes-2Sg	входить-Praes-2Sg	совсем	глубоко-Lat

‘*Так он говорит: – Ты, не бойся, бояться нельзя, Если будешь бояться – Еще больше увязнешь!*’.

Данное высказывание представлено моделью «*ал̣* ‘*не*’ + *императив* субъектного *спряжения* + *индикатив в форме настояще-будущего времени* (условие) + *индикатив в форме настоящего времени* (нежелательное последствие)». Семантика предостерегательности прочитывается превентивным глаголом с отрицательной частицей *ал̣,нӑң,шекпӑл̣а*‘ты не очень бойся’. Индикативом, выраженном в форме *настояще-будущего времени* со вспомогательным глаголом и условной частицей*ки*‘если’, представлено *условие для адресата* (шур. *пӑл̣ты–кипитлән*). *Индикатив в форме настоящего времени* называет негативное для адресата действие (событие), реализация которого влечет за собой досадные последствия, обозначенные превентивным императивом (предотвращение проявления страха: *ал̣, нӑң, шекпӑл̣-а* ‘ты, не бойся’): Превентивный императив + индикатив следствия: шур.: ***Ал̣ вӯшкийа**, пӧх̆л̣аннӧх **верәтлән!*** [2, с. 4].

ал̣	вӯшкий-а	пӧх-л̣-ан	нӧх	верәт-л-ән
Ptcl.Prev	ворчать-Imp.2Sg	сын-Pl-2Sg	Prvb	разбудить-Praes-2Sg

‘*Не ворчи, сыновей разбудишь!*’.

каз.: *Riw**ал̣ рипа**,риχлаппиχ**wɛrлалӑт!*** [ПМА: здесь и далее полевые материалы автора].

riw	ал̣	pun-a	puχ-л-an	nuχ	wɛrла-л-ӑt
влияние	Ptcl.Prev	класть-Imp.2Sg	сын-Pl-2Sg	Prvb	проснуться-Praes-2Sg

‘*Не ворчи, сыновей разбудишь!*’.

В этих конструкциях превентивный императив (шур. *ал̣ вӯшкий-а* ‘не ворчи’, каз. *алрип-а* букв. ‘не клади’) называет действие, в случае осуществления которого оно станет причиной неприятностей для адресата (Говорящего и Слушающего). Во второй, пояснительной, части выражено следствие нежелательного действия адресата. Соответственно, адресат обязан сделать надлежащий вывод согласно утверждению, представленному в пояснительной части: шур. *пӧх̆л̣аннӧхверәтлән* ‘сыновей разбудишь’, каз. *риχ-л-аппиχwɛrла-л-ӑt*‘сыновья проснутся’.

В современном хантыйском языке семантика превентива преимущественно предполагает наличие отрицания в императивной части, точнее «только в одной из частей его толкования» [1, с. 58], например:

(1) шур.: *Anenteł pӧtsen,il**ał šošmi!***[ПМА].

anen	teł	pӧt-s-en	il	ał	šošm-i
чашка-2Sg	полный	налить-Praet-2Sg	Prvb	Ptcl.Prev	вылить-Imp.2Sg.Obj

‘*Чашку полной налил, не пролей!*’.

(2) сург.: *Iŋəntakəntapӑnən,i̯lə **ал λ’oksat’e!*** [ПМА].

iŋ-ən	takənta	pӑn-ən	i̯lə	ал	λ’oksat’-e
чашка-2Sg	полный	налить-Praet-2Sg	Prvb	Ptcl.Prev	вылить-Imp.2Sg.Obj

Букв. ‘Чашку полным налил, не пролей’.

Такие конструкции в хантыйском языке используются, как правило, при прямом побуждении адресанта предотвратить нежелательное контролируемое (или косвенно контролируемое) адресатом действие. При этом акцентируется внимание собственно на действие с нежелательными последствиями. «Адресант знает или у него складывается такое впечатление, что адресат в силу определенных обстоятельств или по своей вине совершит такое действие и тогда обычно отрицательной формой императива указывает на это действие» [4, с.218].

Компоненты хантыйских превентивных бессоюзных сложных предложений объединяются преимущественно посредством:

а) *двусторонней*, состоящей из двух компонентов, *синтаксической связи*:

– превентивный императив + причастие настоящего времени, выражающий причинные отношения;

б) *односторонней синтаксической связи*:

– превентивный императив + индикатив условия; превентивный императив + индикатив следствия; соответственно, различие в превентивных высказываниях проявляются в зависимости от того, «какой компонент оказывается в ассерции высказывания, – первый, второй или оба» [1], ср.: шур.: *Iəmortpŏχśåγəri̯ōγəliəmi̯inditåwii̯èŋgiśòŋgàltu̯irnăŋ àlråγnəmda*! [7, с. 154].

iəm	ort-pŏχ	śåγər-i̯ōγəl	iəm	i̯ind-i	tåwi
святой	богатырь-сын	острый-лук	святой	тетива-Adj	весна

i̯èŋg-i	śòŋgàlt	u̯ir	năŋ	àl	råγn-əmd-a
лед-Adj	робкий	край	ты	Ptcl.Prev	провалиться-Mom-Imp.2Sg

‘*Святой богатырь-сын с острым-луком, со святой тетивой в весенний ледяной робкий* (= *тонкий*) *край не свались!*’.

В данной превентивной конструкции ассерцию составляет первый компонент (*tåwii̯èŋgiśòŋgàltu̯ir*‘… весенний ледяной робкий (= тонкий) край’), а второй компонент (*năŋ àlråγnəmda*‘не свались’) имплицирует ***совет*** Слушающему предпринять меры, чтобы не упасть. Эти меры, т. е. «промежуточное действие, которое обозначено P_{aux} … будут заключаться скорее всего, в том, чтобы идти осторожно» [1, с. 57], ср. следующие превентивные конструкции:

шур.: *Jernasen**ał χulati**, pŭtenχuleŋ!* [ПМА].

jernas-en	ał	χulat-i	pŭt-en	χuleŋ
платье-2Sg	Ptcl.Prev	запачкать-Imp.2Sg.Obj	котел-2Sg	гряз-ный

‘*Не испачкай платье* (*свое*), *котел грязный!*’.

сург.: *Järnasəna**aλ λuγte**,putpəγtə* (*quλəŋ*)*!* [ПМА].

järnas-ən-a	aλ	λuγt-e	put	pəγtə	(quλəŋ)
платье-2Sg-Lat	Ptcl.Prev	измазать-Imp.2Sg.Obj	котел	черный	(грязный)

‘*Не испачкай платье* (*свое*), *котел грязный!*’; букв. ‘Котел черный (грязный), платье не измажь’.

В представленных предостерегательных конструкциях ассерцию составляет второй компонент, а первый оказывается в пресуппозиции. Совет (шур. *jernas-enał χulat-i*, сург.*jarnas-ən-aaλλuγt-e* ‘платье не запачкай’) предполагает, что Слушающий может запачкаться, т. к. имеется причина (шур. *pŭtenχuleŋ*,сург.*putpəγtə* (*quλəŋ*) ‘котел грязный’).

(3) шур.: *Kamniśkijajis, **ał potəłtija**!*[ПМА].

kamn	iśkij-a	ji-s	ał	pot-əłtij-a
на_улице	холод-Lat	стать-Praet	Ptcl.Prev	мерзнуть-Iter-Imp.2Sg

‘*На улице холодно, не простуживайся!*’.

каз.: *Suχentănšəλen,**jŏrn aλ taλe**!* [ПМА].

suχ-en	mănšə-λ-en	jŏr-n	aλ	taλ-e
ткань-2Sg	рвать-Praes-2Sg	сила-Loc	Ptcl.Prev	тащить-Imp.2Sg.Obj

‘*Ткань порвется, не тяни так сильно!*’.

В подобных превентивных конструкциях первая часть является *информативной* (т. е. *индикативной*): шур. *kamniśkij-aji-s* букв. ‘на улице холодно стало’, каз. *suχ-entănšə-λ-en*букв.

‘ткань (твою) порвешь’; вторая же – *предписывающей* (т. е. *императивной*): шур. *ał pot-əłtij-a*‘не простуживайся’, каз. *jŏr-палтал-е*букв. ‘силой не тяни’.

Библиографический список

1. Гусев, В. Ю. Типология специализированных глагольных форм императива :дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / Валентин Юрьевич Гусев. М., 2005. 297 с.
2. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) : ок. 3600 слов / С. И. Вальгамова [и др.] ; под общ.ред. Н. Б. Кошкаревой ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. Екатеринбург: Баско, 2011. 208 с.
3. Лонгортова, В. П. «Щўњэм – Щăњайŏхан» «Мое вдохновение Сыня река» / Лонгортова В. П. Салехард: ГУП ЯНАО «Изд-во Красный Север», 2011. 128 с.
4. Маслова, А. Ю. Коммуникативно-семантическая категория побудительности и ее реализация в славянских языках (на материале сербского и болгарского языков в сопоставлении с русским) :Дис. … д-ра филол. наук : 10.02.01 / Алина Юрьевна Маслова. СПб., 2009. 350 с.
5. Падучева, Е. В. Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание / Е. В. Падучева // Русский язык в научном освещении. –2005. № 2. С. 17–42.
6. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. 8-е изд., доп. М.: Яз.славян. культуры, 2001. 544 с.
7. Papay, J. OstjakischeHeldenlieder = [Остяцкий героический эпос] :AusJozsefPapay'snachlass : на нем. яз. / J. Papay. – Budapest :AkadémiaiKiadó, 1972. 503 s. (Papay-Bibliothek ; 1).

УДК 811.161.1
ББК 81

С. В. Орлова
S. V. Orlova
(г. Тобольск)

Антонимы в лирике М. Цветаевой
Antonyms in the lyrics Of M. Tsvetaeva

Аннотация. Выявление функции антонимов в стихотворениях М. Цветаевой, описание способов реализации лексической антонимии в данных текстах, обнаружение возможных связей употребления антонимии с творческим методом исследуемого автора и их сопоставление.

Ключевые слова: антонимы, антонимия в стихах, значение слов с противоположным смыслом в стихах М. Цветаевой.

Abstract. the identification of the function of antonyms in the poems of M. Tsvetaeva, a description of how to implement lexical antonymy in these texts, the discovery of possible connections between the use of antonymy and the creative method of the author under study, and their comparison.

Keywords: antonyms, antonyms in verses, the meaning of words with the opposite meaning in verses by M. Tsvetaeva.

Антонимы, или слова с противоположным смыслом, стали предметом лингвистического анализа сравнительно недавно, и интерес к изучению русской антонимии заметно возрастает. Об этом свидетельствует появление целого ряда специальных лингвистических исследований по антонимии и словарей антонимов.

Потребность подобрать слова с противоположными значениями, найти образное противопоставление, «схватить» полярные проявления того или иного качества, признака, свойства часто возникают у людей самых разных специальностей, у всех, кто интересуется языком и тем более связан с ним своей профессией, то есть у филологов, преподавателей русского языка, переводчиков, писателей, журналистов.

«Поэзия это не “лучшие слова в лучшем порядке”, это – высшая форма существования языка. Чисто технически, конечно, она сводится к размещению слов с наибольшим удельным весом в наиболее эффективной и внешне неизбежной последовательности. В идеале же – это именно отрицание языком своей массы и законов тяготения, это устремление языка вверх – или в сторону – к тому началу, в котором было Слово» [1, с. 33].

Поэзия М. Цветаевой обнаружила перед читателем чудо языка, чудо его возможностей. Многие глубинные свойства русского языка остались бы скрытыми, если бы не воплотились с высокой степенью поэтического мастерства в стихах М. Цветаевой. Она была гениальной. Мятущаяся, шарахающаяся, строптивая, своевольная, резкая, непокорная, никем не покоренная, она всегда была соткана их противоречий. Из противоречий были сотканы и ее стихи. Ее поэзия сплошь антонимична, вся построена на антитезе, которая помогает автору контрастно, ярко оформить и выразить мысль.

Предметом нашего исследования послужили 170 антонимических пар, выбранных методом сплошной выборки в стихотворениях М. Цветаевой, опубликованных в сборнике «Лирика» [2, с. 480]. Из них 66 языковых антонимов и 104 контекстуальных.

Рассмотрим примеры языковых антонимов.

Так в названии стихотворения «Жив, а не умер» М. Цветаева использует антонимы *жив* (краткое прилагательное) и *умер* (глагол в прошедшем времени). Это слова разной части речи, но с противоположным значением.

В толковом словаре «жить» 1) О человеке и животном: Находиться в процессе жизни, существовать. 2) Обитать где-нибудь, населять что-нибудь, водиться где-нибудь; «умереть» – 1) (прост.). Перестать жить; 2) перен. Исчезнуть, прекратиться.)

Жив, а не умер Демон во мне! В теле как в трюме, В себе как в тюрьме.

Мир – это стены. Выход – топор.

(«Мир – это сцена»).

М. Цветаева употребляет языковые антонимы «разлука» (существительное) и «встреча» (существительное). В толковом словаре под ред. С. И. Ожегова читаем: разлука (расставание) – прекратить встречаться с кем-либо или чем-либо; встреча – сойтись с кем-либо случайно или преднамеренно; заметить что-либо [Ожегов].

Крик разлук и встреч – *Ты, окно в ночи!*

Может – сотни свеч, *Может – три свечи...*

(«Вот опять окно…»)

Интересно использование антонимов «плачу» и «смеюсь». В словаре: плакать – проявлять разновидность эмоций, выражающих горе, боль, страдание; смеяться – проявлять разновидность эмоций, выражающих радость, счастье, веселье:

Пляшу, – пол горячий! Боюсь, обожгусь!

– Отчего я не плачу? Оттого что смеюсь!

Наш моряк, моряк – Морячок морской!

А тоска – червяк, Червячок простой.

(«Хоровод, хоровод…»)

В стихотворении «Нет, легче жизнь отдать, чем час…» мы встречаем антонимы *засыпать* и *просыпаться*. В словаре: заснуть – погрузиться в сон; проснуться – выйти из состояния сна.

Ты мне велишь – единственный приказ! –

И засыпать, и просыпаться – рано.

Мы видим антонимы *плотных – тощих* в стихотворении «Поэма заставы». Толстый – набравший лишний вес, ставший слишком жирным; худой – сильно похудевший, отличающийся значительной худобой.

Потных и плотных,

Потных и тощих... Всего: 12 пар.

Контекстуальные антонимы – это слова, противопоставленные в определенном контексте. В стихотворении «***Вчера*** *еще в глаза глядел, а нынче все косишься в сторону*…» использованы

такие антонимы, как «живой» – «остолбенелая». В данном контексте М. Цветаева имеет в виду, что у нее уже нет чувств.

Я глупая, а ты умен, Живой, а я остолбенелая.

О, вопль женщин всех времен: «Мой милый, что тебе я сделала?!»

(«Вчера еще в глаза глядел…»)

Поэтесса употребляет такие контекстуальные антонимы, как «богатая» – «бедна». Богатая говорится о деньгах, бедная – о чувствах.

Новый год я встретила одна. Я, богатая, была бедна,

Я, крылатая, была проклятой. Где-то было много – много сжатых...

(«Новый год я встретила одна»)

Цветаева использует антонимы «дар» (т. е. радость) – «долг» (обуза).

Подыхает наша дружба:

Я тебе не дар, а долг! («Было дружбой, стало службой»)

В стихотворении «У первой бабки – четыре сына» мы видим антонимы *чернорабочий* и *белоручка*, в данном контексте противоположны корни в словах. Чернорабочий – рабочий, используемый на физической работе, не требующей квалификации. Белоручка – человек, чуждающийся физического труда, грубой или грязной работы.

Обеим бабкам я вышла внучка: Чернорабочий – и белоручка!

Антонимия, внутренняя семантическая противоречивость слова была очень важна для М. Цветаевой как поэта безмерности.

В ходе проведенного исследования функционирования антонимов в творчестве М. Цветаевой можно сделать выводы:

1. Антонимы, являясь выражением в языке противоположности, играют важную роль в лексической системе языка. Словам с противоположным значением свойственно преимущественно контактное употребление в определенных контекстах, в которых раскрываются их важнейшие функции. Использование антонимов лежит в основе разнообразных стилистических приемов. Антонимия придаёт особую значительность предметам и понятиям.

2.Поэзия М. Цветаевой всегда привлекала к себе пристальное внимание лингвистов и литературоведов. Ученые изучают язык ее произведений, устанавливают характерные для ее творчества закономерности словоупотребления, основные темы и мотивы творчества

Творчество М. Цветаевой можно определить как поэзию предельности и контраста. Антонимия, внутренняя семантическая противоречивость слова была очень важна для М. Цветаевой как «поэта безмерности».

3. Антонимические номинации занимают значительное место в поэтических текстах М. Цветаевой. В стихотворениях М. И. Цветаевой употребляются узуальные антонимы (живой – мертвый, плакать – смеяться и др.), а также контекстуальные антонимы – слова, противопоставленные в определенном контексте (например, живой – остолбенелая, жена – жених и др.).

4. Антонимические номинации, реализуемые М. Цветаевой, помогают раскрыть языковую картину мира автора, поскольку описывают один из важнейших ее фрагментов: восприятие поэтом дуализма мира и природы человека.

5. Для творчества М.И. Цветаевой очень характерна антитеза, поэтика которой во многом основана на экспрессии контраста, например: «Благословляю ежедневный труд, благословляю еженощный сон».

Целиком на антитезе строится знаменитое стихотворение «Вчера еще в глаза глядел...», где практически в каждой строфе есть антонимы либо языковые, либо контекстуальные.

Помимо антитезы, мы выявили в поэзии М. Цветаевой такие фигуры, как градацию, амфитезу, акротезу, диатезу.

Таким образом, творчество М. Цветаевой можно определить как поэзию предельности и контраста. Основными для М. Цветаевой тропами и фигурами являются гипербола, градация, антитеза и оксюморон. Проведенное исследование еще раз подтвердило, что идиостиль М. Цветаевой ярок и самобытен.

Библиографический список

1. Цветаева, М. И. Лирика. СПб.: Вита Нова, 2006. 480 с
2. Иванова В. Н. Антонимия в системе языка. Кишинев, 1982.
3. Колесников Н.П. Словарь антонимов русского языка. М.: Просвещение, 1972.
4. Толковый словарь русского языка / под ред. С.И.Ожегова. М: Наука, 2006.

УДК 81
ББК 81.2

Р. И. Первозванский
R. I. Pervozvanskiy
(г. Москва)

Обращения к группам в современном русском языке
(на материале обращений молодежной среды)
Appeals to groups in russian language (on the material of appeals of youth environment)

Аннотация. В статье рассмотрены обращения к группам в современном русском языке – единицы, отличающиеся направленностью не к конкретному адресату, а к группе подобных адресатов. Определены основные признаки групповых обращений, их функции, описаны случаи употребления обращений к группе адресатов в единственном морфологическом числе, кратко обобщена история формирования универсальных групповых обращений в последнее столетие. Внутри групповых обращений обособленно рассмотрены особенности составных обращений, в том числе с гендерной дифференциацией группы (дамы и господа, братья и сестры). Данные в статье определения проиллюстрированы обращениями, бытующими в современной молодежной среде.

Ключевые слова: современный русский язык, обращения, обращения к группам, молодежная лексика.

Abstract. the article discusses calls to groups in the Russian language – units that differ in orientation not to a specific addressee, but to a group of similar addressees. The main features of group calls, their functions are identified, cases of using calls to a group of recipients in a single morphological number are described, the history of the formation of universal group calls in the last century is briefly generalized. Within group appeals, the features of compound appeals, including those with gender differentiation of the group (ladies and gentlemen, brothers and sisters), were separately considered. The definitions in the article are illustrated by appeals in the modern youth environment.

Keywords: russian language, appeals, appeals to groups, youth vocabulary.

Вопрос об обращении в русском языке сложно отнести к разряду полностью изученных и однозначно решенных. О грамматической природе и морфологической структуре обращения писали Ф. И. Буслаев, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский. Е. А. Пляскова подробно рассматривает связь обращения с утратой в русском языке звательного падежа. Несмотря на большое число размышлений об обращении, определенного лингвистического статуса в современном русском языке оно не имеет. В рамках различных теорийего рассматривают и формально-грамматически – исключая из состава членов предложения (Шахматов); и инкорпоративно – оставляя в составе членов предложения на основе особой синтаксической связи «отношения» (Руднев); и самодостаточно – как именное односоставное предложение (Проничев) [2, с. 8–9].

Современные исследователиобращаются к этому языковому явлению: последовательно расширяют систему функций обращений и развивают их классификации, составляют сравнительные типологии обращений в русском и иностранных языках, описывают необычные грамматические формы обращений. Тем не менее, редко фиксируются слова в функции обращений XXI века, возникающие в русском языке путем заимствований или появления новых значений ууже бытующих слов. Обращения к группам, которые обладают рядом признаков, отличающих их от остальных обращений, также практически не изучены лингвистами.

Цель данной статьи – рассмотреть групповые обращения в русском языке с точки зрения их семантических, морфологических и структурных особенностей, привести примеры новообразований – слов из сферы молодежной лексики –выполняющих функцию таких обращений в современной коммуникации формата «говорящий – аудитория».

В рамках данной статьи термины «*групповые обращения*» и «*обращения к группам*» будут использованы как тождественные друг другу. Обращения к группам характеризуются определёнными семантическими особенностями:

1. Они указывают не на конкретного адресата, а на группу подобных адресатов. Под подобностью здесь предлагается понимать «слитность» группы для говорящего: его интересуют не конкретные лица в его аудитории, а вся аудитория, которую он называет определённым образом.

2. Они либо обобщают адресатов сообщения по одному значимому для говорящего признаку (национальному – россияне, возрастному – дети, социальному – студенты), либо максимально обобщают адресата до степени «все, получающие сообщение». Обосновать выделение групповых обращений (как подкласса обращений) можно и с точки зрения функционального подхода. Ученые выделяет следующие функции обращений: вокативную (звательную), социально-регулятивную (или этикетную), эмоционально-экспрессивную, оценочно-характеризующую, дискурсивную, дейктическую [5, с. 74–75]. Собственно групповым обращениям свойственна еще одна функция – обобщающе-собирательная.

Групповые обращения могут быть представлены как одушевленными именами существительными (*студенты, туристы*), так и неодушевленными (*класс, курс*), регулярно сочетаются с именами прилагательными (*уважаемые, дорогие*). Имена прилагательные, с которыми сочетаются такие обращения, чаще всего имеют значение положительной оценки. Обращение к нескольким адресатам может быть выражено и без номинации группы лиц – теми способами, которые Л. А. Сергиевская и Л. А. Мелехова назвали «обращениями без обращений»: *рады вас видеть* (приветствие); *покажите, пожалуйста* (императивы адресата); *решим задачу* (императивы совместного действия); *кто последний?* (вопросительные клише) [3, с. 146–147].

Интерес представляют обращения, которые употреблены в тексте в единственном числе со значением дистрибутивности (например, *дорогой читатель!*в предисловии к книгоизданиям, *в добрый путь, выпускник!* на праздничных плакатах), но подразумевают группового адресата. С течением времени такие формы обращений используются реже. Использование данных обращений определяется желанием говорящего создать более личностно-ориентированную ситуацию общения, оказать эмоциональное воздействие на адресата речи. Обращения к группам хотя и соотносятся с множественным морфологическим числом, но не ограничиваются им.

Обращения к группам можно разделить на простые (*товарищи, граждане, коллеги*) и составные (*дамы и господа, студенты и сотрудники*) – устойчивые сочетания, обозначающие, как правило, обращение говорящего к некоторому единству с его условным разделением. Это разделение может быть проведены на основе гендерного или социального признака. Коммуникативная значимость этого разделения может быть актуальной (например, употребляя обращение *студенты и преподаватели* говорящий действительно хочет подчеркнуть обособленность этих групп – ср. с обобщающей формой обращения *коллеги*, которая не подчеркивает это различие) и неактуальной (*дамы и господа* – скорее этикетная формула, чем реальная попытка разделить аудиторию на женщин и мужчин).

Составные обращения с точки зрения синтаксиса можно рассмотреть и как единый устойчивый компонент, и как два однородных обращения. Аргумент в пользу «слияния» двух обращений – реальная природа адресата. Обращаясь к разным аудиториям с помощью устойчивого группового обращения: *прошу вас быть внимательными, дамы и господа // братья и сестры // граждане* – мы фактически вкладываем в послание следующий смысл: *прошу быть внимательными всех, слушающих это сообщение*. Значит, эти обращения по определению адресата «*все*», т. е. семантически (но не стилистически и не ситуативно) тождественны друг

другу, а рассмотрение как целостных компонентов устойчивых формулы составных обращений*дамы и господа, братья и сестры*, направленных ко всей аудитории, вполне допустимо.

Число составных обращений с гендерной дифференциацией в русском языке ограничено. В основном это устоявшиеся этикетные формулы. Порядок компонентов в таких обращениях, как правило, регулярен, но может и изменяться (*господа и дамы*) говорящим для достижения определенных коммуникативных целей: привлечения внимания адресата, уточнения состава аудитории, акцентирования предпочтений на определенной части группы.

Стоит отметить, что таких обращений – под влиянием развивающейся культуры гендерного равноправия, влияющей и на язык – в современном русском языке становится больше. В сетевых СМИ и социальных сетях, например, фиксируется обращение *подписчики и подписчицы*. Не у всех слов потенциал распространения в статусе подобных обращений одинаков: маловероятно, что катойконимы – названия жителей по местности (*москвичи и москвички, петербуржцы и петербуерженки*) –будут использоваться в такой роли в ближайшее время.

В языковой среде конкретной эпохи может возникнуть некоторое наиболее общепринятое, универсальное обращение к группе лиц. Например, в Советском Союзе было такое обращение – *товарищи*. Н. Г. Долженко отмечает, что после распада СССР место общепринятой формы обращения остаётся незанятым [1, с. 90]: не прижилось дореволюционное*господа*и канцелярское *граждане*. Возможно, это связано с большей разнородностью языкового пространства, отсутствием выраженной языковой идеологии государства. Однако язык заполняет эти провалы, в различных сферах коммуникации возникают новые слова-обращения. Эти единицы уже трудно назвать универсальными, общепринятыми, «*специализированными регулятивными этикетными, не несущими дополнительной информации об адресате*» [4: 136] – они часто стилистически и эмоционально окрашены.

Ниже приведены несколько примеров таких слов из сферы молодежного общения с их краткой языковой характеристикой.

Гайс (англ. guys–«парни») – варваризм, распространённый в молодёжных коммуникациях, сленговое слово. Возможен вариант написания «*гайз*». В английском языке также является обращением, направленным чаще к лицам мужского пола. В русском языке гендерная соотнесенность слова практически не прослеживается. Интересна сочетаемость этого слова: как правило, употребляется в одном ряду с английским приветствием «*хей*» (Hey – привет), между тем фраза «*Привет, гайз»* встречается редко.

Ребзя//ребзи (ср. ребята) – обращение из языкового фонда советского времени, получившее распространение и в среде современных детей и молодых людей. Некоторыми носителями языка воспринимается как «неприятное» (возможно, это связано с неблагозвучностью фонетического комплекса [бз]).

Подписота (ср. подписчики) – обращение, образованное суффиксальным формантом (суффиксом –от) от слова подписчики. Некоторые словари уже фиксируют это слово с пометой «собирательное, пренебрежительное». Интересно, что слово образовано от русского корня с помощью русского суффикса –от, притом с помощью этого суффикса в значении «совокупность лиц, которые характеризуются признаком, названным мотивирующим именем прилагательным» слова образуются не так часто *(бедный – беднота, пеший – пехота).*

Народ – несмотря на определённую «масштабность» основного лексического значения этого слова, в качестве обращение оно чаще употребляется как ироничное (например, в речи преподавателей: студенты = народ), разговорное. Книжную окраску и пафос обращение сохраняет в лозунгах и в сочетании с конкретизирующим прилагательным (*Делай выбор, русский народ*).

Страна – фиксируется в речи радиоведущих в приветствиях модели *Доброе утро, страна* как обращение ко всей аудитории слушателей. Характеризуется максимальной обобщенностью адресата и только условным соответствием реального значения слова значению, вложенному в него говорящим.

Библиографический список

1. Долженко Н.Г. Векшина О.А. Обращения в русском обществе и языке в диахроническом аспектах // Вестник Югорского государственного университета. 2016. № 1(40). С. 88–91.

2. Дохова З.Р. Лингвистический статус обращения: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. Нальчик, 2007. 23 с.

3. СергиевскаяЛ.А., Мелехова Л.А. Обращение без обращения в русском языке // Филологические и педагогические аспекты гуманитарного образования в высшей школе. Материалы межрегионального научно-практического семинара с международным участием. 2016. С. 145–148.

4. Смеречинская Н.М. Специализированные формы обращения в русском языке // Образование и наука в современных условиях. 2016. № 2-2 (7). С. 135–137.

5. Фирдевс Бураихи Карим. Обращение в современном русском языке: виды и функции // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 4. С. 74–76.

УДК 141
ББК 87.1

Т. А. Петрова
T. A. Petrova
(г. Тобольск)

Памятник сибирской письменности «Краткое описание о народе остяцком» Григория Новицкого: структура, содержание и информативность
Monument to Siberian writing «Short description of the Ostyak people» Gregory Nowicki: structure, content and flow of information

Аннотация. Рассматривается структура и содержание памятника сибирской письменности начала XVIII в. «Краткое описание о народе остяцком» Григория Новицкого. Предлагается небольшая историческая справка о времени создания памятника и его авторстве. Обращается внимание на информативность текста памятника и значение его изучения историками и языковедами.

Ключевые слова: памятник письменности, структура текста, информативность, историко-лингвистический и этнокультурный материал.

Abstract. The structure and content of the monument of Siberian writing of the beginning of the XVIII century "Brief description of the ostyatsky people" by Grigory Novitsky is considered. A small historical information about the time of creation of the monument and its authorship is offered. Attention is drawn to the informative nature of the text of the monument and the importance of its study by historians and linguists

Keywords: monument of writing, text structure, information content, historical-linguistic and ethnocultural material.

В 1715 г украинский ссыльный Григорий Новицкий пишет «Краткое описание о народе остяцком». Как известно из источников, исследователь получил хорошее образование, закончив Киево-могилянскую коллегию, и, как отец, стал казачьим полковником. В период противостояния Петра I и Мазепы оказался полковник на стороне мазепинцев, за что и был сослан в 1709 г. в Сибирь совместно с другими казаками. Городом, назначенным Новицкому местом ссылки, стал Тобольск.

В период пребывания в Сибири митрополита Тобольского и сибирского Антония Стаховского Григорий Новицкий в должности надзирателя за исполнением христианских обычаев новокрещенными остяками (ханты) в Кандинской волости отправляется в экспедицию, где он вместе со священником Сентяшевым и был ими убит. В исторических источниках точной даты его смерти не сохранилось. Исследователь истории русской литературы, Л. Н. Майков пишет, что предположительно это произошло после 1721 года.

Не осталось и сведений о том, является ли « Краткое описание….» единственным сочинением Г. Новицкого или нет. Л. Н. Майков в предисловии к первому изданию «Краткого описания…» в 1884 г. пишет, что среди обнаруженных списков есиповской летописи существовал летописный список Саввы Есипова в первоначальной редакции, который, как указывал ученый, был написан южнорусским почерком и с чертами украинской речи [1, с. 3]. Ученый предположил, что его составителем мог быть Новицкий. Но это вопрос так и остался открытым. Между тем исследование «Краткого описания…» позволяет обнаружить сходство отдельных параграфов первой главы с летописью Эсипова, в которых даны общие сведения о Сибири.

«Краткое описание о народе остяцком» включает восемь глав, разделенных на параграфы. Восемнадцать параграфов первой главы посвящены общим сведениям о Сибири, и в частности – о районе, который в тот период заселяли ханты, как их называли – остяки

Начинается глава с описания границ Сибири и ее естественных богатств. Автор отмечает наличие в Сибирском крае железной, медной, свинцовой, серебряной и золотой руды: «Гори каменный, – говорит он, – ...иже произнодит в недрех своих самородной хрусталь, слюду чисту; а наипаче наполненные толико каменей магнитом, яко доволно жители здешний от сего хитростне испущають железо» [2, с. 33].

Параграфы с 6 по 9 указанной главы содержат исторические сведения, почерпнутые из сибирской летописи Саввы Есипова. Новицкий прямо об этом говорит, указывая на свидетельство сибирского Летописца, но его имени не называет.

Описывая Новую Землю, практически еще не исследованную, Григорий Новицкий пишет: «К сему утеснению морскому прилегжашую Новую Землю аще и многия соверыпенным известием проведать желаху, обаче зелной ради стужы и жестока убивающаго тамо воздуха не возмогоша мнози же аще и дерзнуша сего Искусити – погабоша» [2, с.39].

В конце главы – рассказ о том, откуда возникло название народа ханты – «остяков». Новицкий утверждает, что остяки себя называют Кондия, Хондия, а страну свою – Хойдымых. По словам автора, название «остяки» они получили от пермяков, давших им такое прозвище. Сам автор «остяки» объясняет словом *останки*: «Россияне, видевшее их идолобесия останки, укрывшийся из Перми, нарекоши их Остяки, аки бы останки» [2, с. 40]. Кроме того, есть в тексте памятника и другое объяснение: «второе же мнится быти и се, яко же вей здешний полунощный народы от обыкновений своих нарекошася сыроядцы – от сыроядения, тако и ста от нравообычая, своего, зане народ сей упражняеться рибок и от повседневной сей пищи ничто же вящше сущу во устехих, яко ости рибни. А от них же мниться; быть яка название се Остяки…» [2, с.40].

Следует отметить, что позднее по этому поводу Н. Абрамов высказал другое мнение: «остяк» есть не что иное; как татарское «уштяк» – «грубый, невежественный». Кроме татар, а потом и русских, никто ханты не называл остяками или уштяками [1].

Во второй главе содержится материал, характеризующий «житие, обыкновение гражданства и прочьте», как говорит сам автор. Ценностью этого материала является то, что впервые описываются обычаи ханты и манси, он незаменим для сравнительного изучения истории этих народов. Например, Новицкий рассказывает любопытный обычай ханты: родители не давали сами имени новорожденным; просили об этом проезжих, русских. Этот факт объясняет, пишет Новицкий, большое количество русских имен среди этого народа. Когда долго не представлялось такого случая, ханты сами называли своего ребенка: *«Тогда что первое узрить изшедши из дому: птицы, звери «ли что ни будь, тем именем родившееся нарицает»* [2, с. 40].

Занятие ханты, отмечает Г. Новицкий, – оленеводство, охота и рыбная ловля. Олени наряду с собаками являются единственным средством передвижения на суше. Земледелия не имеют, так как земля, по словам Г. Новицкого: *«…аще всему питателница и многия израдных плодов изобилием ущедряеть, обаче сему народу скудна подаянием…, а плодов никаких не преизносит»* [2, с. 47].

В третьей главе описываются религиозные верования ханты и их идолы – старик Обской, Гусь Кондийский и др. – и обряды служения им. В частом жертвоприношении автор

«Краткого описания...» видит одну из причин бедности ханты: *«Сим частым жертвоприношением впремногую внийдоша нищету и крайное разорение, яко чад и жен своих продаваху заимодавцем своим в работу»* [2, с.57].

В главах 4–8 Григорий Новицкий повествует об истории крещения ханты и манси. Насаждаемая христианская вера не только озлобляла народы против ее ревнителей, но во все время своего господства оставалась по существу чуждой этим народам. Правительству потребовалось учредить даже особую должность надзирателя за исполнением новокрещёнными христианских обычаев. Видимо, положение этих надзирателей было не из выгодных, если некоторые из них за свою должность поплатились жизнью, как это случилось и с самим автором «Краткого описания…».

Григорий Новицкий также подробно описывает историю Сибирского ханства, восхваляя этот край и его богатства, дается описание географического положения Сибири и проживающих на ее территории народов: *«Сиберское государство содержится в полнощной стране, по разделении математическом преоделенно в второй быти части, во Азии…иже предел Европы великую реку Об назнаменоваша, сии начало сего государства полагають быти в Европии, пределы же своими простирается даже во Азию…»* [2, с. 72].

Упоминает автор о городе Тобольске, а также указывается его точное географическое положение*: «…град Тоболеск обретаеться же под градусом 57 и 30 минут широты, даже до студенаго полунощнаго круги».* Указывается также, что *«Тоболск град наречеся от Тобол река…»* [2, с. 29].

В своем сочинении Г. Новицкий указывает на серьезные торговые отношения Сибири и Китая (причем это фактически единственная страна, которую упоминает автор в отношении торговли с Сибирью): *«…содержит с тем славным государством Китайским вся торговыя промыслы, пременяя товары своя сиберския: соболи, горностаи, белку и прочая. Оттуду же превеликия богатства злата, сребра, драгих камений, шелковых парчей, сосудов каменных избранных и прочая»* [2, с. 66].

Интересно то, что в сочинении встречаются Библейские мотивы, один из которых повествует о Потопе и Ноевом ковчеге в рассказе о мамонтовых костях (ненцы предполагали, что такие кости принадлежат единорогам «нанесенных Ноева водою»). Автор же выдвигает собственную версию относительно находок: *«…не земля ли естественнее и самородне от себе производить кости сия»* [3, с. 56].

Также в сочинении Г. Новицкого можно обнаружить упоминания об огромной высоте и величии Сибирских гор, где, по словам автора, добывались: *«самородной хрусталь, слюда, а наипаче наполненные (гори) толико каменей магнитом…»* [3, с. 84]. Здесь же в горах варили снадобье, излечивающее от всех болезней, *«вкусом содержит квас и сланость».* При этом до сих пор неизвестно, какое лекарство имелось в виду Г. Новицким.

Исторически сложилось так, что Сибирь – это малонаселенная территория, однако именно здесь исторически проживали представители многих языковых групп. В сочинении «Об остяках» автор не обошел стороной и эту тему. Сообщается о многообразии языков и национальностей в пределах Сибири, среди них: *«Тунгусы, Остяки, Отяки, Якуты, Самоиды, Брацкие мужики, Пегая орда, Киргизы, Калмыки и прочая»* [2, с. 26].

В работе упоминаются названия Сибирских рек, таких как: Тура, Тобол, Иртыш, Обь и др. Автор сообщает о величии Туры, по берегам которой живут вогуличи, верующие в злых идолов. *«В Туру впадаеть река Тагил; другая Ница, и за едино совокупленна. Обаче нарыцаютъся первым именем Тура, первенства ради. Отсюду входите внутр Сиберския страны; по ней же жытелствуютъ Татаре; впадаеть же в реку Тобол, Тобол в Иртыш, Иртиш в великую реку Об*» [2, с. 77].

Не менее богат и разнообразен языковой материал памятника письменности, свидетельствующий о состоянии русского литературного языка в период его становления.

Например, обратимся к примерам процесса архаизации русского языка.

«Единое ми толико предстоит сумнение, да не буду осужден, яко не сладкословесник, ниже высоким хитросплетенных словес украшением изобразих сия и всемирному дерзну предать позорищу: обаче блюдохся, первое, да не хитросоплетением словес покривщаяся сумнителна и неудобна сих истинна разумению будеть яже ныне простонаречием световидно изявленна суть» [2, с. 49].

Блюдохся – оберегался (от слова блюстить – беречься, 1-е лицо, прош.вр) [3, с. 100].

«Священницы же снемше ю от земли отрыцать не престаша, донеле же аки от сна нача мало приходити в себе».

Донели – в значении «до сих пор». Синонимы: дотоле (архаизм) [3, с.143].

Ведать – знать. Синонимы: *ведедивши, веем* – знать, быть уверенным в своих знаниях; истинстовать – говорить истину, знать[3, с.170].

В целом в тексте найдено более 75 единиц устаревших слов, из них: *абыс* (татарский поп); *брань* (война); *вертепы* (пещеры); *воя* (войска); *десница* (правая рука); *жерц* (жрец); *зрачный* (видимый); *извет* (донос); *истый* (подлинный); *крин* (лилия); *палица* (посох); пухлина (опухоль); *прибытчество* (нажива); *тщание* (старание); *узилище* (тюрьма); *шкаредь* (пакость) и др.

Особый интерес представляет богатейший топонимический материал памятника: *Ваглинская волость*; *Верхотурье; Индия; Иркутск; Иртыш; Ишим* (река); *Китай; Конда* (река); *Мангазея; Нерчинск; Обь; Пермь; Сибирь, Сибирская страна; Сосва* (река); *Сосвинская волость; Тавда (река); Тас (река); Тасовская губа; Тобол, Тобольск*; *Тура; Тюмень; Чусовая* (река); *Якутск* и др.

Таким образом, сочинение Григория Новицкого дает обширное описание Сибирских земель, народов, проживающих здесь, и представляет ценный для исследователей исторический и этнокультурный материал, является свидетельством процессов, происходящих в национальном русском языке в период становления его норм.

Несомненно «Краткое описание о народе остяцком» Г. Новицкого заслуживает внимания историков и географов, филологов и литературоведов.

Библиографический список

1. Абрамов Н. А. Описание Березовского края // Зап. ИРГО. СПб., 1857. Кн. 12. С. 335–342.

2. Новицкий Г.И. Краткое описание о народе остяцком, 1715. Новосибирск: Новосибгиз, 1941.

3. Словарь русского языка XVIII века. Л.: СПб, 1984.

УДК 81-13
ББК 81.2-9

А. В. Петрухина
A. V. Petrukhina
(г. Тюмень)

Адаптированный учебный текст на занятиях по русскому языку как иностранному
Adapted Training Text in Classes in Russian as a Foreign Language

Аннотация. В статье рассматриваются принципы отбора учебных текстов для занятий по русскому языку как иностранному и способы их лингвистической адаптации, необходимые для облегчения понимания и адекватного восприятия текстов иностранными учащимися.

Ключевые слова: адаптация, адаптированный текст, учебно-научный подстиль, учебный текст, способы адаптации.

Abstract. The article considers the principles of selection of educational texts for classes in Russian as a foreign language and the ways of their linguistic adaptation, necessary to facilitate understanding and adequate perception of texts by foreign students.

Keywords: adaptation, adapted text, educational and scientific substyle, educational text, adaptation methods.

В современной лингвистической литературе по методике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) большое внимание уделяется проблеме адаптации художественной и научно-учебной литературы [4; 5; 7; 8]. Под адаптацией текста понимаем «упрощение, приспособление, облегчение или усложнение текста в соответствии с уровнем языковой компетенции учащихся» [1, с. 10]. Адаптация текста «лексически и грамматически упрощенная интерпретация текста на иностранном языке» [7, с. 130]. Адаптированный текст – текст, переработанный в языковом отношении для иностранных учащихся.

Учебно-научный подстиль как разновидность научного стиля речи представляет собой научно-учебную сферу общения, реализующуюся такими жанрами, как учебники, методические пособия, рабочие программы, лекции, конспекты. Специфика учебно-научного подстиля состоит, во-первых, в адресованности текстов широкой аудитории (массовому получателю информации), во-вторых, в более упрощенном изложении научного материала [5, с. 246]. Следовательно, учебный текст – вторичный текст, созданный с целью понимания и восприятия его более широким кругом читателей.

Учебно-научный подстиль, как и научный стиль, обладает рядом лексических и грамматических особенностей, затрудняющих восприятие и понимание его иностранными учащимися (на уровне лексики – наличие терминологической лексики, абстрактных существительных; на уровне морфологии и синтаксиса – употребление цепочек форм родительного падежа, обилие причастных и деепричастных оборотов, рядов однородных членов предложения, сложных синтаксических конструкций с разными видами связи), что определяет актуальность проблемы отбора учебных текстов и их адаптации с целью использования в процессе обучения.

Одной из задач преподавателя РКИ при обучении чтению является адаптация учебных текстов по специальным дисциплинам в соответствии с уровнем владения языком иностранными учащимися. Если учащийся овладел первым сертификационным уровнем (В1), то при работе с текстами по специальности он способен воспринимать на слух звучащую речь; выделять основную и дополнительную информацию, содержащуюся в тексте; строить собственное монологическое высказывание репродуктивного характера на основе прочитанного текста [6]. Помимо уровня языковой компетенции учащихся, преподавателю РКИ при отборе учебных текстов необходимо учитывать такие параметры, как индивидуально-психологические особенности читателей-инофонов, информативность и связность текстов [4, с. 80].

Учёт индивидуально-психологических особенностей инофонов заключается, во-первых, в мотивации учащихся к изучению русского языка посредством выбора текстов, соответствующих их профессиональной направленности; во-вторых, в наличии фоновых знаний иностранцев, опыта чтения на родном языке: чем больше знаний иностранный учащийся получил в родной школе, тем легче ему усваивать учебный материал в другой стране.

Ключевыми признаками текста являются информативность и связность. Информативность текста состоит в передаче реципиенту новой информации, которая оформлена в виде последовательности знаковых единиц, «объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи» [3, с. 17]. Текст имеет «определенную целенаправленность и прагматическую установку» [там же]. Задача преподавателя РКИ при адаптации текста заключается в том, чтобы сохранить смысл исходного текста учебника и одновременно приблизить текст к уровню владения языком иностранными студентами.

Цель данной статьи – рассмотреть способы лингвистической адаптации текстов по экологии. Материалом для исследования послужил учебник «Военная экология» под редакцией Н. В. Петрухина и др. [2]. Анализ лексического состава учебника показал, что в текстах активно употребляется терминологическая лексика по предмету (*военная экология, экологическая безопасность, экологический мониторинг, экосистема, загрязняющие вещества, сбросы, отходы*), абстрактные существительные, составляющие пласт общеупотребительной лексики

(*применение, выполнение, продуктивность, изменение, обеспечение, установление, планирование*). Наличие новых слов, не входящих в лексический минимум первого сертификационного уровня [6], обусловливает, с одной стороны, необходимость создания терминологического словаря по предмету, с другой стороны, синонимическую замену сложных, редко употребляемых слов словами, входящими в словарный запас инофонов на данном этапе обучения (например, *дислокация – размещение, ликвидация – уничтожение*).

Анализ грамматических конструкций в учебнике «Военная экология» показывает, что в текстах используются синтаксические конструкции, характерные для I сертификационного уровня владения языком: «что представляет собой что», «что делится на что», «к чему относят что», «что является чем», «под чем понимают что», «что включает что» (*«Источники водоснабжения делятся на поверхностные и подземные»* [2, с. 181]). Активно употребляются простые предложения, осложненные причастными и деепричастными оборотами, однородными членами предложения (ОЧП): *«Мероприятия по обеспечению экологической безопасности, проводимые войсками в условиях аварий и стихийных бедствий, наиболее характерны для чрезвычайных ситуаций»* [2, с. 253]; *«Объектами управления являются военнослужащие, гражданский персонал войсковых частей, население в регионе дислокации войск, военные объекты и окружающая природная среда»* [2, с. 242]. Для предложений с ОЧП характерно рубрицирование, что значительно облегчает восприятие текста.

Среди типов простого предложения в анализируемых текстах представлены двусоставные пассивные конструкции: *«Фактическая сеть подвижных ЭПН определяется боевыми порядками войск»* [2, с. 229]; односоставные безличные предложения *«При организации систем экологического мониторинга необходимо выделить четыре основных уровня…»* [2, с. 228]; цепочки форм родительного падежа: *«Рассмотрим основные положения по содержанию управленческих фаз обеспечения экологической безопасности деятельности войск и сил флота»* [2, с. 244]. Среди сложных предложений распространены сложносочиненные и сложноподчиненные предложения с придаточными определительными, изъяснительными: *«Линейное разрешение на местности определяется минимальным размером объекта наблюдения, который способен устойчиво обнаружить оператор-дешифровщик»* [2, с. 232]. Рассмотрим примеры трудных с точки зрения грамматики текстовых фрагментов и представим варианты трансформации грамматических конструкций в таблице 1.

Табл. 1. Грамматическая адаптация текста

Характ-ка конструкции	*Аутентичный текст*	*Адаптированный текст*
1. Сложные предложения, части которого осложнены причастными оборотами и ОЧП	*Концептуально система **мониторинга** является многоуровневой, включающей в себя наземный, авиационный, морской и космический компоненты, в состав которых входят средства измерения и контроля состояния атмосферы, водных источников, почв и растительности, а также обработки и передачи информации о состоянии объектов природной среды в пределах районов дислокации войск.*	*Система мониторинга является многоуровневой, включает в себя наземный, авиационный, морской и космический компоненты. В состав этих компонентов входят: 1) средства измерения и контроля состояния атмосферы, водных источников, почв и растительност; 2) средства обработки и передачи информации о состоянии объектов природной среды в пределах районов размещения войск.*
2. Конструкции с однородными причастными оборотами, в	*Военная экология – это междисциплинарная отрасль научных знаний, **изучающая** экологические аспекты вооруженной борьбы, национально-государственной безопасности, а также влияние военной*	*Военная экология – это междисциплинарная отрасль научных знаний, **которая изучает** экологические аспекты вооруженной борьбы и национально-государственной безопасно-*

состав которых входят ОЧП	*деятельности на окружающую среду и природной среды на деятельность войск (сил),* ***разрабатывающая*** *теоретические основы и практические методы обеспечения экологической безопасности Вооруженных Сил страны.*	*сти. Военная экология рассматривает влияние военной деятельности на окружающую среду,* ***разрабатывает*** *теоретические основы и практические методы обеспечения экологической безопасности Вооруженных Сил страны.*
3. Цепочка форм родительного падежа	*Рассмотрим основные положения по содержанию управленческих* ***фаз обеспечения экологической безопасности деятельности войск и сил флота.***	*Рассмотрим основные положения по содержанию управленческих фаз, которые обеспечивают экологическую безопасность деятельности войск и сил флота.*

Анализ таблицы показывает, что грамматическая адаптация трудных для восприятия и понимания инофонами фрагментов текста состоит в грамматической трансформации:

1) сложных предложений, части которого осложнены причастными оборотами и ОЧП, в простые, осложненные ОЧП (с применением рубрицирования);

2) конструкций с однородными причастными оборотами, в состав которых входят ОЧП, в сложные предложения с придаточными определительными, содержащими ОЧП;

3) цепочек форм родительного падежа в сложные предложения с придаточными определительными, содержащими 2–3 формы родительного падежа.

Таким образом, *адаптированный учебный текст* представляет собой вторичный текст, упрощенный на уровне лексики и грамматики и предназначенный для восприятия и понимания иностранными учащимися. Принципы отбора учебных текстов обусловлены как лингвистическими, так и экстралингвистическим факторами: информативностью и связностью текстов профессиональной направленности, уровнем языковой компетенции учащихся, индивидуально-психологическими особенностями читателей-инофонов. Лингвистический анализ учебных текстов свидетельствует о необходимости адаптировать аутентичные тексты в обучающих целях посредством создания терминологического словаря по изучаемому предмету, лексического и грамматического упрощения текстов..

Библиографический список

1.Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с. С. 10.

2.Военная экология: Учебник для высших военных учебных заведений / Под ред Н.В. Петрухина, А.В. Тарабары, И.А. Постовита. – М.: Издательство «Русь-СВ», 2000. – 360 с.

3.Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е, стереотип. М.: КомКнига, 2006. 144 с.

4.Коротышев А.В. «Матрица адаптации» как комплекс приемов для отбора и адаптации художественного текста в аспекте РКИ // Мир русского слова. 2014. № 1. С. 79–85.

5.Мальцева Л.В. Адаптация учебно-научного текста: субтекст старого знания // Мова. 2014. № 21. С. 246–248.

6.Образовательная программа по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень. М., 2001. 134 с.

7.Первухина С.В. Адаптированный художественный текст: способы повышения понятности // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 25 (240). Филология. Искусствоведение. Вып. 58. С. 130–134.

8.Сибирцева В.Г. Адаптация аутентичных электронных текстов в учебных целях // Инновационные технологии в образовательной деятельности: Материалы Всероссийской научно-методической конференции. Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева. – 2016. – С. 259–264. https://elibrary.ru/download/elibrary_26071940_42998483.pdf

УДК 81'42
ББК 81.1

В. Ю. Прокофьева
V. Yu. Prokofeva
(г. Санкт-Петербург)

Пространственно-временной континуум современной рекламы: лексический аспект
The space-time continuum of modern advertising: lexical aspect

Аннотация. В статье анализируются слова и словосочетания, организующие пространственно-временной континуум рекламной ситуации. Соотношение пространственных и временных слов и словосочетаний образует хронотоп рекламы, количественное превышение единиц, обозначающих временные промежутки, свидетельствует о временном характере рекламы в целом.

Ключевые слова: реклама, хронотоп, пространство, время, слово.

Abstract. The article analyzes the words and phrases that organize the space-time continuum of the advertising situation. The ratio of spatial and temporal words and phrases forms the chronotope of advertising, quantitative excess of units designating time intervals, tells of the temporary nature of the advertising text as a whole.

Key words: advertising, chronotope, space, time, word.

Современная реклама в условиях конкуренциистановится не только информационным текстом и особым речевым жанром, но приобретает черты текста художественного. Каждое произведение искусства формирует свое представление пространственно-временного континуума, об этом впервые заговорил М. М. Бахтин, введший в литературоведение термин «художественный хронотоп» и определивший его как «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе…» [1, с. 234]. Современная реклама, становясь не просто текстом, но произведением искусства, начинает строиться по его законам.

Разрабатывая свою теорию по отношению к тексту художественному, М. М. Бахтин использовал термин «хронотоп» как взаимодействие и взаимопроникновение времени и пространства, образующиев художественном произведении систему частных хронотопов, влияющих на плетение авторами сюжетной канвы, включение тех или иных тем или мотивов, завязывание и развязывание узловых моментов своего повествования. Возможно, сравнение художественного произведения и современной рекламной продукции покажется на первый взгляд неуместной, но ведь рекламные ролики, как правило, представляют зрителю некую историю с персонажами, диалогами, смоделированным местом и временем происходящего. Всё это позволяет проводить аналогии текста художественного и рекламы, «прагматическая направленность которой заставляет продуцировать тексты (в отличие от художественных), оказывающих на потребителя психологическое воздействие путем трансформации его представлений и желанийи формирования новых культурных доминант социума» [2, с. 43–44]. Эти трансформации воздействуют нарекламную аудиторию, вселяя в обыденное сознание представления о новом мире с другим пространственно-временным континуумом, особенности которого можно рассматривать с различных точек зрения. Так, с позиций семиотики проанализирован рекламный хронотоп Х. Кафтанжиевым [3], мы же решили подойти к этой проблеме с точки зрения употребления в тексте рекламы слов, актуализирующих в массовом языковом сознании временные и пространственные смыслы. Следуя логике термина «хронотоп», представим сначала слова, аккумулирующие временные значения, затем – пространственные.

Время. В русской языковой картине мира время мыслится обыденным сознанием как нечто непостоянное (оно не всегда идет с постоянной скоростью, иногда оно бежит, а то вдруг начинает ползти или лететь), не поддающееся воздействию со стороны человека, но весьма «агрессивно» по отношению к нему, от времени можно отстать, но оно может позволить себя догнать при определенных человеческих усилиях, обычно человек им дорожит, но может и

потратить, а иногда и убить, что не принесет удовлетворения и т. п. Обыденная картина мира, как правило, связываетвремя с его потерей, невозможностью вернуть и отрицательными эмоциями в связи с осмыслением «преходящности» этой категории бытия. Языковое представление о времени подробно и глубоко представлено в монографии Е. С. Яковлевой [4]. Рекламный текст, напротив, актуализирует представление опродуктивном использовании человеком собственных временных ресурсов, отсутствии потери времени или его напрасной траты (естественно, для тех, кто приобретает рекламируемый продукт): *Не хотите* ***терять время*** *в очереди? Воспользуйтесь услугами дистанционного обслуживания от МегаФон; Регулярный уход с коллекцией PANTENE подарит вам* ***свободное время****, которое раньше вы* ***тратили*** *на манипуляции с волосами.*

Как и в обыденной жизни[см.: 4], рекламное время представляется двояко, как абсолютное и относительное. Первое можно помыслить в математических категориях, оно исчислимо, делится на отрезки разной длины, их лексические обозначения часто используются составителями рекламного текста. Лексический репертуар этих обозначений представлен в Таблице 1.

Табл.1. Лексический репертуар обозначения временных координат в рекламе

Лексическое выражение временных отрезков (от больших к меньшим)	Рекламные тексты
Эра, эпоха	*Наука о генах открывает новую* ***эру*** *в уходе за кожей LO-REAL.*
Век, сто лет	*А/Д-Норма. С нормальным давлением проживешь* ***до ста лет.*** *UNU — клеи для дома и офиса, для строительства и ремонта. Клей* ***не на момент****, а* ***на века.***
Год	*Иммунеле – здоровье* ***круглыйгод***
Времена года: весна, лето, осень, зима; любое время года, любой сезон	*Шагни в* ***весну*** *без лишних килограммов;* ***Встречай лето*** *на MTV;* ***Осень*** *–* ***время собирать*** *урожай бонусов! Сеть магазинов «Детский Мир»;****Зима нам не преграда.*** *Шины Амтел Нордмастер- совершенно* ***зимние*** *шины.* *Шедевр в* ***любое время года****; Наконец есть модель на* ***любой сезон*** (реклама автомобилей).
Названия месяцев	***Весь май*** *скидка 10%;* ***До 31 июля*** *купи принтер и получи гарантированный подарок от Samsung.*
Неделя, 7 дней, названия дней недели	Значение «недолго, быстро»: *Минус 1 см* ***за 3 неде-ли****IODASE; значение* «долго» (обычно в контрасте с небольшой ценой): *Подключи пакет «Недельный» и смотри ТВ в своем мобильном* ***целую неделю*** *всего за 50 рублей.*
День, ежедневный, ежедневно, каждый день, целый день	Значение «постоянно, всё время»: *Утро.ru.* ***Ежедневная*** *электронная газета; Йодомарин. Для здоровья* ***каждый день*** *необходим;* Значение «недолго, быстро, за короткий срок»: *Нормадерм Три-актив Vichy ускоряет клеточное обновление после* ***трех дней*** *применения.*
Сутки, суточный, круглосуточно, 24 часа (в сутки)	*Йодомарин помогает восполнить* ***суточную*** *потребность в йоде; Японская кухня* ***круглосуточно;*** *LOREAL объем* ***24 часа.***
Названия суточного деления: утро, день, вечер, ночь (+ каждый)	*Кофе NescafeMontego – маленькая радость* ***каждое утро****;Резолют помогает печени* ***утром, днем и вечером.***
Час (за час, через час)	*Кредит* ***за 1 час****. Ренессанс-кредит.* ***Через час*** *уже у вас!*
Минута (количественное обозначение; каждая), мгновение, секунда, миг (вмиг), момент	*Ренни.* ***5 минут*** *– и никакой изжоги.****Момент*** *настал – прими Гастал!****Моментальный*** *клей «Секунда». Достаточно* ***одной секунды;****Талантливая техника Atlant замораживает* ***вмиг.***

Относительное время связано с осознанием его линейности, когда человек представляет себя на некоей прямой и мыслит события как собственной жизни, так и внешнего мира, соотнося их с точкой своего сиюминутного местонахождения на этой представляемой линии.

Рекламный дискурсне мог не воспользоваться возможностью сформировать у своей аудитории ассоциативную связь рекламируемой продукции с ощущением этого актуального восприятия времени, насытив свои тексты такими словами, как *сегодня, сейчас, завтра,* синтагматически связав их с обозначениями качества непосредственно воспринимаемого времени:*быстрота, скорость*. Эти лексические актуализаторы относительного времени частотны в рекламном тексте:*Суприма-ЛОР.Умное решение – **быстрое** лечение;Лекарства от кашля Доктор Мом. Песня болезни будет **недолгой**;Ренни —**скорая помощь** вашему желудку.*

Ощущение «правильного» продвижения человека по своей относительной временной оси усиливают слова, связанные с представлениями о современности и молодости, отсюда частое использование при рекламировании продукта этих слов и их дериватов, а также слова *новый*: *Центры косметологии ЛаСтрада. Подари себе **молодость; Новые** возможности с ЮНИСТРИМ; **Современному** городу – современные решения!*

Современная реклама, пропагандирующая отличительные качества счастливой жизни – легкой, удобной и здоровой, – основана на идее прекрасного будущего, которое с помощью рекламируемых продуктов формируется уже сегодня. Эта детерминированность будущего настоящим выражается в рекламном тексте с помощью добавления слова *уже*: *уже сейчас, уже сегодня,* а также постановки в ближайшем контексте слов *будущее* и *сегодня, сейчас: Loreal. **Будущее** начинается **сегодня.***

Пространство. Оценивание мира в категориях пространства – универсальное языковое явление, характерное и для русского языкового сознания [там же: 4], пространственных обозначений в русском языке так же много, как и временных. Но при сравнении количественных показателейупотребления слов, обозначающих время и пространство, можно заметить, что число первых превышает число вторых. Это можно объяснить прагматическими векторами рекламного дискурса, ведь он актуализирует в сознании своей аудитории будущее, которое окажется качественнее настоящего после приобретения соответствующего товара или продукта. Но после этого возникает вопрос, как разместить приобретенное в пространстве собственной жизни, и начинается поискчеловеком места нового предмета в пределах собственного существования. Рекламный текст приходит на помощь своему потребителю, включая в себя как обозначения огромных и/или недостижимых пространств, так и сужая мир человека до собственного дома. Лексический репертуар пространственных обозначений, используемых в рекламе, представлен в Таблице 2.

Табл. 2. Лексический репертуар обозначения пространственных координат в рекламе

Лексическое выражение пространственных значений	Рекламные тексты
Пространство	*Корпорация Пеербургская недвижимость. Основы **жизненного пространства.***
Мир	***Открой мир** возможностей своего телефона. МегаФон.*
Страна, названия стран	*Electrolux, **Швеция**. Сделано с умом;Немецкие пылесосы Thomas. Обрати внимание – сделано **в Германии**! Истинно **английский чай** Ахмад. Бразильский кофе Pele. Вообрази **Бразилию**; Чай Императорский. Чай **всея Руси.***
Город	*Произведено природой, разлито в **Ессентуках.***
Дом	*Торговая марка Аристон. Приятно быть **дома.***

Сочетание в пределах одного текста пространственных и временных словформируетпространственно-временной континуум будущего для конкретного человека-потребителя рекламы:*Бытовая техника Сименс. **Будущее** приходит **в дом**.* Различное соединение этих лексических координат образует целый спектр хронотопов, предлагаемых рекламным дискурсом, и это тема отдельного исследования.

Проанализировав языковые единицы, обозначающиев рекламе пространственно-временные ориентиры, и выявив их репертуар, мы можем говорить о наличии специфического рекламного пространственно-временного континуума,который формируется этими словами и

их сочетаниями. Количественное преобладание временных обозначений над пространственными говорит о временно́м характере рекламного текста в целом, что связано с его прагматикой, с формированием у потребителя установки изменения или улучшения своей жизни врезультате приобретения рекламируемого продукта, размещением которого «займутся» уже пространственные показатели.

Литература

1. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике //Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С.234 – 407.

2. *Ильинова Е. Ю.*Лингвокогнитивное обоснование характера ассимиляции и культурной экспансии рекламного дискурса// Лингводидактические проблемы межкультурной коммуникации : сб. науч. ст. / ВолГу; отв. ред. Т. В. Максимова. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. С. 43–62.

3. *Кафтанжиев Х.*Хронотоп – знаки времени и пространства в рекламе // Ценности и смыслы. М. 2010. № 1. С. 91–100.

4. *Яковлева Е.С*. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994.

УДК 1751.80
ББК 8+80

П. П. Пудовкина, А. М. Тенекова
P. P. Pudovkina, A. M. Tenekova
(г. Санкт-Петербург)

Полипредикативные предложения в СМИ
(на примере газет «Известия» и «Российская газета»)
Complex sentences sentences in the media
(examples of newspapers «Izvestia» and «Russian newspaper»)

Аннотация. В статье рассмотрены функции полипредикативных предложений в текстах СМИ как медиапродуктов. Авторы анализируют сложные синтаксические целые как лингвистические единицы на примере таких СМИ, как «Российская газета», «Известия».

Ключевые слова: полипредикативные предложения, сложные конструкции, многочленные предложения, медиапродукт.

Annotation: The article considers the functions of polypredicative sentences in texts as media products. The authors analyze complex syntactic whole media languages as linguistic units on the example of such media as "Rossiyskaya Gazeta", "Izvestia".

Key words: Complex sentences sentences, complex structures, consisting of the proposal, media product.

Современный медиарынок преобразуется в соответствии с социальными потребностями и общественным настроением. Интеллектуальный рост аудитории приводит к усложнению текста как медиапродукта. В основе исследования лежит анализ таких источников, как общественно-политические печатные издания *«Известия» и «Российская газета»,* которые относятся к качественной прессе и располагают богатым языковым материалом. Необходимо отметить, что научное осмысление многокомпонентных конструкций началось с 50-х годов XX века, но до сих пор нет их комплексного лингвистического исследования в аспекте реализации медиатизации.

Как нам удалось выяснить, основная характеристика, объединяющая сложные синтаксические конструкции в анализируемых нами СМИ, количественная: такие предложения состоят от трех до семи предикативных частей. Чем больше усложняется предложение, тем компакт-

нее группируются части внутри конструкции, что свидетельствует о стремлении адресанта добиться понимания со стороны адресата. Полипропозитивные единицы с однотипной синтаксической связью называются многочленными сложными предложениями – предложения, предикативные части которых соединены разнотипной синтаксической связью — сложными синтаксическими конструкциями. Многочленные сложноподчиненные предложения делятся на однородные и неоднородные. В однородных предложениях придаточные части относятся к одному слову в главном предложении, а в неоднородных относятся к разным словам [3]. Основной задачей печатной медиапродукции является увеличение воздействия на целевую и потенциальную аудиторию при сохранении лаконичности, массовости и доступности. В одном из материалов газеты «Известия» предложение «З*а медицинской помощью обратились 14 человек, от госпитализации они отказались, 1 человек был госпитализирован, впоследствии от госпитализации отказался»* (Известия, 09.04.2015, *«В результате ЧП с поездом в Липецкой области пострадали 14 человек»*) — пример сложного многочленного предложения, в котором предикативные части соединены бессоюзной синтаксической связью. Перечислительные отношения предикативных частей внутри предложения являются независимыми друг от друга [1, с. 302]. На логико-синтаксическом уровне указанное предложение состоит из трех предикативных единиц, которые соответствуют трем смысловым блокам, соединенным бессоюзной связью. Каждый блок — это отдельное предложение, которое не нуждается в дополнении, так как полностью в смысловом плане наполнено. Но канцелярский язык предложения в данном случае не предполагает разделения, то есть акцент не делается на конкретном компоненте. Следовательно, предикативные части воспринимаются как дополнение друг к другу. *«Напомним, что в настоящее время в Донбассе действует режим прекращения огня, введение которого стало одним из результатов переговоров "нормандской четверки" в Минске»* (Российская газета, 10.05.2015, *«В Донбассе подсчитали число жертв конфликта среди мирного населения»*) – многочленное предложение из «Российской газеты» выполняет информационную функцию, сохраняет лаконичность и доступность, но при этом авторская мысль полностью раскрыта и скомпонована в рамках одного предложения: в каждой полипредикативной конструкции и объект, и субъект, и проблема. Достаточно интересными в грамматическом плане являются предложения, которые создают эмоциональную картину для аудитории, обладают публицистической или аналитической направленностью и практически не содержат информационной составляющей [2, с. 101]. Необходимо отметить, что такой направленностью чаще всего обладают сложные синтаксические конструкции, части которых позволяют установить логико-смысловые связи. *«Когда придете в январе из отпуска, доллар будет стоить сто рублей — уже я даже не знаю, что мы будем обсуждать, — как кошку замариновать или* собаку» (Известия, 10.03.2015, «Культурный слой Сергея Капкова»). Достаточно редкий в медиасфере пример, когда полипредикативное предложение построено из назывных конструкций. Это сложная синтаксическая конструкция. Она представляет собой два смысловых блока, которые соединены бессоюзной грамматической связью. Первый смысловой блок представляет собой нейтральное авторское высказывание, в свою очередь, второй — это эмоциональный фон, созданный благодаря наличию парадоксальной ситуации *(«...как кошку замариновать или собаку»*). Поэтому в данном случае прослеживается элемент авторской иронии, что притягивает внимание потенциального читателя и создает эмоциональную фактуру. Еще одна функция — художественно-эстетическая, которая наполняет отдельные предикативные части литературной выразительностью. Такие конструкции тяжеловесны по своей структуре, что затрудняет восприятие текста. *«Казалось бы, здесь есть почти всё, что мы хотели узнать о Стивене Хокинге: кто эта женщина, прошедшая с ним рядом самые тяжелые годы; что это за болезнь такая, приковавшая ученого к креслу и лишившая речи; откуда взялось его фирменное чувство юмора; наконец, краткий, без зауми пересказ его важнейших теорий»* — предложение из материала газеты «Известия» (Известия, 26.02.2015 «*Во «Вселенной Стивена Хокинга» просвечивают оттенки серого»*). Данное предложение представляет собой сложную синтаксическую конструкцию, состоящую из шести предикативных компонентов, соединенных

между собой разнотипной синтаксической связью. Однородная синтаксическая связь и свободный порядок следования предикативных компонентов свидетельствуют о том, что они являются дополняющими компонентами, поясняющими предикативное ядро *(«...здесь есть почти всё, что мы хотели узнать о Стивене Хокинге...»*). То есть основная задача данной конструкции заключается в представлении действующих героев и характеристике сюжетной линии экранизации. А пять смысловых компонентов, которые соединены между собой бессоюзной связью, показывают, что каждый предикативный компонент является самостоятельным в логико-смысловом плане. Части данного предложения выполняют не информационную функцию, а художественно-эстетическую в совокупности с экспрессивной. Если в газете «Известия» многочленные предложения часто содержат в себе эмоциональную авторскую оценку, то в «Российской газете» она максимально минимизирована.

Таким образом, чаще всего многочленные предложения и сложные синтаксические конструкции необходимы для отражения логической связи между компонентами. В газете «Известия» многочленные предложения и сложные синтаксические конструкции содержат в себе яркую авторскую оценку, которая выражена с помощью разговорных предикативных компонентов и эмоциональных высказываний. В свою очередь, в «Российской газете» эта оценка минимизирована ввиду того, что данное печатное издание является официальным СМИ Правительства. Материалы аналитического жанра построены часто с помощью полипропозитивных конструкций, которые определяют логико-смысловые отношения и помогают раскрыть детали авторской мысли и идеи. Многочленные предложения наблюдаются в информационно-новостных материалах, а сложные синтаксические конструкции – в медиапродуктах с публицистической и аналитической направленностью.

Библиографический список:

1. Белошапкова, В.А., Брызгунова, Е. А., Земская, Е. А. и др. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др.; Под ред. В. А. Белошапковой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. 800 с.

2. Василенко, И.А. Проблема сложного предложения в науке о языке // Мысли о современном русском языке. – 1969. – С. 93 – 104.

3. Карпова, Т. Д., Колосова, Т. А. Русские сложные предложения асимметричной структуры // Русский язык за рубежом, Воронеж.- 1981.- № 2.- С. 112–113.

УДК 811.161.1’42
ББК 81 + 82

Д. П. Рыбкина
D. P. Rybkina
(г. Владивосток)

Речевые стратегии и тактики в цирковом дискурсе
Speech strategies and tactics in circus discourse

Аннотация. Статья посвящена изучению основных речевых стратегий и тактик в цирковом дискурсе на примере общения членов циркового коллектива. В статье рассматриваются основные понятия необходимые для анализа – речевая стратегия, речевая тактика, дискурс. Более того, обозначается проблема выделения единой и общепринятой классификации речевых стратегий и тактик.На основе классификации информативного и фатического видов речевого поведения выявляются две основные речевые стратегии и соответствующие им речевые тактики.

*Abstract.*The article is devoted to the study of the main speech strategies and tactics in circus discourse on the example of communication between members of the circus collective. The article discusses the basic concepts for research – speech strategy, speech tactics, discourse. Moreover, there is a problem to describe generally accepted classification of speech strategies and tactics. Based on

the classification of informative and phatic types of speech behavior the article identifies two main speech strategies and corresponding speech tactics.

Ключевые слова: дискурс, речевоеобщение, прагматика, речевые стратегии и тактики.
Keywords: discourse, speech communication, pragmatics, speech strategies and tactics.

В последнее время в лингвистике отмечается возросший интерес к изучению прагматического аспекта живого речевого общения, многие современные авторы исследуют данную проблему с различных ракурсов и в различных сферах, например О. О. Чыпсымаа «Языковое описание улыбки как коммуникативной тактики самопрезентации» или Г. Н. Манаенко «Соотношение семантического и прагматического аспектов в языковом выражении» и др. Кроме того, учитывая недостаточную лингвистическую изученность речевого общения в области цирковой сферы, наше исследование является **актуальным** и перспективным для современной лингвистики.

Целью нашего исследования является анализ речевого общения циркового дискурса с выделениемспецифических для этой сферы речевых стратегий и тактик.

И. А. Стернин считает, что исследование коммуникативных тактик и стратегий является актуальной задачей новой интегральной науки, которую можно назвать наукой о речевом воздействии [10, с. 3]. *Речевое воздействие* подразумевает, что коммуникация является целенаправленной и мотивированной. Р. М. Блакар отмечает, что в любом речевом акте коммуниканты преследуют неречевые цели, которые, в конечном счете, регулируют деятельность собеседника [1].

Для нашего исследования необходимо раскрыть основные понятия. О. С. Иссерс понимает *речевую стратегию*как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели, формируемой в процессе речевой деятельности под воздействием мотива, который, в свою очередь, обусловлен соответствующей потребностью» [6, с. 54]. И. Н. Борисова считает, что *речевая тактика* – «динамическое использование коммуникантами речевых умений построения реплик диалога, конструирующих ту или иную стратегию диалоговедения» [2, с. 23].

Таким образом, мы пришли к выводу, что речевая стратегия и речевая тактика как основные компоненты коммуникации образуют иерархически построенную речевую модель, где коммуникативная стратегия складывается из конкретных речевых действий, шагов, которые соотносятся с понятием коммуникативных тактик. В качестве тактических способов выступают языковые средства различных уровней.

Человеческая речь ситуативна и обусловлена множеством факторов, а в основе коммуникативных стратегий лежат различные мотивы, потребности и установки коммуникантов, поэтому составление единой классификации стратегий и тактик представляет трудность для исследователей, что представляет лингвистическую проблему.

Для классификации коммуникативных стратегий и тактик очень важно учитывать тип исследуемого дискурса.

Рассмотрим понятие **дискурса.**

«Дискурс, понимаемый как текст в ситуации реального общения, допускает различные измерения» [7, с. 198].

О. С. Иссерс пишет, что «для лингвистики текста существенным является вопрос о тексте как о процессе, и здесь структурная модель описания текста как самодостаточного герметичного образования становится недостаточной, возникает необходимость учета обстоятельств общения и характеристик коммуникантов, т. е. требуется переход к коммуникативной модели представления текста» [6, с. 188–189].

В. И. Карасик выделяет *институциональный текст-дискурс* – «это специальная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут быть не знакомы, но обязаны общаться в соответствии с нормами данного социума (важны социальные роли и статусы участников общения: педагог-ученик, врач-пациент и др.)» [7, с. 203–204]. Институциональный дискурс классифицируется соответственно сферам современного социума: политический,

военный, педагогический и др. Такая методика выделения различных типов дискурса позволяет отнести наше исследование к институциональному типу-дискурса, обусловленному ситуацией – особой обстановкой репетиции циркового коллектива. Данная сфера исследования речевого общения на наш взгляд обладает лингвистическим потенциалом.

Для нашего исследования институционального циркового дискурса мы выделили две основные стратегии общения: **информативная «успешное выполнение циркового действия»**, эта стратегия является общей и самой важной для всей МСГ, и **фатическая «общение личного характера»**, в которой каждый из коммуникантов преследует свои собственные речевые цели, стратегия реализуется в личных разговорах или разговорах, не имеющих отношения к выполнению цирковых элементов, к ходу тренировки в целом.

Информативная стратегия «успешное выполнение циркового действия» включает в себя следующие тактики:

1. Тактика команды

Тактика приказа – основная тактика в данной группе. Она предполагает желание говорящего заставить адресата совершить какое-либо действие, а адресат, в зависимости от своей позиции и отношения к этому, может принять или не принять навязываемое ему действие. Однако коммуникативная роль участников группы по отношению к авторитету преподавателя и тренера в иерархической структуре данной МСГ не предполагает отказа в выполнении действия на репетиции.

1. *Рук.: Готовы? /* ***Киньте*** */ Ну так* ***включайте/*** *все новые батарейки/ должны гореть //* ***2.*** *Рук.:* ***Возьмешь*** *и* ***отнесешь*** *её в реквизитку / она не горит/* ***скажешь*** *Ване / он посмотрит //* ***3.*** *Рук.: Марина/* ***прямая нога! // 4.*** *Рук.: Мы с Сашей* ***делаем*** *под музыку/ мальчики с Дашей* ***продолжают отрабатывать****/ Понятна задача?* ***5.*** *К.А.: Опоздали?/* ***давай разминайтесь // 6.*** *К.А.: Ваня!/ Слушайте/ канат быстро* ***пролезли****/ есть?/* ***Бегом!****/ трудотерапия называется /* ***Бегом!*** */ Вас ждем / Ваня* ***пошел*** *//*

Основное языковое выражение этой тактики – это глагол в форме императива или сочетание императивной формы глагола и частицы «давай. Приказ может создаваться посредством одной повелительной интонации в именном сочетании (пр. 3). Для усиления приказа может использоваться наречие «бегом» (пр. 8).В качестве выражения тактики приказа могут использоваться формы изъявительного наклонения. Как отмечено в «Русской грамматике» 1980г. изъявительное наклонение выступает в данной функции в двух случаях: глагол в форме 2 лица единственного или множественного числа будущего времени (2 пример) [19, 617–618]. Н.М. Шанский пишет, что данная форма предполагает распоряжение говорящего, в исполнении которого он нисколько не сомневается [39, с.203].

В примере 6 реализуется также **коммуникативный ход наказание**, т. е. в приказе содержится наказание за какую-то провинность.

2. Тактика запрета направлена не на создание конфликта или спора, а на регулирование рабочего процесса. Преподаватель запрещает, как правило, действия, которые отрицательно будут воздействовать на процесс тренировки: разговоры, не связанные с ходом тренировки, использование телефонов и др. Тренер запрещает несерьёзное отношение к тренировкам, некачественное исполнение цирковых трюков, чтобы предотвратить плохой результат на концерте или даже травмы.

1. *Рук.: А вы* ***не болтайте*** */ Потому что* ***нечего****/ потому что* ***нечег****…/ Тебе кто мешает выучить комбинацию?* ***2.*** *К.А.: Ты сделал 360 идеально?Влад: Как всегда // К.А.:* ***Как всегда/ не надо // 3.*** *К.А.: Ваня с Владом/* ***не должно таких подходов быть*** *//*

Эта тактика выражается с помощью отрицательной частицей «не» в сочетании с глаголом, предикативным наречием (словом категории состояния) и с помощью отрицательных местоимений.

3. Тактика оценки

Негативная оценка: эта оценка собеседника и его поступков направлена на то, чтобы подчеркнуть ответственность личности за порицаемое действие. Обвинения предъявляются на

основании собственных представлений коммуниканта (преподавателя или тренера) о норме, конечной цели действия и пр.

1. *Рук.: Девочки сегодня/* ***как в первый раз увидели****/ кино начинают смотреть/ щас вы будете кино смотреть//****2.*** *Рук.: Девочки!/ У кого* ***так идеально получается/ что*** *уже попой присели?*

В данном примере реализуется **коммуникативный ход иронии**, при котором преподаватель, говоря об одном, имеет в виду совершенно противоположное: конструкция со значением меры и степени: «так идеально, что …попой присели»; «идеально» звучит иронично за счёт второй части высказывания и обозначает для говорящего «плохо» (пр.2).

3. *К.А.: Даша/ голова там где-то на* ***«опе»//4.*** *К.А.: Никит/ повыше/ а то на фоне Гриши/ где-то там в* ***канализации//5.*** *К.А.: Оп!/* ***Безобразно // 6.*** *К.А.: Артём/ всё вот так вот (показывает)/ всё вот через* ***задницу****/ через* ***такие*** *ноги //* ***7.****К.А.: Слава/ убери* ***«писающую собачку»//.***

Наиболее частотным средством, применяемым в данной тактике, является экспрессивная и негативная оценочная лексика, с помощью которой достигается отрицательный прагматический эффект и осуществляется целенаправленное воздействие: «опа (= попа)», «канализация», «безобразно» и др. Тактика негативной оценки часто представлена коммуникативным ходом **оскорбления** (пр.3–6).

Положительная оценкапредполагает определенное воздействие на собеседника и имеет положительную стимулирующую функцию. Преподаватель или тренер стимулируют участников коллектива на дальнейшую продуктивную работу при помощи создания приятной эмоциональной атмосферы.

1. *Рук..: Один Артем* ***молодец*** *с Никитой//****2.*** *Рук.: Ещё для Славы/ все уже* ***молодцы//***

В этих двух примерах преподавателем используется скрытый **коммуникативный ход иронии**: «1 молодец среди других плохих». Это делается для стимуляции участников коллектива – стремление к определенному идеалу.

3. *К.А.: Да он* ***ночами*** *тут тренируется//****4.*** *К.А.:* ***Клево! // 5.*** *К.А.: Вань/ ты делал на прошлой тренировке/* ***хорошенький/ чистенький*** *бланш/ Повтори пожалуйста//****6.*** *К.А.: Почему нельзя было* ***так****сразу?/ Да?*

Благоприятная рабочая атмосфера создается с помощью экспрессивной и положительно-оценочной лексики, например, «молодец», «хорошо», «клево» и др., а также с помощью лексики, в определенном контексте выступающей в функции экспрессивной, например «чистенький». В качестве положительной оценки выступает указательное наречие «так», что значит «это хорошо, так надо делать» (пр.8).

Фатическая стратегия «общение личного характера» представлено следующими тактиками:

1. Тактика запроса информации

Целью данной тактики является получение интересующей информации у собеседника. Данная информация может быть связана с событиями в коллективе, мнением, информация о личных темах и др.

1.*Саша:* ***Так ты продолжаешь/ну…?****Даша: У меня как бы другое/направление/но по той же теме/ просто…//Саша: Мм/ прикольно//Даша: Ну это/ тяжело объяснять/ честно/ там…/ В прошлый раз были языковые средства/ сейчас у нас речевые стратегии и тактики/ но это сложнее/ это как…//Саша: Ну да//*

2.*Даша:* ***У тебя пары до 18:20?/ да Саш?****Саша: Да//*

Чаще всего тактика реализуется в форме вопросов: собственно вопросов, встречных вопросов, вопросов-повторов и др. Вопросно-ответные микродиалоги характеризуются быстрой сменяемостью реплик.

2. Тактика оправдания

Оправдание представляет собой естественную, прогнозируемую и нормативную реакцию на обвинение. Иллокутивное согласование обвинения и оправдания отчетливо проявля-

ется в структуре диалогического единства, состоящего из «обвинения» и «оправдания». Первая часть может быть представлена провокационным вопросом или провокационным высказыванием, вторая – содержит высказывание, либо продолжающее конфликт (негативное реагирование), либо нейтрализующее его (положительное реагирование).

1.*Даша: Чё это было/ Никитос? Никита:* ***Да просто я*** *.../ летишь вот так/ потом думаешь/ что-то я не туда/ нифига ощущения вообще//*

В первом высказывании действию второго говорящего даётся отрицательная оценка, в ответ на которой собеседник пытается её изменить в своих интересах, не ущемляя интересов обвинителя – благодаря положительному реагированию, конфликта не наступает.

3. Тактика «Юмор» является одной из главных и наиболее часто реализуемой и исследуемым коллективом тактикой общения на тренировке. Участники приводят смешные, парадоксальные примеры, весело шутят. Эта речевая тактика очень эффективна. Хорошее чувство юмора, умение к месту привести шутку или каламбур в сочетании с невербальными элементами (улыбкой, например) позволят поддерживать веселую атмосферу на цирковой тренировке, даже когда все очень устали, и устанавливать дружеские отношения между участниками.

1. *Шох: Просто дай больше волну // Даня: А?Шох: Побольше внутрь дай//Даня: Побольше* ***внутренностей****?Шох: Да// (с улыб.)* **2.** *Слава: Ушу блин/* ***помушу*** *тебе/ понятно// (смеётся)Никита: Ушу/* ***укушу****/ у кого-то* ***укушу****//Даша: Хаха/ укушу//Никита: У кого-то/* ***прокушу*** *//* **3.** *Никита: Че мы с ним на одном* ***уровне*** *(на одной высоте)//Слава: Какая разница//Гриша: Мы не на одном* ***уровне****/ я вообще-то профессионал //* **4.** *Никита: [Рас]/ [двас]/ [трис]/ [четырес]/ [пяс]//*

Шутки в данной МСГ в основном представлены языковой игрой.Языковая игра может быть основана на фонетической схожести двух слов (пр.1 и 2); обыгрывание разных лексических значений одного слова (пр.3); выравнивание по основе одного слова и схожести звучания (пр.4). Кроме языковой игры коммуникативная тактика «Юмор» создается при помощи недоговаривания или при помощи сравнения действий одного из членов коллектива с чем-то, что является смешным, по мнению говорящего.

Таким образом, прагматический аспект данного речевого портрета представлен двумя основными стратегиями «успешное выполнение циркового действия» и «общение личного характера». Речевая стратегия информативного типа реализуются следующими основными речевыми тактиками: тактика команды; запрета; оценки (положительной и отрицательной). Речевая стратегия фатического типа – тактиками:тактика запроса информации; оправдания и тактика «юмор». Подобные исследования имеют большое значение для прагматических лингвистических исследований и для социолингвистических исследований профессиональных сфер коммуникации, поскольку антропоцентрический характер современных исследований требует привлечения материала всех сфер человеческой деятельности и описания ранее не исследовавшихся типов дискурса.

Библиографический список

1. *Блакар Р.М.* Язык как инструмент социальной власти (теоретико-эмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) // Язык и моделирование социального взаимодействия. М.: Наука,1987. С. 88–125.

2. *Борисова И.Н.* Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1996. С. 21–48.

3. *Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. М.: Наука, 1993. 246 с.

5. *Дейк, Т.А.* Ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. Ван Дейк. М.: Прогресс, 1989. 310 с.

6. *Евгеньева А.П.* Словарь русского языка: в 4-х т./ АН СССР, Ин-т рус. яз. 2-е изд., испр. и доп. / А. П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1981 698 с.

7. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. М. : УРСС, 2008. 284 с.

8. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

9. *Манаенко Г.Н.* Соотношение семантического и прагматического аспектов в языковом выражении // ВісникЧеркаськогоуніверситету. Серіяфілологічні науки. Випуск 213. Черкаси: Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, 2014. С. 5–9. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/v/sootnoshenie-semanticheskogo-i-pragmaticheskogo-aspektov-v-yazykovom-vyrazhenii

10. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2001. 232 с.

УДК 811.161
ББК 81.411.2

В. А. Сергеева
V. A. Sergeeva
(г. Тобольск)

Фразеологизмы с компонентом-наименованием обуви как лингвокультурологический источник
Idioms with the component name of the shoes as a linguocultural source

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологические единицы с компонентами–наименованиями обуви (лапоть, валенок, тапочки, галоша) и ее деталей (каблук, шнурки, стелька). Предпринята попытка представить разнообразие семантики фразеологизмов с одним компонентом, описать типы соотношений культурного компонента фразеологизмов с компонентом-наименованием обуви.

Ключевые слова: компонент фразеологизма, фразеологический оборот, лексема, обувь.

Abstract. The article discusses phraseological units with components –names of shoes and its details. An attempt was made to present a variety of semantics of phraseological units with one component, to describe the types of relations of the cultural component of phraseological units with the component name of shoes.

Keywords: component of phraseological unit, phraseological unit, idioms, shoes

Обувь – изделие из кожи или других материалов, обычно с твёрдой подошвой, носимое на ногах. Относится к предметам одежды ног, служит для защиты от неблагоприятных воздействий окружающей среды: структуры грунта (жесткий, скользкий, колючий, мягкий) и его температуры (холодной, горячей). Облегчает передвижение и предотвращает травмы. Вид обуви зависит от климата и рельефа местности, традиций и нравов общества, поэтому он сугубо индивидуален для каждой нации (например, на Руси носили сапоги и лапти, в Китае – окобо и гэта, в Индии – падуки, а в Греции и Риме – сандалии).

Наименования обуви и ее составляющих используются как компоненты в идиомах, пословицах, поговорках и отражают менталитет страны, особенности ее быта, а также человеческую индивидуальность, его психологические черты. Фразеологическая единица – раздельнооформленная номинативная единица языка, которая служит средством обозначения одного понятия и соотносится по семантическим и грамматическим свойствам со словом определенной части речи [1, с. 6].

Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Национальная культура оставляет в них свои «следы», которые можно выявить. Рассмотрим фразеологизмы, в которых одним из компонентов является бывшая лексема, называющая предмет обуви или косвенно связанная с обувью.

Лапоть – распространенная на Руси обувь, сплетенная из лыка, древесной коры. Ее носила беднота, так как кожаная обувь стоила дорого, вследствие чего лапти символизируют бедность, простоту, низкое происхождение, а в советское время даже бескультурье и отсталость. Как неотъемлемая часть быта славян, эта обувь часто фигурирует в фразеологизмах, пословицах и поговорках, тесно связанных с интеллектом и умственными способностями. Например, *не лаптем щи хлебаем*, что означает – «не нужно нам указывать, это и так известно». Когда называют примерную, неточную величину, могут иронично сказать *плюс-минус лапоть*, что значит «примерно, неопределенное число». *На три лаптя вправо от солнца* – «неизвестно где, в каком направлении», что также напрямую связано с тропом необразованности, незнания. Примерно в таком же значении употребляется лексема *валенок* – теплый войлочный сапог из свалянной овечьей шерсти, примитивная обувь жителей холодных, снежных мест. *Тупой, как валенок, серый, как сибирский валенок* или просто *валенок* – пренебрежительная, презрительная или шутливая характеристика недалекого, глуповатого или простого человека.

Наименование предметов обуви функционирует во фразеологизмах, иносказательно называющих смерть*: коньки откинуть, отбросить штиблеты, откинуть лапти, отбросить сандалии* и т. д. По одной из теорий, подобные выражения пришли в речь из криминалистической сферы. Согласно профессиональной примете криминалистов, если человека сбивает машина и у него слетает с ног обувь, то он мертв. Также *отброшенные коньки*, которые ученые семантически связывают с *копытами* (*копыта отбросить*), связывают с тем, что после смерти лошади с ее копыт снимали подковы для повторного использования. *Белые тапочки* функционируют в нескольких устойчивых выражениях – *в гробу и белых тапочках я его видал* и *надеть белые тапочки. Надеть белые тапочки* – умереть. О смертельно надоевшем человеке говорят *в гробу и белых тапочках я его видал*. В чем связь между обувью и загробным миром? В христианской традиции принято обувать усопших в белую обувь – символ того, что по земле им больше не ходить, только по небесам.

В составе компонентов фразеологизма *жить на широкую ногу* нет прямого названия обуви, но значение фразеологической единицы непосредственно связанно с ней. Это выражение пришло к нам из средневековой Европы, благодаря Генриху II, на ноге которого был нарост, настолько большой и уродливый, что он заказал для себя специальные ботинки с очень длинными носками, загнутыми вверх. Придворные, следуя его примеру, тоже начали заказывать себе такую обувь. Королю пришлось ввести специальный закон, согласного которому размер носков у туфель был тем больше, чем выше статус человека. Обувь графов могла достигать трех футов длины – таким образом, казалось, что их ноги «большие», или «широкие», что и послужило формированию данного фразеологизма, означающего веселую, беззаботную жизнь, не стесняемую бедностью и деньгами. А вот фразеологизм *сесть в калошу (галошу*), хоть и кажется связанным с обувью, произошел вовсе не от резиновых чехлов на ботинки. Согласно одной из теорий, калоша (галоша) – омофон слову «галужа», которое означает «лужа», «грязь». Во время народных игрищ, боев, участники часто оказывались в грязи, что означало позорный проигрыш. Вот почему выражение *сесть в калошу* понимается как неудача, глупая или неловкая ситуация. Не только обувь упоминается в фразеологизмах, пословицах и поговорках, но и ее части – шнурки, каблуки.

Шнурки в стакане – сленговое выражение, означающее «родители дома». Автором этого выражения является газета «Московский комсомолец», в которой опубликовали статью, посвященную молодежному сленгу и жаргону. Согласно исследованиям, автор статьи выдумал большую часть этих выражений, но часть из них, такие как «шнурки в стакане», прижилась и оставалась актуальной очень долгое время.

Фразеологизмом *под каблуком* (иногда употребляется вариант *под башмаком, под сапогом*) – характеризуются супружеские отношения, в которых муж находится в зависимости от жены, под гнетом, подчиняется ей. Данный фразеологизм произошел от свадебной традиции, согласно которой жених и невеста должны попытаться наступить друг другу на ногу. Тот, чья нога окажется сверху, тот и будет верховодить в семье, заправлять хозяйством. Если проигрывал жених, то о нем говорили, что он «под каблуком» или «под башмаком» жены.

Обувь в устойчивых выражениях ярко отражает быт и качества жизни людей. В русском языке немало заимствованных выражений, которые прижились и вошли в лексический запас жителей России. Исследуя фразеологизмы, пословицы и поговорки, углубляясь в историю их происхождения, можно открыть новые стороны истории, традиций, моды и ритуалов общества разных времен.

Библиографический список

1. Ермакова Е.Н.Фразо- и словообразование в сфере фразеологии: автореф. … д-ра филол. наук. Тюмень, 2008. 42 с.

2. Фразеологический словарь русского языка / сост. А.Н.Тихонов (рук. авт. кол.), А.Г.Ломов, Л.А.Ломов. М.: Рус. яз. – Медиа, 2003. – 336 с.

УДК 81'37; 003; 81'22
81.411.2

Т. В. Симашко
T. V. Simashko
(г. Северодвинск)

Тексты географических путешествий как источник знаний о социально-культурном пространстве народов Севера
Texts of Geographical Travels as a Source of Knowledge about the Social and Cultural Space of the Peoples of the North

Аннотация. Рассматривается вопрос о моделировании региональной картины мира на основе текстов ученых и общественных деятелей XVIII–XIX веков, посетивших территории берегов Белого и Баренцева морей, или живших здесь. Эти тексты, обладающие направленностью на объективное отражение сведений о регионе, документальностью, экспликацией оценочной позиции по отношению к разным феноменам, своеобразными диалогами между авторами текстов, обращениями к своим современникам, позволяют рассматривать их как единый, но не монолитный дискурс, который характеризуются многослойностью и многогранностью информационного пространства. По ряду черт региональная картина мира отличается от диалектной. Описываются возможные подходы к моделированию региональной картины мира, основания длявыделения внутри дискурса разных блоков модели с учетом их содержательного единства.

Ключевые слова: региональная картина мира, тексты ученых и общественных деятелей, XVIII–XIX вв., моделирование.

Abstract. The modeling of the regional picture of the world is observed in the research paper. It is based on the texts of the 18th and 19th centuries scientists and public figures, who visited the territories of the White and the Barents Seas, or lived here. Some features of these texts make it possible to consider them as a whole but not monolithic discourse due to its multilayered and polyhedral informative space. The texts are featured by objective reflection of information about the region, explication of the assessment position in relation to different phenomena, peculiar dialogues between the authors of texts, and their appeals to the contemporaries. There are some attributes which make regional picture of the world different from the dialect one. Possible approaches to modeling of the regional picture of the world and the basis for segregation of different blocks of the model inside this discourse are described. The blocks are segregated with an allowance for the unity of their meaning.

Keywords: regional picture of the world, texts of scientists and public figures, the 18th and 19th centuries, modelling.

Изучение региональной картины мира, как представляется, заключается в понимании того, как осваивается людьми некоторая территория и как те или иные территории,из первоначально отчужденных от людей, становятся общим социальным и культурным пространством. Одновременно с этим возникает и специфический «*язык-мир*».Кажется, что это именование по сути соответствует тому общему содержанию, которое вкладывает в него немецкий философХансГеоргГадамер.В частности, ученый подчеркивает, что «в языковом оформлении человеческого опыта <…> обретает голос само сущее в том виде, в каком оно в качестве сущего и значимого являет себя человеку» [3, с. 527]. Это касается прежде всего окружающего мира, природной среды, которую необходимо познать и освоить человеку, согласовывая с ее особенностями свою практическую деятельность.Мир насыщается символами, знаками, правилами поведения, становится своей землей, приобретая на отдельных пространствах особые неповторимые черты, которые и позволяют говорить о региональной картине мира.

Поэтому изучение региональной картины мира требует прежде всего обосновать *реальное пространство*, связанное единым прошлым и сохраняющим общность на протяжении веков. Так сложилось в русской истории, что на многих территориях живут разные народы, и нередко русские заселяли их не первыми. Это относится и к изучаемому нами социально-культурному пространству, которое сложилось на территории берегов Белого и Баренцеваморей.

По данным историков, есть свидетельства того, что уже в IX в. на этой территории появляются новгородцы [1, с. 137], а в X в. они владели Печорской Землей [2, с. 26] и абсолютно достоверно доказано, что в XI столетиирусские осваивали воды Северного океана. Интересной в этом контексте является информация, приведенная М. Ф. Рейнеке о том, что «до половины XVI столетия эти берега оставались неизвестными для народов западной Европы» [12, с. 2].

Следует отметить, что в ходе заселения по многим причинам и прежде всего в силу более высокого уровня цивилизационного развитиярусскаякультура стала на новых землях основополагающей, объединила жившие ранее на этих территориях народы. Однако следует подчеркнуть, что не только русские влияли на культуру других народов, но и сами учились у них. Именно этот сплав цементирует общность народов Севера и формирует особый мир, который со временем приобретает, при всем его национальном разнообразии, цивилизационное единство. Хочется привести рассуждения С. В. Максимова, который писал, что умение русских подружиться с местным населением, умение освоиться с чужим миром как родным, «дает почти прямое право считать русское племя за аборигенов прибрежья Белого моря» [8, с. 221].

Для изучения и моделирования региональной картины мира в данном исследовании предлагается обратиться к текстам ученых, целью которых становится исследование отдельных природных феноменов; к текстам путешественников, отправившихся в поездку по Северу по государственным или личным мотивам. Кроме того, привлекаются тексты местных исследователей-практиков, которые изучают архивные и текущие документы, в том числе и статистические данные, систематизируют их и описывают по годам состояние отдельных местностей губернии.

К анализу привлекаются тексты ряда исследователей, живших на территории берегов Белого и Баренцева морей или посетивших ее в разное время: сочинения И. И. Лепёхина (1772) [6], А. П. Мельгунова (1779) [9], П. И. Челищева (1791) [14], А. И. Фомина (1789) [13], А. П. Пошмана (1802) [11], К. С. Молчанова (1813) [10],Ф. П. Литке (1821–1824) [7], М. Ф. Рейнеке (1833–1834) [12], А. И. Шренка (1837) [15], В. П. Верещагина (1849) [5], С. В. Максимова (1856) [8]. С целью создания достаточной фактической базы для моделирования региональной картины мира следует привлекать по возможности все значимые работы, написанные об избранном для анализа регионе. Главными признаками при отборе текстов, помимо описания определенной реальной территории,принимаются их направленность на достоверность, личное присутствие авторав этих землях, а значит, и отражение в текстах собственного восприятия. Вместе с этим отметим, что каждый из исследованных текстовобладает не только содержательными особенностями, но и своеобразной стилистической манерой. Например, сочинения П. И. Челищева и С. В. Максимова наполнены чертами публицистическогостиля, иногда даже художественного, тогда как в работах И. И. Лепёхина, Ф. П. Литке, М. Ф. Рейнеке яркопроявляются черты складывающегося научного стиля.Названные различия,

как и некоторые другие, находим в других текстах.Однако это не препятствует установлению их общихчерт.Исследованные тексты проявляют такие общие черты, какдокументальность,направленность на объективное отражение сведений о живой и неживой природе, об истории и культуре,о быте и труде, событиях, о характерах и поведении людей.

Содержательное различие во многом обусловлено целями, которые преследуют авторы, поставленными конкретными задачами, иногда даже пристрастиями в выборе материала. Например, И. И. Лепёхин и А. И. Шренк большое внимание уделяют описаниюпочв и растительного мира, А. П. Пошман дает пространственные характеристикиморского побережья, приводит статистические данные о населении, хозяйственной деятельности, характеризует практически все города Архангельской губернии, посады, деревни и т. д. В трудах Ф. П. Литкеи М. Ф. Рейнеке, в соответствии с данными им предписаниями, приводится результаты гидрографического исследования северных морей. С. В. Максимов в значительной мере сосредоточен на изучении жизни людей, истории края, промыслов, среди них и самого опасного –зверобойного–и описывает свое участие в одном из них. В рассмотренных текстах наблюдаются различие в степени глубины и детализации излагаемых сведений; в объеме воспроизведения местных (диалектных) слов и исторических справок, почерпнутых из архивов; в привлечении в свой текст пересказов ярких событий из жизни людей разных сословий. И, конечно, в каждом тексте обнаруживаются особенности восприятия и оценки окружающего мира, который для многих авторов оказывается новым и ранее неизведанным.

Сказанное можно рассматривать, с одной стороны, как свидетельство того круга вопросов, который представляет собой материал для моделирования региональной картины мира, а с другой – как отличие ее в своих основных чертах отдиалектной картиной мира.

Региональная картина мира не тождественна понятию диалектной картины мира, хотя и предполагает анализ диалектной речи, которая во многом позволяет представить выделенные и обозначенные местным населением окружающие их реалии, а также закрепить в языковых единицах духовные ценности, понятия и образы, которые сформировались как ключевые для определенного региона.

Отождествление региональной и диалектной картины мира невозможно еще и по той простой причине, что диалектная картина мира рассматривается как территориальная разновидность одного какого-то языка. Это не значит, что она замкнута и не может включать, например, заимствований, однако диалектолога интересует, прежде всего, лингвистическая сторона таких языковых единиц – их происхождение, степень освоения, значение и их развитие. Диалектная картина мира моделируется с опорой на состав языковых единиц ограниченных территорией распространения их носителей.Дляпонимания особенностей региональной картины мира важен в целом «язык-мир», складывающийся на реальной территории в конкретный исторический период с учетом культуры всех народов, населяющих ее.Так, анализ внутренней формы существующих параллельнонаименований географических объектов помогает вскрыть особенности природных объектов и выделить концептуальные признаки, важные для населения этого края.Например,один из притоков Индиги называется у русских *Большой Светлый*, а «у самоедов *Янайягой*, т. е. Тихой рекой» [15, с. 435], другой ее приток – «ручей, известный под названием *Малой Светлой*, по-самоедски *Хавырайяга* (от *хавыра* – тощий лес)» [Там же].Разнообразные топонимы, которыеприводит А. И. Шренк, раскрывают значимые для хозяйственной деятельности пространства, например, холмы в виде гребня называются *Савсар* (означает«белая перхоть»), что указывает на «возвышенность, покрытую белым ягелям» [15, с. 436], который необходим для корма оленей.

Особенностью моделирования региональнойкартины мира является возможность представить жизнь одних и тех же территорий в динамике. Так, анализируемые тексты, хотя и близки по зафиксированному в них времени, но написаны на протяжении значительного исторического периода(конец XVIII– первая половина XIX века), который вобрал в себя как подъем отдельных поселений, так и их упадок. Более того, могут быть представлены и иные исторические срезы, так как известны сочинения, написанные позже, которые не привлечены

сейчас к исследованию. Впрочем, и выделенный период еще можно дополнить пока не исследованными текстами.

Сочинения, включенные в состав опорных текстов для моделирования региональной картины мира, рассматриваются как единый дискурс. Объединить их позволяет не только общность реального хронотопа, но и то, что в них нередко встречаются своеобразные диалоги, когда один из авторов приводит сведения из трудов другого или мнения иного автора, соглашаясь с ними или опровергая их. Например, А. И. Шренк обращается к названию острова, лежащего в устье Двины, и пишет, что Литке обозначает его как *ЛинскойПрилуг*. Однако Шренк опровергает написание *Прилуг* с конечной буквой «г» и объясняет, что здесь должна быть буква «к». Автор аргументирует это тем, что «словом *прилук* обозначают в Архангельской губернии *внешнюю дугу течения*,где вода протекает с сильным стремлением («прилучается») в противоположность к*внутренней дуге течения*, *паволоку*, при котором часто берег бывает плоский и служит для причала мелким судам, которые здесь вытаскиваются – *волочутся* на берег» [15, с. 41]. И подобных перекличек в разных книгах немало. К тому же, тексты содержат обращения к современникам, нередко эмоционально насыщенные, или к правительству, которое призывают улучшить жизнь населения, развивать собственные промыслы богатого Севера, а не отдавать их иностранцам и т. д.

Следовательно, рассматриваемые тексты образуют единыйдискурс, ноегоотнюдь нельзя назвать монолитным.Многослойность и многогранность информации, отраженной в текстах,требует дифференцированного подхода, причем, думается, при моделировании региональной картинымира можно выделить разные блоки. Это могут быть информационные блоки об отдельных городах, уездах, даже некоторых значимыхселах, например, *Мезень*, *Городок* (*Пустозерск*), *Кольскийуезд*, *село Долгая Щель* (*Долгощелье*) и т. д. Эти и подобные блоки по сути позволяют создать портрет того или иного поселения, определить степень егозначимости в истории края, тем самым определитьегоместо в региональной картине мира.

Между тем при моделировании региональной картины мира дифференциацияможе осуществляться на основесемантических доминант, каждой из которыхприсваивается имя того феномена окружающего мира, которыйпопадает в поле вниманиявсех авторов или практические всех. Следовательно, семантическая доминанта объединяет содержательно однородные контексты, сопоставительный анализ которых позволяет выявить ключевые понятия, предметы, характеристики, признаки и систематизация которых раскрывает особенности отраженного в контекстах фрагмента мира.

К настоящему моменту рассматриваются семантические доминанты, установленныена основе описания *трех природных стихий* пространства Русского Севера, от которыхполностью зависит жизнь и благополучие людей. Это море с впадающими в него порожистыми реками; суша, состоящая из «гор, лесов, под коими почва в редких местах удобна к хлебородию, и обширных тундр и болот» [11, с. 5]; и воздух – прежде всего ветер, который здесь «полный и неограниченный властелин и хозяин» [8, с. 240].

Обозначенная тематика семантических доминант природных стихий не может рассматриваться автономно от людей, так как именно люди, обживая этот край, выделяют в окружающей среде какие-то предметы или явления, накапливают о них необходимыезнания,творчески используют в разных ситуациях повседневнойжизни и трудовой деятельности.

Извлечение такой информации, благодаря анализу контекстов определенной семантической доминанты, позволяет обнаружить значимые для исследуемого регионапараметры, отражающие особенности членения мира, специфику его концептуализации и категоризации.Важным для предлагаемого подхода считаем то, что для выяснения этих параметров изучаются не только слова, но и тексты, отдельные фрагменты которых позволяют составить представление как о знаниях, накопленных эмпирическим, опытнымпутем или в результате рассуждений, так и установить проявляющиеся качественные характеристики и оценки явлений и ситуаций.

Приведем только несколько примеров. Зверобойный промысел является самым опасным, но и прибыльным делом. Однако во время этого промыслана мореобразуются целые поля

льда, «крупными и мелкими глыбами, кои часто преламываясь не смыкаются плотно, и полость междуими воды замещается измельченными льдинами, что называют *шугою*» [13, с. 60]. Под давлением ноги шуга тонет, что представляет опасность для человек.Чтобы передвигаться по такому ледяному полю промысловики изобрели *ламбы*:особые широкие и плоские лыжи, которые задерживают скорость погружения и позволяют преодолевать шугу, хотя «конечно, при этом необходимы крайняя опытность, главное – смелость, а еще более огромное присутствие духа. Часто слегка нарушенный баланс при самом первом скачке на шагу, часто ламбы задевают за льдину, и тогда смерть неизбежна: несчастный смельчак прямо падает в воду и затирается ближайшим льдом на века вечные» [8, с. 42].

Продвижение во льдах требует значительной выдержки и от мореходцев. Так,Ф.П. Литке, совершая экспедицию к Новой земле, описывает, как в течение многих дней лед разной структуры препятствовал продвижению корабля: *Одна льдина на горизонте совершенно походила* ***на судно под парусами*** [7, с. 125]; *ледяная* ***гряда***; *среди множества мелких льдин, которых издали* ***нельзя было отличить от пены волн***;***сплошной*** *лед;* ***плотный*** *лед;* ***густой*** *лед;* [7, 126]; *сопровождали нас беспрерывно ледяные* ***острова****, из которых некоторые были более всех нами прежде виденных* [7, с. 128];*после полуночи было так темно, что* ***низменные*** *льды можно было усматривать только в самом близком расстоянии* [7, с. 129]; *между* ***носящимся*** *льдом пробираться было затруднительно и опасно* [Там же]; *Многие льдины, с которых смыло покрывавший их снег, были* ***совершенно ровны с водою*** *и нисколько* ***не отличались от пены волн****. Эти особенно нас беспокоили, так как при большом волнении, которое мы испытывали,* ***удар такой*** *льдины легко может проломить судно* [7, с. 131] и т. д. Из приведенных лишь нескольких примеровлегко заметить, что данные автором характеристики льда позволяет выявить существенные признаки концептуализации, отражающие своеобразные черты льда на море. Это такие признаки: значительный размер льдов (*как судно под парусами, острова*); большая протяженность по горизонтали (*гряда*);слабое отличиельдаот воды и *пены волн*; способность обретать непрерывную форму, быть без промежутков (*плотный*); находиться в состоянии тесно соединенных частиц, монолита (*сплошной*); состоять из небольших по величине однородных частиц (*мелкий*); большая скорость передвижения (*носящийся*), способность приносить урон. Представляется очевидным, что привлечение к анализу лишь слов, не может отразить специфику той или иной реалии, тогда как обращение к контекстам позволяет представить достаточно полную и наглядную картину.

Лед на северных морях – это грозная и активная стихия. Не зря одной из причин неуспеха своей первой экспедиции Ф. П. Литке считает как раз то, что пришлось ***бороться против льдов, не допускавших нас*** *до южного берега Новой Земли* [7, с. 141]. Однако человек может приспособиться к этой стихии и противостоять ей. Вспомним в связи с этимдругое замечание ученого о том, что он очень пожалел, что не взял кого-нибудь из местных *кормчих* (лоцманов), которые ***весьма искусны*** *в своем деле, смелы и решительны* [7, с. 116].

Освоение северных морей привело поморов к значительным достижениям в судостроении. Они создали *карбасы* – первые ледовые суда. У таких судов«к днищу по обе стороны киля иногда крепились два деревянные полоза, с помощью которых судно можно было вытаскивать из воды и передвигать по льду» [4,с. 30].Понимание спецификиустьев северных рек, пронизывающих побережье, и необходимость перебираться из моря в реки стало базой того, что при строительстве судов учитывались эти обстоятельства: «плоскодонная постройка предпочитается острокильной, по удобству заходить в мелководные становища» [12, с. 61].

Приведенные примеры показывают, что одна из выделенных ранее трех стихий может сочетаться с другой, усиливая этим опасность для человека и ставя перед ним задачу – найти для себя благоприятное решение и выработать адекватное поведение.Поэтому в ряде случаев семантические доминанты целесообразно обозначать составными наименованиями, например,*лед на море, ветер* (*шторм*)*на море* или, наоборот, *отсутствие ветра на море*, что также во многих случаях в эпоху парусников доставляло беспокойство человеку.

Таким образом, каждая семантическая доминанта, выделенная на основе природных стихий, может быть представлена в виде нескольких классов. Отдельные классы могут именоваться на основе конкретногоприродного явления, в противоборство или в союз с которымвступает человек, чтобы избрать правильную форму поведения. А для этого человек должен научиться понимать окружающую его природу, знать все ее нюансы, хранить в памяти, применять эти знания на практике и передавать другим накопленный опыт. Благодаря этим усилиям людей, как писал В. П. Верещагин, *страны холодные, неприступные и пустынные, становятся очень удобными для жизни* [5, с. 29]. Представляется, что оценку «очень удобными для жизни» можно отнести на счетромантического характера путешественника. Но то, что люди,проявляя необычайную наблюдательность, изобретательность и смекалку, научились выживать в любых ситуациях, которые им преподносит суровый край, – это правда. Изучаемые тексты располагают богатым материалом, раскрывающим специфику творческого освоения людьми северных территорий, а моделирование региональной картины мира позволяет представить информацию системно и в достаточной мере полно.

Библиографический список

1. *Булатов В. Н.* Русский Север. Книга четвертая: Свет Полярной звезды. Архангельск: Поморский университета, 2002. 272 с.

2. *Висковатов А.В*. Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия. СПб: Типография морского министерства, 1864. 175 с.

3.*Гадамер Х.-Г*. Истина и метод: основы философской герменевтики / пер. с нем. / общ.ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

4. *Яковлев И.И*. Корабли и верфи. Л.: Судостроение, 1973. 383 с.

Источники

5.*Верещагин В.П*. Очерки Архангельской губернии. СПб: Типография Якова Трея, 1849. – 409 с.

6. Лепёхин И.И. Путешествия академика Ивана Лепёхина. Часть 4. В 1772 году. СПб: При Императорской Академии Наук. 1805. 452 с.

7. *Литке Ф.П*. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля». М.; Л.: Географгиз, 1948. 334 с. URL: http://az.lib.ru/l/litke_f_p/text_0040.shtml

8. *Максимов С.В*. Год на Севере / вступ. статья, подгот. текста и примеч. С. Плеханова. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. ид-во, 1984. 607 с.

9. Мельгунов А.П. О Двинской провинции Архангельской губернии. 1779 г. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/Archangelsk/Archangelsk_60_80/o_dvinskoj_provincii_.htm

10. Молчанов К.С. Описание Архангельской губернии. СПб: При Императорской Академии Наук, 1813. 219 с.

11. *Пошман А.П*. Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философском, историческом, топографическом, статистическом, физическом и нравственном обозрении, с полезными на все оные части замечаниями: в 2 т., 1802. 384 с.

12. *Рейнеке М.Ф*. Гидрографическое описание Северного берега России. Составлено капитан-лейтенантом М. Рейнеке в 1833 году. Часть 2. Лапландский берег. СПб: Морская типография, 1843. 373 с.

13. *Фомин А. И.* Описание Белого моря. СПб.: Императорская Академия Наук, 1797. 197 с.

14. *Челищев П.И*. Путешествие по Северу России в 1791 году Дневник П.И. Челищева. Изданное под наблюдением Л.Н. Майкова. СПб.: Типография В.С. Балашова, 1886. 315 с.

15. *Шренк А. И.* Путешествие к северо-востоку Европейской России. М.: Фонд поддержки экономического развития стран, 2009. 496 с.

УДК 811.111(07)
ББК 81.432.1я81

А. С. Смаков
A. S. Smakov
(г. Сургут)

Иностранные заимствования в нефтегазодобывающей сфере
International loanwords of oil and gas producing industry

Аннотация. В настоящей статье рассматривается несколько примеров иностранных заимствований из английского языка в устной речи российских сотрудников нефтегазодобывающей сферы, а также факторы, влияющие на выбор иностранного заимствование вместо употребления аналога из русского языка.

Ключевые слова: английское заимствование, транскрипция, транслитерация, калькирование.

Abstract. There are several examples of English borrowed words shown in oral speech of the Russian oil and gas producing industry employees Also some factors making them choose a special English loanwords rather than a Russian language equivalent.

Keywords: English loanword, transcription, rendition, calquing.

С каждым годом возрастает проникновение из английского языка заимствований в русский язык. Особенно остро это проявляется впрофессиональной сферекоммуникации. Заимствования в нефтегазодобывающей отрасли представляют особый интерес, так как эта отрасль является важной составляющей российской экономики, а постоянно изобретение новых технологий и оборудования вызывают необходимость появления новых лексем для номинации.

Существует несколько причин, по которым один язык заимствует иноязычный элемент из другого языка. Общие причины заимствования можно разделить на внутрилингвистические (языковые) и экстралингвистические (внеязыковые).Кроме того, некоторые исследователи выделяют отдельно также социально-психологические причины и факторы заимствования как особую группу.

Необходимо отметить, что многие исследователи обращают свое внимание именно на внутренние факторы перехода иноязычных слов в систему языка-приемника. Как отмечают С. В. Мангушев и А. В. Павлова, «экстралингвистические причины являются своего рода стимулами для появления заимствований из одного языка в другом. Однако сам процесс перехода иноязычной лексической единицы в речь, а в дальнейшем в вокабуляр языка-акцептора обуславливается целым рядом внутрилингвистических факторов, которые теснейшим образом связаны с внутренними тенденциями языкового развития» [3, с. 158].

Существует множество различных классификаций заимствований, основные признаки, по которым идет классификация – это источник, время заимствования и тематика.

В нашей статье наибольший интерес представляет классификация по тематике: 1) общественно-политическая лексика (*либерализм, спикер, скинхед, холдинг, брифинг*); 2) финансово-экономическая лексика (*дефолт, дистрибьютор, дилер, дисконт, тендер, франчайзинг*); 3) административно-правовая лексика (*рэкет, рэкетир, шериф, копирайтер, гангстер, киллер*); 4) спортивная лексика (*кикбоксинг, рафдинг, дайвинг, серфинг, снойбординг*); 5) рекламное дело/журналистика (*директор, имиджмейкер, лейбл, прайс-лист, стенд-ап*); 6) техническая лексика (*тостер, миксер, пейджер, монитор, компьютер*), в том числе компьютерная; 7) лексика, обозначающие наименования в искусстве и культурной жизни (*бестселлер, блюз, шейк, мейк-ап, стрейч, пирсинг, пилинг*); 8) кулинарная лексика (*крекер, гамбургер, чизбургер, фри*); 9) лексика моды (*пиджак, деним*).

Помимо этого, можно выделить и основные типы иноязычных слов: заимствованные слова, интернациональные термины, экзотическая лексика и иноязычные вкрапления.

К заимствованным словам относятся: а) слова, структурно совпадающие с иноязычными прототипами (*глиссер* – от англ. *glisser*); б) слова, морфологически оформленные средствами заимствующего языка (*джинс-ы* – от англ. *jeans*); в) слова с частичной морфологической субституцией (*теле-видение –tele-vision*) [1, с. 57–58].

К интернациональным терминам или интернационализмам относятся, например, слова, заимствованные из греческого и латинского языков, голландские слова в старой терминологии мореплавания и пр. Употребление экзотической лексики или экзотизмов обусловлено необходимостью обозначить предметы и явления чужого народа или страны (кухня, обряды, одежда). Употребление иноязычных вкраплений обусловлено «степенью знакомства говорящего с иностранным языком, некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи» [1, с. 60]. Как правило, в эту группу входят слова и словосочетания интернационального характера, например, общеизвестные латинские выражения (*proetcontra, etc*), а также слова и выражая живых языков (*happyend, okey*). Часто используются для создания определенного колорита.

Изучение научной лингвистической литературы по вопросу классификации англоязычных заимствований по типу их усвоения показало отсутствие единого общепринятого мнения по данной теме. Так, например, Т. И. Арбекова определяет три способа заимствования: 1) транскрипция – фонетический способ, при котором сохраняется звуковая форма; 2) транслитерация, предусматривающая замену букв заимствованного слова буквами родного слова; 3) калькирование, под которым подразумевается заимствование ассоциативного значения и структурной модели слова или словосочетания [1, с. 145].

Швейцарский лингвист Ш. Балли выделяет два вида заимствований.

1. Слово, заимствованное без изменений: такие изолированные заимствования, обычно ассимилируются языком в целом, их произношение приводится в соответствие с фонологической системой, а значит «приноравливается» к словам, с которыми они ассоциируются.

2. Заимствования многочисленные и одного происхождения, благодаря чему они составляют группу с общими структурными чертами. Такие заимствования поддаются анализу и дают заимствующему языку формативные элементы (основы, префиксы, суффиксы, типы словосочетаний) [2, с. 348].

Рассмотрим некоторые заимствования, активно используемые в устной речи представителями нефтегазодобывающей профессиональной сферы. В качестве активных пользователей заимствованной лексики выступили сотрудники международной компании по оказанию услуг нефтегазодобывающего профиля «Schlumberger», один из филиалов которой расположен в городе Сургуте: *Апрувер* (approver) – вышестоящее лицо, согласующее запланированные операции в учетной системе; *апрувить* (approve) – согласовать проведение электронных операций в учетной системе; *джанкануть* (junk) – определить оборудование в учетной системе на утилизацию; *трансфернуть* (transfer) – переместить оборудование в учетной системе с одной локации на другую; *шипмент* (shipment) –электронный процесс отправки оборудования в учетной системе; *раяр* (RIR, также жарг. *рояль*) –электронный отчет о рискованном поведении/ситуации на рабочем месте; *репорт* (report) – электронный отчет по оборудованию в учетной системе; *реквест* (request) – электронный запрос в учетной системе на проведение операции с оборудованием; *пиошка* (PO: Purchase Order) – электронная форма заказа оборудования в учетной системе; *рисит* (receipt) – электронная форма принятия оборудования в учетную систему; *засабмитить* (submit) – безвозвратно зафиксировать все электронные данные в учетной системе; *катерсы* (cutters) – буровые резцы для ремонта буровых долот; *каттер-блоки* (cutterblocks) – режущие элементы, состоящие из комплекса буровых резцов (каттерсов); *экземпшн* (exemption) – электронная форма заявки в виде исключения оборудования из закрытого списка в обход американских санкционных ограничений; *грэпплы* (grapples) – металлические захваты для труб; *хаузинг* (housing) –временное размещение сотрудников в квартирах работодателя; *овершоты* (overshots) –ловильный инструмент вращательного бурения.

Вышеперечисленные заимствования на сегодняшний момент не входят в состав лексикографических источников, а лишь являются разговорными эквивалентами официальных

наименований нефтяного оборудования и электронных операций, используемыми сотрудниками этой профессиональной сферы. Например, лексема *overshot* обозначает «ловитель колонкового снаряда со съёмным керноприёмником», что является трудновоспроизводимым в разговорной речи словосочетанием. По этой причине у коммуниканта возникает потребность в более емкой номинации объекта, как, например, существительное «ловитель». Но такой вариант не находит практического применения, т.к. не отражает специфическую разновидность инструмента. В силу этих факторов коммуникант принимает решение использовать заимствованное путем транскрипции «овершот», которое подчиняется грамматическим законами русского языка: *овершоты*, *овершотами*, *овершоту*.

Лексема *approve* обозначает «согласовать проведение электронных операций в учетной системе», что снова является трудновоспроизводимым в разговорной речи словосочетанием. У коммуниканта повторно возникает потребность в более емкой номинации объекта, как, например, существительное «согласовать». Но такой вариант не находит практического применения, т.к. не отражает электронную форму согласования в определенной учетной системе, к которой прилагается и оригинальное бумажное согласование с подписью руководителя. В силу этих факторов коммуникант принимает решение использовать заимствованное путем транскрипции «апрувить», которое подчиняется грамматическим законами русского языка: *заапрувить, разапрували* и даже курьезное *разапрувнул*.

Одним из факторов обращения к таким заимствованиям является тот факт, что вся электронная переписка, инструкции и любая официальная документация в данной компании ведется строго на английском языке, в силу чего сотрудники изучают содержание этих документов также на английском языке, не прибегая к помощи перевода документов на русский язык. Вследствие чего определенная реалия осознанно воспринимается и закрепляется в памяти сотрудника с английским названием (*exemption, cutterblock*) без своего сопровождения эквивалентом на русском языке. И в случае необходимости объяснения этой реалии на русском языке возникает потребность в адекватном переносе этой реалии на русский язык, избегая использования громоздких словосочетаний. Предполагается, что в таком случае коммуниканту остается только обратиться к иноязычному заимствованию, полностью передающему значение описываемой реалии.

Стоит отметить, что полноценное понимание описываемых реалий достигается в том случае, если оба коммуниканта работают в этой профессиональной сфере или даже в узкоспециализированном направлении, т.к. при обращении к ним третьего коммуниканта, не относящегося к этой профессиональной сфере, последнему не удастся полноценно понять значение используемых обозначений, что в определенных обстоятельствах также может служить как зашифрованное сообщение.

Библиографический список

1. *Арбекова, Т.И.* Лексикология английского языка (Практический курс): учебное пос. для II-III курсов ин-тов и фак. ин. яз-в / Т.И. Арбекова. М.: Высшая школа, 1977. 239 с.

2. *Балли, Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. 2-е изд, стереотип. М. :Эдиториал УРСС, 2001. 416 с.

3. *Мангушев, С.В.*, Павлова, А.В. Экстралингвистическая и внутриструктурная обусловленность языкового контакта // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. №11. С. 157–160.

УДК 811.13
ББК 74.268.19

Н. Н. Соколянская
N. N. Sokolyanskaya
(г. Магадана)

Грамматические и речевые ошибки в итоговом контроле по русскому языку
Grammatical and speech errors in the final control of the Russian language

Аннотация. В статье анализируются признаки, по которым при проверке письменных работ учащихся школ разграничиваются грамматические и речевые ошибки. Особое внимание уделяется термину «речевой недочет»: его содержание в методических пособиях для учителя остается не вполне четким и связывается то с нарушениями лексических норм, то с неправильным построением синтаксических единиц.

Ключевые слова: грамматическая ошибка, речевая ошибка, речевой недочет, итоговый контроль, ЕГЭ.

Abstract. The article analyzes the signs by which grammatical and speech errors are distinguished when marking written works of school students. Special attention is paid to the term «speech defect»: its content in teaching AIDS for teachers is not quite clear and is associated with violations of lexical norms, then with the wrong construction of syntactic units.

Keywords: grammatical error, the speech error, speech defect, the final control of the exam.

В связи с необходимостью обеспечения единого подхода к проверке письменных работ по русскому языку при проведении итоговой аттестации в школе возникла необходимость в уточнении характера терминологических сочетаний *грамматическая* и *речевая ошибка*. После внедрения ЕГЭ по русскому языку как важнейшей формы итоговой проверки знаний учащихся вопрос о разграничении речевых, лексических, грамматических и стилистических ошибок из преимущественно теоретической плоскости был перенесен непосредственно в практику оценки работ школьников. В качестве председателя региональной предметной комиссии мне приходится напоминать экспертам, проверяющим сочинение по прочитанному тексту, различия между разными видами ошибок. Предлагаемые в данной статье наблюдения являются одним из фрагментов осмысления различных видов ошибок. Более полный практический материал был ранее представлен в нашем пособии [8]. Объем, содержание этих ошибок может отличаться в зависимости от разных классификационных подходов к пониманию ошибок.

Так, например, в 20-х годах XX века Л. В. Щерба, анализируя примеры из сочинений учащихся, представил список наиболее часто встречающихся синтаксических ошибок, среди которых он выделил ошибки в согласовании («проходят целый ряд типов»), в управлении («льстит перед людьми»), в употреблении предлогов («иногда в очень *в* искаженном виде»), в употреблении союзов и союзных слов, в построении неполных предложений («Они не понимали значения в жизни просвещения и образования, считая (?) за лишнее или же понимали по своему»), ошибки «в расстановке слов», при которых грамматически связанные слова слишком дистанцированы друг от друга («Но теперь *уходя* крестьянка *в поле* может снести своего ребенка в ясли») и др. К этому типу нарушений были отнесены тогда и примеры с неясностью «заместительной роли местоимения» при наличии двух равноправных в родовом отношении существительных, к которым оно могло бы быть отнесено («*Молчалин* это секретарь *Фамусова*, которого как *он* выражается вывел в люди») [11].

На сегодняшний день сложилось два основных взгляда на речевые нарушения. Исследования по культуре речи широко трактуют термин «речевая ошибка» и связывают ее с отступлением от норм литературного языка. Так, например, М. Н. Кожина считает, что такие ошибки «целесообразно подразделить прежде всего на нестилистические и собственно стилистические», в число первых попадают «нарушения норм лексических, фразеологических, словообразовательных, морфологических и синтаксических [4, с. 85]. Такой же подход предлага-

ется в словаре-справочнике энциклопедического типа, посвященном выразительным средствам русского языка и речевым ошибкам и недочетам, где «речевые ошибки выделяются в соответствии с типами норм»: орфоэпические, лексические, грамматические. Сфера выявления грамматической ошибки связана с соблюдением норм словообразования, морфологии и синтаксиса [1, с. 454]. В пособии С. Н. Цейтлин, предназначенном для учителей, используется единый термин «речевая ошибка» по отношению ко всем речевым нарушениям любого рода, в том числе и к грамматическим ошибкам [10, с. 5].

Другой подход в оценке речевого оформления письменного высказывания дается в методическом сборнике «Оценка знаний, умений и навыков учащихся по русскому языку» (М., 1986), призванном помочь учителям в четком выделении и применении «критериев и нормативов выставления… оценки за письменную работу». Различие между грамматической ошибкой и речевым недочетом, по мнению В. И. Капинос, автора одной из статей сборника, состоит в том, что первая нарушает «структуру языковой единицы», а речевой недочет «связан с неудачным употреблением правильно образованных слов или предложений» [3, с. 85]. В речевых недочетах, которые понимаются как «отклонения от требований хорошей речи» (богатой, точной и выразительной), по ее мнению, можно «выделить разновидности, соотносящиеся с ярусами языковой системы: лексические, морфологические, синтаксические речевые недочеты» [Там же]. Граница между речевой и грамматической ошибкой здесь не вполне ясна с точки зрения лингвистики и методики. В результате такого широкого понимания «речевых недочетов» в перечень их примеров включены случаи, которые связаны с грамматической: «нарушение видо- временного соотношения глагольных форм» (*Пугачев выходил из избы и сел в карету*) и «неудачный порядок слов» (*Есть немало произведений, повествующих о детстве автора, в мировой литературе*) [3, с. 87].

Система глагольного вида и времени является одной из центральных коммуникативно-грамматических категорий, она связана с построением предложения, центральной единицей синтаксиса, и отношением сообщаемого события к моменту речи. Несоответствие значения глагольных форм можно отметить в сложносочиненном предложении «*Вот сегодня ты выйдешь в город, и мало встречается людей...*», где при соединительных отношениях между предикативными частями необходима гармония значений вида, залога глаголов-сказуемых. В процессе конструирования предложений правильные формы глаголов-сказуемых являются важным средством выражения частных грамматических значений.

Что касается определения «неудачный порядок слов», то в основе его лежит представление о существующих структурных схемах и моделях построения синтаксических единиц, что также отсылает нас к грамматике. Расположение слов в предложении влияет на установление грамматических связей между ними и формирование смысла фразы: «*Множество современных классиков своего жанра используют для «изюминки» в легкой форме «обсценную» лексику*». Словосочетание «в легкой форме», которое по смыслу относится к глаголу «используют» (*используют в легкой форме*), в сочинении оказалось рядом с существительным «изюминки» и привело к созданию незапланированных грамматических связей («изюминки» в легкой форме).

Квалификация грамматической ошибки опирается на формальные показатели, определенные грамматические типы, поэтому определить ее проще, в силу прозрачности грамматической нормы. Воспользуемся примерами из сочинений школьников 11 класса:

1) «И для того, чтобы *избегать это состояние*, надо постоянно помогать нуждающимся» – нарушение в выборе глагольной формы при запланированном результативном действии (*избежать*) и формы зависимого существительного (требуется родительный падеж – *избежать этого состояния*);

2) «…все люди на планете должны *помогать* и понимать *друг друга*…» – использование одной формы зависимого существительного для двух разноуправляемых глаголов (*помогать друг другу*);

3) «*Ей* двигал страх» – ошибка в выборе формы местоимения, глагол «двигать» управляет творительным падежом (*ею двигал*);

4) «Все это мы понимаем сознанием, *прочувствуваем*» – неверное формообразование глагола в настоящем времени (*прочувствовать*, но *прочувствуем*) и т. д.

Что же касается речевых ошибок, то «непроясненность» содержания этого термина отмечала Т. Л. Мистюк, указывая на то, что он «объединяет под собой разнотипные явления языка», в связи с чем как учащиеся, так и учителя находятся в состоянии «лингвистического тупика», не понимая, «какая конкретно норма языка в данном случае нарушена» [6, с. 92].

Понимание речевых ошибок как *лексических* представлено в работе Н. Е. Сулименко, которая отмечает, что «типология лексических (речевых) ошибок» отличается гораздо «большей сложностью», так как в слове, как центральной единице языка, «перекрещиваются, отражаются связи с другими языковыми подсистемами» [9, с. 89]. Действительно, иногда трудно охарактеризовать однозначно отклонение в речевом оформлении высказывания. В словосочетании «*специалисты* разных *деятельностей*» наблюдается нарушение норм не только в образовании формы множественного числа абстрактного существительного «деятельность», но и в лексической сочетаемости («специалисты деятельностей») и т. д.

В настоящее время при проверке письменных работ по русскому языку в формате ОГЭ и ЕГЭ используются методические рекомендации ФИПИ (см. Методические материалы). Для выставления баллов по критерию «соблюдение языковых норм» требуется учитывать наличие/ отсутствие грамматических ошибок, а по критерию «соблюдение речевых норм» – речевых ошибок.

Список нарушений грамматической нормы касается морфологии и синтаксиса, и это значительно облегчает единый подход в квалификации ошибок при проверке письменных работ. В число этих нарушений входят ошибочное словообразование, формообразование различных частей речи, нарушения норм согласования и управления, нарушение связи между подлежащим и сказуемым, ошибки в построении простых и сложных предложений, смешение прямой и косвенной речи, нарушение видо-временной соотнесенности глагольных форм, нарушение границ предложения.

Речевая ошибка понимается, прежде всего, как лексическая или стилистическая и касается неверного употребления слов-паронимов, ошибочного употребления слова в несвойственном ему значении, нарушение лексической сочетаемости, употребление слов нелитературных форм языка (просторечных, диалектных, жаргонных), а также случаи плеоназма, тавтологии, стилевого диссонанса, неудачного употребления местоимений. Однако включение в этот список примеров «речевой недостаточности» (*Привлечь <…> читателей к данной проблеме*) нуждается в комментировании и обосновании [5, с. 117].

В практике литературного редактирования этот термин используется в тех случаях, когда есть «пропуск слов, необходимых для передачи той или иной информации», и «стилистическая правка требует восстановления пропущенного слова» [2, с. 134]. Выявление пропуска необходимой для оформления мысли лексической единицы часто связано с учением о словосочетании (обязательной/ необязательной подчинительной связи, сильном управлении). Правила, по которым в русском языке сочетаются слова, опираются на их «лексико-грамматические свойства», и лексическое значение слова является важнейшим компонентом этих свойств [7, с. 12].

Игнорирование лексических связей слова и пропуск необходимого для реализации его семантики зависимого компонента приводит к искажению структуры синтаксической единицы. Для реализации семантического содержания в обладающем обязательной сочетаемостью слове необходимо наличие зависимого компонента, что подтверждается наличием правил построения синтаксических образцов и их лексического наполнения. Наличие распространителя у такого слова обеспечивает определенность и полноту в его толковании, и это требование реализуется в словосочетании с подчинительной связью, например, при сильном управлении. Нарушения, связанные с отсутствием зависимого компонента при переходных глаголах, следовало бы рассмотреть как грамматическую ошибку: *Он считает, что попытка проанализировать то, что разъединяет <??>, является «пустой тратой времени»* (разъединять – кого? что?).

Зависимое существительное с предлогом требуется для раскрытия лексико-грамматического значения устойчивого сочетания «провести параллель»: *В. А. Сухомлинский проводит*

параллели <??> и убеждает читателя в том, что внешняя красота является отражением его внутреннего мира (проводить параллель – между кем? чем?).

Грамматический характер имеют и искажения в структуре предложения, связанные с отсутствием обязательных членов предложения: *Уходы из семьи обычно связаны с тем, что в семье либо не понимают <?>, либо <?> психологическое давление со стороны старшего поколения.* Оценивая это высказывание с точки зрения соблюдения синтаксических норм литературного, а не разговорного языка мы вынуждены отметить грамматические ошибки: а) в построении словосочетания без учета категории переходности (понимать – кого? что?); б) построении предложения с однородными членами, в котором есть пропуски глагольных элементов однородного ряда (либо не *понимают*…, либо [*оказывают*] давление).

Возвращаясь к примеру, включенному в перечень образцов речевых ошибок (*Привлечь <…> читателей к данной проблеме*), можно отметить, безличный характер этой структуры и нереализованный замысел автора выразить модальное значение необходимости/ возможности: «Надо привлечь читателей к этой проблеме». Квалификация этой ошибки как грамматической, оценивающей изъяны в построении синтаксической единицы коммуникативного характера была бы более корректной.

Безусловно, языковая система в своих возможностях реализации единиц лексического, морфологического и синтаксического уровня всегда шире, чем описанные академической грамматикой образцы. Кроме того, мы не можем игнорировать факты разговорного синтаксиса, которые появляются в письменных работах учащихся под влиянием средств массовой коммуникации и общения в социальных сетях. Поиски путей, помогающих единому подходу в оценивании нарушений норм литературного языка, – важная часть методической работы по русскому языку и комплекса мероприятия по проведению ЕГЭ в регионах.

Библиографический список

1.*Баринова А.В.* Ошибки речевые // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А.П. Сковородникова. М.: Флинта: Наука, 2005. С. 454–455.

2.*Голуб И.Б.* Литературное редактирование: уч. пособие. Москва: Логос, 2010. 432 с.

3.*Капинос В. И.* О критериях оценки и об ошибках, грамматических и речевых // Оценка знаний, умений и навыков учащихся по русскому языку : (сборник статей из опыта работы) Пособие для учителя. – 2-е изд., перераб. Москва: Просвещение, 1986. С. 78–88.

4.*Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. Учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и литературы пед. ин-тов. М., 1977. 223 с.

5.*Методические материалы* для председателей и членов предметных комиссий субъектов Российской Федерации по проверке выполнения заданий с развернутым ответом экзаменационных работ ЕГЭ 2019 года. Русский язык // Цыбулько И. П. (руководитель), Александров В. Н., Арутюнова Е.В., Васильевых, И.П., Гостева Ю.Н., Дощинский Р.А., Капинос В.И., Пучкова Л.И. М., 2019. 118 с.

6.*Мистюк Т.Л.* Термин «речевая ошибка» в современной практике преподавания русского языка// Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. №4. С. 90–92.

7.*Русская грамматика*: В 2 т. Т. 2. Синтаксис / [Е. А. Брызгунова, К.В. Габучан, В.А. Цикович и др.]. М.: Наука, 1980. 709 с.

8.*Соколянская Н.Н.* Русский язык-2015: учебное пособие для сдачи Единого государственного экзамена: учеб. пособие/ Соколянская. Магадан: СВГУ, 2015. 183 с.

9.*Сулименко Н. Е.* О критериях однотипности речевых недочетов // Оценка знаний, умений и навыков учащихся по русскому языку [Текст] : (сборник статей из опыта работы) Пособие для учителя. – 2-е изд., перераб. – Москва : Просвещение, 1986. С. 88–94.

10. *Цейтлин Н.С.* Речевые ошибки и их предупреждение: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1982. 143 с.

11. *Щерба Л. В.* Трудности синтаксиса русского языка для русских учащихся // Русский язык в советской школе. 1930. № 3. С. 74–85.

УДК 81'272
ББК 81/1

Г. С. Суюнова
G. S. Suynova
(г. Павлодар, Казахстан)

Составные слова как средство стилизации в «Тобольских сказаниях» В.Софронова
Compound words as a means of stylization in «Tobolsk tales» by V. Sofronov

Аннотация. В статье представлены некоторые результаты исследования языкового своеобразия произведения писателя В. Софронова «Тобольские сказания». В частности, рассмотрены составные глаголы как наиболее многочисленная часть речи слов данного структурного типа. Автор описывает четыре группы составных глаголов с точки зрения структурно-семантических особенностей. Автор приходит к выводу о том, что активное использование В. Софроновым составных слов в целом и глаголов в частности является ярким средством стилизации, создания народно-фольклорной окраски текстов. Подобное явление логически определяется жанровой спецификой текстов.

Ключевые слова: составная структура, семантика, глагол, стилизация

Abstract. This article provides an overview of some results of the study of linguistic identity of «Tobolsk Folk Tales» by writer V. Sofronov; In particular, compound verbs are considered as the most widespread part of speech of the words of this structural type. The author describes four groups of compound verbs in terms of structural and semantic features. The author concludes that the active use by V.Sofronov of compound words in general and verbs in particular is a prime means of stylization, imparting folklore-related identity to the texts. A similar phenomenon is logically determined by the genre specifics of the texts.

Keywords: composite structure, semantics, verb, stylization.

Книга сибирского писателя В. Софронова «Тобольские сказания про разные названия» состоит из трех разделов: «Сказания про названия», «Сибирские сказы про разные проказы» и «Чудотворье» [1].

Данные тексты представляют собой, по нашему мнению, весьма интересное с лингвистической точки зрения явление. Мы оставляем в стороне не менее интересные вопросы о тематическом своеобразии книги, жанровой специфике, ритмико-интонационной необычности, яркой культурно-исторической окраске софроновского текста и другие возможные направления научного изучения данного самобытного произведения.

Наше внимание первоначально привлекло содержание книги В.Софронова, в которой содержался интересный региональный материал, представленный в весьма своеобразной жанровой и языковой форме и связанный с нашими научными интересами в области региональной ономастики. По мере дальнейшего знакомства с данным произведением стала очевидной его яркая языковая специфика, которая формировалась в тесной связи с жанром книги В. Софронова.

В самом названии книги мы видим термин «сказание», которое в литературоведении определяется как «прозаическое повествование с историческим или легендарным сюжетом, облеченное в литературную форму, письменную или устную» [2, с. 193]. Хотя книга В. Софронова – явление нового времени, она в полной мере соответствует положению о том, что сказания в новой литературе включают в себя традиционные образные и стилистические особенности фольклора» [3, с. 741]. Итак, жанр книги В. Софронова, определенный им как сказания и сказы, не часто встречается в современной литературе, в том числе и в русской/русскоязычной литературе Казахстана. Особо отметим, что термин «сказ», как и «сказание», может также употребляться в фольклористике для обозначения различных не сказочных жанров устной прозы (предания, легенды, былички). Таким образом, жанр сказания и сказа – явления близкие, связанные общими фольклорными истоками.

Изучая текст произведения В. Софронова, мы можем уверенно говорить о том, что автор продолжает фольклорные традиции русской литературы, весьма успешно воссоздавая интонацию русской народной речи. Подтверждением сказанному служит и то обстоятельство, что второй раздел в этой книге называется «Сибирские сказы про разные проказы». В словаре (БРЭС) сказ определяется следующим образом: «Сказ – вид литературно-художественного повествования, подражающий фольклорным произведениям стилем, специфической интонацией и стилизацией речи для воспроизведения речи сказителя устных народных жанров или живой простонародной речи вообще. Характерная черта сказа – наличие рассказчика, не совпадающего с автором, стилистика речи которого не совпадает с современной литературной нормой» [4, с. 1687]. Это определение подтверждается и в книге В. Софронова, в которой отчетливо прослеживаются две языковые личности: рассказчик- сказитель, носитель народной языковой стихии, и автор – наш современник, мастерски создающий эту личность рассказчика из народа. Фактически, анализируя язык сказаний и сказов В. Софонова, мы тем самым выявляем фрагменты языковой личности как писателя, так и созданного им рассказчика. Современный писатель «имитирует» народную речь, вложенную им в уста рассказчика из народа.

Как отмечалось выше, книга В. Софронова интересна для широкого филологического анализа, но, будучи языковедом, я обратилась к текстам сказаний и сказов с точки зрения представленности в них специфических языковых явлений, создающих наряду с сугубо литературными особенностями дифференциальные признаки названных жанров.

В числе таких языковых особенностей сказаний и сказов отмечается и широкое использование в их текстах составных слов, определяемых как «целостные объединения раздельнооформленных слов» [5, с. 83]. Понятие составных слов связано с вопросом о структурных типах слов, которые дифференцируются в зависимости от количества и характера корневых морфем, а также в зависимости от наличия словообразовательных аффиксов. Несомненно, что использование подобных составных слов в современных текстах связано с интенциями авторов, стремящихся как можно точнее и убедительнее воспроизвести интонации устной народной речи, и мы можем говорить, что в этом случае использование составных слов есть эффективное средство стилизации.

В. Софронов активно использует слова составной структуры, подтверждением чему служат следующие цифры:

1) Книга «Тобольские сказания», как указывалось выше, состоит из трех разделов, в каждом из которых от 11-ти (Сибирские сказы про разные проказы) до 20-ти текстов (Сказания про названия), в общей сложности 44 текста. В каждом из них имеются составные слова. Сведения о частотности их использования с точки зрения частеречной принадлежности представлены в таблице 1.

Таблица 1. Количество составных слов в книге «Тобольские сказания»

№	Название раздела	сущ	прилагат	Глагол	наречие	прочее	всего
1	Сказания про названия	327	37	418	16	33	831
2	Сибирские сказы про разные проказы	108	16	214	12	8	358
3	Чудотворье	68	20	153	7	6	254
	Всего	**503**	**73**	**785**	**35**	**47**	**1443**

Объемы доклада не позволяют представить детальный анализ всех выявленных нами составных слов, в связи с чем мы остановились на глаголах, что объясняется следующим. Глаголы, как известно, являются морфологической формой, предназначенной для выражения предикативности, которая, в свою очередь, выступает главнейшим признаком предложения как языковой единицы. Поэтому не удивительно, что из 1443 составных слов в произведении В. Софронова 731 слово выражено глагольными формами, что составляет 50,6% от общего количества составных слов.

Таким образом, анализ составных слов в произведении В. Софронова мы начинаем с обращения к составным глаголам как наиболее многочисленной группе подобных слов. В следующей таблице показана частотность употребления составных слов глагольного характера.

Таблица 2. Составные слова-глаголы

№	Раздел книги	Повтор	Логические сближения %	Синонимичные сближения %	Однокоренные сближения %	Сближения устойчивого характера %	Всего слов
1	Сказания про названия	-	213 57,25%	121 32,5%	27 7,25%	11 3,0%	372
2	Сибирские сказы про разные проказы	1	138 61,6%	69 30,8%	10 4,5%	7 3,1%	224
3	Чудотворьее	-	79 58,5%	47 34,8%	7 5,2%	2 1,5%	135
	Всего	**1**	**430**	**237**	**44**	**20**	**731**

Рассмотрим фактический материал, который мы делим на группы по особенностям использования, располагая материал по мере увеличения примеров: повторы, составные слова устойчивого характера, синонимичные сближения и логические сближения. Отметим, что приведенное нами деление составных глаголов лишь частично соответствует общепринятой классификации составных слов, в которой принято выделять: 1. Повторы (еле-еле), 2. Синонимические сближения (друг-приятель), 3. Парные сближения суммарной семантики (хлеб-соль – угощение) [6:81]. Из этого перечня составных слов в нашем языковом материале мы обнаружили примеры повтора и синонимичных сближений, причем в последнюю группу мы включили примеры несколько иного содержания, чем в названной классификации. Итак, рассмотрим группы составных глаголов по мере возрастания примеров

I. Слова-повторы

Такие слова представляют собой «усилительное» по значению и экспрессивное по характеру удвоение того или иного слова, что создает определенный эмоционально-смысловой потенциал этого слова, например, *тихо-тихо, черный-черный, кричал-кричал* и др. В рассматриваемой книге найден лишь один пример такого классического повтора – *терпел-терпел,* который можно назвать собственно повтором (0,1% от общего количества составных глаголов). Данное уточнение мы делаем в целях различения слов типа *терпел-терпел* от составных слов, однокоренных по происхождению, типа *держали-выдерживали*. О последних речь пойдет ниже в пункте

II. Устойчивые выражения.

Составные слова типа *путь-дорога, стежки-дорожки* в классическом словообразовании относятся к так называемым синонимичным сближениям [5:105]. В нашей классификации мы обозначаем их как устойчивые выражения, своего рода структурные фразеологизмы по аналогии с термином «синтаксические фразеологизмы».

Всего нами выявлено 20 примеров (2,7%) подобного типа, которые, как отмечалось выше, в общепринятых классификациях включены в состав так называемых синонимичных сочетаний (*путь-дорога, друг-приятель*). По нашему мнению, эти и подобные им словосочетания в языковом сознании носителей русского языка уже ближе к устойчивым сочетаниям. Произнесение части одного их слов этого сочетания вызывает в памяти второй элемент, то есть можно говорить об ассоциативных связях, присущих именно устойчивым сочетаниям слов. Конечно, в подобных словах наблюдается синонимичность (*звать-величать, идет-бредет*), но подавляющее большинство примеров в этой группе все же обнаруживает свойства

именно устойчивых сочетаний. Самым частотным оказалось выражение *думали-гадали* (4 употребления), трижды автор использует составное слово *звать-величать,* по два раза встретились выражения *кормили-поили, крутит-вертит (башкой).*

По поводу последнего составного слова заметим, что оно имеет определенную лексическую валентность, сочетаясь со словом *башка*. Также среди оставшихся слов мы выделяем еще 5 случаев подобного употребления, при котором обязательным является наличие определенного слов. Так, составное слово *держать-таить* предполагает управляемое существительное *зло.* Возможно и слово *обиду,* однако в книге подобное употребление отсутствует, но зато оно входит в состав выражения *стерпеть-проглотить обиду;* при этом эти два выражения не взаимозаменяемы. Так, если слово *обида* может употребляться в составных словах *держать-таить и стерпеть-проглотить*, то лексема *зло* явно не может сочетаться со словом *стерпеть-проглотить.*

Также явно устойчивый характер имеют выражения с составными глаголами (*на ум) придет-ляжет, гнуть-ломать (спину), (в раж) вошел-разошелся.* В таких глаголах лексическая сочетаемость усиливается синтаксической валентностью.

Оставшиеся составные глаголов *живем-можем, пошло-повелось, идет-бредет* – непереходные глаголы, не реализующие связь сильного управления и не закрепляющие эту связь через наличие обязательного конкретного слова, как это мы видели выше.

III Однокоренные слова

Третья по численности группа составных глаголов включает однокоренные конструкции общим количеством 44 примера, что составляет от 4,5% до 7,25% от всех составных слов глагольного характера в разделах анализируемой книги, в среднем это количество равно 6,01%. К таким словам мы относим составные конструкции, в которых использованы однокоренные глаголы, отличающиеся морфемным составом, например: *лежит-полеживает, спешит-поспешает, гибнет-погибает, ждать-поджидать, сощурил-выщурил* и др. В общепринятой классификации составных слов подобная группа не выделяется, но есть другая группа – повторы типа *еле-еле,* к каковой отнести вышеназванные примеры не считаем возможным.

Итак, рассматриваемая группа составных слов-глаголов характеризуется нами как самостоятельная, обладающая отличительными признаками. К таковым мы относим: наличие общего корня; второе слово сложнее по морфемному составу, поскольку включает в свою структуру префикс, вносящий деривационное значение. При этом префикс не меняет вида второго глагола, например: *зовется-прозывается, сломала – обломила, поглядел-глянул, пил-попивал* и др. Использование второго однокоренного слова способствует, как нам кажется, более тонкой характеристике действия в целом, подчеркиванию его каких-то особенностей, Например это может быть указание на временные особенности протекания действия, образ совершения действия, интенсивность его протекания и др.: *видели – повидали, ходил – хаживал, гибнет-погибает, чешет-причесывает* и др.

В этой группе слово *жить-поживать,* представляя сочетание однокоренных слов, может быть отнесено и к группе устойчивых сочетаний, так как традиционно используется в концовках фольклорных текстов (сказки, сказы, сказания), чаще в *выражении жить-поживать и добра наживать.*

IY. Синонимичные сближения

Следующая группа примеров составных глаголов – синонимичных сближений – представлена 121 примером, что составляет 32,4% от всего количества подобных слов. Распределение их по группам текстов колеблется от 30,8% в сказах до 34,8% в текстах раздела «Чудотворье». Таким образом, составные глаголы синонимического характера составляют треть всех анализируемых примеров, что говорит об активном использовании данной группы составных слов. При этом укажем, что слова этой группы реализуют классические случаи синонимии, когда слова-синонимы в первую очередь несколько различаются значениями, сохраняя стилистическое единообразие. Например, *зовет-приглашает, захворал-занедужил, залепетали – забормотали, поправился – выздоровел, хранила – берегла, холил-нежил, плачут-ры-*

дают, желает – хочет и пр. Даже в случае использования автором стилистически окрашенных слов оба глагола относятся к одному стилю, например, разговорному: *водиться – знаться, умаялись – упластались, костерит – кроет, припер – приволок, облапошил – объегорил, заорал – заголосил и др.* В целом же *п*римеры лексических синонимов составили большинство составных глаголов синонимического характера (109 примеров – 90%).

Также в книге В. Софронова имеются, правда, в небольшом количестве, стилистические синонимы, когда один из глаголов является стилистически нейтральным, а второй обнаруживает яркую разговорную, порой просторечную окраску: *обманет-обдурит, нашел – сыскал, кричит – гаркает, бежать – улепетывать, дрыхли – спали, говорили – гуторили, поглядеть – поглазеть, лопает – уминает, шлялся – ходил, проглядели- проворонили, горланит – поет, костерят – ругают, хлебают – едят,* всего 13 примеров.

Среди примеров синонимичных сближений нами выявлены интересные примеры использования автором первоначальных, закрепленных именно в народной памяти значений у лексем «орать» – пахать (*орут – пашут),* «пользовать» – лечить *(лечить – пользовать).* Такие случаи, несомненно, создают отчетливую интонацию народной устной речи, приближая читателя к ее истокам.

По мнению исследователей, синонимические сближения является своеобразным видом повтора. Сущность его заключается в том, что для выражения одной и той же мысли используются синонимические средства. Такие синонимические повторы очень часто используются в поэзии, в ораторской речи и других стилях художественной и публицистической речи» [6, с. 218].

Y. Логические сближения

В последнюю, пятую и самую большую группу составных глаголов, связанных внутренней логикой, мы включили 428 примеров, что составляет 58,6% от всех составных глаголов, то есть более половины составных глаголов. В общепринятой классификации составных слов эти примеры, по нашему мнению, не представлены. Вначале мы предполагали отнести их к так называемым парным сближениям суммарной семантики, среди которых наряду с классическими примерами типа *руки-ноги* (конечности) выделяют составные слова, построенные по модели «определяемое + определяющее» (*школа-интернат*) и модели «определяющее + определяемое» (*стоп-кран*). Однако по мере изучения примеров из этой группы мы пришли к выводу, что они созданы по иному принципу и не могут классифицироваться ни как синонимичные сближения (*судачил – болтал*), ни как парные (*мать – отец*).

Среди всех составных глаголов мы нашли буквально единичные примеры парных сближений: *выпил – закусил* (застолье), *мылись – парились* (баня), *поил – кормил* (угощал).

Однако в рассматриваемой пятой группе представлены иные случаи сближения глаголов в составном слове, названные нами логическими сближениями. Чтобы почувствовать их специфику, приведем примеры таких составных глаголов: *сшить-сметать, можешь – умеешь, потешатся – попялятся, удружил – удивил, куковали – плакали, орали – спорили, сидеть-ждать, пробираюсь- маюсь* и т. п. Как нам кажется, приведенные глаголы и остальные слова из этой группы не вступают в отношения синонимии, как мы видели в составных глаголах из вышеописанной четвертой группы.

Составные глаголы из пятой группы связаны друг с другом именно внутренней логикой их выбора, согласно которой называется одно, более широкое, действие, а второе его как бы дополняет, конкретизирует, характеризуя разные стороны этого действия. Например: *рубит – частит, промышляешь – ворожишь, ухнет – гикнет, примерить – пощеголять, фыркает – шмыркает, мурлыкает – напевает* и др. Как показывают наши подсчеты, данная группа составных глаголов представлена более всего, порядка 60%.

Нам видится и временная особенность действий, называемых такими составными глаголами, когда можно видеть одновременность действий: *рубит и частит, пошумели и покуражились и др.,* в общем 20% от всех примеров этой группы.

Вторая семантическая группа логических сближений: называются действие и его результат: *продует – прочистит, обжились – приспособились, найдут – выберут, испугались – попрятались* и т. д., всего 13%.

Мы выделили еще одну семантическую группу составных глаголов, в которых, по нашему мнению, можно увидеть последовательность действий: *налил – опрокинул, навалили – ошкурили, плесканут – жахнут и др.* Эта подгруппа составляет примерно 7% от всех примеров.

Итак, В. Софронов широко использует составные глаголы, составляющих свыше половины всех составных слов в тексте книги «Тобольские сказания». Нами выявлены случаи составных слов-глаголов, как соответствующих общепринятой классификации структурных типов слов в современном русском языке, так и представляющих весьма своеобразные группы. Это свидетельствует о языковом богатстве и оригинальности рассматриваемого текста и дает нам широкие возможности для его более глубокого исследования. Отрадно, что в наше время низкого порога языковой чувствительности есть писатели, хранящие традиции подлинно народной, подлинно русской речи.

Библиографический список

1. Софронов В.Ю. Тобольские сказания про разные названия. Екатеринбург: Уральский рабочий. 2011. 221 с.

2. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов. Изд-во: СПб: Паритет, 2006 г.; 314 с.

3. З.Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. Под ред. проф. Горкина А.П. – М.: Росмэн. 2007. 934 с.

4. Большой российский энциклопедический словарь. / Шеф-ред.: А. Е. Махов, Л. И. Петровская, В.М. Смолкин. М., Изд-во: Большая Российская энциклопедия . 2006 г. 1887 с.

5. Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык. Учеб. для студентов пед. ин-тов. В 3 ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение,1987. 256 с.

6. Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование. Изд-во: М.: Высшая школа, 1984 г. 307 с.

УДК 82
ББК 83.3(2=411.2)6

А. С. Ткаченко
A. S. Tkachenko
(г. Москва)

Усадебный топос в контексте современной литературы
(на примере новеллы В. Сорокина «Настя»)
Manor topos in the context of modern literature
(on the example of V. Sorokin's Novella «Nastya»)

Аннотация. В данной статье актуализируется значение пространства русской усадьбы и ее особенностей в контексте современной отечественной литературы. В новелле «Настя» Вл. Сорокин обращается к характерным для усадебной культуры мифологемам, которые в анализируемом произведении в сознании «новоиспеченной интеллигенции» приобретают травестированное значение.

Ключевые слова: усадьба, мифологема, современная литература, Владимир Сорокин, «Настя».

Abstract. The article actualizes the significance of the space of the Russian estate and its features in the context of modern Russian literature. In the short story «Nastya» V. Sorokin refers to the mythologems characteristic of the manor culture, which in the analyzed work in the consciousness of the "newly minted intelligentsia" acquire a travestied meaning.

Keywords: manor, mythologeme, modern literature, Vladimir Sorokin, «Nastya».

Владимир Сорокин, будучи одним из самых эпатажных представителей русского постмодерна, в 2001 году выпускает сборник рассказов, или как утверждает сам автор, новелл, объединенных заглавием, обращающим к платоновским традициям, – «Пир». Доминирующей темой его становится как духовная, так и материализованная пища. Некоторые из рассказов имеют довольно прямую номинацию, соответствующую тематике, – «Банкет», «День русского едока», «Лошадиный Суп», «Моя трапеза», «Жрать!», «Сахарное воскресенье». Наряду с этим диссонируют остальные заглавия. Новелла «Настя» исключениемне является.

Повествование указанного произведения открывается в соответствии с традициями И.С. Тургенева в изображении пейзажа: «Серо-голубое затишье перед рассветом, медленная лодка на тяжелом зеркале Денеж-озера, изумрудные каверны в кустах можжевельника, угрожающе ползущих к белой отмоине плёса» [11, с. 7]. Такая экспозиция вводит читателя в заблуждение: Владимир Сорокин, по утверждению Е. Биберган, «настраивает читательское сознание на литературные тексты XIX в., повествующие о жизни дворянского рода, о мире русской усадьбы данной эпохи» [2, с. 34], обращается ко многим константам усадебной культуры XVIII-XIXвеков. Однако в то же время автор прибегает к излюбленному приему художественного «слома» не только на идейном, содержательном уровне, но и на уровне развития хронотоп, лишая читателя возможности в определении точного времени действия.

В. Сорокин выбирает многоплановый и неоднозначный образ усадьбы, который, в первую очередь, на метафорическом уровне является олицетворением духовной и культурной памяти, а также квинтэссенцией родовых традиций, которые со временем подвергаются разрушению. Как Чехов в 1904 году создает «Вишневый сад», отражающий особенности переломной эпохи, общественно-исторического развития России рубежа веков, так и Сорокин изображает своих героев в таком промежуточном, противоречивом состоянии.

Согласно определению В. И. Даля, термин «усадьба» происходит от слова усада (в западной транскрипции усадище или усадбище), определяя усадьбу как «господский дом на селе, со всеми ухожами (угодьями), садом и огородом», т. е. жилье и прилегающая к нему территория. Изначально усадьба мыслится как экономическая единица, но со временем значение ее приобретает в своем развитии эстетическую направленность. М. Ю. Коробко в работе «К проблеме определения и эволюции понятия «русская усадьба» уточняет понимание феномена барской усадьбы: «барский дом, украшенный портиком с колоннами, флигеля, службы, парк, пруд, церковь... Последняя, как правило, являлась свидетельством высокого жизненного уровня помещиков» [8, с. 26].

Условно новелла «Настя» делится на три части, как отмечает в своей статье «Взять бы эту «Настю» да и сжечь!» Дмитрий Суворов: «сперва – тонко стилизованная под тургеневско-чеховскую стилистику картина классического «дворянского гнезда». Действие рассказа происходит в день шестнадцатилетия главной героини Насти Саблиной, 6 августа. Затем – выворачивающая наизнанку, с физиологическими подробностями, сцена, где на шестнадцатилетие титульную героиню заживо запекают. А главный ударный смысл «Насти» – в трапезе, в момент которой гости предаются утонченным светским разговорам, обсуждают темы, характерные для дворянской среды» [13].

Экспозиция рассказа создает антураж XIX века не только посредством пейзажной характеристики, но и благодаря лексическому и стилистическому соответствию литературному языку того периода («надобно», «воистину», «озаряют», «объяла»). Кроме высокой устаревшей лексики, автор наделяет своих героев способностью свободно разговаривать на французском и английском языках, что контрастирует на фоне просторечных причитаний няни Насти: «Токмо вчерась, Хосподи! Токмо вчерась, Царица Нябесная!» [11, с. 23]. Фигура няни, принимающей участие в подготовке Насти к дальнейшему ритуалу, также является неотъемлемой частью усадебной традиции.

Также В. Сорокин обращается к такой традиции XIX века, как дневниковые записи. Фрагментарно автор знакомит читателя с некоторыми записями, сделанными Настей в день ее рождения: «Мне шестнадцать лет. Мне, Настасье Саблиной! Воистину странно, что я не удивляюсь этому. Отчего же? Хорошо ли это или дурно? Сегодня – самый важный день в моей

жизни» [11, с. 38]. Таким образом, автор не только воссоздает стилистику дневниковой записи, что зачастую встречается в произведениях писателей XIX в., но и выражает идею «овеществленной памяти». Настины записи – это акт музеификации, но не комнаты, а события, развивающегося в пространстве этой комнаты.

Помимо воссоздания стилистических особенностей усадебной культуры XIX века, В. Сорокин обращается и к другим характерным образам. Так в первом появлении «заглавной» героини актуализируется идея цикличности: «Настины руки легли на облупившиеся перила, глаза до слез всосали замерший мир: левый и правый флигеля усадьбы, молочную зелень сада, строгость липовой аллеи, рафинад церкви на пригорке, прилегшую на траву иву, скирду скошенного газона» [11, с. 8].

Немаловажным становится эпитет, применимый к описываемому миру – «замерший». Усадьба, как и любое пространство дома, организует своего рода охранительную функцию и представляет собой закрытое пространство, островок, расположенный вне хаоса. Н. Врангель в работе «Старые усадьбы» говорит о тенденции к упорядоченности жизни в контексте усадьбы в связи с цикличностью и повторяемостью определенных действий, не требующих от человека изменений. Эту же идею развивает М. Ю. Коробко: «Специфика формирования дворянской усадебной культуры позволяет утверждать, что усадьба – это в первую очередь – уклад, т. е. образ жизни…» [8, с. 32].Наиболее ярким тому примером служит роман И. Гончарова «Обломов» и, соответственно, образ Обломовки.

С одной стороны, под словом «замерший» действительно подразумевается статичность действия в закрытом пространстве усадьбы Саблиных, что подчеркивается также и временем развития действия новеллы – сутки (дань классицистической драматической традиции); с другой же, «замерший», отвечая негативной коннотации, означает не просто стагнацию, но и духовную опустошенность, мертвенность героев новеллы и отсутствие надежды на их воскрешение. Несмотря на то, что значение приносимой в жертву Насти отвечает обратному – «возвращение к жизни», «возрожденная».

Отсутствие надежды на возрождение создается и путем обращения к одной из доминирующих констант усадебной культуры – саду. Многие из наиболее важных событий в произведениях XIX в., повествующих о жизни дворянского гнезда, о русской усадьбе, связаны именно с садом («Отцы и дети», «Рудин» И. С. Тургенева, «Обломов», «Обрыв» И. А. Гончарова, «Война и мир» Л.Н. Толстого) [2, с. 46]. Кроме того, этот образ традиционно связывают с раем, в котором царит идиллия и преломляется привычный ход времени.

В контексте новеллы Сорокина «Настя» существуют два сада: Старый и Новый. Биберган подчеркивает определенную связь такой номинации с Ветхим заветом и Новым заветом: «более того, каждому саду в описании соответствуют свои атрибуты: у «Старого сада» – «прелая калитка», «ряды вишен», «пчелиные домики»; у «Нового сада» – «стеклянный конус оранжереи» [11, с. 15]. Упоминание вишен в контексте Старого сада вновь отсылает к лирической комедии А. П. Чехова «Вишневый сад» и соотносится с указанием на уходящее, пережитое время, о чем свидетельствует О. Купцова в монографии «Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай»: «своеобразной мифологемой становится «старый дом», который воспринимается, как слишком густо населенный прошлым; он «становится одновременно и основным топосом усадебной литературы, и ее родовым знаком»

Подобное «раздвоение» сада указывает на его амбивалентное свойство: рай, идиллия противопоставлены образу утрачиваемого рая, коррелирующего с элегическим мировосприятием: «ибо если природа – это инкарнация образа Божьего, то одновременно она еще и воплощение древнего Хаоса: в ней присутствуют древние демонические силы, а потому не случайно, что параллельно с идиллическим осмыслением усадебной жизни мы наблюдаем еще и тенденцию видения ее в “страшном”, “бесовском”, “демоническом”, “ирреальном” свете» [4, с. 157].Соответственно, второе находит отражение в Старом саду.

К условной «идиллии» Настя не приближается, на что указывают следующие слова: «минуя», «Настя шагнула в ворота, но остановилась» [11, с. 13].

Героиня как будто избегает настоящего рая, воплощенного в образе Нового сада. Метафорическое значение его сродни земному раю, неспроста здесь превалируют светлые тона («белая отмоина плёса», белая веранда», «широкий поток солнечного света»). Однако девушка приносит себя в жертву уходящему времени, принимая за благость каннибалический ритуал. Михаил Золотоносов сравнивает этот ритуал с метафорой, гиперболически вышедшей из-под контроля: «Древний каннибализм, давно мирно спящий в метафорике любовной лексики («сладкая моя», «персик мой»), вдруг освобождается от языковых одежд и возрождается в первозданном виде» [6]. В этом эпизоде все, что изначально овеяно мифологическим флером, переживает резкий «слом»: Сорокин травестирует традиционное значение усадьбы и сада в частности, на смену внешней идиллии приходит хаос, актуализирующий еще одну константу усадебной культуры, – родовое кладбище.

Для усадебного комплекса характерно наличие церкви и родового кладбища. Смерть в контексте усадьбы воспринимается как естественный процесс –циклическое движение жизни. Кости съеденной девочки, остающиеся на столе в финале новеллы, являются своеобразным олицетворением пространства кладбища. Черная ворона в финале рассказа пролетает над обглоданным телом шестнадцатилетней именинницы, чей лик внезапно появляется на небе: «и через секунду ее улыбающееся юное лицо возникло в воздухе столовой и просияло над костями» [11, с. 112]. Такое миражное явление Насти связано с очередной традицией в контексте усадьбы. Присутствие призраков зачастую объясняли наличием родовой вины, за которой следует правомерное наказание.

Вместе с тем актуализируется не только тема вины, но и тема духовной смерти героев, собравшихся за поеданием жаркого из Насти. Подобное духовное умерщвление подчеркивается очередным упоминанием Старого сада: «Саблина приоткрыла калитку и проскользнула в Старый сад. Яблони и сливы окружили ее стройную бархатную фигуру… Остановилась. Выдохнула со стоном. Покачала головой, устало рассмеялась. Наклонилась, подняла платье, спустила панталоны и присела на корточках. Раздался прерывистый звук испускаемых газов. – Господи, какая я обжора…» [11, с. 114]. В данном эпизоде В. Сорокин абсолютно нивелирует собирательный образ интеллигенции, изображенной в рассказе, и образ человека в принципе и, тем самым, возвращается к метафоре «пира во время чумы».

Ритуальное насыщение плотью родной дочери не вызывает чувства вины, но вызывает чувство физического недомогания, завершающееся калоизвержением, в результате чего родителям девочки возвращается подаренная ей черная жемчужина, которая становится своего рода метафорой духовного обнищания изображаемых Сорокиным персонажей, с одной стороны; но с другой, Настя как будто оправдывает свое имя и таким образом воскресает. Так как именно за сценой появления жемчужины молниеносно возникает ее призрак-лик.

Таким образом, финал произведения остается неоднозначным, что и соответствует жанровым особенностям новеллы.

В. Сорокин, обращаясь ко всем вышеуказанным образам, создает травестированную и десакрализированную усадьбу XIX века в духе постмодернизма, где привычная трапеза превращается в каннибалистический ритуал, разговоры о философии Ницше заканчиваются промискуитетом, а чувство вины вытесняют каловые массы.

Библиографический список

1. *Биберган Е.С.* Союз меча и орала (Идейно-художественное своеобразие рассказа «Настя») // Рыцарь без страха и упрека: Художественное своеобразие прозы Владимира Сорокина : научная моногр. СПб. : Филолог. фак. СПбГУ, 2011.

2. *Биберган Е.* Концептуальность и философия в рассказе В. Сорокина «Настя» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2011. № 16

3. *Даниленко Ю.Ю.* Реминисценции классики в тексте (на материале повести «Метель» Владимира Сорокина// Филологический класс. 2012. № 7

4. *Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н.* Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай.М., 2003.

5. *Врангель Н.* Старые усадьбы. М., 2000.

6. *Золотоносов М.* Окорок Сорокина под соусом «Модерн» // [Электронный ресурс]. URL: https://www.srkn.ru/criticism/zolotonosov.shtml (дата обращения: 23. 11 .2019).

7. *Коробко М.Ю.* Мир русской усадьбы // «История»: Газета издательского дома "Первое сентября". 2003. – № 34–35.

8. *Коробко М.Ю.* К проблеме определения и эволюции понятия «русская усадьба» // Источники по истории русской усадебной культуры: Русская усадьба в истории культуры. М., 1997.

9. *Куряев И.* Тревеллинг в новеллистике В. Сорокина (на материале рассказов «Настя», «Аварон», «Пепел»). Тамбов, 2017. № 2(68): в 2-х ч. Ч. 2.

10. *Латынина Алла.* Рагу из прошлогоднего зайца// Литературная газета, 2010. №10

11. *Сорокин В.* Настя // Пир. М., 2009.

12. *Степанов А.*Д. Об отношении к мертвым словам (Чехов и Сорокин) // Вестник Пермского университета. 2012. № 1(17)

13. *Суворов Д.* Взять бы эту «Настю» да и сжечь!//[Электронный ресурс]. URL: https://www.srkn.ru/criticism/vzyat-etu-nastyu-da-i-szhech.html (дата обращения: 20. 11 .2019).

УДК 811.161.1’42
ББК 81 + 82

О. В. Трофимова, Ю. А. Хамидуллина
O. V. Trofimova, Ju. A. Khamidullina
(г. Тюмень)

Глагол *ИСКАТЬ* и его производные в тюменской деловой письменности 2-й пол. XVIII века
The verb TO SEEK and its derivates in Tyumen business writing of the second half of the 18th century

Аннотация. Специфика ситуации поиска предмета и человека, актуальной для административно-юридической коммуникации, обусловливает частотное функционирование в скорописных деловых текстах глагола *искать* и отглагольных существительных, называющих разные этапы проведения следственных мероприятий. В статье исследуется употребление глагола *искать* и его девербативов в документах региональной канцелярской школы с учетом стилистических особенностей (жанр документа) в проекции на материалы исторических словарей и данные Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: словообразование, отглагольные существительные, историческая стилистика, деловая письменность, семантика, лингвистический анализ документа, Национальный корпус русского языка.

Abstract. The specificity of the seeking for an object and a person situation relevant for administrative and legal communication cause the frequent use of the verb *to seek* and verbal nouns naming different stages of investigative processes in cursive business texts. The author of the article explores the use of the verb *to seek* and its deverbatives in the regional clerical community, documents taking for consideration all the stylistical peculiarities (genre of a document) from the point of view of historical dictionaries and the Russian national corpus materials.

Keywords: derivation, verbal noun, historical stylistics, business writing, semantics, linguistic analysis of a document, Russian national corpus.

В. В. Виноградов неоднократно подчеркивал особое место «приказного канцелярского языка» в истории русской грамматики, актуализируя, в частности в работе «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» [1, с. 105], проблему образования имен существительных от переходных глаголов и их сочетаемости.

Переходный глагол *искать*, а также производные от него приставочные глаголы и отглагольные существительные в связи со своей лексической семантикой актуальны в официально-канцелярском дискурсе. В исторических и современных толковых словарях глагол *искать* представлен как многозначный, с различающейся сочетаемостью: в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» и словаре Д. Н. Ушакова глагол *искать* дан с пятью значениями; в «Словаре Академии Российской» (далее – САР) и «Словаре русского языка XVIII века» (далее – Сл. XVIII в.) с четырьмя; в МАСе с шестью. В [Сл. XVIII в.] глагол *искать* толкуется следующим образом: «1. *кого-что* и *кого-чего*. Стараться найти, обнаружить (скрытое, потерянное, незаметное); разыскивать. || Заниматься поисками, стараться разузнать о наличии кого-, чего-л. || *кого-что, кого-чего, в ком-чем.* Видеть, обнаруживать в ком-, чем-л. (какие-л. свойства, качества). 2. *чего*. Добиваться чего-л., стремиться к чему-л. || с инф. Стремиться, хотеть сделать что-л. || чего. Исследовать, изучая познавать что-л. 3. *что, чего* и *без доп*. Предъявить иск кому-л. ◊ И. *на кого, на ком, с кого*. 4. *без доп*. Добиваться чьего-л. расположения, милости» [Сл. XVIII в., 9: 114–115]. Отметим наличие специализированного значения, представленного в данном словаре третьим, ср. в других: «ИЩУ. 2. *В приказном наречии*: доправляю по суду на ком что-нибудь принадлежащее себе, или по праву притязаемое; а также требую удовлетворения в чем» [САР, 3: стб. 323]; «ИСКАТЬ. 4. *перех., с кого-чего* или *на ком-чем. Юр.* Предъявлять кому-л. иск» [МАС, 1: 677].

Материалом для нашего исследования функционирования данного глагола с семантикой поиска объекта на определенном временном срезе и на определенной территории послужили архивные документы, опубликованные в издании «Памятники тюменской деловой письменности 1762–1796 гг.» [Трофимова 2002] (далее ТДП). В анализируемых документах нашла отражение ситуация поиска украденного/потерянного имущества, в них содержатся просьбы о поиске обидчика (преступника, часто грабителя), объявления о поиске работников для какого-либо дела, решения суда о взыскании денег, штрафов, недоимок и т. д. Таким образом, в исследуемых документах отражены юридическая, профессионально-договорная, частно-бытовая сферы жизни. В зависимости от содержания документов глагол *искать* актуализирует в них свои разные значения. Приведем иллюстрации для отмеченных в [Сл. XVIII в.] трех первых значений глагола *искать/искати* из тюменских документов:

1) *кого-что*; с дополнением в вин. п., в том числе в ближайшем контексте: *«... малолетнова татарина Итпалу Бикбаева ... послал для сыску отца ево Бикбая а он Итпала* ***отца*** *своего* ***искать*** *не поехал»* [ТДП: 123]; *«... впустил я для водопою корову ... неведомо куды она потерялас* ***оную*** *я три дни по всему городу* ***искал****»* [ТДП: 283]; *«... однако ж положась Кадошников на то что конечно увели ево лошадь товарищи ево которые с ним в кабаке были и* ***не искалъ****»* [ТДП: 250];

2) *чему – чего/в чем*; с дополнениями в дат. и родит./предл. п.; только в устойчивом выражении: *«... велено по тому реестру все не принадлежащее к жителству строение в силу коллегии экономии указов с публичных торгов продавать охочим людям* ***ища*** *при томъ казенному* ***интересу прибыли****»* [ТДП: 73]; *«... церковные требы искупил за настоящую цену* ***ища*** *высочашему ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА* ***интересу прибыли****»* [ТДП: 281]; «*… и естьли по публикам явятца желающие, то учинить с ними за надлежащую плату,* ***ища в*** *казенном* ***интересе приращения*** *не заключая об оном контракта, договор»* [ТДП: 357]. По материалам Национального корпуса русского языка, сочетание *искать прибыли* использовано в текстах-источниках НКРЯ 11 раз, из них шесть – именно в текстах 2-й пол. XVIII в., начиная с М. В. Ломоносова (*«... ищет своих прибылей»*), Екатерины II (*«... ищет прибыли, а не завоеваний»*) и М. Д. Чулкова (*«... искать казенной прибыли»*), пять – в текстах XIX-XX вв.;

3) *на ком – чего*; с дополнениями в предл. и родит. п.; только в цитатах из «Соборного уложения»: *«... которые люди учнут* ***на ком искати*** *своих* ***исков****»* [ТДП: 45]; *«... а он в своем иску креста поцеловать не похочет или* ***на нем*** *на самом учнет* ***чего искать****»* [ТДП: 45] В материалах основного корпуса НКРЯ нет иллюстраций к этой модели; в старорусском корпусе подобных вхождений 10, начиная с докладной мировой 1447 г., например: *«... что яз <...>*

***искал на Олександре**, на троецком солеваре, **трех осмин воды**, что у меня вывел из Захарьины варницы»* и до 1672 г.

Ситуация поиска кого-, чего-либо утраченного детализируется в юридических документах посредством однокоренных глаголов. Прошения, доношения, объявления, челобитные содержат жалобы (о краже шинели, лошадей и др., о сбежавшем с деньгами сидельце питейного дома, об утерянных перстне и серьгах) и просьбы о решении дела, адресованные местным органам власти. Приведем фрагмент из объявления мещанина Василия Кадошникова о драке в Сенном питейном доме и о краже у него лошади и саней от 24 января 1793 г.: *«… то и видно что та моя лошадь <…> уведена не инным кем как означенным Ляпиным и по многим моим искам ту свою лошадь **отыскать** я не мог <…> покорно прошу обидимаго меня Ляпина **сыскать** и <…> в краже от питеинного дому и в убивстве лошади ево спросить»* [ТДП: 244]. В допросах, объяснениях, определениях, в выписках из следственных дел получили отражение следственные мероприятия, судебные разбирательства и их итоги, например, в определении Тюменской воеводской канцелярии по делу о продаже заведомо воровской меди из Талицкого казенного завода от 14 ноября 1777 г.: *«… по мнению Тюменскои воеводскои канцелярии обше з депутатом от магистрата: **взыскать** за покраденную в заводе казенную меть за четыре пуда по показанной цене за каждои пуд по петнатцати рублев <…> з дьячка Шмотина»* [ТДП: 303].

В приведенных фрагментах использованы приставочные глаголы *отыскать, сыскать, взыскать.* В продолжающемся издании [Сл. XVIII в.] глагол *отыскать* не имеет специализированного значения (как и в САРе) в отличие от глагола *взыскать*, см.: «2. *что. Юр.* Потребовать возмещения, возврата, уплаты чего-л., предъявить иск» [Сл. XVIII в., 3: 143]. Ср. в САРе: «ВЗЫСКУЮ. 2. *с кого что.* Доправляю на ком что-л. принадлежащее себе» [САР, 3: стб. 326]. Глагол *сыскать* в САРе мы находим только в иллюстрации *«…сыщики учнут сыскивати»* в словарной статье с глагольной доминантой СНИСКИВАЮ – СНИСКАТЬ и стилистической пометой об употреблении в высоком слоге. Однако третье значение отмечено как устаревшее: «3. *В судопроизводстве старинном означало*: исследываю, испытываю, стараюсь узнать в точности какое дело» [САР, 3: стб. 340].

В «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова и в современных толковых словарях глагол *сыскать* зафиксирован как разговорный и устаревший синоним глагола *разыскать*, например: «СЫСКАТЬ. 1. *кого-что.* Найти, обнаружить, отыскать *(разг.).* 2. *что*. То же, что разыскать во 2 знач. (*истор.*). 3. *что на ком-чем* или *с кого-чего*. Предъявив иск к кому-чему-н., получить (*офиц., устар.*)» [Словарь Ушакова, 4: стб. 628]. Ср.: «РАЗЫСКАТЬ. 2. *что.* Произвести следствие о чем-н., установить следствием (истор.)» [Там же, 3: стб. 1208]. В МАСе это значение историзма уточняется указанием на исторический период и способ достижения цели: «2. В дореволюционной России: выследив, разыскать (преступника, виновного)» [МАС, 4: 327]. В анализируемых тюменских документах глагол *разыскать (разыскивать)* не зафиксирован.

Семантика глаголов *сыскать, взыскать* обусловила их употребление в официальной сфере, так как приставки определяют объект, на который направлено действие (*взыскать долг, штраф; сыскать преступника, виновного* – иллюстрации из словарей). Таким образом, приставочные глаголы способны уточнять характер, признаки действия *искать*.

В анализируемых документах употребляются многократные глаголы с суффиксом –ива- *взыскивать, сыскивать/сыскивати*, например: «*… от него Прасолова дана мне полная доверенность **взыскивать** оные* [убытки]» (1791 г.) [ТДП: 335]; *«… села де Тугулымского чрез уличного десятника емшика Саву и сына ево Ивана Пономаревых **сыскивал** которых в доме не оказалось»* (1778 г.) [ТДП: 94]; если в первой цитате контекст поддерживает значение многократности в будущем, то во второй скорее нейтрализует (впрочем, не исключает) многократность в прошлом. В пассивных конструкциях с объектным подлежащим фиксируем страдательные глаголы *взыскаться, сыскаться*, например: *«… всякое упущение по зборам казенных доходов или по щотам **взыщется** на самих присудствующих»* (1781 г.) [ТДП: 502]; при отрицании с зависимым родит. п. объекта: *«… старатца переводит чрез векселя и другия оказии в город Екатеринбурх в тамошнее камисарство: а естли таковых оказей не **сыщетца**»* (1773 г.) [ТДП: 283].

В исследуемых скорописных текстах фиксируем также приставочные глаголы *изыскать, изыскаться, приискать*, не имеющие, согласно историческим и современным словарям, специализированного «приказного» значения. Приставки в них конкретизируют условия действия, характеризуют способ и цель поисков. Так, у глагола *приискать* появляется новая сема *'что-л. способное к чему, нужное, приличное, пристойное'* [САР, 3: 336], а также актуализируется, при изменении стилистической окраски слова, сема результативности, ср.: «*Разг.* В результате поисков найти что-л. нужное, подходящее; подыскать» [МАС, 3: 412]; у глагола *изыскать* – также сема *'путем старательных усилий'* [МАС, 1: 658], ср.: «ИЗЫСКИВАЮ. 1. Чрез соображение обстоятельств тщусь познать, открыть точность чего, или достигнуть до предположенных намерений. 2. Говоря о времени значит: выжидаю, дожидаюсь» [САР, 3: стб. 330].

В «Словаре русского языка XI-XVII вв.» глагол *изыскать* еще имеет значение, связанное со следствием, «обнаружить в результате расследования» [Сл. XI-XVII вв.]. Представляется, что именно это значение поддерживается контекстом в кондициях об отдаче на откуп купцу Русакову питейных домов в Тюмени (1791 г.), а именно: *«6-е. Буде в тех питеиных домов учинится водки пива и меда недостаток и о том будет жалоба то* ***изыскав на месте двумя свидетелями допряма*** *по изобличении <…> взыскать с меня пеню».* Во втором примере также: изыскав двумя свидетелями допряма по изобличении… взыскать с меня пеню». Та же конструкция в пункте 7-м [ТДП: 162, 163]. Так как подобные документы были типовыми, вероятно, здесь, в формуляре кондиций (иначе: договора, условий), использован клишированный оборот, характеризующийся специальным употреблением. В материалах НКРЯ обнаружена только одна соответствующая цитата – из жития митрополита Филиппа (1591–1597 гг.): *«… во обитель сосла, изыскав на него потребну вину».*

Глагол *приискать*, использованный в значении, зафиксированном в современном словаре, находим в челобитной тобольского дворянина Алексея Текутьева о даче ему земли под дом и огород от 28 февраля 1767 г.: *«за Турои* ***приискал*** *порозжее место»*, подходящее для строительства дома [ТДП: 525] и в рапорте Липчинского волостного суда о приеме на должность пищика тюменского мещанина Ивана Грушевского от 6 августа 1795 г.: *«на место <…> пищика <…>* ***приискан*** *вновь другои – порядочного поведения и знающеи исправлять оную должность ис тюменских мещанъ Иван Васильевъ сынъ Грушевскои»* [ТДП: 434]. Ср. единственный пример с инфинитивом в старорусском подкорпусе НКРЯ: *«… а в Холопье приказе я тех отпускных* ***приискать*** *не могу»* (1650–1720 гг.), три примера со словоформой прошедшего времени, например: *«… с великим трудом постоялый двор себе* ***приискал****»* (1699 г.). Основной корпус НКРЯ содержит 399 документов и 601 вхождение глагола приискать в текстах 1717 – 2013 гг., при этом если на весь XVIII век приходится 30 вхождений, то на 13 лет XXI века – 14 вхождений, например: *«Назавтра я приискал себе квартиру на Галерной…»* (2013 г.), т. е. слово остается в активном словоупотреблении.

В.В. Виноградов в главе «Живые типы словообразования в классе слов среднего рода» писал о том, что теоретически почти от каждого глагола, кроме основ совершенного вида с приставками реального значения, можно с помощью суффикса *-нь*(*е*), *-ни*(*е*), *-ени*(*е*) образовать отглагольное существительное. Такие существительные образуются легко, но не обязательно закрепляются в языке; при этом в них могут сохраняться видовые оттенки, особенно в девербативах на *-ние* и *-тие* в официально-канцелярских стилях [Виноградов 1986: 104, 106].

В тюменских документах употребляются однокоренные девербативы *взыскание, изыскание, отыскание, приискание*, продолжающих жить в современном языке, хотя и с разной частотностью, а именно (по данным НКРЯ): 2960, 2189, 633 и 273 вхождения соответственно. Инструментарий НКРЯ помогает увидеть, что пик частотности их употребления приходится на первую треть XIX века, а именно (на миллион словоформ со сглаживанием 0): *взыскание* – 1811 г.: 122.97; *изыскание* – 1827 г.: 82.55; *отыскание* – 1841 г.: 30.96; *приискание* – 1819 г.: 12.72 [www.ruscorpora.ru]. Все девербативы зафиксированы в САРе как процессуальные суще-

ствительные, с общей семой для трех последних *'исполненное действие'* и специальным значением «2. Доправление с кого от судебного места денег или чего другого» [САР, 3: стб. 327] для слова *взыскание*.

Существительное *взыскание* употребляется в тюменских документах, когда речь идет о платежах в казну или о возмещении долга, ущерба и в документах фиксируются указания о процессуальном решении какого-либо дела, например: *«… онои денежнои казне **взыскание** чинитца по учиненным в Тюменской канцелярии <…> определениям»* [ТДП: 22]. Обратим внимание на форму настоящего времени глагола *чинится*, актуализирующую значение расширенных временных рамок процесса *доправления*, т. е. «действия доправившего», от *доправляю* – «2. Взыскиваю, ищу что на ком» [САР, 4: стб. 1054]. Ср. в доношении из Тюменской воеводской канцелярии о краже пожитков у ямщика Нефеда Девяшина: *«…ещо следует **ко взысканию** на сорок рублев на дватцать на пять копеек»* [ТДП: 94].

Существительное *изыскание* в ТДП проявляет себя как многозначное. В объявлении 1790 г. о сорванной с головы шапке, т. е. в юридическом контексте, актуализируется значение разбирательства, расследования: *«… прошу, естли когда та потерянная шапка мною признана будет **ко изысканию** по законам претензии дать начальное покровителство»* [ТДП: 241]. Второе употребление не связано с ситуацией правонарушения: *«1772 го году маия 31-го дня из экспедиции **о изыскании** каменьев дана сия росписка <…> салдату Василью Иванову»* о приводе на мраморные работы 55 человек [ТДП: 438].

Существительное *приискание* употребляется в двух документах по делу священника Федора Зудилова: *«… ездил я <…> **для приискания** к поставке сена трав»* [ТДП: 77]. Единичное употребление существительного *отыскание* находим в объяснении прапорщика Текутьева от 21 ноября 1790 г.: «*… отпущена была им в город Тюмень для **отыскания** знающаго в лечении болезнии ее, человека*» [ТДП: 245]. Вероятно, в современной русской речи правильнее было бы употребить в соответствующих предложениях глагольную конструкцию, например: *для того, чтобы найти…*, т. е. «уйти» от значения предметности, свойственного девербативам и со временем развившегося, в частности, у существительных *взыскание, изыскание*, о чем свидетельствует зафиксированное в НКРЯ образование и частотное употребление форм множественного числа во всех падежах: 402 и 960 вхождений соответственно, а с учетом омонимичных форм родит. п. ед. ч. и им./вин. п. множ.ч. *взыскания* и *изыскания* – 1337 и 1795 вхождений соответственно.

По мнению В. В. Виноградова, «бессуффиксные отглагольные слова выражают еще большую степень опредмеченности действия. Ср.: *крик* и *кричанье*…» [Виноградов 1986: 107]. В наших материалах присутствуют дериваты *иск, обыск, поиск, сыск*, зафиксированные в САР и других словарях, а также существительное *несыск* – производное на следующей, префиксальной, ступени деривации, отмеченное только в [Сл. XVIII в.], а именно: «Отсутствие сыска, розыска (беглеца)» [Сл. XVIII в., 15: 90]. Судя по НКРЯ, количество фиксаций в корпусе слов *иск, обыск, поиск, сыск* значительно превышает количество суффиксальных, указанных выше, однокоренных производных, а именно: 6024, 7030, 20579 и 658 вхождений соответственно. Пики частотности их употребления «распределены» по трем векам, а именно (на миллион словоформ со сглаживанием 0, в той же последовательности): 1941 г.: 731.74; 1907 г.: 212.86; 2004 г.: 170.61; 1860 г.: 22.12. Слово *несыск* в НКРЯ не обнаружено.

Исторические словари отмечают для слова *иск* только использование «в приказном наречии» [САР, 3: стб. 325], «судебную» сферу употребления [Сл. XVIII в., 9: 112–113]. В наших материалах (в выписке, определении, т. е. вторичных текстах, созданных в недрах воеводской и комендантской канцелярий на основании входящих документов) такое употребление является функционально обусловленным, в том числе и при цитировании «Соборного уложения» (примеры см. выше), а также, например, в перечне: *«… велеть <…> в платеже **иску**»* [ТДП: 331]. Однако в первичных, инициативных документах, фиксирующих живую речь тюменских обывателей и военных чинов, находим употребление слова *иск* как производного от основного, первого, нейтрального значения глагола *искать*, см. в объявлении: *«… лошадь <…> незнамо куда ушла или кем покрадена и по многим моим **искам** не сыскана»* [ТДП: 218],

также в объявлении Василия Кадошникова выше; в сообщении: *«… преступник Митяшев <…> колодник Барсуков <…> бежали и по многим* ***искам*** *в городе не наидены»* [ТДП: 465].

В тюменских документах слово *обыск* употребляется в двух значениях, зафиксированных словарями, – процессуальном и предметном, в частности: *«… к подлинному* ***обыску*** *Афонасей Михеев руку приложил»* [ТДП: 251], здесь *обыск* – это документ; остальные употребления – процесс, например: *«… посылати* ***повалным обыском*** *сыскивати по таким делам...»* [ТДП: 44], *«… по определению Тюменского магистрата* ***для обыску*** *и свидетельства того места отправлен был ратман Семен Сумконов»* [ТДП: 490].

Объявление тюменского уездного казначея титулярного советника Рычкова 1787 г. интересно сочетаниями *многократный поиск* (= современному *поиски*) и *сделать поиск* (= *искать*): *«… две лошади <…> убежали, по многократному же оныхъ* ***поиску*** *<…> нигде не оказались <…> и об оном <…> прошу <…> приказать учинить публику, и по <…> кварталам* ***зделать поиск****»* [ТДП: 223].

Существительное *сыск* в тюменских документах имеет скорее нейтральное значение ‘поиски’, чем указанное в САР специальное значение ‘позыв к суду’ или «2. В древнем судопроизводстве <…> исследование, испытание точности в каком деле» [САР, 3: стб. 342]: *«… о* ***сыску*** *и поимке их учинить публики»* [ТДП: 465]. См. также сложный для современного восприятия фрагмент документа с дериватами *сыск* и *несыск*: *«… на место Табанакова за* ***несыском*** *ево послан <…> Емелян Семеновых <…> а на место Горбунова <…> отправлен Городоваго ж стана Иван Плотников: ко оному салдату Иванову при приказе маия 20 числа а о* ***сыску*** *и отправлении неявшихся Кармацкого стана крестьян а по* ***несыску*** *о наряде на место ево других и об отводе их для отдачи салдату Иванову самих персонално того стана выборному Ошукову маия 24 ч послан приказ»* [ТДП: 453], в котором реализуется скорее значение ‘отсутствие результата поисков, необнаружение’, чем указанное в [Сл. XVIII в.] ‘отсутствие сыска’.

Таким образом, архивные документы тюменской канцелярской школы 2-й пол. XVIII века, т. е. корпус деловых текстов, отражающих, как показывают результаты исследования, не столько региональные особенности, сколько общерусские процессы в истории русского языка, в потенциальной проекции на широкую исследовательскую базу могут получить иную интерпретацию и рассматриваться в качестве источника паспортизированной истории государственного русского языка не только в лексико-стилистическом, но и деривационном и грамматическом аспектах.

Библиографический список

1. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1986.

Словари

2. Словарь Академии Российской. URL: https://runivers.ru/bookreader/book10107 (САР)
3. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30.М.-СПб.,1975–2015.(Сл. XI-XVII вв.)
4. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. Л.– СПб., 1984–2019. (Сл. XVIII в.)
5. Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой: в 4 т. М., 1981–1984. (МАС.)
6. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова: В 4 т. М., 1935–1940. (В тексте – Словарь Ушакова.)

Источники

7.*Трофимова О.В.* Тюменская деловая письменность. 1762–1796 гг.: Книга II. Памятники тюменской деловой письменности. Из фондов Государственного архива Тюменской области. Тюмень, 2002. (В тексте – ТДП.)

8.*Национальный* корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru. (НКРЯ.)

УДК 811.161.1’42
ББК 81 + 82

О. И. Уланович
O. I. Ulanovich
(г. Минск)

Вторичная семантика цветолексем в моделировании когнитипа личности в русском и английском языках
Secondary semantics of color names in personality profile modeling in English and in Russian

Аннотация. В статье анализируется этнокультурная специфика цветосивмолизма в передаче черт и характеристик человека во фразеологических единицах с цветовым компонентом в английском и русском языках. Фиксируются сходства и отличия в оценочности цветового культурного кода и в моделирующем потенциале фразеологизмов в языках и культурах.

Ключевые слова: цветообозначения, когнитип личности, вторичная семантика цветолексем.

Abstract. The article analyzes ethnocultural specificity of color symbolism in reflecting features of a person in phraseological units with a color component in English and Russian. Similarities and differences are revealed in the evaluative potential of the colour cultural code and in the modeling prospects of phraseological units in languages and cultures.

Keywords: colour naming, cognitive profile of a person, secondary semantics of colour terms.

Роль цвета в жизни этнокультурного сообщества обнаруживается не только в построении визуального пространства существования, но и в формировании и закреплении через вторичную семантику цветообозначений комплекса социально-культурных значимостей, выполняющих роль эталонов, стереотипов, шаблонов для дальнейшего познания, понимания и оценки мира, организации человеком его поведения и формирования отношения.

Цветообозначения несут определенную символическую и ассоциативную нагрузку, которая для любого народа является своеобразным кодом в миромоделировании. Символизм цветового кода в диахронической перспективе трансформируется в национально специфическую константу и становится принадлежностью фонда общих представлений о мире и людях у представителей лингвокультуры, в мифологии или культурной традиции.

Являясь универсальным культурным кодом по факту его бесспорно обязательного присутствия во всех национальных картинах мира, цветовой код неизбежно демонстрирует несовпадение символичности колоративных компонентов и специфики их вторичной семантики во фразеологии различных языков. Выявление номинативной уникальности цветового лексикода и его потенциала *в моделировании портрета личности в национальной картине мира* представляется интересным и информативным в случае сравнения антропоцентрической колоративной фразеологии английского и русского языков.

Итак, в фокусе внимания в нашем исследовании – колоративные фразеологические единицы, моделирующие через цветообозначения образ человека и его деятельности в идиоматическом корпусе национального языка и выступающие материальным воплощением того, «каким образом в языковых единицах отражается сам человек как национальная личность во всем многообразии своих проявлений» [1, с. 5].

Как отмечает С. В. Кулинская: «Фразеологические и паремиологические единицы с компонентом ‘цвет’ характеризуются повышенной эмоциональностью и образностью, основанной на особом – цветовом – восприятии явлений и фактов окружающей действительности, на их оценке (положительной либо отрицательной)» [2, с. 4]. Именно поэтому наше исследование «цветового когнитипа человека» через фразеологический фонд английского (АЯ) и русского (РЯ) языков «позволяет проникнуть в специфику национального сознания и самопознания нации, определить особенности восприятия социального статуса человека, его морально-

нравственных и иных индивидуальных качеств» [2, с. 5], причем в разных лингвокультурах в сравнительном аспекте.

Подобное кросскультурное исследование потребовало формирования экспериментального корпуса АЯ и РЯ фразеологических единиц с колоративным компонентом, характеризующих человека во всех аспектах его физического, психологического и социального бытия. Экспериментальный корпус объемом 140 единиц АЯ и 109 – РЯ, характеризуется высокой репрезентативностью в силу его структурирования на материале внушительного ряда словарей.

Восприятие цвета и ассоциирование с цветообозначениями при формировании образа личности в национальной картине мира в РЯ и АЯ разительно отличаются, что не исключает наличие сходств и совпадений (рис. 1). Важно заметить, что, поскольку в некоторых фразеолексемах одновременно присутствуют два цветокомпонента (например, *two* ***blacks*** *do not make a* ***white****, call \ make* ***white black****, be* ***green*** *and* ***yellow,*** *принимать* ***чёрное*** *за* ***белое****)*, то эти единицы фигурируют дважды в представленном ниже статистическом анализе (т. е. представлены в двух «цветовых» группах).

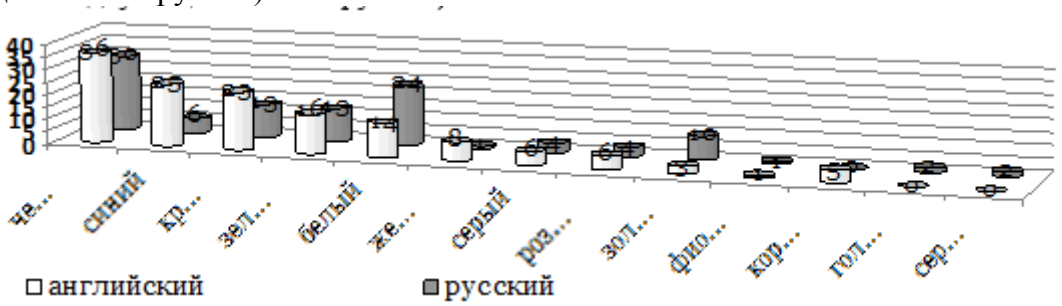

Рис. 1 – Репрезентативность колоративных компонентов в АЯ и РЯ фразеологических единицах, описывающих человека (единицы)

Цветовой когнитип личности в РЯ задается ядром из следующих колоративных компонентов: ***черный – белый – зеленый – красный – золотой***. В АЯ ядро формируют следующие цвета в их переносных антропоцентрических значениях: ***черный – синий – красный – зеленый – белый***. Важно заметить, что и в АЯ, и в РЯ ядро формируется базовыми цветами (за исключением, разве что, *золотого* в РЯ), которые демонстрируют широкий потенциал их вторичных номинативных возможностей в силу, как отмечает Е. С. Лукашенко, их важных когнитивных характеристик: закрепленности и выделенности. Низкая степень выделенности и закрепленности у неосновных цветов предопределяет их ничтожный потенциал в развитии дополнительных значений [3, с. 7].

Как свидетельствуют статистические данные, первое место по репрезентативности в обоих языках занимает **черный** цвет, что является одним из немногочисленных сходств в символичности цветового кода в культурах и его значимости в цветовом когнитипе личности (рис. 2).

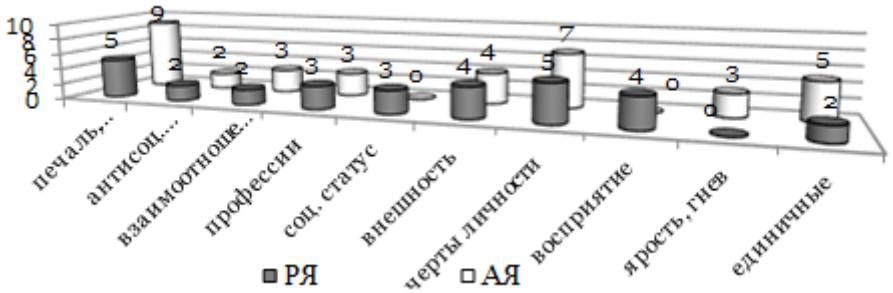

Рис. 2 – Диапазон переносных антропоцентрических значений цветолексемы «*черный*» в АЯ и РЯ фразеологизмах (единицы)

Цветолексема «черный» используется для передачи крайней степени отрицательных эмоций и состояний: (а) печаль, уныние, тоска: (РЯ) ***черная*** *меланхолия, в глазах* ***черно, чернее*** *тучи*; (АЯ) ***black*** *dog,* ***black*** *as shade,* ***black*** *as sin*; б) гнев, ярость: (АЯ) ***black*** *in the face* и т. д.)

и едва ли обнаруживает положительную оценочность в своих переносных антропоцентрических значениях. Фразеологические обороты с участием данного цветообозначения характеризуют человека как коварного, способного на низкие предосудительные дела и поступки: (РЯ) ***черная*** *душа,* ***черный*** *юмор,* ***черное*** *слово*; (АЯ) ***black****leg* ‘мошенник’, *the* ***black*** *man* ‘дьявол, сатана’, ***black*** *sheep* ‘диссидент’. В наименовании профессий и определении социального статуса личности *черный* в РЯ и АЯ обнаруживает как совпадения в семантике (***черный*** *поп,* ***черное*** *духовенство,* ***черные*** *береты* и ***black*** *coat /* ***black*** *gown* ‘священник / католический священник’; ***черно****рабочий* и *the* ***black*** *gang* ‘работяга, кочегар’), так и различия (***черные*** *береты;* ***черная*** *кость; talk until one is* ***black****(blue) in the f*ace ‘уболтать до посинения’ и др.).

Белый цвет в РЯ уверенно располагается на втором месте (24 единицы, 22%), в то время, как в АЯ он занимает лишь пятое место (14 единиц, 10%).

В АЯ антропоцентрической фразеологии вторичная семантика *белого* четко локализована в области эмоций и чувств, в частности, при передаче *печали, уныния, тоски*: *as* ***white*** *as a sheet* ‘бледный как полотно, испуганный’, *show the* ***white*** *feather* ‘струсить, смалодушничать’, ***white*** *liver* ‘трусость, малодушие’, *look* ***white*** *about the gills* ‘быть испуганным’, тогда как во всех остальных фразеологизмах цветокомпонент функционирует в единичных значениях (*prove(swear) that black is* ***white*** ‘говорить заведомую ложь’; ***white****-collar* ‘белый воротничок, работник офиса’; ***white*** *rage* ‘ярость’.

В антропоцентрической фразеологии РЯ во вторичной семантике *белого* доминирует обозначение *профессий (функциональные имена)*: ***белое*** *духовенство,* ***белая*** *кухарка,* ***белый*** *царь,* ***белый*** *воротничок,* ***белая*** *гвардия,* ***белые*** *крестьяне* и др. Многочисленные примеры единичной семантики цветолексемы «белый» в РЯ фразеологизмах демонстрируют более высокую степень полисемии цвета в переносном антропоцентрическом значении: *не взвидеть* ***белого*** *света* ‘угнетенный, подавленный’; *довести до* ***белого*** *каления* ‘вывести из терпения’; ***белая*** *зависть* ‘завидовать’; ***белая*** *кость* ‘знать’; ***белый*** *как лунь* ‘седой’; ***белая*** *ворона* ‘аутсайдер’; *сказка про* ***белого*** *бычка* ‘докучливый и склонный к лукавству человек’; *принимать* ***белое*** *за* ***черное*** ‘ошибочно оценивать’ и дт.

И в РЯ, и АЯ *белый* цвет чаще встречается в ассоциировании с негативом в оценке качеств человека. В РЯ «белый» несет положительную оценку только в нескольких случаях: ***белый*** *и пушистый,* *принц на* ***белом*** *коне*. В АЯ с положительной ассоциацией данный цвет встречается трижды: *a* ***white*** *man* ‘порядочный, честный’, ***white*** *head boy* и ***white****-haired boy* ‘любимчик’.

Вторым по репрезентативности цветовым компонентом в АЯ фразеологии является **синий** (25 единиц, 17,9%), но в РЯ он располагается на шестой позиции – за пределами семантического ядра (6 единиц, 5,5%). В семантическом диапазоне цветосимвола «**синий**» в АЯ отчетливо выделяются значения эмоций: *печаль, уныние, тоска* (*have the* ***blues*** ‘хандрить, тосковать’, *give smb the* ***blues*** ‘наводить тоску’, ***blue*** *devils* ‘уныние, тоска’), *боязнь, страх* (***blue*** *fear* ‘жуткий страх’), *злость* (*to burn with a low* ***blue*** *flame* ‘злиться втихомолку’). Широко распространена ассоциация с **синим** цветом в семантической группе социальных характеристик при выражении *антисоциального поведения* (*to beat black and* ***blue*** ‘избить до синяков’, *drink till all’s* ***blue*** ‘напиваться до белой горячки’). Но наибольшее ассоциирование с **синим** цветом обнаруживается во фразеономинантах *профессий* (***blue*** *berry* ‘полиция, полицейская машина’, ***blue*** *bacon* ‘полиция’, ***blue*** *dude* ‘полицейский’, ***blue****-collar* ‘синий воротничок, рабочий’), в которых наблюдается отсутствие выраженного оценочного признака. Символизм синего цвета органичен обозначением *профессий* в корпусе РЯ антропоцентрических фразеологизмов (***синие*** *воротнички,* ***синие*** *мундиры*) и присутствует при описании *черт личности* и *характера* (***синяя*** *борода,* ***синий*** *чулок*). Также он встречается в прямой ассоциации при описании *внешности* (***посинеть*** *от холода*) и условно в подгруппе *взаимоотношений* (***синь*** *порох в глазу*).

Зеленый, в РЯ занимает третье место (13 единиц, 12%), а в АЯ – четвертое (16 единиц, 11,4%). *Зеленый* как в АЯ, так и в РЯ активно ассоциируется с молодостью, неопытностью (***green*** *as gooseberry,* ***green*** *as grass,* ***green*** *horn,* ***green*** *pea;* ***зеленый*** *юнец,* ***зеленый*** *возраст,*

зелен** еще*), а также частотен при обозначении функциональных имен (зеленые** береты, **зеленый** прокурор, **зеленые** фуражки*; *have **green** fingers* ‘садовник’).

Третий по репрезентативности цвет в АЯ – **красный** (23 единицы, 16,4%), в то время как в РЯ он находится на четвертой позиции (13 единиц, 12%). Естественно, диапазон вторичных значений *красного* позволяет довольно четко очертить его семантическую структуру при описании черт человека в АЯ: *ярость, гнев* (*see **red**, **red** mad, **red**-necked*), *смущение* (***red** as fire* ‘залиться краской’, *to **redden** to the roots of one’s hair*), *уважение* (*give **red** carpet treatment, roll out the **red** carpet*), *профессии / функциональные имена* (***red** dogs* ‘полиция’, ***red** hat* ‘кардинал’), черты *характера / личности* (***red** blood* ‘смелость, мужество’; ***red** cupper* ‘прожигатель жизни’).

Красный цвет в РЯ отчетливо сохраняет несколько архаичное значение «красивый, прекрасный» (***красна** девица, **красный** молодец, Владимир **Красно** Солнышко*). В РЯ (так же как и в АЯ) красный демонстрирует такие вторичные значения как: *смущение* (***красный** как рак, **покраснеть** до корней волос*), *ярость* и *гнев* (*действовать как **красная** тряпка на быка*).

Замечено, что вторичная семантика ряда цветообозначений в РЯ и АЯ демонстрирует совпадения, при этом обязательно обнаруживается уникальный и своеобразный семантический компонент в одном из языков. **Желтый** цвет, например, в АЯ совершенно четко фиксируется во вторичном значении *трусость* (*have a **yellow** streak, a **yellow** belly, **yellow**-livered* и др.); **золотой** в РЯ восторженно акцентирует *личностные достоинства* человека (***золотые** руки, **золотая** душа, **золотое** сердце, **золотая** голова* и др.), а **розовый** в РЯ – однозначный цвет *заблуждения* (*смотреть сквозь **розовые** очки, видеть / представлять в **розовом** свете / цвете, окрашивать в **розовый** цвет*). Символические значения **зеленого** цвета в обоих языках демонстрируют сходство (*молодость, неопытность*), но в английском зеленый четко ассоциируется еще и с *завистью / ревностью (look through **green** glasses, the **green-eyed** monster, to wear **yellow** stockings, to look through **green** glasses*) тогда как в РЯ такое значение единично (***зеленоглазое** чудовище* ‘ревность’).

Факт наличия совпадения переносных антропоцентрических значений цветолексем в РЯ и АЯ (в частности в семантическом диапазоне *черного, зеленого, красного, белого*) позволяет говорить о некоторой интернациональности цветосимволизма. Это доказывает, что цвет, так или иначе, сопряжен в своей вторичной семантике с чувственным восприятием цвета, тесно связан с психологией и физиологией человека. Тем самым во вторичной значимости цветолексем обнаруживается органичное слияние этнокультурного и наднационального (психофизиологического), личностного и общечеловеческого.

В заключении можно сделать выводы, что цвет является уникальным феноменом во всех культурах и одним из ключевых концептов любого социума. Ментальная, духовная и эмоциональная области жизнедеятельности человека неразрывно связаны с оценкой и ассоциациями, и цветовой культурный код играет в этом одну из *ведущих ролей*.

Библиографический список

1.Гайдарова З.Т. Антропоцентризм в идиоматической картине мира лезгинского, русского, английского и немецкого языков: автореф. … дисс. канд. филол. нак: 10.02.20. Махачкала, 2010.

2. Кулинская С.В. Цветообозначения: национально-культурные особенности функционирования: на материале фразеологии и художественных текстов русского и английского языков: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. Краснодар, 2002.

3.Лукашенко Е.С. Функционально-номинативный потенциал цветообозначений в контексте когнитивной парадигмы: на материале английского языка: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород, 2011.

УДК 398
ББК 82.3

Л. А. Ульяницкая
Liubov A. Ulianitckaia
(Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет,
г. Санкт-Петербург)

Языковая интерференция в фольклорном тексте
Linguistic interference in the folklore text

Аннотация. В данной работе предлагается рассмотрение фольклорного текста с точки зрения явления языковой интерференции (языкового смешения). Обращается внимание на прагма-функциональный характер фольклорного текста, в частности фольклорной сказки

Ключевые слова: языковая интерференция, фольклор, фольклорная сказка, прагматика

Abstract. A consideration of the folklore text from the point of view of the phenomenon of linguistic interference (linguistic mixing) is proposed in thus study.. Attention is drawn to the pragma-functional nature of the folklore text, in particular of the folklore tale.

Keywords: linguistic interference, folklore, folklore tale, pragmatics.

Язык, будучи системой гибкой и подвижной, подвержен различным изменениям в ходе своего становления и развития. Языковая интерференция является одним из самых сильных, с точки зрения своего воздействия на язык, процессов. Американский лингвист XX века, У. Вайнрайх [4], определил языковую интерференцию, как отклонение от нормы в одном языке, под влиянием другого. Проблемами языковой интерференции занимаются многие отечественные и зарубежные ученые, особенно на протяжении последних нескольких десятилетий. Это одновременно и актуальная реакция на современную геополитическую ситуацию, направленную на активное смешение культур, а вместе с ними и языков, а также и продолжение традиции изучения языковых контактов, у истоков которой стояли такие лингвисты как И. А. Бодуэн де Куртенэ [3], Л. В. Щерба [6], Н. С. Трубецкой [5]. Языковая интерференция представляется сложным многогранным объектом для наблюдения ученого и ставит перед ним ряд сложных задач.

Во-первых, следует отметить, что интерференция может происходить на всех уровнях языка. Наиболее она очевидна на фонетическом уровне и проявляется в виде акцента, например, у людей, изучающих иностранный язык. На лексическом уровне часто проявляется в виде неправильного использования лексических единиц по аналогии с другим языком *(например в русском языке «взять поезд» под влиянием английской формы «take a train»),* а также в виде заимствования лексических единиц из другого языка, до того как они будут отнесены к языковой норме *(например в русском языке современное: зачекинить (зарегестрировать),расшарить (поделиться), по-фасту (быстро), го (пойдём)).* На грамматическом уровне интерференция проявляется в искаженной морфологии и синтаксисе. Однако ученые говорят и о семантической интерференции, и о стилистической, то есть об уровнях языка, в которых взаимное проникновение языковых систем вовсе не являлось бы очевидным.

Во-вторых, интерференция, являясь языковым явлением, должна быть явлением коллективным, отображающим глобальное изменение в языке. При этом многие ученые считают должным обращаться в первую очередь к интерференции речевой, то есть проявляющейся индивидуально. Также изучение речевой интерференции может дать представление об этом процессе лишь в синхронии, тогда как для диахронии необходимы текстовые источники, в которых бы были закреплены языковые отклонения от нормы в разные периоды становления языка.

Несмотря на достойное количество научных трудов, посвященных особенностям интерференции, немногие ученые обращались к фольклорному тексту, как к возможному источнику для обнаружения примеров языковой интерференции. Нам представляется интересным и результативным обращение к фольклорному тексту именно с этой точки зрения.

В «Языковых контактах» У. Вайнрайх пишет: «С успехом можно было бы исследовать еще один тип языкового смешения – фольклор двуязычного населения и литературное творчество двуязычных» [4, с. 38]. Действительно, языковая интерференция может проявляться как при целенаправленном освоении иностранного языка, так и в ходе естественных обстоятельств, как например у билингвов. Государства с несколькими официальными языками (или же с большим количеством употребляемых диалектов и наличием языков населения, не имеющих официального статуса) благоприятствуют появлению двуязычной литературной фольклорной нормы. Именно фольклор интересен для изучения процессов интерференции, так как фольклорные тексты имеют в некоторой степени обезличенный характер, при этом являются отражением всей языковой культуры в целом, что позволяет нам увидеть примеры интерференции не индивидуальной, авторской, а национальной, коллективной.

Отдельным жанром фольклора является сказка, занимающая важное месте в его системе. Сказку изучается с разных точек зрения, антропологической, лингвистической, психоаналитической, и несмотря на ряд различий в её трактовании разными подходами единым остается одно: наряду с социализирующей, креативной, вербально-образной, важное место занимает культурно-этническая функция сказок, позволяющая приобщаться к историческому опыту своего народа [2].

Разумеется, изучение персонажей, сюжетов и морали сказок не может выявить истинную основу языковой интерференции, но может очень многое рассказать о ее природе. Так, имена нарицательные, которыми зачастую снабжены персонажи сказок, обладая той или иной семантикой, могут задавать особый вектор в восприятии сюжета. Неожиданный сюжетный ход может выражаться специфическими грамматическими средствами, передающими семантику необычными лексическими или синтаксическими образами. Сам факт сосуществования двух фольклорных систем, их интерференции, определенно влияет на билингвальное сознание, отражаясь впоследствии в речи и языке. В таких случаях можно говорить и об интерференции надъязыковой – культурной.

Фольклор, можно рассматривать как слепок языковой системы в той или иной момент её времени, передающий состояние языка и раскрывающий его разные стили, объединенные в литературном тексте. В этих текстах, которые наполнены различными смыслонесущими элементами, формируются семантические картины лингвокультурологического уровня, позволяющие составить представление о той или иной культуре. Фольклорные сказочные тексты дают возможность на сведение культурной и лингвистической семантики в одну плоскость изучения, что позволяет рассмотреть семантическую интерференцию сквозь призму единого прагма-функционального подхода.

Любой фольклорный текст представляет собой специфическое явление, отличное от литературного текста. Фольклорный текст – это традиционный текст, поэтому он возникает и функционирует только в соответствии с фольклорной традицией, реализующейся при определенных условиях. Так, исполнитель фольклорного текста не свободен в выборе способов его передачи. Фольклорная речь порождает традиционные тексты, нацеленные на многократное воспроизведение с сохранением ряда зафиксированных во фольклорном языке оборотов, языковых шаблонов и клише. Фольклорная форма может варьироваться лишь в известных пределах. Считается, что различие между фольклорными и нефольклорными формами речи для носителей традиции лежит в значительной степени в области прагматики. В лингвистике прагматический аспект речи исследуется посредством выделения тех механизмов, которые связывают язык с контекстом его употребления.

В рамках этого подхода развивается прагматическое направление, рассматривающее текст как сложный речевой акт, который осуществляется с определенными намерениями и целями и в котором используется комплекс языковых средств и приемов воздействия на адресата.

В свете всего вышесказанного может возникнуть вопрос о причинах возникновения подобной «косности» фольклорного текста. Ответ можно найти и в глубинных структурах языка, обуславливающих те или иные языковые закономерности. И в различиях в менталитетах народов, которые в свою очередь самым прямым образом связаны с языком, на котором говорит

данный этнос. Одно представляется бесспорным – фольклорное произведение, в некотором смысле, объединяет синхронию с диахронией, предоставляя исследователю уникальный шанс изучить в языке подсистему, скорость изменения которой гораздо ниже скорости изменения любых других подсистем. Само существование такой подсистемы в языке уже представляет собой предмет отдельного исследования, поскольку неясна причина ее возникновения. Что сохраняют в себе фольклорные произведения – образцы глоссы или образцы мысли?

Таким образом изучение интерференции во фольклорных текстах приводит ученых к необходимости изучения этого явления не только в лингвистическом контексте, но и экстралингвистическом, с применением подходов фольклористики и лингвистической прагматики, что позволяет создать дополнительный инструментарий, дающий возможность эффективно описать ограничительные функции фольклора и его лингвокультурного контекста, как интралингвистического, так и экстралингвистического, и в рамках этого контекста обратиться к фольклорному тексту, как к источнику обнаружения лингвистической интерференции.

Библиографический список

1. Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2004. – 312 с.
2. Аникин В.П. Теория фольклора. М: Кн. дом ун-т, 2004. – 428 с.
3. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. В 2-х томах. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т.1. – С. 253–361.
4. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 1979. – 265 с.
5. Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков / Н.С. Трубецкой // История. Культура. Язык. – М.: Прогресс, 1995. – С. 152–160.
6. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. – 182 с.

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2-51

И. А. Шушарина, И. С. Снигирёва
I. A. Shusharina, I. S. Snigirova
(г. Курган)

Виды наименования лиц в «Уложении» (1649) царя Алексея Михайловича Романова
Types of names of persons in the "Code" (1649) of Tsar Alexei Mikhailovich Romanov

Аннотация. В статье рассматриваются различные виды наименования лиц, традиционные для делового письма середины XVII века. Мы видим наименования, которые употребляются и сейчас, а также устаревшие в наши дни.

Ключевые слова: историческая документная лингвистика, наименования лиц, тематические группы, модели наименования.

Abstract. The article deals with various types of names of persons, traditional for business letters of the middle of the XVII century. We see names that are used today, as well as obsolete in our days.

Keywords: historical documentary linguistics, names of persons, thematic groups, naming models.

Известно, что функциональные стили в привычном нам виде складывались на протяжении XIX–XX веков, однако их формирование началось задолго до этого времени. В частности, некоторые знакомые нам элементы официально-делового стиля мы можем обнаружить в грамотах XI–XII века и более позднего времени. Например, начало жалованной грамоты великого князя Мстислава Владимировича новгородскому Юрьеву монастырю 1130 года звучит так: «*Се азъ мьстислав володимирь снъ дьржа роусьскоу землю въ свое княжение повелѣлъ*

есмь сноу своему всеволоду отдати боуицъ стомоу георгиеви» [2, с. 39]. Это предложение перекликается с современной формулой: «*Я, такой-то, сделал что-либо*». В «Русской правде» по списку 1280 года находим термины, обозначающие лиц: голова «убитый», головникъ «убийца», княжь мужь, коупець, тивунъ [2, с. 67–69]. Формирование клише и официально-деловой терминологии происходило на протяжении многих веков, и, безусловно, язык документов не оставался неизменным.

В своей работе мы обратились к «Уложению», составленному в 1649 году по повелению царя Алексея Михайловича Романова. Этот текст входит в состав первого тома Полного собрания законов Российской империи, изданного в 1830 году. Собрание доступно как в Государственном архиве Курганской области, так и в сети Интернет на сайте Российской национальной библиотеки [У]. «Уложение» охватывает практически все стороны государственной жизни и включает как уже давно действующие законы, так и принятые недавно. Оно было своего рода систематическим кодексом действующего права.

Нашей целью стал анализ речевых формул, при помощи которых в законодательных документах именовали лиц (176 языковых единиц).Как собрание российских законов «Уложение» было актуально на протяжении двухсот лет. Законы, записанные в нём, охватывали все сословия, поэтому нет ничего удивительного в том, что на его страницах мы находим упоминания и о царствующих особах и их приближенных, и о духовных лицах, и о дворянах, и о крестьянах, и о ремесленниках. В качестве основных критериев классификации наименований мы использовали семантический, словообразовательный и этимологический.

В соответствии с семантическим критерием мы разделили наименования лиц на несколько тематических групп: наименование лиц по титулу: 1) *Государь Царь и Великій Князь, всея Русіи Самодержецъ; Великій Государь, Отецъ и Богомолецъ святейшій патриархъ Московскій и всея Русіи; князь, Великій Князь*; 2) наименование лиц по этнической принадлежности*: литовскій человѣкъ, немецкий человек, рускій человѣкъ, татарин*; 3) наименование лиц по сословной принадлежности: *боярин, дети боярские (сын боярский)* «воины, несшие сторожевую службу по охране границ», *даточные люди*, *дворянин, дворянин московский, дворянин городовой, гулящий человек, жилец* (жилецкий человек) «неслужилые люди: городские и сельские жители», *крестьянин, крестьянин пашенный, торговый человек, тягловый человек, холоп, холоп боярский, ратниый человек, служилый человек, посадский человек;* 4) наименование лиц по занимаемой должности: а) правитель и его приближенные: *Царь, Кравчий, Окольничий, Оружничий, Постельничий, Спальник, Стольник*;

б) духовные лица: *архимандрит, архиерей, дьякон, епископ, игумен, келарь, ключарь, митрополит, монастырский слуга, патриарх, певчий дьяк, подьяк, подьячий, пономарь, поп, просвирница, протодьякон, протопоп, старица местная, старица беспоместная*;

в) служилые люди: *баскак, бирич* «глашатай», *воевода, воинские люди, воротник* «стражник на воротах», *верный голова* «выборная должность сборщиков таможенной пошлины», *деловой человек, казак, мостовщик* «стража на мосту», *мытчик* «сборщик мыта – пошлины за провоз товара и прогон скота через внутренние заставы», *наместник, недельщик* «судебный пристав, исполнявший свои обязанности по неделям», *откупщик, перевозщик* «стражник на перевозе», *ратные люди, сотенный голова* «сотник», *стрелец*;

1) наименование лиц по профессии: *бараш* «мастер по изготовлению шатров, обойщик», *денежный мастер, затинщикъ* «военный, служивший в крепостном гарнизоне и стрелявший из затинных пищалей», *золотых и серебряных дел мастер, кодашевецъ* «в XVII веке – ткач», *конюх, конюший, корчемникъ, кузнецъ, ловчій, мельникъ, плотникъ, поваръ, пушкарь, хлѣбникъ, целовальник, шатерничий человѣкъ* «мастер по изготовлению шатров, обойщик», *ямской охотникъ, ямщикъ*;

2) наименование лиц по выполняемой функции: а) среди духовных лиц: *духовник, прикащик = душеприказчик*; б) в суде: *богохульник, зажигальщик, изверг, изменник, истец, недельник, окольный человек = окольный свидетель* «свидетели по земельным вопросам», *ослушник = неслушник = слушник, ответчик, понятой, свидетель, сторонний человек, стряпчий, судья, убитый, убойца = убоец, церковный мятежник, челобитчик*.

Далеко не все именования сохранились в современном русском языке, некоторые из них сейчас можно отнести кисторизмам (*кравчий, окольничий, наместник, гулящий человек, бирич* и др.), другие – к архаизмам (*литовский человек, немецкий человек, русский человек* – совр. литовец, немец, русскийисторическая документная лингвистика, императивность, повелительное наклонение, инфинитив, безличные формы; торговый человек – совр. торговец, *золотых и серебряных дел мастер* – совр. ювелир, *убойца* – совр. убийца, *челобитчик* – совр. заявитель, *зажигальщик* – совр. поджигатель), часть лексем изменила своё значение (*жилец, воротник, местный*). Со времён царя Алексея Михайловичаисчезли некоторые виды профессий и должностей: *бараш, бирич, затинщик, ловчий, мельник, целовальник, ямщик*. Отметим, что к XVII веку частично сложилась терминология, которая используется и в современном судопроизводстве (*истец, ответчик, свидетель, судья, понятой*).

Обратим внимание на словообразовательный аспект и выявим принципы образования наименований людей в деловой письменности. Титул правителя не только формально именует должность (царь), но и указывает на сферу её распространения (всея Русіи), а также выделяет её из ряда подобных (князь – Великий), указывает на форму исполнения должности (самодержец) и подчеркивает необходимость почтительного к ней отношения (государь). То же самое можно сказать и о главе православной церкви: должность – патриарх, сфера распространения – Московскій и всея Русіи, род деятельности – богомолец, почтительное отношение – святейший. Такая модель титулования сложилась не в XVII веке. Она обнаруживается и в более ранних текстах, относящихся, например, к эпохе Ивана IV Грозного. Таким образом, титулование представителей высшей власти является в «Уложении» традиционным.

Наименование лиц по этнической принадлежности подчеркивает определённое подданство и выражается формулой «прилагательное, указывающее на государство + лексема «человек»: *литовский человек, русский человек, польский человек*. Эта формула является вариантом формулы наименования человека по месту рождения: «имя + *из* + название места + *человек*»: «Максимко из Рязани человек», или «имя + прилагательное места + человек»: «Иванъ суждальскій человѣкъ», или «имя + прилагательное места»: «Иванъ Москвитинъ». В дальнейшем формула подверглась сокращению. Особая формула используется для именования лиц по сословной принадлежности, роду деятельности, статусу: «название рода деятельности или статуса + лексема *человек / люди*»: *беглый человек, боярский служилый человек, боярский человек, воинский человек, выборный человек, гулящий человек, даточный человек, дворовый человек, домовой человек, думный человек, жилецкий человек, кормовой человек, окольный человек, посадский человек, приказный человек, проводной человек, ратный человек, служилый человек, сторонний человек, торговый человек, тягловый человек*. Надо отметить, что в тексте «Уложения» лишь отдельные обозначения лиц этой группы имеют параллельные сокращенные именования: *беглый, выборный, жилец, ратник*. Остальные наименования постоянно употребляются только в полном варианте.

Развернутые именования лиц, призванные с наибольшей точностью обозначить человека, имеют и другие формулы. Например, для обозначения лица, облеченного властью и возглавляющего что-либо, используется формула «прилагательное в мужском роде, именующее сферу деятельности + лексема *голова*»: *волостной голова, сотский голова, верный голова* «человек, возглавлявший таможенный пункт и собиравший таможенную пошлину, выбирался из людей, которым можно верить», *выборный голова*. Для обозначения человека, который является только исполнителем поручений, но сам никаких решений не принимает, использовалась формула «лексема *рядовой* + род деятельности»: *рядовой старец (в монастыре), рядовой слуга, рядовой служилый человек*. Сокращение этой формулы, видимо, в дальнейшем легло в основу образования названия начального воинского звания *рядовой*.

Обращает на себя внимание тот факт, что в основе именования многих лиц лежит их название по роду деятельности или выполняемого действия: *откупщик* – тот, кто откупает право на занятие чем-либо на определённой территории, *ответчик* – тот, кто должен отвечать, то есть нести ответственность на суде, *богохульник* – тот, кто хулил Бога, *беглый человек* – тот,

кто бежал откуда-либо, *воротник* – тот, кто охраняет ворота и собирает там пошлину, *мостовщик* – тот, кто охраняет мост и собирает на нем пошлину, *мытник* – тот, кто собирает мыто, пошлину на провозимый товар, *зажигальщик* – преступник, обвиняемый в поджоге и т. д. В этом ряду обращает на себя внимание лексема *затинщик*, которая в настоящее время не употребляется. Для людей, живших в XVII веке, она была хорошо понятна. Затинщики составляли крепостной гарнизон, а затином называли пространство внутри крепости.

Интересные наименования лиц обнаруживаются при перечислении людей, занимавшихся профессиональной деятельностью (в главе, посвященной штрафам за ложное свидетельство). Наряду с понятными нам названиями *кузнец, конюх, ловчий, мельник, плотник, пушкарь, ямщик* находим лексему *кодашевец*. Интересна она тем, что, во-первых, вместо обычного наименования лица по роду профессиональных занятий используется название лица по месту жительства: кадашёвцы – жители Кадашёвской слободы. Наименование по месту жительства было перенесено на род деятельности этих жителей: в XVII веке это был центр ткацкого производства, так что в «Уложении» слово «кадашёвцы», вероятно, фигурирует как синоним лексемы «ткачи». Во-вторых, само слово *кадаш* обозначало не ткача, а бондаря, человека, который занимается изготовлением кадей: кад(ь) – кадаш. Именно как бондари упоминаются жители Кадашёвской слободы в текстах начала XVI века. Дважды в тексте мы встретили названия лиц по профессиональной деятельности, не вполне характерные для русских наименований XVII века: *денежный мастер, золотых и серебряных дел мастер*. Формулы со словом «мастер» (вариант – мейстер) в большей степени характерны для XVIII века, то есть для Петровской эпохи и послепетровского периода, когда в России появилось много зарубежных специалистов. Однако эти названия не закрепились в русском языке.

Таким образом, можно сделать вывод, что в XVII веке происходит активное формирование терминосистемы, в частности это касается и названия лиц. Начинают получать распространение отвлеченные наименования лиц по выполняемой ими функции (это характерно и для современного официально-делового стиля). Также можно заметить, что этимологически преобладают славянские названия лиц,исключение составляют названия духовных лиц, которые являются старыми заимствованиями из греческого языка.

Источники

1. Уложеніе // Полное собрание законовъ Россійской имперіи, повѣленіемъ государя императора Николая Павловича составленное. Собраніе первое. Съ 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб, 1830. С. 1–161[Электронный ресурс] / http://www.nlr.ru/e-res/law_r/about.html. – Свободный доступ. (В тексте –У).

2. Хрестоматия по истории русского языка / Авт.-сот. В. В. Иванов, Т. А. Сумникова, Н. П. Панкратова. М., 1990. (В тексте – Хрестоматия…).

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2-51

И. А. Шушарина
I. A. Shusharina
(г. Курган)

Языковые средства выражения императивности в документах курганского городового старосты за 1799 год
Linguistic means of expressing imperative in the documents of the Kurgan town headman for 1799

Аннотация. В статье рассматриваются языковые средства выражения императивности в текстах делового содержания конца XVIII века. Автор делает вывод о том, что чаще всего императивность в рассматриваемых текстах выражается не формами повелительного наклонения глаголов, а инфинитивными конструкциями.

Ключевые слова: историческая документная лингвистика, императивность, повелительное наклонение, инфинитив, безличные формы.

Abstract. The article discusses the linguistic means of expressing imperative in the texts of the business content of the late XVIII century. The author concludes that most often imperative in the texts under consideration is expressed not by the imperative forms of verbs, but by infinitive constructions.

Keywords: historical documentary linguistics, imperative, imperative, infinitive, impersonal forms.

В Государственном архиве Курганской области представлено довольно много документных текстов, относящихся к светскому и религиозному деловому общению. Самые ранние из них относятся к началу XVIII века (1716 год), наиболее поздние представляют деловую коммуникацию недавнего прошлого. Таким образом, на локальных материалах мы можем проследить, как развивалась деловая письменность на протяжении трехсот лет, что является немаловажным для исторической документной лингвистики. «Для документной лингвистики наибольший интерес, безусловно, представляют тексты современного делопроизводства, однако, не зная закономерностей формирования функционального стиля, невозможно судить о перспективах его развития» [Шушарина: 84].

Материалом для настоящего исследования стали скорописные документы курганского городового старосты за 1799 год, содержащиеся в фонде 8 (опись 1, единица хранения 1) [КГС]. Это собрание всевозможных документов за один год, написанных на листах разных форматов (чаще всего это стандартный лист, согнутый пополам, но иногда тексты написаны на половине или на четверти стандартного листа), собранных в тетради и затем сшитых в одну книгу, содержащую 374 листа. Тексты разделены на несколько рубрик, среди которых можно выделить следующие: 1) указы, сообщения, понуждения, требования, рапорты; 2) объявления; 3) подписки; 4) протесты векселей; 5) маклерская книга; 6) объявления о купеческом состоянии; 7) объявления о ценах «на хлебные и жизненные припасы»; 8) ведомости; 9) другие документы. В каждом условном разделе документы расположены в хронологическом порядке. В редких случаях документы из одного раздела попадают в другой.

Объектом нашего исследования стал язык документов конца XVIII века. Коротко рассказывая об истории развития делового письма в России, С. П. Кушнерук пишет о делопроизводствеXVIII века: «Документы периода коллегий формализуются в еще большей степени, что является отражением исходной установкипри переходе к коллегиям: устранить произвол и субъективизмприказной системы. Возрастает роль документов, отражающихколлегиальное мнение, что сказывается на распределительныххарактеристиках грамматических форм, связанных с категорией числа, категорией императивности, адресацией и подписным оформлением» [Кушнерук: 37]. В анализируемых текстах мы хорошо видим, как отражается эта коллегиальность: купцы, мещане и крестьяне обращаются в «купецкое» и мещанскоеобщество, которое совместно выносит приговоры, «купецкое» и мещанское общество обращается к городничему – высшей инстанции в уездном городе, купеческое и мещанское общество как единый коллектив, принимающий совместные решения, вступает в деловую переписку с местной полицией, с духовным правлением, с уездным казначейством, с казенной палатой, с губернским правлением, другими учреждениями. Коллегиальность принятых решений подтверждается количеством «приложивших руку» людей, присутствовавших при рассмотрении дела и подтвердивших верность вынесенного решения.

В XVIII веке продолжают вырабатываться особые черты, которые впоследствии выделятся как стилевые, как черты, отличающие тексты делового содержания от научных, публицистических, художественных, разговорных и обеспечивающих религиозную коммуникацию. Многие из них присущи и современному делопроизводству. Так, перечисляя черты современного официально-делового стиля, на первое место Г. В. Токарев ставит следующую: «Окраска долженствования, императивность (повелительность)» [Токарев: 29].

Безусловно, данная черта сложилась не в XXI и не в XX веке. Императивность присуща и документам прошлого. Предметом нашего изучения стали языковые средства выражения императивности в курганских текстах делового содержания конца XVIII века как одна из важнейших составляющих документного текста, ставшая в настоящее время его неотъемлемой стилевой чертой.

Прежде всего необходимо остановиться на самом понятии «императивность». Надо отметить, что в словарях лингвистических терминов [Ахманова; Жеребило; Матвеева] данноеслово отсутствует, однако все авторы дают дефиниции термина «императив»: «ИМЕРАТИВ [лат. imperativus – повелительный]. Повелительное наклонение глагола. Наклонение, совмещающее выражение желания и выражение побуждения. Глагольная парадигма включает 1) *гортативы; 2) юссивы; 3) прохибитивы*» [Жеребило: 118]. «ИМПЕРАТИВ. То же, что наклонение повелительное. **Императив междометный** (императивное междометие, повелительное междометие) *англ.* interjectionalimperative. Специфический разрядглагольных слов с повелительно-восклицательным значением. – *Русск.* вон! прочь! долой! **Императива инклюзивнаяформа** *англ.* inclusiveimperative. В русском языке форма императива, побуждающая тех(того), к кому обращена речь, к совместному действию с говорящим (говорящими). – *Русск.* пойдем, пойдемте *в отличие от* пойдите [Ахманова: 173]. «ИМПЕРАТИВ – то же, что повелительное наклонение» [Матвеева: 125]. Помимо этого, в словаре О. С. Ахмановой приводится определение термина «императивный»: «То же, что повелительный. *Императивное значение. Императивные окончания*. **Императивная интонация. Императивное междометие**. То же, что императив междометный. **Императивное предложение**. То же, что побудительное предложение» [Ахманова: 173].

Несмотря на то, что термин «императивность» в словарях лингвистических терминов отсутствует, в работах по языку он употребляется постоянно. Наиболее часто под побудительностью исследователи понимаютдирективность, вербальное воздействие на кого-либо с целью побудить к совершению чего-либо, а М. П. Брандес считает императивность одной из форм долженствования: «Общее содержание коммуникативной функции, которую реализует официально-деловой стиль, можно определить как *долженствование*, выступающее в форме императивности и предписывающе-оценочного значения»[Брандес: 143].

Традиционными способами выражения императивности являются формы повелительного наклонения (*скажи(-те), пусть скаж(-ет/-ут)*), однако это не единственные способы выражения волеизъявления. Императивность может выражаться формами совместного действия (*давай(-те) скажем*), формами изъявительного наклонения в значении повелительного (*идём(-те), сядем, идёшь со мной!, первый пошёл!*), формами сослагательного наклонения в значении повелительного (*не сидел бы ты у компьютера*), формами инфинитива в значении повелительного наклонения (*стоять!*), при помощи междометий (*брысь!, тпру!, цыц!, тс!*), эллиптическими конструкциями с наречиями в сравнительной степени, в которых пропущен глагол в повелительном наклонении ((делай) *живее!, скорее!*), интонационно, а также при помощи мимики и жестов.

В современном делопроизводстве императивность«проявляется в регулярном употреблении инфинитивов (*уволить*), форм настоящего времени в значении предписания (*отчёты сдают ежемесячно*), кратких прилагательных с модальным значением (*должен, обязан, ответствен, подотчетен, подсуден*), слов, выражающих волеизъявление (*разрешить, запрещается, надлежащие, необходимые, дозволенные*), пассивных конструкций (*справки выдаются по требованию*)» [Токарев: 29]. Здесь необходимо обратить внимание на то, что Г. В. Токарев императивность и долженствование объединяет в одну общую черту современного официально-делового стиля, поэтому он в качестве примеров приводит языковые формы, выражающие и то, и другое значение. Считаем, что это не вполне справедливо, так как категория долженствования связана с тем, что то или иное лицо обязано делать в определенной ситуации, а категория императивности связана с предписанием, волеизъявлением.

Рассмотрим способы выражения императивности в документах курганского городского старосты за 1799 год.

Самым редким способом выражения императивности в этих документах является форма повелительного наклонения (2 л. мн.ч.). Она обнаруживается исключительно в обращениях купцов, которые после изложения сути своего обращения в купеческое и мещанское общество пишут: «*а потомъ не в противномъ времени меня уведомлениемъ не оставте*» [КГС: 299 об.]. Фраза «уведомлением меня не оставьте» является для такого рода документов стандартной формулой. Она подчеркивает, что проситель имеет не только надежду, но и право на получение обратной реакции со стороны государственного органа, в который он обратился.

Чаще всего в документах императивность выражается инфинитивом или инфинитивной конструкцией. При этом только инфинитив используется в распорядительных документах, например: «*данноижѣимъ прежней вексель когда онънынѣвыдастъновои то прежнеи ему возвратить и за протестъ принадлежащие денгивзыскать*» [КГС: 299 об.], *«…на обратнои путь дать денег и что имъ на наемъ лошади прогону дать до города Ишима шесть рублеи*» [КГС: 318], «*и сколкобудетъ отдано за подряженную лошатприслатзъ договору копию в общество нетменночрезъ почту*» [КГС: 319], «*…для должнаго сведения и до кого следует исполнения всемъвышеписаннымъ местам и чинам неподчиненнымъ сообщит а подчиненным предписат указами*» [КГС: 103 об.], «*и о семъ заключении тем торговцамъ дать от общества надлежащие* виды» [КГС: 353 об.]. Распоряжение, требующее одноразового исполнения, выражается глаголами совершенного вида: *дать, взыскать, сообщить, возвратить, подать* (см. примеры выше). Распоряжение, требующее постоянного исполнения или осуществления с определенной периодичностью, выражается глаголами несовершенного вида: *представлять, выполнять, исполнять, посылать, давать, чинить: «оныхъ немѣдленно представлять и требованіи уѣздого суда выполнять без промедлѣніявъсамои точности»* [КГС: 111], «*на содержание и покупку лошадеи 400 ру а в случае нужды чинить оным нарядъ с домовъ на пожарные инструменты на освящение города и на протчие нужные по полицеискои части расходы*» [КГС: 126].

Глагол *дать* употребляется не только в значении «вручить, выдать», но и в значении «позволить»: «*ему не более дать* отлучку*какъ только будущагомаия до 10го числа*» [КГС: 299 об.], то есть «позволить отлучиться».

Помимо этого, в заключительной части распорядительных документов частотным является употребление устойчивого выражения «*дать знать*», которое подчеркивает необходимость уведомления адресанта или какого-либо третьего лица о совершении определенных действий: «*о чемъ и департаменту воденныхъкоммуникацыйдать знатьуказомъ*» [КГС: 100 об.], «*а какое обществомъ учинено будетъ распоряжение о томъдать мне знать*» [КГС: 101об.].

Самой распространенной моделью выражения императивности в указах является инфинитивная конструкция, состоящая из глагола со значением волеизъявления в форме прошедшего времени (*приказали, постановили, предписали, заключили, присоветовали* и под.) и инфинитива, обозначающего конкретное действие: «*присоветовали мы по требованию господина городничего для топления ево квартиры дровъ с вышеписанного числа сколко им потребно будетъ, купить на щетъ общественной суммы*» [КГС: 340], «*купецкое общество следуя высочаише изданным его императорскаго величества уставамъзаключили приезжающим из Везниковской округи торговцам отвесть в городе Кургане в гостином дворе для поклажи и продажи привозимых ими товаров двенатцатьлавокъ*» [КГС: 353], «*правителствующийсенатъ приказали о приведении по судоходнымърекамъбечевниковъ в узаконенное межевою инструкцыею положение равно о содержании впретьоныхъ в должномъпорятке и о неделании заколовъ и плотинъ на с удовомъ ходу а паче по темърекамъ по которымъ имеется обратный подъемъпорожжихъ судовъ для нагрускионыхъ по пристанямъ во все губернские правлении послать указы…*» [КГС: 100 об.], «*Таболское губернское правление приказали для точнаго и непрменнаго исполнения къгосподамъкомендантамъ и в канцелярию Колывановоскресенскагогорнагоначалства сообщить, городничимъ и нижнимъземскимъ судамъ предписать указами*» [КГС: 99].

В редких случаях глагол со значением волеизъявления выступает в качестве обобщающего слова, а инфинитивами перечисляются конкретные действия, которые необходимо совершить (при этом действие может быть одно). Передается это при помощи пунктуационного

знака двоеточия: «*и для того сіе правленіе ПРИКАЗАЛИ: о выполненіи вышеписанноговамъ господину городничему предписать сим указом*» [КГС: 107].

В распоряжениях о верстке рекрут, о найме для выполнения каких-либо работ или назначении на какую-либо должность (например, сидельцем в питейное заведение), об отчуждении земель императивность обозначается пассивными конструкциями, выраженными либо возвратными глаголами в третьем лице настоящего времени: «*Тимофей Маркелов снъ Попов холостъ отца и матери не имеетъотдаетца в рекруты по собственному его желанию, и за неспособностью быть в обществе*» [КГС: 347], либо краткими страдательными причастиями прошедшего времени:«*за малоимениемъкурганскагоградскаго выгона к продоволствию выпуска скота земли прирезано из дачь господина коллежского ассесораБашняка*» [КГС: 106], «*о чемъ от сего земского Смолинскому волостному суду указом предложено*» [КГС: 106].

Своеобразным средством проявления вежливости являются не сохранившиеся в наши дни конструкции типа *благоволит приказать, имеет учинить*: «*имеетъ градское обшествоучинить свое распоряжение*» [КГС: 101], «*благоволитъ градская полиция кому должно приказатьчтобъ отрезанное от ассесораБашнякамъстокрестьянамъСмолинской волости показать*» [КГС: 106], «*... по приеме коего соблаговолено б было дать квитанцию*» [КГС: 340]. Данные конструкции находим в текстах просителей, не обладающих властью, обращенных к должностным лицам.

В заявлениях складывается формула выражения просьбы «прошу + инфинитив»: «*... в такомъ случае прошувасъмилостиваго Государя когда онъприбудетъ то противоданного от него Пудовикова на имя хозяина в означенной суммъ векселю испрошенному объявит с темъ чтоб онъ непременно по оному цплатуучинилъ безотговорочно*» [КГС: 299]. Глаголе волеизъявления может сопровождаться наречием *покорно, покорнейше*: *«...а васъпокорно прошу следующие мне по записной моеи книге за скота денги с купца Якова Чебыкина 125 руполучит*» [КГС: 298 об.], «*в разъсуждении того оному обществу симъ донеся покорнеише прошу куда принадлежитъ для учинения со мною с темъКузьмичевскимъщетаучинить предъставление...*» [КГС: 344 об.].

Таким образом, можно сделать вывод, что далеко не все способы выражения императивности, бытовавшие в деловой письменности конца XVIII века, обнаруживаются в современном делопроизводстве. Наиболее активными средствами выражения императивности являются не формы повелительного наклонения, а инфинитивные конструкции. Неглагольные способы передачи императивности в деловом письме конца XVIII века отсутствуют.

Библиографический список

1. *Брандес И. П.*Стилистика текста. Теоретический курс. – 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004.
2. *Кушнерук С.П.* Документная лингвистика (русский деловой текст). Волгоград, 1999.
3. *Токарев Г. В.*Документная лингвистика. Тула., 2010.
4. *Шушарина И. А.* Задачи исторической документной лингвистики // Русский язык и литература в аспектах изучения и преподавания: материалы международной научно-практической конференции, г. Тюмень, 30–31 октября 2015 г. / под ред. О.В. Трофимовой, Н.В. Кузнецовой. Тюмень, 2016. С. 82–89.

Словари

5. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – 2-е изд., стер. М., 2004.
6. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. – 5-е изд., испр. и доп. Назрань, 2010.
7. *Матвеева Т.В*. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону, 2010.

Источники

Курганский городовой староста. Указы Тобольского губернского правления, постановления, отношения, прошения, отношения, прошения частных лиц, акты и др. документы за 1799 год // ГАКО, ф. 8, оп. 1, д. 1. 374 л. (В тексте – КГС).

УДК 811.512
ББК 81.2

В. И. Юзбашев
V. I. Yuzbashev
(г. Баку)

Выражение понятия пространства через определения в персидском языке
Expression of the concept of space through definition in the persian language

Аннотация. Пространственные отношения проявляются не только в разных формах, но и в разных синтаксических соединениях. В подобных соединениях различные оттенки пространства, или в более общем смысле само пространство, представлены более точно.Известно, что в персидском языке словосочетания являются, прежде всего, определительными (*изафет*). Определительные словосочетания или слова являются одной из наиболее часто встречающихся форм персидского языка. В персидских учебниках и грамматике *изафет* часто рассматривается как форма с особым значением, но наблюдения за языковыми закономерностями показывают, что *изафет* – это рядовая форма, и многие значения могут быть выражены именно через эту форму, в том числе значение пространства.

Ключевые слова: персидский язык, определительные словосочетания, значение пространства, языковые закономерности.

Abstract. Spatial relationships are manifested not only in different forms, but also in different syntactic compounds. In such compounds, various shades of space, or more generally the space itself, are represented more accurately. It is known that in the Persian language phrases are first of all, definitive (isafetus). Definitive phrases or words are one of the most common forms of the Persian language. In Persian textbooks and grammar, isafetus is often regarded as a form with special meaning, but observations of linguistic patterns show that isafetus is an ordinary form, and many meanings can be expressed precisely through this form, including the meaning of space.

Keywords: Persian language, definitive phrases, the meaning of space, language patterns.

Вперсидскомязыкознаниипроблемы*изафет*рассмотренывдостаточноподробно. Здесь по уровню анализа выделяется произведение Мухаммеда Мои «Изафи» [8]. Небольшое по объему, оно вместе с тем охватывает многие вопросы, связанные с определительными словосочетаниями в персидском языке. Здесь рассмотрены виды определительных словосочетаний в древнеперсидском языке, в «Авесте», в современном персидском языке, дано определение определительного словосочетания и его состав, отличие его от сложных слов, применение этих словосочетаний в иранских языках и диалектах.

Также проводится сравнительный анализ определительных словосочетаний персидского и западноевропейских языков (немецкого, английского, французского), предоставляется обширная информация о характерных особенностях *изафет*,показываются случаи его выпадения. Следует, однако, отметить, что произведение непосредственно посвящено проблеме *изафет*, однако, наряду с этим, смыслы определительных словосочетаний не рассматриваются. Несомненно, что всего этого потребовать от автора нельзя, ведь, хотя произведение в целом и посвящено *изафет*, многозначность этих словосочетаний составляет предмет отдельного исследования.

Во всех произведениях, посвященных грамматике персидского языка, причем как синтаксису, так и морфологии, затронута проблема *изафет*. Однако следует подчеркнуть, что анализ смысловой наполненности этих словосочетаний не всегда аналогичен друг другу. Интересно то, что в рассмотренных нами произведениях не встречается анализ определительных словосочетаний, связанных с понятием пространства. Видимо, здесь стоит назвать ряд причин, самая главная из которых состоит в том, что авторы не учли того обстоятельства, что понятие пространства может быть рассмотрено в рамках этого языкового явления. Иными словами, пространство в предложении связывалось в рамках предложения лишь с движением.

А. К. С. Ламбтон отмечает, что *изафет* исторически в древнеперсидском языке являлось относительным определением, не использовалось самостоятельно, в современном же персидском языке стало энклитикой [1, с. 9].

Ж. Лазарь, определяя свою точку зрения относительно *изафет*, касается вопроса его организации, подчеркивая, что в роли этого грамматического явления могут выступать различные части речи. Вот примеры:

Прилагательное или причастие: آب گرم، ایام گذشته

Существительное или неопределенная часть речи: کتاب حسن، موقع رفتن

Местоимение: کتاب من

Наречие: جوانهای امروز

Именное словсочетание: روز بعد از آن اتفاق

[2, с. 88].

Этот вопрос, который затрагивает автор, очень важен как с точки зрения рассматриваемойпроблемы, так и с точки зрения применения *изафет* в целом. Из сказанного автором можно сделать вывод, что *изафет* не является ограниченной формой, и что эта структура может быть максимально расширена, то есть, в пределах возможностей языка, мы можем расширить содержание *изафет* в сложном предложении. Например, последний пример (*ruz-e bəd əz ettefaq*)может быть примером иллюстрации сказанному. В целом он действует как наречное словосочетание, то есть выражает точное значение времени, и это также можно отнести к пространству, что мы обсудим более подробно позже. Ж. Лазарь также затрагивает эту проблему и, он, пожалуй, единственный ученый, который видит связь между пространством и *изафет*. Он отмечает, что единственной функцией изафет является указание на связь с именем, где связь основной и зависимой частей не предоставляет никакой информации о смысле.

Сущность этой связи постигается лишь через контекст предложения (словосочетания) и смысла соответствующих слов [2, с. 90]. Автор следующим образом группирует различные отношения, выражаемые *изафет*:

1) с участием прилагательного (здесь в роли определения выступает существительное, причастие, определение). Например:

آب گرم، ایام گذشته، شیر نر، سعدی شیرازی، یوسف پیغمبر

2) определи свою позицию: в таких случаях определением может выступать наречие или группа наречий. Например:

جوانهای امروز، سال قبل، قالیهای توی صندوق، روز بعد از آن اتفاق

3) в роли определяемого может выступать существительное (или неопределенная часть речи, то есть *масдар*), в целях определения особенностей существительного. Например, может определить происхождение: آب چشمه

Определить материал, из которого сделан, или тематику: تاج زر، کتاب ادبیات

Поэтическое украшение: لب لعل

Принадлежность или назначение: آب خوردن

Продукт: آب زندگی، دوای سردرد

Принадлежность: существительное в качестве определения

a) принадлежность: خانه ی حسن، پدر دختر

b) другие отношения (происхождение, цель, пространство и проч.).Здесь определяемое становится еще более конкретным и определенным:

درد جراحت (درد ناشی از جراحت)، پول نهار، اول حیابان، اکثریت مجلس، طرف سمنان، موقع رفتن[2, с.90–91].

Есть некоторые вопросы, с которыми несколько трудно согласиться, но, поскольку они немного далеки от нашей темы, мы не намерены останавливаться наних, однако мы полностью согласны с тем, что автор утверждает о связи пространства с *изафет*. Действительно, изафет– этооснова, которая проявляется в пространстве. Слова, которые определены словами с пространственным значением, конкретизуются, и становятся пространственными терминами.

Мехти Мешкетодини подходит к объяснению определительных словосочетаний несколько с других позиций. Она предпочитает рассматривать *изафет* не как отдельное явление, а лишь в рамках определительных словосочетаний. Автор делит определительные

словосочетания по структуре и смыслу на несколько групп и включает *изафет* в одну из них. Интересным представляется то, что автор рассматривает изафет с точки зрения особенностей слов, выступающих в роли определения в рамках выражаемых смыслов. При этом в соответствии со смыслом он делит их на определенные группы. Например, определение, выражаемое прилагательным, определение, выражаемое поясняемым словом, и т. д. [4, с. 158–160]. Автор, можно сказать, почти не рассматривает вопрос выражения понятия пространства в определительных словосочетаниях, однако приводит примеры о схожих случаях. Например:

دوست به سفر رفته، آدم بسیار از پا افتاده، آثار برجای مانده، آدم بی خبر از همه جا، نکات دستوری بسیار روشن، جوان خواهان کار، آدم از پا افتاده ی ناتوان، از همه جایی خبر.[4, с. 160].

Эти примеры говорят о том, что автор не ограничивает возможности применения *изафет*, приводя при этом примеры, связанные в той или иной степени с пространством:

درخت های باغ ملی شهر، درخت های جنگل های شمال کشور ما [4, с.164].

Если мы внимательно посмотрим на эти примеры, то увидим, что здесь есть некоторые пространственные оттенки, и, конечно, это также связано с пространственным выражением слов, используемых в комбинации, в лексическом отношении.

Здесь у нас приведенылишь мнения исследователей, у которых разные взгляды на применение *изафет*. В целом в разделах персидской грамматики, посвященных проблеме изафет, идеи, связанные с этой грамматической единицей, не сильно различаются.

В персидском языке *изафет* является одной из форм, используемых для более точного выражения определенных оттенков пространства. Прежде всего, следует отметить, что некоторые пространственные значения (слова, используемые в качестве приложения) используются вместе с *изафет*. Например:

Берег моряکنار دریا

Поляна в лесу وسط جنگل

Поверхность моста روی پل

Край дорогиلب جاده

Следует отметить, что слова такого типа могут использоваться в качестве обеихсоставных частейизафет, ив любом случае или при исполнении своей функции (например, прилагательное, и т. д.)и дают оттенок пространства для всего словосочетания.

Дополнительным свойствомтаких слов является формирование пространственных отношений во всех определительных словосочетаниях, выраженных в пространственных терминах. Более четко обе частипроявляются в определительных словосочетаниях пространственного значения. Например:

مثل همیشه در حیاط مدرسه می پلکیدیم.

Как всегда, я болтался в школьном дворе [6, с. 260].

از نزدیک ترین گل فروشی یک دسته گل و از شیرینی فروشی محله یک جبعه نقل خرید.

Я купил в ближайшем цветочном магазине букет цветов и в магазине, размещенном в нашем квартале, коробку конфет [7, с.190].

Известно, что в словосочетаниях *изафет* глаголы также используются в неопределенной форме и с этой точки зрения определительные словосочетания, которые формируются в сочетании с глаголами, носящими смысл пространства, также можно отнести к этим словосочетаниям. Например:

با خارج شدن ماشین پدر از حیاط، صداها خاموش شدند.

С выездом машины отца из двора шум прекратился [6, с.35].

طبق قرار قبلی هنگام صحبت با فرناز و نرگس هیچ سؤالی درباره ی شهاب نکرد و آنها نیز چیزی راجع به روز گذشته و آمدن شهاب به دانشگاه نگفتند.

Как и было заранее условлено, при разговоре с Парназ и Наргиз о Шахабе не было задано ни одного вопроса, и они также не сказали ничего о вчерашнем возвращении Шахаба из университета [5, с. 412].

Выводы. Из вышеизложенного можно понять, что в персидском языке изафет является одной из наиболее функциональных форм, и эта форма содержит в себе множество смыслов. Вместе с тем функции *изафет* этим не ограничиваются, следует отметить большую роль этой

формы в упрощении персидского языка в современный период. При помощи этой формы ряд сложных смыслов (мыслей и выражений) значительно упрощаются. Например:

Со словами kenar کنار, nəzdik نزدیک:

سپس درخت تنومند کنار عمارت را به او نشان داد و گفت.

Затем он указал на дерево с широким стволом возле минарета и сказал: [8, с. 175]

گلدان کنار پنجره را آب داد.

Он полил цветы на подоконнике.

Определительные словосочетания в персидском языке имеют большие возможности для выражения смыслов, связанных с пространственными понятиями.

Библиографический список:

1. Lambton A.K.S. Persian grammar
2. ژیلبر لازار، دستور زبان فارسی معاصر، ۲۰۱۲، ۳۱۲ص
3. محمد معین، اضافه، تهران ۱۳۳۲، ٦٨ص
4. مهدی مسکوة الدین، دستور زبان فارسی، مشهد، ۱۳۷۹، ۲٤۲ص
5. مریم ریاحی، همخونه، تهران، پرسمان، ۱۳۹۲، ٤٥٨ص
6. پرینوش صنیعی، پدر آن دیگری، تهران، روزبهان، ۱۳۸۳، ۲۸۹ ص
7. گلی ترقی، اتفاق، تهران، نیلوفر، ۱۳۸۹، ۳۰۲ص
8. کریم پور حسن، درماندگان عشق، تهران ۱۳۷۷

УДК37.01 (80)

Т. А. Яркова
T. A. Yarkova
(г.Тобольск)

Сетература в современном пространстве литературы: психолого-педагогический аспект
Seterature in the modern space of literature: psychological and pedagogical aspect

Аннотация. В статье рассматривается развивающееся явление – сетература. Основной акцент делается на использовании сетературы школьниками и студентами, постановке проблемы использовании возможностей сетературы в образовательном процессе.

Ключевые слова: сеть Интернет, сетевая литература, сетература, школьники, студенты, мотивация выбора.

Abstract. The article considers a developing phenomenon – seterature. The main emphasis is on the use of seterature by schoolchildren and students, the formulation of the problem of using the capabilities of seture in the educational process.

Keywords: network, network literature, seterature, schoolchildren, students, motivation of choice.

Эпоха цифрового общества характеризуется новыми форматами коммуникации, среди которых решающее значение имеет сеть Интернет. Распространение нового типа коммуникации и развитие сетевых форм общения вызвало к жизни новые понятия, в том числе такое понятие, как «сетевая литература». Ввиду распространенности этого понятия в сети развернулась дискуссия относительно его содержания, признаков, видов и жанрового разнообразия, назначения, а также отношение к ней подрастающего поколения и характер их взаимодействия в сети.

Данная статья не претендует на полноту ответов по заявленной теме, а лишь является очередной заявкой на ее обсуждение в педагогическом контексте, который практически не представлен в многочисленных статьях и комментариях, преимущественно, в сети интернет.

Статистические данные показывают высокую степень погруженности школьников, да и студентов, в информационные потоки интернета, безопасность использования которого обсуждается на разных уровнях. Интернет-технологии – неотъемлемая часть жизни российских детей. Из общего числа несовершеннолетних часто выходят в сеть 78,1%, а практически «живут» в интернете 61,3% подростков от 15–17 лет.

Не менее важной проблемой является и использование современными школьниками и студентами информации в сети интернет.72% детей получают информацию из компьютерных источников. При происходящей в настоящий момент автоматизации и компьютеризации модифицируется и методика обучения в школе. Интернет становится неотъемлемым фактором информационного взаимодействия.

С позиций психологии и педагогики это явление требует своего рассмотрения. По мнению Жана Бодрийяра, взаимодействие в сети интернет имеет характер иллюзии: «Здесь играют в то, будто говорят друг с другом, слушают друг друга, общаются, здесь разыгрывают самые тонкие механизмы постановки коммуникации… Контакт ради контакта становится родом пустого соблазна языка, когда ему уже просто нечего сказать… это мы нуждаемся в функции «контакта» …» [3].

Традиционным источником получения информации многие века была книга как печатный литературный текст. Долгое время произведения литературы, в своем большинстве, проходя процедуру рецензирования, ассоциировались и продолжают ассоциироваться с надёжными, достоверными источниками информации.

Виды литературы выделяются как по содержанию текстов, так и по их предназначению (художественная, публицистическая, научная, учебная, методическая, научно-популярная и др.), полностью же соблюсти принцип единства основания при классификации литературы затруднительно. Наряду с широко известными видами появился новый развивающийся вид литературы – сетература.

Что же такое – сетература? Можно ли сетературу рассматривать как вид литературы?

Прежде чем попытаться определиться с научным толкованием этого понятия, мы обратились к результатам исследования, проведенного в Рижской гимназии со школьниками [5]и в Тобольском педагогическом институте им. Д. И. Менделеева со студентами.

Данное понятие не вошло еще в обиход в среде обучающихся.Менее четверти всех опрошенных дали положительный ответ: они слышали такое понятие и имеют общее представление о нем. К основным содержательным характеристикам сетературы респондентами были отнесены:

– литература, находящаяся в интернете;
– сетевая литература;
– понятие для обозначения совокупности литературных произведений, основной средой существования которых является интернет;
– электронные издания книг различных жанров для более быстрого и удобного ознакомления с информацией;
– литература в интернете, дающая возможность обсудить с другими читателями произведения в режиме онлайн;
– сетевая библиотека;
– сетевая литература, используемая пользователями в режиме онлайн и др.

Наиболее распространенная характеристика связана с ведущим признаком сетературы – ее расположение в сети интернет; т. е. все тексты, которые находятся в интеренете, отнесены к сетературе.

Как же научное и интернет сообщество определяют данное понятие? Большинство авторов использует это понятие как сокращение от сочетания сетевая литература. В то же время можно выделить и синонимичный ряд слов, раскрывающих различные оттенки данного термина – гиперлитетарура, киберлитература.

В различных источниках сетература рассматривается в широком и узком смыслах. В широком смысле под сетературой понимается весь объем литературных текстов, расположенных в Сети, вне зависимости от формы их представления (текст, гипертекст, гипермедиа) и способа написания (индивидуальное авторство, коллективное авторство, создание текста с помощью компьютерных программ) [6].

В узком – произведения, которые не могут быть перенесены на бумагу, либо сильно обесцениваются при таком переносе, т.к. текст сочетается с визуальными и звуковыми образами [2]; направление в литературе и литературной критике, в рамках которого тексты рождаются и реализуются в Сети (Интернете), также сообщество писателей, эссеистов, критиков (сетераторов), начинавших и продолжающих активно работать в сетевом пространстве [1].

Несмотря на значительное число работ разных жанров по проблеме сетературы – от небольших заметок, примечаний до научного анализа сущностных характеристик понятия, надо признать, что авторы, в основном, сходятся во мнении в определении данного понятия. В то же время осуществленный нами научный поиск показал тяготение к рассмотрению сетературы как художественной литературы, представленной прозаическими и поэтическими произведениями. Все остальные работы (научные, учебно-методические и др.), в большей степени, рассматриваются как информация, расположенная в сети Интернет.

Пытаясь систематизировать имеющиеся позиции, мы взяли на себя смелость принять точку зрения Г. Рябова, посчитав её, наиболее полно отражающей сущность сетературы: «Сетература» – основанный на использовании письменности вид творчества, конечный продукт которого (произведение) может размещаться на разнесенных в пространстве узлах компьютерной сети, видоизменяться (редактироваться) во времени и быть доступным многим потребителям из разных мест одновременно» [4].

Это определение, на наш взгляд, соответствует основным признакам сетературы, которые с большей или меньшей полнотой представлены также в работах различных авторов: 1) размещение в сети; 2) принадлежность к «творчеству»; 3) наличие текста (букв, слов); 4) применение перекрестных гиперссылок; 5) наличие динамики (возможность изменяться во времени); 6) употребление мультимедиа; 7) количество авторов; 8) транспарентность (полная анонимность) или виртуализация. (существующий только в Интернете образ со своей жизнью и со своими чертами характера, который может совсем не совпадать с реальной личностью) авторов; 9) тип обратной связи с автором (пассивная – возможность довести до сведения автора свое впечатление от работы, высказать совет или просьбу; активная – читатель может выступать в качестве соавтора, редактируя сетературное произведение).

Принимая во внимание все указанные признаки, в качестве определяющего суть сетературы выделим – сетевое взаимодействие в «производстве» творческого письменного произведения (художественного или научного.

Осуществленный нами опрос и результаты подобных исследованийпоказали, что современные школьники и студенты (45%) обращаются к сетевой литературе. В то же время примерно только 5% школьников и 15% студентов полностью доверяют интернету; в основном, школьники и студенты предпочитают пользоваться информацией из сети интернет и печатной продукцией (до 30%).

Среди предпочитаемых видов сетевой литературы студенты назвали (в порядке убывания выбора) художественную прозу, научную, научно-популярную, учебно-методическую, поэзию. В общем ряду студентами выделены произведения художественной литературы (10%). Анализ показывает, что это как произведения классики, так и, зачастую, произведения именно сетевых авторов, которые не всегда имеют печатные аналоги.

Выбор других источников информации определяется, на наш взгляд, доступностью материалов и скоростью получения необходимой информации для решения учебных и учебно-исследовательских задач. Причем, скорость получения информации является более предпочитаемой для школьников (25%), выбор студентов (20%) определяется необходимостью подготовки к учебным занятиям. Хотя, на наш взгляд, и в случае студенческого выбора фактор экономии временина поиск и обработку информации имеет большое значение.

Мотивация выбора сетературыопределяется прежде всего целевой направленностью обучающихся. Особо мы выделили две характеристики мотивации, обозначенные студентами: «Удобно. Модно. Молодежно!» и «Полностью зависимы от сети интернет!».

Естественно, возникает вопрос: как педагогическому сообществу реагировать на это? Как рассматривать данную тенденцию: как угрозу традиционной литературе в виде книги? Как возможность изменения образовательного процесса? Вопросов здесь может быть много. Решений тоже. Вплоть до абсурдных в виде запрета скачивания материалов и представления их как результата поиска обучающимся, обязательного рукописного конспектирования печатных изданий и т. п.

Представляется, что поиск ответов на вопросы должен быть связан, прежде всего, с пониманием и принятием этого явления как данности, а так же с педагогически выстроенной работой по использованию сетературы, всех ее образовательных возможностей.Эти возможности заключаются в том, что сетература:

- позволяет разнообразить формы учебной и внеурочной работы;
- способствует развитию творческого потенциала личности (когда школьник или студент включается в процесс совместного творчества);
- позволяет экономить время для поиска и обработки информации;
- расширяет границы учебного взаимодействия;
- позволяет проводить совместные исследования и оформлять их результаты в совместные труды, исключая дублирование;
- предоставляет возможность немедленного включения текста в процесс учебной коммуникации и др.

И в завершении, несмотря на всю спорность такого явления, как сетература, обратимся к словам классика литературы В. Гюго: «Ничто на свете, даже все армии мира, не могут остановить идею, время которой пришло». Видимо, сейчас пришло время сетературы. В наших возможностях сделать ее также, как и традиционные издания, достоверной, высокохудожественной и научной, в зависимости от того или иного жанра. Тем более, весьма обнадеживает тот факт, что школьники и студенты считают, что сетература не сможет полностью заменить печатные книжные издания.

Библиографический список

1. Альтернативная культура. Энциклопедия. URL: http:// alternative_culture.academic.ru/109/ Сетература

2. Андреев А. CETERAтура как ее NET: От эстетики Хэйана до клеточного автомата – и обратно // Сетевая словесность. 1998; URL: http://www.litera.ru/slova/andreev/setnet/

3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Перевод О. А. Печенкина. Тула, 2013.

4. Рябов Г. Теория сетературы: http://www.netslova.ru/ryabov/setetura.html

5. Сетература: замена печатным изданиям? (Рижская Гимназия «Золитуде»). URL: http://www.myshared.ru/slide/127643/

6. Шавель А. Роль Интернета в развитии современной литературы. Минск, 2010.

Сведения об авторах

Амбарцумян Алина Артуровна – Россия, г. Краснодар, Краснодарский государственный институт культуры, информационно-библиотечный факультет. студент, e-mail: ambermoon999@outlook.com

Андрющенко Ольга Константиновна – Республика Казахстан, г. Павлодар, Павлодарский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, вице-декан высшей школы гуманитарных наук, e-mail: Olga_pav_pgpi@mail.ru

Артамонова Ирина Валерьевна – Россия, г. Москва, Институт международного права и экономики имени А. С. Грибоедова, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики и литературы факультета журналистики, e-mail: littleby@mail.ru

Башкирцева Оксана Анатольевна – Россия, г. Иркутск, Иркутский национальный исследовательский технический университет», кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общеобразовательных дисциплин, e-mail: oksana9999@mail.ru

Богатырев Арсений Владимирович – Россия, г. Тольятти, кандидат исторических наук, независимый исследователь, E-mail: e-mail: sob1676@yandex.ru

Бушев Александр Борисович – Россия, г. Тверь, Тверской государственный университет, кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью, доктор филологических наук, профессор кафедры международных отношений

Васильева Оксана Юрьевна – Россия, г. Омск, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, кандидат филологических наук, доцент, e-mail: vasilyeva_oksa@mail.ru

Вафеев Равиль Айсович – Республика Казахстан, г. Павлодар, Павлодарский государственный педагогический университет, доктор филологических наук, профессор, e-mail: nazym.1974@mail.ru

Ведерникова Наталья Александровна – Россия, г. Тобольск, Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета, гуманитарный факультет, студент, e-mail: nata61299@mail.ru

Высторопец Екатерина Васильевна – Россия, г. Тобольск, Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета, гуманитарный факультет, студент, e-mail: evystoropetsv@yandex.ru

Выхрыстюк Маргарита Степановна – Россия, г. Тобольск, Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета, гуманитарный факультет, доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования, e-mail: margaritavv@mail.ru

Гайнуллина Ариана Докуевна – Россия, г. Тобольск, Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета, гуманитарный факультет, студент, arianaumalatovaone@gmail.com

Гейко Наталья Романовна – Республика Казахстан, г. Костанай, Костанайский филиал ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», старший преподаватель кафедры филологии, e-mail: charmsmile2009@mail.ru

Глухих Наталья Владимировна – Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и методики обучения русскому языку, e-mail: gluhihnv@cspu.ru

Демидкина Екатерина Александровна – Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет, Кандидат филологических наук, доцент, e-mail: demmidkina@yandex.ru

Дмитриева Татьяна Валерьевна – Россия, г. Самара, Самарский национальный исследовательский университет им. Академика С. П. Королёва, магистрант, e-mail: chigik_009@mail.ru

Довгаленко Наталья Владимировна – Россия, г. Саратов, Саратовский государственный технический университет им. Ю. А. Гагарина, кандидат философских наук, доцент, e-mail: dovgal30@rambler.ru

Жгулева Юлия Александровна – Россия, г. Тюмень, Тюменский государственный университет, магистрант, e-mail: zhgulial@bk.ru

Дячок Артём Нафисович – Россия, г. Тобольск, Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета, гуманитарный факультет, студент, e-mail: arti_ni@bk.ru

Жужгина-Аллахвердян Тамара Николаевна – Украина, г. Бахмут, Горловский институт иностранных языков (филиал) «Донбасского государственного педагогического университета, доктор филологических наук, профессор кафедры французского и испанского языков, e-mail: allahverdian.tamara@rambler.ru

Заварзина Виктория Александровна – Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный университет, магистрант, e-mail: zva0604@yandex.ru

Зензеря Ирина Викторовна – Россия, г. Новосибирск, Новосиирский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент, e-mail: zenzerja@rambler.ru

Каргина Анна Петровна – Россия, г. Петропавловск-Камчатский, Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии, e-mail: annakarg@mail.ru

Кемпель Екатерина Владимировна – Россия, г. Тобольск, Тобольский педагогический институт им. Д.И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета, гуманитарный факультет, студент, e-mail: nata61299@mail.ru

Клещина Дарья Андреевна – Россия, г. Тверь, Тверской государственный университет, аспирант, e-mail: marionetten@ya.ru

Кривчиков Никита Евгеньевич – Россия, г. Иркутск, Иркутский Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, студент, e-mail: oksana9999@mail.ru

Мамедова Кенуль Абульфаз кызы – Азербайджан, г. Баку, Бакинский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент, кафедры арабского языка, e-mail: naznar82@gmail.com

Нагорная Дарья Александровна – Россия, г. Тобольск, Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета, гуманитарный факультет, студент, e-mail: tarie.na@mail.ru

Миронова Александра Анатольевна – Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, доктор филологических наук, доцент, кафедры русского языка и методики обучения русскому языку, e-mail: amiron_rus@mail.ru

Онина Софья Владимировна – Россия, г. Ханты-Мансийск, Югорский государственный университет, кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, e-mail: oninaS@yandex.ru

Орлова София Владимировна – Россия, г. Тобольск, Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета, гуманитарный факультет, студент, e-mail: nata61299@mail.ru

Первозванский Роман Ильич – Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет, студент, e-mail: romanpervozvan@mail.ru

Петрова Татьяна Александровна – Россия, г. Тобольск, Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент, учитель русского языка и литературы МАО «СОШ № 16» г. Тобольска, e-mail: t_a_pervova@mail.ru

Петрухина Анастасия Владимировна – Россия, г. Тюмень, Тюменский государственный медицинский университет, кандидат филологических наук, доцент, e-mail: kosivets@mail.ru

Прокофьева Виктория Юрьевна – Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры медиакоммуникационных технологий, e-mail: vicproc@rambler.ru

Пудовкина Полина Петровна – Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, студент направления подготовки бакалавриата «Реклама и связи с общественностью», e-mail: t-sasha@inbox.ru

Рыбкина Дарья Павловна – Россия, Владивосток, Дальневосточный Федеральный университет, магистрант, e-mail: dashulya.ars@mail.ru

Сергеева Вера Александровна – Россия, г. Тобольск, Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева (филиал) Тюменского государственного университета, гуманитарный факультет, студент, e-mail: frau-verunka@yandex.ru

Симашко Татьяна Васильевна – Россия, г. Северодвинск, Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова» в г. Северодвинске Архангельской обл., доктор филологических наук, профессор кафедры общего и германского языкознания, e-mail: simashkotv@yandex.ru

Снигирёва Ирина Сергеевна – Россия, г. Курган, Курганский государственный университет, Гуманитарный институт, магистрант кафедры русской и зарубежной филологии, e-mail: https://vk.com/irinasnigireva

Смаков Аскар Сюгалиевич – Россия, г. Сургут, Сургутский государственный педагогический университет, преподаватель кафедры лингвистического образования и межкультурной коммуникации, e-mail: askarsurgut@mail.ru

Соколянская Наталья Николаевна – Россия, г. Магадан, Северо-Восточный государственный университет, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии и журналистики, e-mail: nata_sokol@mail.ru

Солдатова Наталья Геннадьевна – Россия, г. Саранск, МОУ «Лицей № 7», учитель русского языка и литературы, Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева аспирант кафедры русского языка и методики преподавания русского языка, e-mail: natasha-borovkova@mail.ru

Суюнова Гульнара Сейльбековна – Республика Казахстан, г. Павлодар, Павлодарский государственный педагогический университет, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, e-mail: suynova_gula@mail.ru

Текжанов Кайрат Мухамедхафизович – Республика Казахстан, г. Павлодар, Павлодарский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент, проректор по учебно-методической работе и новым технологиям, e-mail: suynova_gula@mail.ru

Тенекова Александра Михайдовна – Россия, Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, кандидат педагогических наук, доцент кафедры медиакоммуникационных технологий, e-mail: t-sasha@inbox.ru

Ткаченко Александра Сергеевна – Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет, магистрант, e-mail: tkachenkosasha2@rambler.ru

Трофимова Ольга Викторовна – Россия, г. Тюмень, Тюменский государственный университет, Социально-гуманитарный институт, доктор филологических наук, профессор кафедра русского языка, e-mail: otrofim@rambler.ru

Хамидуллина Юлия Александровна – Россия, г. Тюмень, Тюменский государственный университет, Социально-гуманитарный институт, доктор филологических наук, Студент IV курса направления «Филология», e-mail: otrofim@rambler.ru

Уланович Оксана Ивановна – Республика Беларусь, г. Минск, Беларусский государственный университет, доцент кафедры теории и практики перевода факультета социокультурных коммуникаций, e-mail: oksana.ulanovich@mail.ru

Ульяницкая Любовь Александровна – Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет им. В. И. Ульянова, кандидат филологических наук, ассистент кафедры иностранных языков, e-mail: ulianitckaia_liubov@mail.ru

Федотова Дарья Юрьевна – Россия, г. Тобольск, Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук, младший научный сотрудник; Тюменский государственный университет (филиал) Тобольский педагогический институт, кафедра филологического образования, аспирант, e-mail: dashulya-23@bk.ru

Шушарина Ирина Анатольевна – Россия, г. Курган, Курганский государственный университет, гуманитарный институт, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной филологии, e-mail: venedy@mail.ru

Юзбашев Вюсал Исфендияр оглы – Баку, Азербайджан, Бакинский государственный университет, преподаватель кафедры иранской филологии, e-mail: vusalyuzbashyev@mail.ru

Яркова Татьяна Анатольевна – Россия, г. Тобольск, Тюменский государственный университет (филиал) Тобольский педагогический институт, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики, психологии и социального образования, e-mail: t.a.yarkova@utmn.ru

Ответственный редактор: *М. С. Выхрыстюк*
Технический редактор: *Т. Ю.Никитина*
Оформление и верстка *Е. Сунцова*

Дата подписания к использованию: 10.11.2020
Объем издания: 3,8 Мб. Комплектация: 1 электрон. опт. диск (CD-R)
Тираж 7 экз.

Издательство АНО ДПО «Межрегиональный центр
инновационных технологий в образовании»
610047, г. Киров, ул. Свердлова, 32а, пом. 1003
Тел.: 8-800-222-30-98
https://mcito.ru/publishing; e-mail: book@mcito.ru

ISBN 978-5-907293-72-4